

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Челябинский государственный университет»

Главный редактор

Таскаев Сергей Валерьевич — доктор физико-математических наук, доцент
(Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия);
ORCID: 0000-0001-6352-2816; **Scopus Author ID:** 55886287900;
ResearcherID: AAU-9890-2021

Ответственный секретарь

Саломатова Оксана Ивановна
(Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Болдырев Николай Николаевич, доктор филологических наук, профессор (Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, Россия); **Бубнов Юрий Александрович**, доктор философских наук (Воронежский государственный университет, Россия); **Голованова Елена Иосифовна**, доктор филологических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Желтухина Марина Ростиславовна**, доктор филологических наук, профессор (Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Россия); **Качалов Роман Михайлович**, доктор экономических наук, профессор (Центральный экономико-математический институт РАН, Россия); **Невелев Анатолий Борисович**, доктор философских наук, профессор (Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия); **Нижегородцев Роберт Михайлович**, доктор экономических наук (Институт проблем управления РАН, Россия); **Питина Светлана Анатольевна**, доктор филологических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Попов Евгений Васильевич**, доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН (Уральский институт управления — филиал РАНХиГС, Россия); **Эндер Демир**, Университет Рейкьявика (Рейкьявик, Исландия); **Ж. Ришар**, PhD, профессор (Университет Париж-Дофин, Франция); **Роберт Филлипсон**, PhD, почетный профессор (Копенгагенская школа бизнеса, Дания).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ НАУЧНОГО НАПРАВЛЕНИЯ

Е. В. Шелестюк, доктор филологических наук, доцент, председатель редакционной коллегии (Челябинск); **Е. И. Минина**, кандидат филологических наук, заместитель председателя редакционной коллегии (Челябинск); **Е. Н. Бекасова**, доктор филологических наук, профессор (Оренбург); **Н. Н. Болдырев**, доктор филологических наук, профессор (Тамбов); **Т. В. Борисенко**, кандидат филологических наук (Челябинск); **Г. К. Валеев**, кандидат филологических наук, доцент (Челябинск); **Т. А. Воронцова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **Е. И. Голованова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **С. Ю. Двинина**, кандидат филологических наук (Челябинск); **М. Р. Желтухина**, доктор филологических наук, профессор (Волгоград); **М. В. Загидуллина**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **Л. А. Месеняшина**, доктор педагогических наук, профессор (Челябинск); **А. А. Миронова**, доктор филологических наук, доцент (Челябинск); **Л. А. Нефёдова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **Н. С. Олизько**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **С. А. Питина**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **О. Ю. Редькина**, кандидат филологических наук (Челябинск); **Ал. А. Селютин**, кандидат филологических наук, доцент (Челябинск); **А. А. Селютин**, кандидат филологических наук, доцент (Челябинск); **Е. М. Хакимова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **Т. В. Чернышова**, доктор филологических наук, профессор (Барнаул); **Марьям Шафаги**, кандидат филологических наук (Университет имени Алламе Табатабаи, Иран); **Маджид Эстири**, кандидат филологических наук (Государственный университет Гонбад-Кавус, Иран).

Журнал включен в перечень рецензируемых научных журналов,
утвержденный ВАК Минобрнауки РФ, по отраслям:
экономические науки, филологические науки, философские науки.
Издание включено в базы данных: UlrichsWeb Global Serials Directory;
EBSCO's research collections.

Журнал выходит 12 раз в год

Адрес издателя:
Россия, 454001, Челябинск,
ул. Братьев Кашириных, 129

Адрес редакции:
Россия, 454001, Челябинск,
ул. Братьев Кашириных, 129

Адрес редакции научного
направления
«Филологические науки»:
Россия, 454084, Челябинск,
пр. Победы, 162-в
Тел.: (351) 799-70-26
e-mail: russlang@csu.ru

С требованиями к оформлению
статей можно ознакомиться на сайте
[http://journals.csu.ru/index.php/
BulletinCSU](http://journals.csu.ru/index.php/BulletinCSU)

Редакция журнала может
не разделять точку зрения авторов
публикаций

Ответственность за содержание
статей и качество перевода аннотаций
несут авторы публикаций

Журнал зарегистрирован
в Роскомнадзоре.
Свидетельство ПИ № ФС77-66312
от 01.07.2016 г.

Индекс 33077
в каталоге «Пресса России»

Корректурa *С. В. Ястребовой*
Верстка *С. В. Ястребовой*

Подписано в печать 27.10.25.
Выход в свет 07.11.25.
Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 20,9.
Уч.-изд. л. 18,0.
Тираж 500 экз. Заказ 679.
Цена свободная

Отпечатано:
Издательство Челябинского
государственного университета
Россия, 454021, Челябинск,
ул. Молодогвардейцев, 576

ISSN 1994-2796 (print)

ISSN 2782-4829 (online)

doi 10.47475/1994-2796

ACADEMIC
PERIODICAL

Founded in 1991

№ 9 (503) 2025

FOUNDER

Chelyabinsk State University (CSU)

Editor-in-chief

S. V. Taskaev, Dr. Sci. (Physics and Mathematics), Prof. (Assoc.)

Executive secretary

O. I. Salomatova

EDITORIAL COUNCIL

N. N. Boldyrev, Dr. Sci. (Philology), Prof. (G. R. Derzhavin Tambov State University, Russia); **Yu. A. Bubnov**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Voronezh State University, Russia); **E. I. Golovanova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk State University, Russia); **M. R. Zheltukhina**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Volgograd State Socio-Pedagogical University, Russia); **R. M. Katchalov**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Central Economics and Mathematics Institute of RAS, Russia); **A. B. Nevelev**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Chelyabinsk State University, Russia); **R. M. Nizhegorodtsev**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Institute of Control Sciences of RAS, Russia); **S. A. Pitina**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk State University, Russia); **E. V. Popov**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Corresponding Member of RAS (Ural Institute of Management — branch of RANEP, Russia); **E. Demir**, PhD, University of Reykjavik (Reykjavik, Iceland); **J. Richard**, PhD, Prof. (Paris-Dauphine University, France); **R. Phillipson**, PhD, Prof. Emer. (Copenhagen Business School, Denmark).

EDITORIAL BOARD OF SCIENTIFIC DIRECTION

E. V. Shelestyuk, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.), Chairperson of Editorial Board (Chelyabinsk); **E. I. Minina**, Cand. Sci. (Philology), Deputy Chairperson of Editorial Board (Chelyabinsk); **E. N. Bekasova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Orenburg); **N. N. Boldyrev**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Tambov); **T. V. Borisenko**, Cand. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **G. K. Valeev**, Cand. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **T. A. Vorontsova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **E. I. Golovanova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **S. Yu. Dvinina**, Cand. Sci. (Philology) (Chelyabinsk); **M. R. Zheltukhina**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Volgograd); **M. V. Zagidullina**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **L. A. Mesen-yashina**, Dr. Sci. (Pedagogical), Prof. (Chelyabinsk); **A. A. Mironova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **L. A. Nefedova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **N. S. Olizko**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **S. A. Pitina**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **O. Yu. Redkina**, Cand. Sci. (Philology) (Chelyabinsk); **Al. A. Selyutin**, Cand. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **A. A. Selyutin**, Cand. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **E. M. Khakimova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **T. V. Chernyshova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Barnaul); **M. Shafaghi**, Cand. Sci. (Philology) (Allameh Tabataba'i University, Tehran, Iran); **M. Estiri**, Cand. Sci. (Philology) (Gonbad Kavous University, Iran).

The journal is published
12 times per year

Address of Publisher:
129 Bratiev Kashirinykh St.,
Chelyabinsk, 454001, Russia

Editorial office's address:
129, Bratiev Kashirinykh St.,
Chelyabinsk, 454001, Russia

"Philological Sciences" editorial
office's address:

162v, Prospect Pobedy,
Chelyabinsk, 454084, Russia
Telephone: + 7(351) 799-70-26
e-mail: russlang@csu.ru

All the requirements
are available on the web-site
<http://journals.csu.ru/index.php/BulletinCSU>

The Editorial Board may not share
the views of the authors

Authors are responsible
for the article content and quality
of annotations' translation

Academic periodical
is registered
in Federal Supervision Agency
for Information Technologies and
Communications
Certificate III № ФЦ77-66312
dated 01.07.2016

Index 33077
in the "Press of Russia" catalog

Proofreader *S.V. Yastrebova*
Imposition by *S.V. Yastrebova*

Approved for printing 27.10.25.
Date of publication 07.11.25.
Format 60×84 1/8. Litho paper.
Font Times.
Conventional print. sh. 20,9.
Ac.-publ. sh. 18,0.
Circulation 500 copies.
Order 679. Open price

The journal is included into the list of peer-reviewed journals, approved
by the State Commission for Academic Degrees and Titles of the Ministry
of Education and Science of the Russian Federation, in the following branches
of knowledge: Economic Sciences, Philological Sciences, and Philosophical Sciences.

This journal is currently listed in: UlrichsWeb Global Serials Directory;
EBSCO's research collections.

Printed:
Publishing Office
of Chelyabinsk State University
57b Molodogvardeitsev St.,
Chelyabinsk, 454021, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

ПСИХОЛИНГВИСТИКА, ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА

- Хэ Яньян.** Лингвистическая относительность и сравнительный лингвокультурологический анализ: методологические противоречия в исследованиях Б. Л. Уорфа и А. Вежбицкой 7

ДИСКУРСИВНАЯ И ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ

- Бабина О. И., Силкина О. М.** Культурно-образовательный потенциал регионально-ориентированного цифрового двуязычного словаря культурного наследия 17
- Минина Е. И.** О создании толкового словаря спортивных терминов. 27

АНАЛИЗ ЯЗЫКА И ДИСКУРСА В КОГНИТИВНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ

- Кислякова Е. Ю., Маджаева С. И.** Дискурсивная картина мира *freelancing* в деловой коммуникации 33
- Кламер И. Е.** Концептуальные метафоры как средства моделирования образа будущего в российском политическом дискурсе. 42
- Шелестюк Е. В., Харитонова З. А.** Когнитивные механизмы, лежащие в основе семантических изменений древних лексем (на примере русского и английского языков) 51
- Ширшиков В. Б.** Лингвокогнитивный анализ образа «Абу-бандит» на основе контента телеграм-канала «Многонационал» 63

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА, ФРАЗЕОЛОГИЯ, КОРПУСНЫЙ АНАЛИЗ

- Малханова Л. М., Бардамова Е. А.** Семантика наречия «завтра»: корпусный анализ 72
- Ци Ван, Волошина Т. Г.** Сопоставительный анализ лексико-семантических особенностей фразеологизмов с компонентом-бионимом в русском и английском языках. 82
- Ян Шуфань.** Способы трансформации фразеологизмов (на примере оборотов с глаголами «делать» и «сделать») 93

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ, ТОПОНИМИКА

- Питина С. А., Таскаева А. В.** Социально-культурные тенденции и особенности коммеморации в локальной топонимии (на примере топонимов Челябинска) 99

АНАЛИЗ ДИСКУРСА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ ДИДАКТИКА

- Галушко Т. Г., Зайцева Н. Ю.** Антропологический поэтический дискурс как основа развития эстетического интеллекта. 107
- Голованова Е. И., Дубровская Д. В.** Заголовок как отражение эпистемической позиции автора: стилистические особенности научных работ М. В. Панова и В. В. Виноградова 117

Мартынова Е. М. Лингвистические стратегии репрезентации шторма в морском нарративе (на материале произведений К. М. Станюковича, В. С. Пикуля, В. В. Конецкого)	126

МЕИАЛИНГВИСТИКА, БРЕНДИНГ

Сотникова Е. С., Мамонова Н. В. Лингвокогнитивные механизмы брендинга Челябинского государственного университета в медиадискурсе (на материале интернет-публикаций в СМИ)	135

ПРАГМАЛИНГВИСТИКА, АНАЛИЗ ИНТЕРАКЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА

Иванова С. В. Типология критики в жанре театрального интернет-отзыва: между вежливостью и невежливостью	144
Погорелко А. М., Герасина Т. Н. Языковая оценка экономической ситуации как фактор массового речевого воздействия	153

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ЛИНГВОДИДАКТИКЕ

Двинина С. Ю. Анализ сгенерированных текстов как активация креативного и критического мышления у магистрантов-филологов	163

ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ, ЭКОЛОГИЯ ПЕРЕВОДА

Фоменко Е. А. Особенности восприятия текста иноязычным реципиентом: моделирование экологичной рецепции перевода.	173

CONTENTS

PSYCHOLINGUISTICS, PHILOSOPHY OF LANGUAGE

- He Yangyang.*** Linguistic Relativity and Comparative Linguocultural Analysis: Methodological Contradictions in the Research of B. L. Whorf and A. Wierzbicka 7

DISCURSIVE AND TERMINOLOGICAL LEXICOGRAPHY

- Babina O. I., Silkina O. M.*** Cultural and Educational Potential of a Regional Bilingual Digital Dictionary of Cultural Heritage 17
- Minina E. I.*** On the Creation of an Explanatory Dictionary of Sports Terms 27

ANALYSIS OF LANGUAGE AND DISCOURSE IN COGNITIVE-LINGUISTIC METHODOLOGY

- Kislyakova E. Y., Madzhaeva S. I.*** View on *Freelancing* in Business Communication Discourse 33
- Klamer I. E.*** Conceptual Metaphors as Means of Modelling the Image of the Future in the Russian Political Discourse 42
- Shelestyuk E. V., Kharitonova Z. A.*** Cognitive Mechanisms Underlying Semantic Changes in Ancient Lexemes (using Russian and English Examples) 51
- Shirshikov V. B.*** A Linguo-Cognitive Analysis of the Image “Abu-bandit” Based on the Content of the Telegram Channel “Mnogonatsional” 63

LEXICAL SEMANTICS, PHRASEOLOGY, CORPUS ANALYSIS

- Malkhanova L. M., Bardamova E. A.*** Semantics of the Adverb “Tomorrow”: Corpus Analysis 72
- Wang Qi, Voloshina T. G.*** Comparative Analysis of Lexical and Semantic Features of Idioms With a Bionym Component in Russian and English 82
- Yang ShuFan.*** Ways to Transform Phraseological Units (Using the Example of Phrases with the Verbs “To Do” and “To Make”) 93

LINGUOCULTURAL STUDIES, TOPONYMY

- Pitina S. A., Taskaeva A. V.*** Social and Cultural Tendencies and Memorial Practices in Local Toponymy (on the Example of Chelyabinsk Street Names) 99

DISCOURSE ANALYSIS, LITERARY DIDACTICS

- Galushko T. G., Zaytsev N. Yu.*** Anthropological Poetic Discourse as the Foundation for the Development of Aesthetic Intelligence 107
- Golovanova E. I., Dubrovskaya D. V.*** Academic Titles as Mirrors of Epistemic Stance: A Stylistic Analysis of Works by M. V. Panov and V. V. Vinogradov 117
- Martynova E. M.*** Linguistic Strategies of Storm Representation in the Marine Narrative (Based on the Works of K. M. Stanyukovich, V. S. Pikul, V. V. Konetsky) 126

MEDIALINGUISTICS, BRANDING

- Sotnikova E. S., Mamonova N. V.*** Linguacognitive Mechanisms of Chelyabinsk State University
Branding in Mediadiscourse (Based on Mass Media Internet Publications) 135

PRAGMALINGUISTICS, INTERACTIONAL DISCOURSE ANALYSIS

- Ivanova S. V.*** Typology of Criticism in the Genre of a Theatrical Internet Review:
Between Politeness and Impoliteness 144
- Pogorelko A. M., Gerasina T. N.*** Language Evaluation of Economic Conditions
as Verbal Mass Impact Factor 153

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN LINGUODIDACTICS

- Dvinina S. Yu.*** Analysis of Generated Texts as an Activation of Creative and Critical Thinking
In Philology Master's Students 163

TRANSLATION STUDIES, ECOLOGY OF TRANSLATION

- Fomenko E. A.*** Features of Text Perception by a Foreign Recipient: Modeling Ecological
Reception of Translation 173

Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 9 (503). С. 7–16.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2025;9(503):7-16.

Научная статья

УДК 81-11+81-13

DOI: 10.47475/1994-2796-2025-503-9-7-16

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ОТНОСИТЕЛЬНОСТЬ И СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ В ИССЛЕДОВАНИЯХ Б. Л. УОРФА И А. ВЕЖБИЦКОЙ

Хэ Яньян

Хэйлунцзянский университет, Харбин, Китай, 2022005@hlju.edu.cn, ORCID: 0009-0000-1071-8874

Аннотация. Вопрос взаимосвязи языка и мышления породил два метода исследования: лингвистическую относительность и сравнительный лингвокультурологический анализ. Однако в научной литературе нередко наблюдается их смешение. Актуальность исследования заключается в необходимости чёткого разграничения данных методов и доказательства их принципиальных различий. На примере концепций Бенджамина Ли Уорфа (основоположника гипотезы лингвистической относительности) и Анны Вежбицкой (представителя сравнительного лингвокультурологического анализа) проведён сопоставительный анализ их теоретических и методологических контрастов. Это позволило выявить, как каждый метод объясняет взаимосвязь языка и мышления и какие методы используются в соответствующих исследованиях. Новизна работы состоит в трёх аспектах: 1) системное разграничение постулатов лингвистической относительности и сравнительного лингвокультурологического анализа; 2) выявление ключевых различий между методами на конкретных примерах; 3) определение языковых универсалий, подходящих для подтверждения влияния языка на мышление в рамках гипотезы лингвистической относительности. Результаты показали, что оба метода разделяют базовый тезис о неразрывной связи языка и концептуального мышления: без языка человеческое мышление не может существовать как концептуальное явление. Однако между ними существуют принципиальные различия в понимании роли культуры. Лингвистическая относительность сосредотачивается на грамматических конструкциях и языковых шаблонах, демонстрируя их влияние на мировоззрение и когнитивные процессы. В свою очередь, сравнительный лингвокультурологический анализ подчёркивает влияние языка на мышление через специфику лексики и семантики, характерных для отдельных лингвокультурных групп. Лингвистическая относительность утверждает, что необходимо изучать влияние языка как универсальной системы (language) на мышление, а не влияние конкретного языка (a language) на определённое мышление или отдельных языков (languages) на отдельные формы мышления. Сравнительный лингвокультурологический анализ, напротив, обращает внимание на культурно-специфические языковые факты. Причина таких различий заключается в том, что лингвистическая относительность — это философская концепция, использующая языковые факты для доказательства влияния языка на мышление, тогда как сравнительный лингвокультурологический анализ представляет собой метод исследования языка, направленный на выявление его культурного и лингвистического разнообразия.

Ключевые слова: лингвистическая относительность, сравнительный лингвокультурологический анализ, Анна Вежбицкая, Бенджамин Уорф, семантический примитив

Финансирование. Исследование выполнено в рамках проекта Фонда философии и социальных наук провинции Хэйлунцзян (КНР) «Исследование метаязыка русско-англо-китайской экстренной коммуникации для глобальных общественных чрезвычайных ситуаций» (кит. 面向全球突发公共事件的俄英汉应急交际元语言研究) (22YUC338).

Для цитирования: Хэ Яньян. Лингвистическая относительность и сравнительный лингвокультурологический анализ: методологические противоречия в исследованиях Б. Л. Уорфа и А. Вежбицкой // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 9 (503). С. 7–16. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-503-9-7-16.

LINGUISTIC RELATIVITY AND COMPARATIVE LINGUOCULTURAL ANALYSIS: METHODOLOGICAL DIFFERENCES IN THE RESEARCH OF B. L. WHORF AND A. WIERZBICKA

He Yangyang

Heilongjiang University, Harbin, China, 2022005@hlju.edu.cn, ORCID: 0009-0000-1071-8874

Abstract. The question of the relationship between language and thought has given rise to two approaches: linguistic relativity and comparative linguocultural analysis. However, in the scientific literature these methods are often conflated. The relevance of this study lies in the necessity of clearly distinguishing between the two and demonstrating their fundamental differences. Using the concepts of Benjamin Lee Whorf (the founder of the hypothesis of linguistic relativity) and Anna Wierzbicka (a proponent of comparative linguocultural analysis) as examples, a comparative analysis of their theoretical and methodological contrasts has been conducted. This analysis reveals how each approach explains the interrelation between language and thought and which methods are employed in the respective studies. The novelty of the work consists of three aspects: 1) the systematic differentiation of the postulates of linguistic relativity and comparative linguocultural analysis; 2) the identification of key differences between the methods through concrete examples; 3) the determination of linguistic universals that can be used to substantiate the influence of language on thought within the framework of the linguistic relativity hypothesis. The results indicate that both approaches share the basic thesis of an inseparable connection between language and conceptual thought—that human thought cannot exist as a conceptual phenomenon without language. However, they diverge fundamentally in their understanding of the role of culture. Linguistic relativity focuses on grammatical constructions and language patterns, demonstrating their influence on worldview and cognitive processes, while comparative linguocultural analysis emphasizes the influence of language on thought through the specificity of vocabulary and semantics characteristic of particular linguocultural groups. Linguistic relativity posits that one must study the influence of language as a universal system on thought rather than the influence of a specific language on a particular mode of thought or of individual languages on specific forms of thought. In contrast, comparative linguocultural analysis draws attention to culturally specific linguistic facts. The reason for these differences is that linguistic relativity is a philosophical concept that employs linguistic facts to demonstrate the influence of language on thought, whereas comparative linguocultural analysis is a method of language research aimed at uncovering its cultural and linguistic diversity.

Keywords: linguistic relativity, comparative linguistic and cultural analysis, Anna Wierzbicka, Benjamin Whorf, semantic primes

Funding: This research is supported by the project of the Social Science Foundation of Heilongjiang Province of China: Research of the Russian-English-Chinese Emergency Communication Metalanguage for Global Public Emergencies (project number: 22YYC338).

For citation: He Yangyang. Linguistic Relativity and Comparative Linguocultural Analysis: Methodological Differences in the Research of B. L. Whorf and A. Wierzbicka. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(9(503):7-16. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-503-9-7-16.

Введение

Взаимосвязь между мышлением и языком является вечной темой дискуссий в философии, психологии и лингвистике. В истории сложились три основные точки зрения на эту проблему.

Первая точка зрения утверждает, что мышление не связано с языком, и они функционируют независимо друг от друга. Среди учёных, поддерживающих эту точку зрения, выделяется Стивен Пинкер (Steven Pinker), который считает, что язык — это инстинкт человека. «Язык не является продуктом культуры в большей степени, чем прямохождение» [10, с. 18]. Кроме того, «как только вы начинаете рассматривать язык не как невыразимую сущность человеческой уникальности, а

как биологическую адаптацию для передачи информации, его влияние на мышление перестаёт казаться таким заманчивым» [10, с. 19]. Пинкер предложил термин «язык мышления» (language of thought) и утверждает, что люди думают именно на этом языке, а не на английском, китайском или других естественных языках. Можно сказать, что Пинкер опровергает влияние языка и культуры на мышление. Инстинкт языка и универсальность языка мышления заставляют его отвергать язык как важный фактор в формировании мыслительных процессов. Последние исследования также поддерживают эту точку зрения. Например, Fedorenko E., Piantadosi S.T. & Gibson E.A.F. подчёркивают, что «для современных людей язык

является инструментом для общения, что противоречит распространённому мнению о том, что мы используем язык для мышления» [6, с. 575].

Вторая точка зрения заключается в том, что мышление частично связано с языком, только определённая его часть (то есть языковое мышление) зависит от языка. Однако существуют и другие типы мышления, которые независимы от языка. Советский лингвист Б. А. Серебренников утверждает, что существуют разные типы мышления, включая словесное мышление, невербальные формы мышления (образное, практическое мышление), редуцированное мышление и т. д. [4, с. 188]. Таким образом, он признаёт существование как мышления, на которое влияет язык, так и мышления, на которое язык не оказывает влияния. В модели порождения речи, предложенной Е. С. Кубряковой, мышление разделяется на мысли «в невербальном виде», «в вербальном виде» и «в смешанном виде» [2, с. 60], что показывает, что она также поддерживает такую компромиссную точку зрения.

Третья точка зрения заключается в том, что мышление определяется языком и формируется исключительно через него, без языка невозможно полноценное мышление. Эта идея находит своё выражение в работах Бенджамина Ли Уорфа (1897–1941), который известен своей гипотезой «лингвистической относительности», также называемой гипотезой Сепира-Уорфа. В рамках этой гипотезы со временем возникло важное направление исследования, называемое «сравнительным лингвокультурологическим анализом». Представителем этого направления является польско-австралийский лингвист Анна Вежбицкая, основательница школы естественно-семантического метаязыка (*Natural Semantic Metalanguage, NSM*), которая на сегодняшний день считается одной из самых влиятельных в данной области.

Что касается взаимосвязи «лингвистической относительности» и «сравнительного лингвокультурологического анализа», многие учёные полагают, что лингвистическая относительность служит предпосылкой для сравнительного лингвокультурологического анализа. Это справедливо, поскольку теоретическая база обеих концепций относительно взаимосвязи языка и мышления во многом совпадает: они признают неразрывность языка и мышления, утверждая, что полноценное мышление невозможно без языка. Однако в демонстрации влияния языка на мышление метод, основанный на лингвистической относительности, существенно отли-

чается от метода сравнительного лингвокультурологического анализа.

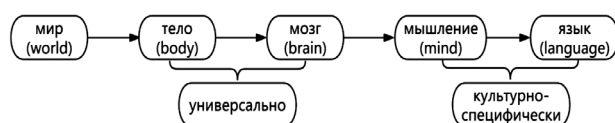
Разные цели исследования определяют выбор различных методов для изучения взаимосвязи языка и мышления. Лингвистическая относительность представляет собой форму лингвистической философии, сосредоточенную на том, каким образом и почему мышление формируется посредством языка, при этом языковые факты рассматриваются лишь как иллюстрация этой идеи. В то же время сравнительный лингвокультурологический анализ, опираясь на ту же философскую позицию, направлен на раскрытие богатства и разнообразия языков и культур, превращая языковые факты в конечный объект анализа. Однако в академической практике эти два метода часто переплетаются. Детальный анализ позволяет выявить существенные различия между лингвистической относительностью и сравнительным лингвокультурологическим анализом, что способствует более глубокому пониманию их представлений о взаимосвязи языка, мышления и культуры.

Противопоставление языкового детерминизма и культурной диалектики

Гипотеза лингвистической относительности утверждает: «Мы нарезаем природу на кусочки, организуем её в терминах концептов и наделяем эти концепты различными значениями. Эта нарезка и организация в значительной степени зависят от договора, то есть всё языковое сообщество, частью которого мы являемся, соглашается организовать природу таким образом и закодировать, и зафиксировать это в наших языковых шаблонах» [11, с. 213]. Этот отрывок также наводит на мысль о том, что язык навязывает своим пользователям набор правил для разделения реального мира, который является результатом соглашения, достигнутого языковым сообществом, и носит принудительный характер. Разумеется, это принуждение не закреплено в явной форме, оно имплицитно, и пользователи языка невольно подчиняются ему, даже не подозревая о его существовании. Именно таким образом язык формирует наше понимание мира, определяя границы того, что мы считаем возможным и допустимым. Эта скрытая сила языка влияет на наше мышление, создавая рамки, внутри которых развивается наше понимание действительности. Уорф не разделяет язык и мышление, полагая, что без языка мышление невозможно. Для него различия в языке непосредственно отражают различия в мышлении, между которыми отсутствует принципиальное различие.

Что касается культуры, то, как мы можем видеть, Уорф редко упоминал её. Это также отмечает С. Goddard [7, с. 412]. В основном он обсуждает взаимосвязь языка и мышления, а также разные языки и разные формы мышления, не оставляя пространства для культуры.

Вежбицкая принимает основную концепцию Уорфа и в рамках этой концепции развивает свою собственную. Общую концепцию Вежбицкой к взаимосвязи языка, мышления и культуры можно изложить следующим образом: все люди сталкиваются с одним и тем же физическим миром (*world*), получают информацию из него через органы чувств (*body*) и обрабатывают её с помощью мозга (*brain*). Эта обработанная информация формируется в сознании (*mind*), а затем выражается в языке. Процессы восприятия и обработки информации являются биологическими характеристиками, которые свойственны всему человечеству и универсальны для всех культур. Однако культурные различия влияют на характер мышления, что, в свою очередь, проявляется в лексике и грамматике различных языков. Этот процесс можно представить графически следующим образом:

Такое понимание отношения между миром, мышлением и языком является типичным и широко распространённым. Ниже приводится подробное объяснение этого процесса с ссылками на соответствующие упоминания в трудах Вежбицкой.

Человек живет в физическом мире: мы видим, слышим, обоняем и осязаем физический мир через глаза, уши, нос и руки соответственно. Органы тела являются связующим звеном между физическим миром и мозгом, так Lakoff & Johnson (1999) предлагают использовать понятие «воплощение» (*embodiment*) [9], подчеркивающее важность тела при формировании мышления. Органы чувств человеческого тела (глаза, уши, нос и руки), в свою очередь, напрямую связаны с мозгом. Информация, полученная этими органами чувств, поступает в мозг, где обрабатывается. По словам Вежбицкой, мозг является таким же биологическим устройством, как и органы чувств, а потому обработка информации мозгом универсальна. «Именно наш мозг, а не наш разум, формируется универсальной человеческой биологией» [13, с. 103]. То есть, Вежбицкая считает,

что культура не влияет на обработку информации мозгом.

Здесь необходимо уточнить, как определяется термин «культура» в сравнительном культурологическом анализе. В самом общем смысле культура обозначает «совокупность достижений человеческого общества в производственной, общественной и духовной жизни» [3, с. 479]. Однако в культурологии культура включает материальные и духовные ценности, выраженные в языковых знаках. Цель лингвокультурологии заключается в том, чтобы рассмотреть реальность определённого народа, которая отражается в языке. Это подтверждается исследованиями Анны Вежбицкой. Она ввела термин «культурный сценарий», который обозначает образ поведения, принятый в каком-либо языковом сообществе. Например, она считает, что важным культурным сценарием для России является «говорить правду» [15, с. 408], то есть русские предпочитают прямо выражать свои мысли при общении с другими. В то время как для англосаксов прямое выражение правды иногда может восприниматься как невежливость, и в случае необходимости они могут предпочесть «говорить невинную ложь» (*tell a white lie*). На наш взгляд, в данном контексте «культура» представляет собой определённые правила поведения, связанные с реальностью и историей народа.

Как было сказано ранее, мозг человека напрямую связан с мышлением, и именно «мышление» подвергается влиянию культуры. Информация концептуализируется в сознании, и на этот процесс концептуализации влияет конкретная культура. По словам Анны Вежбицкой, «наше мышление отчасти формируется нашей конкретной культурой» [13, с. 103]. Мы можем сделать вывод, что, по её мнению, разные культуры формируют различные модели мышления, которые, в свою очередь, отражаются в языковых знаках. Когда люди используют свой язык, они воспринимают модели мышления, присущие этому языку.

А что составляет содержание мышления? В представлении Вежбицкой, это концепты. Кстати, она определяет значение слов следующим образом: «Значение слов — это идеи, которые пользователь использует для их обозначения» [12, с. 7]. Здесь «идеи» можно рассматривать как «концепты». Таким образом, концепты функционируют как посредники между мышлением и языком. Концепты являются единицами как мышления, так и языковой системы. В качестве единиц мышления самым простым и универсальным

концептом являются семантические примитивы (*semantic primes*), а как единицы языковой системы семантические примитивы имеют чрезвычайно простые значения, не поддающиеся дальнейшему расщеплению; они существуют во всех языках мира.

В общем, Вежбицкая настаивает на сочетании универсальности и специфичности в механизмах мышления, то есть признает, что какая-то часть человеческого мышления является общей для всех людей, в то время как другие части подвержены культурному влиянию. Вежбицкая утверждает, что биологические характеристики человека определяют универсальность мышления, в то время как его социальные или культурные характеристики определяют его специфику. Способность различных человеческих этносов понимать друг друга и беспрепятственно общаться с помощью языка указывает на то, что определённые концепты универсально присутствуют в человеческом мышлении. Соответственно, она признает как существование культурно незатронутых универсальных смысловых или концептуальных компонентов языка, так и существование гораздо большего числа смысловых компонентов с культурной спецификой. Она предприняла попытку ответить на следующий вопрос: «В какой мере язык формируется «человеческой природой» и в какой степени на него влияет культура?» [14, с. 7].

Семантические примитивы являются универсальными элементами, присутствующими в концептуальных системах людей, а их проявления можно найти в различных языках. Эти примитивы представляют собой минимальные единицы как концептов, так и языковых значений. Более сложные концепты и значения возникают в результате комбинации этих семантических примитивов. Для того чтобы исследовать более сложные, специфичные для определённой культуры концепты, необходимо разложить их на составляющие семантические примитивы. Следует учитывать, что культурные различия отражаются в различных способах концептуализации, а разные способы концептуализации означают разные способы соединения семантических примитивов. Поэтому она объяснила многие культурно специфические концепты через семантические примитивы, что позволяет людям лучше понимать различия между ними.

В заключение, Уорф и Вежбицкая разделяют базовый тезис о неразрывной связи языка и мышления, утверждая, что язык формирует ког-

нитивные процессы. Однако их подходы демонстрируют принципиальные различия в понимании роли культуры. Уорф подчеркивает, что язык навязывает своим носителям скрытые правила восприятия реальности, которые определяют границы мышления. При этом культура в его концепции остаётся на периферии, уступая место прямому влиянию языка на мышление. В отличие от этого, Вежбицкая развивает более сложную модель, в которой универсальные биологические механизмы обработки информации (мозг) сочетаются с культурно обусловленными способами концептуализации (мышление). Она подчеркивает, что культура опосредует связь между языком и мышлением, формируя специфические модели восприятия и выражения. Таким образом, если Уорф акцентирует языковой детерминизм, то Вежбицкая предлагает диалектику универсального и культурно-специфического в когнитивных процессах, что делает её подход более комплексным и учитывающим многообразие культурных контекстов.

Противопоставление грамматического и лексического приоритета

Как мы уже говорили, Вежбицкая рассматривает различия в мышлении как основу для анализа различий языков, тогда как Уорф, напротив, опирается на языковые факты, чтобы объяснить различия в мышлении. Разные цели определяют их различные методологии по исследованию взаимосвязи языка и мышления. Их различия в методологии можно обобщить как диалектику грамматики и лексики.

Уорф предпочитает доказывать влияние языка на мышление через грамматические структуры, поскольку они более глубокие и стабильные, чем отдельные слова. «Каждый язык по-своему осуществляет это искусственное разбиение непрерывного потока существования. Слова и речь — это не одно и то же. Как мы увидим, шаблоны предложений, которые направляют слова, важнее самих слов» [11, с. 253]. Здесь шаблоны предложений в основном подразумевают грамматические структуры. Поскольку шаблоны предложений скрыты и неосознаваемы, люди не могут осознать их существование без специальных размышлений. Как показывает пример Уорфа, фразы: «Я держу это» (*I hold it*), «Я ударяю это» (*I strike it*) и «Я рву это» (*I tear it*) имеют очень похожие грамматические структуры. Люди привычно воспринимают «держать» (*hold*) как действие, потому что «ударять» (*strike*) и «рвать» (*tear*) обозначают действия. На самом деле, «держать» (*hold*)

обозначает не действие, а состояние. «Мы приписываем действие тому, что мы называем “держать”, потому что формула “существительное + глагол = субъект + его действие” является основополагающей в наших предложениях» [11, с. 262].

Как показывает Уорф, «мы все, не осознавая этого, проецируем языковые отношения конкретного языка на вселенную» [11, с. 262]. Здесь языковые отношения в основном обозначают грамматические отношения. Люди нередко обманываются грамматическими отношениями, ошибочно принимая их за отношения в действительности, как показывает пример «Я держу это» (*I hold it*). По сравнению со словами, грамматические отношения (структуры) более скрыты и не так легко заметны простым людям. Поэтому людям сложнее осознать, что мир, который они видят, принципиально отличается от мира, воспринимаемого другими людьми, говорящими на других языках. Если человек не выйдет за рамки своего родного языка, он, возможно, никогда не заметит таких различий.

Вежбицкая предпочитает доказывать, что в различных языках формируются разные образы мышления, опираясь на семантические факты (особенно лексико-семантические факты). Мы можем привести пример слов, обозначающих цвета, чтобы объяснить различия между сравнительным лингвокультурологическим анализом и лингвистической относительностью. Когда Вежбицкая исследует слова, обозначающие цвета, она акцентирует внимание на различных значениях этих слов в разных языках. Например, она утверждает, что слово «цвет» (*colour*) не является универсальным для всех языков мира, и поэтому не согласна с теорией Берлина и Кея, которая предполагала такие выводы, как: «во всех языках есть термины для понятий “белый” и “чёрный”», «если в языке есть три базовых цветообозначения, то третьим обязательно будет термин для понятия “красный”». По её мнению, в языке Warlpiri (одном из австралийских аборигенных языков) отсутствует слово, соответствующее английскому слову «цвет» (*colour*). Однако в Warlpiri есть такие слова, как *yalyu-yalyu* (буквально «кровь-кровь»), *yukuri-yukuri* (буквально «травы-травы») и *kunjuru-kunjuru* (буквально «дым-дым»). В этом языке нельзя задать вопрос «Какого это цвета?», вместо этого предпочитают спрашивать «Как это выглядит, когда люди видят его?», потому что в языке Warlpiri есть слово «see» (по теории Вежбицкой, «see» — это семантический примитив), которое тесно связано с обозначением цвета.

Вежбицкая предполагает, что в языке Warlpiri существует визуальная семантика, отличная от цветовой семантики в языках, где существует слово «цвет». Поэтому, с точки зрения Warlpiri, значение *kunjuru-kunjuru* можно интерпретировать так:

- a. Когда люди видят это, они могут воспринимать это таким образом:
- b. Это похоже на *kunjuru* [дым].
- c. Когда люди видят *kunjuru* где-то, они видят нечто подобное [16, с. 410].

Можно заметить, что акцент Вежбицкой заключается в выявлении различных языковых фактов в разных языках. С точки зрения лингвистической относительности акцент иной: язык влияет на то, как люди в самом широком смысле воспринимают цвет. Как отметил Цзян Гоуэй, «Красный цвет существует только в языке, в физическом мире человек не может его видеть» [18, с. 341]. В действительности мы видим лишь объекты разного цвета: красное яблоко, зелёную траву, синее небо и т. д. Более того, цвет — это также обозначение класса. В спектре света существуют мельчайшие оттенки, и ни в одном языке нет возможности дать каждому оттенку отдельное название. Красный цвет в нашем сознании объединяет множество разных нюансов, но когда люди видят эти оттенки, они воспринимают их все как красные. Это происходит потому, что язык направляет наше восприятие. Физический мир, который мы видим, — это не просто физическая реальность, а мир, созданный и структурированный языком.

Из примера слов, обозначающих цвета, мы также замечаем, что для Вежбицкой наличие или отсутствие слова в каком-то языке имеет большое значение. Проживая за границей в другой культурной среде, Вежбицкая испытывает беспомощность, когда не может свободно выразить свои мысли, так как в, казалось бы, схожих словах двух языков могут скрываться тонкие нюансы. Как отмечает Ева Хоффман, польско-американская писательница, на слова которой Вежбицкая часто ссылается: «Осознание отсутствия некоторых фрагментов языка немного беспокоит меня, как будто это отсутствие равняется отсутствию мира или мыслей, как будто мир и мысли синхронны с языком» [8, с. 217]. В общем, они не могут найти подходящие слова для выражения своих мыслей.

Конкретно говоря, если слово существует в каком-то языке, значит, люди, говорящие на этом языке, могут мыслить через это слово напрямую. А если слова нет, то люди не могут мыслить через

него прямо, но могут косвенно. Как было сказано выше, в языке Warlpiri нет слова, соответствующего английскому слову «цвет», значит, в их сознании нет такого концепта. Однако в их языке есть концепт «видеть», через который их восприятие и понимание так называемого слова «цвет» осуществляется. Согласно теории Естественного Семантического Метаязыка, 65 семантических примитивов присутствуют во всех языках мира, и все сложные и культурно-специфические понятия интерпретируются через семантические примитивы. Поэтому различия в содержании и образах мышления для Вежбицкой — это различия в способах комбинации семантических примитивов, а на уровне семантических примитивов мышление не различается. Таким образом, с одной стороны, люди, говорящие на Warlpiri, не могут прямо мыслить концепт «цвет», как это делают англоговорящие; с другой стороны, когда концепт «цвет» разлагается на семантические примитивы, люди, говорящие на английском языке, могут понимать его без препятствий.

Противопоставление универсальных и культурно-специфических языковых фактов

С точки зрения лингвистической относительности, чтобы доказать влияние языка на мышление, следует сосредоточиться на более универсальных языковых явлениях, присутствующих в разных языках мира. Как говорит Уорф: «Мы должны признать влияние языка на другие виды деятельности, как культурные, так и личные не столько в особых использованиях языка, сколько в его постоянных способах упорядочивания данных и повседневном анализе явлений» [11, с. 134–135].

Процесс речевого производства может служить таким примером. Универсальность биологического механизма человека определяет универсальность процесса формирования речи. Если мы сможем доказать влияние языка на мышление в процессе речевого производства, это станет аргументом в пользу существования такого влияния. Вопрос, на который мы должны ответить, заключается в следующем: какова роль языка в отношении мышления в процессе речевого производства?

Предположим, что смыслы, которые ещё не облечены в языковые оболочки, не могут считаться мыслями, а мысли, в свою очередь, являются результатом процесса мышления. Когда мы говорим, у нас сначала возникают смыслы — они субъективны, неясны и существуют только в сознании говорящего, оставаясь непонятными для

других. Чтобы эти субъективные смыслы стали понятными для окружающих, говорящему необходимо найти подходящие языковые оболочки, а посредником между смыслами и языковыми оболочками является значение этих оболочек. Как указывает Л. С. Выготский, «значение опосредует мысль на её пути к словесному выражению» [1, с. 314].

Значения этих оболочек устанавливаются языковым сообществом. Для того чтобы выразить свои мысли, говорящий вынужден преобразовать свои субъективные смыслы в объективные значения языковых знаков. Когда мы говорим, что значения объективны, мы подразумеваем, что они понятны всем членам языкового сообщества. Этот процесс можно рассматривать как универсальный для всех народов, говорящих на разных языках. Здесь не затрагиваются конкретные языки, и, если наша гипотеза окажется верной, это станет весомым аргументом в подтверждение влияния языка на мышление.

Отношение между мыслью и языком можно сравнить с отношением между водой и сосудом: вода текучая и не имеет собственной формы, она принимает форму лишь тогда, когда её помещают в определённый сосуд. Без этого сосуда не может существовать определённая форма воды. Однако важно уточнить несколько ключевых моментов. Прежде всего, до появления языка нельзя говорить о настоящем мышлении в полном смысле этого слова. То, что можно назвать «мышлением» до языка, представляет собой скорее интуитивное ощущение или личное восприятие. Вода, находящаяся вне сосуда, действительно сохраняет свои физические свойства, однако она не имеет формы. Аналогично и «мышление» до появления языка — это лишь некая неоформленная субстанция. С появлением языка мышление принимает «форму» — становится организованным и понятным не только индивиду, но и другим людям. Язык играет роль сосуда, который придаёт мышлению форму, делая его определённым и доступным для коммуникации. Таким образом, без языка невозможно существование концептуального мышления, подобно тому, как невозможно говорить о конкретной форме воды без сосуда.

Другим примером может служить тот факт, что каждое слово символизирует класс вещей, действий или признаков. По определению, нарицательные имена существительные называют «предмет по его принадлежности к тому или иному классу», то есть предмет, обозначаемый

словом, рассматривается как носитель признаков, свойственных предметам данного класса [5, с. 460]. На наш взгляд, это тоже универсальный факт, присутствующий во всех языках мира. Вещи не существуют в виде классов, они существуют лишь индивидуально. Однако в любом языке невозможно дать каждой вещи отдельное название. Классы существуют только в языке. Можно сказать, что классификация — это свойство языка, а не физического мира. Когда человек видит дома разных типов и форм, он автоматически игнорирует их дифференцирующие признаки и воспринимает их как одинаковые, называя их просто «дом». Этот процесс происходит на неосознанном уровне, и именно здесь вступает в силу язык. Можно сказать, язык заставляет человека воспринимать дифференцированные вещи как одинаковые, давая им одно общее название.

В этом аспекте «лингвистическая относительность не тождественна сравнительному лингвокультурологическому анализу» [17, с. 178], как указал Цзян Гоуэй, суть сравнительного лингвокультурологического анализа заключается в том, что это «исследование различных форм выражения одной и той же реальности в разных языках» [17, с. 189–190], а лингвистическая относительность изучает влияние языка как универсальной системы (*language*) на мышление, а не влияние конкретного языка (*a language*) на определённое мышление или влияние отдельных языков (*languages*) на отдельные формы мышления. Образно говоря, язык можно представить как призму, а разные языки — как разные призмы, через которые мы видим разные интерпретации реальности. Задача сравнительного лингвокультурологического анализа — показывать различные интерпретации реальности, в то время как задача лингвистической относительности — доказать существование этих призм и показать, что преломлённый через язык мир отличается от объективного физического мира.

Заключение

Относительно влияния языка на мышление сформировались два схожих, но противоречивых лингвистических метода исследования: лингвистическая относительность и сравнительный лингвокультурологический анализ. Их различия можно обобщить следующим образом.

Во-первых, противопоставление языкового детерминизма и культурной диалектики. Бенджамин Уорф не разделяет язык и мышление, полагая, что без языка мышление невозможно. В его концепции культура занимает периферийное положение, уступая место прямому влиянию языка на когнитивные процессы. В отличие от него, Вежбицкая развивает более сложную модель, в которой универсальные биологические механизмы обработки информации (мозг) сочетаются с культурно обусловленными способами концептуализации. Она подчёркивает, что культура опосредует связь между языком и мышлением.

Во-вторых, противопоставление грамматического и лексико-семантического приоритета. Основное различие между методологиями Уорфа и Вежбицкой заключается в выборе объекта анализа. Уорф акцентирует внимание на грамматических структурах как устойчивых системах, определяющих мировоззрение, считая грамматику базой для универсального влияния языка на мышление. Напротив, Вежбицкая фокусируется на лексико-семантических различиях, отражающих культурные концепты. Она доказывает, что отсутствие конкретного слова в языке ограничивает прямое концептуальное мышление. Для Уорфа язык формирует когнитивные паттерны посредством системных правил, а для Вежбицкой — через наличие или отсутствие лексических единиц, что подчёркивает культурную специфику.

В третьих, противопоставление универсальных и культурно-специфических языковых фактов. Чтобы продемонстрировать влияние языка на мышление, лингвистическая относительность акцентирует внимание на универсальных языковых явлениях; например, процессы речевого производства и символизация категорий предметов посредством слов могут служить наглядным примером. В то же время сравнительный лингвокультурологический анализ исследует культурно специфические формы выражения одной и той же реальности в разных языках, что позволяет учитывать различия конкретных языковых сообществ. Таким образом, лингвистическая относительность изучает язык как универсальную систему (*language*), влияющую на мышление, а лингвокультурологический анализ — как совокупность различий между конкретными языками (*languages*).

Список источников

1. Выготский Л. С. Мышление и речь. М. : Государственное социально-экономическое изд-во, 1934. 323 с.
2. Кубрякова Е. С. Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. М. : Изд-во «НАУКА», 1991. 238 с.
3. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. СПб : Норинт, 2000. 1535 с.
4. Серебренников Б. А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление. М. : Наука, 1988. 247 с.
5. Шведова Н. Ю. Русская грамматика Т. 1. М. : Изд-во Наука, 1980. 783 с.
6. Fedorenko E., Piantadosi S.T. & Gibson E.A.F. Language is primarily a tool for communication rather than thought // *Nature*. 2024. Vol. 630, P. 575–586. DOI: 10.1038/s41586-024-07522-w.
7. Goddard C. Whorf meets Wierzbicka: variation and universals in language and thinking. // *Language Sciences*. 2003. № 25. P. 393–432. DOI:10.1016/S0388-0001(03)00002-0.
8. Hoffman E. Lost in translation: A life in a new language. London: Minerva; 1991. 280 p.
9. Lakoff G. & Johnson M. Philosophy in the Flesh: the Embodied Mind and its Challenge to Western Thought. New York: Basic Books; 1999. 640 p.
10. Pinker S. The Language Instinct. New York : W. Morrow and Co.; 1994. 352 p.
11. Whorf B. L. Language, Thought and Reality. Selected Writings of Benjamin Lee Whorf. Cambridge, Massachusetts: THE M.I.T. PRESS; 1956. 278 p.
12. Wierzbicka A. Semantic primitives. Frankfurt : Athenäum Verlag; 1972. 235 p.
13. Wierzbicka A. The meaning of color terms: semantics, culture, and cognition // *Cognitive Linguistics*. 1990. C. 99–150. DOI:10.1515/cogl.1990.1.1.99.
14. Wierzbicka A. Semantics, Culture, and Cognition. Universal Human Concepts in Cultural-Specific Configuration. Oxford : Oxford University Press; 1992. 487 p.
15. Wierzbicka A. Russian Cultural Scripts: The Theory of Cultural Scripts and Its Applications // *Ethos*, 2002. № 30 (4). C. 401–432. DOI:10.1525/eth.2002.30.4.401.
16. Wierzbicka A. Why There Are No ‘Colour Universals’ in Language and Thought // *The Journal of the Royal Anthropological Institute*. 2008. № 2. C. 407–425. DOI:10.1111/J.1467-9655.2008.00509.X.
17. 蒋国辉. 语言和语言相对论(上). 哈尔滨: 黑龙江教育出版社. 329 页.
18. 蒋国辉. 语言和语言相对论(下). 哈尔滨: 黑龙江教育出版社. 720 页.

References

1. Vygotsky LS. Myshleniye i rech = Thinking and Speech. Moscow; 1934. 323 p. (In Russ.).
2. Kubryakova ES. Chelovecheskiy faktor v yazyke. Yazyk i porozhdeniye rechi = The Human Factor in Language. Language and Speech Generation. Moscow; 1991. 238 p. (In Russ.).
3. Kuznetsov SA. Bolshoy tolkovyy slovar russkogo yazyka = Large Explanatory Dictionary of the Russian Language. St. Petersburg; 2000. 1535 c. (In Russ.).
4. Serebrennikov BA. Rol chelovecheskogo faktora v yazyke: Yazyk i myshleniye = The Role of the Human Factor in Language: Language and Thinking. Moscow; 1988. 247 p. (In Russ.).
5. Shvedova NYu. Russkaya grammatika T. 1. = Russian Grammar Vol. 1. Moscow; 1980. 783 p. (In Russ.).
6. Fedorenko E, Piantadosi ST & Gibson EAF. Language is primarily a tool for communication rather than thought. *Nature*. 2024;(630):575-586. DOI: 10.1038/s41586-024-07522-w.
7. Goddard C. Whorf meets Wierzbicka: variation and universals in language and thinking. *Language Sciences*. 2003;(25):393-432. DOI:10.1016/S0388-0001(03)00002-0.
8. Hoffman E. Lost in translation: A life in a new language. London: Minerva, 1991, 280 p.
9. Lakoff G. & Johnson, M. Philosophy in the Flesh: the Embodied Mind and its Challenge to Western Thought. New York: Basic Books, 1999, 640 p.
10. Pinker S. The Language Instinct. New York: W. Morrow and Co., 1994, 352 p.
11. Whorf BL. Language, Thought and Reality. Selected Writings of Benjamin Lee Whorf. Cambridge, Massachusetts: THE M. I. T. PRESS, 1956, 278 p.
12. Wierzbicka A. Semantic primes. Frankfurt: Athenäum Verlag, 1972, 235 p.
13. Wierzbicka A. The meaning of color terms: semantics, culture, and cognition. *Cognitive Linguistics*. 1990;(99-150). DOI:10.1515/cogl.1990.1.1.99.

14. Wierzbicka A. Semantics, Culture, and Cognition. Universal Human Concepts in Cultural-Specific Configuration. Oxford: Oxford University Press, 1992, 487 p.
15. Wierzbicka A. Russian Cultural Scripts: The Theory of Cultural Scripts and Its Applications. *Ethos*. 2002; 30(4):401-432. DOI:10.1525/eth.2002.30.4.401.
16. Wierzbicka A. Why There Are No 'Colour Universals' in Language and Thought. *The Journal of the Royal Anthropological Institute*. 2008;(2):407-425. DOI:10.1111/J.1467-9655.2008.00509.X.
17. Jiang Gohui. Language and Linguistic Relativity. Vol. 1. Harbin: p. 329. (In Chinese).
18. Jiang Gohui. Language and Linguistic Relativity. Vol. 2. Harbin: p. 720. (In Chinese).

Информация об авторе

Хэ Янъян — кандидат филологических наук, старший преподаватель института русского языка.

Information about the author

He Yangyang — Cand. Sci. (Philology), Lecturer of Russian School.

Статья поступила в редакцию 11.02.2025; одобрена после рецензирования 28.08.2025; принята к публикации 17.09.2025.

The article was submitted 11.02.2025; approved after reviewing 28.08.2025; accepted for publication 17.09.2025.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

ДИСКУРСИВНАЯ И ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ

DISCURSIVE AND TERMINOLOGICAL LEXICOGRAPHY

Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 9 (503). С. 17–26.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2025;9(503):17-26.

Научная статья

УДК 81.374

DOI: 10.47475/1994-2796-2025-503-9-17-26

КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕГИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ЦИФРОВОГО ДВУЯЗЫЧНОГО СЛОВАРЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Ольга Ивановна Бабина¹, Ольга Михайловна Силкина²

^{1,2} Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Челябинск, Россия

¹ babinaoi@susu.ru, ORCID: 0000-0002-1733-6075, Scopus ID: 57503772800

² silkinaom@susu.ru, ORCID: 0000-0003-0559-8817

Аннотация. В статье представляются результаты исследования, посвящённого анализу культурно-образовательного потенциала цифрового словаря культурного наследия и образовательного проекта по его созданию. Исследование выполняется в рамках дискурсивной лексикографии. В работе представлены этапы и результаты научно-образовательного проекта, направленного на создание цифрового биографического двуязычного словаря о деятелях искусства, науки, промышленности и других сфер деятельности, жителях и гостях города Челябинска, которые оказали влияние на жизнь города. Методология исследования включает построение словаря в рамках реализации научно-образовательного проекта, критический анализ процедур создания и использования словаря как инструмента инкультурации и социализации жителей и гостей города, популяризации региональной культуры, развития интеллектуального туризма в регионе. Результатом работы является база статей словаря, насчитывающая 500 вхождений на русском и английском языках. Определён культурно-образовательный потенциал проекта по созданию словаря, который состоит в том, что студенты в процессе составления словаря занимаются деятельностью, направленной на формирование профессиональных компетенций переводчика, получают навыки работы с текстами на русском и английском языках, в том числе навыки составления логически связанных текстов, использования вербальных средств воздействия на читателя, применения способов трансляции на английский язык национальных и региональных концептов, а также в процессе сбора и анализа регионально-специфичной информации составители словаря погружаются в аспекты культуры региона, что способствует формированию чувства патриотизма и региональной идентичности. Культурно-образовательный потенциал создаваемого словаря определяется цифровым форматом, исходными принципами его разработки и функциями, которые ориентируют словарь на служение задачам формирования положительного образа региона, стимулирования интеллектуального туризма (международного и внутри страны), распространения информации о специфике региональной культуры, привития интереса у молодёжи к историческим и культурным ценностям.

Ключевые слова: дискурсивная лексикография, словарь культурного наследия, научно-образовательный проект, региональная культура

Для цитирования: Бабина О. И., Силкина О. М. Культурно-образовательный потенциал регионально-ориентированного цифрового двуязычного словаря культурного наследия // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 9 (503). С. 17–26. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-503-9-17-26.

Original article

CULTURAL AND EDUCATIONAL POTENTIAL OF A REGIONAL BILINGUAL DIGITAL DICTIONARY OF CULTURAL HERITAGE

Olga I. Babina¹, Olga M. Silkina²^{1,2} South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia¹ babinaoi@susu.ru, ORCID: 0000-0002-1733-6075, Scopus ID: 57503772800² silkinaom@susu.ru, ORCID: 0000-0003-0559-8817

Abstract. The paper presents the results of research focusing on analyzing the cultural and educational potential of a digital dictionary of cultural heritage and an academic project aimed at developing the dictionary. The study falls into the realm of discourse linguistics. The paper outlines the stages and outcomes of the academic project aimed at creating the bilingual (Russian and English) biographical dictionary showcasing prominent individuals from various domains, namely art, science, industry, and others whose contributions have left their mark on Chelyabinsk's evolution. The methodology involves building the dictionary during the implementation phase of the project, critical assessment of its development and use, and examination of its role in acculturation and socialization intended for city inhabitants and guests, while advancing regional culture and fostering intellectual tourism in the region. The outcome includes a database consisting of five hundred dictionary entries in Russian and English. The cultural and educational merit of this undertaking encompasses providing students with opportunities to improve proficiency in translation through processing texts in the native and foreign languages, including developing mastery over coherent text composition, applying persuasive language techniques, conveying national and regional concepts to non-Russian speakers, and collecting and scrutinizing location-specific data that submerges dictionary compilers in the dimensions of regional culture, thereby cultivating patriotic feelings and regional identity. The digital layout, dictionary construction principles, and functions of the dictionary are aligned with the objectives of producing positive impressions of the region, encouraging intellectual tourism domestically and globally, propagating knowledge concerning specific features of regional culture, and sparking interest among young people with regard to historical and cultural treasures.

Keywords: discourse linguistics, dictionary of cultural heritage, academic project, regional culture

For citation: Babina OI, Silkina OM. Cultural and Educational Potential of a Regional Bilingual Digital Dictionary of Cultural Heritage. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(9(503):17-26. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-503-9-17-26.

Введение

В цифровую эру открываются широкие перспективы для получения знаний, благодаря глобальной сети и распространению цифрового контента. В этих условиях наблюдается тенденция прибегать к автономному получению знаний через цифровые платформы, расширять свои познания в различных областях посредством самообразования онлайн. Одной из форм познания, которое стимулируется развитием цифровых технологий, является интеллектуальный туризм — путешествия и исследование культуры и истории новых локаций. Благодаря развитию технологий, быстрый доступ к информации о различных уголках мира и регионах собственной страны может стимулировать путешественника посетить новые места, воочию познакомиться с достопримечательностями.

Знания о локациях для интеллектуального туризма могут храниться в *словарях культурного наследия*, представляющих собой словари, которые содержат энциклопедическую информацию о выдающихся личностях, живших и творивших

в определённом локусе и оказавших заметное влияние на развитие локальной и глобальной культуры [13]. Термин был введен О. М. Карповой для описания словаря «Florence in the Works of World Famous People», содержащего информацию о выдающихся деятелях — жителях и гостях Флоренции. Словарь создавали студенты в рамках международного проекта при поддержке итальянского фонда Ромуальдо дель Бьянко. Аналогичный подход применялся к созданию ассоциативных словарей культурного наследия для других локаций [8; 12; 19; 20].

В связи с возрастающей значимостью процессов регионализации, мотивированных потребностью в сохранении культурной идентичности, актуализируется аспект региональной культуры, которая понимается как составная часть единого «инварианта» национальной культуры [14], как культура, которая обращена вовнутрь, но стремится к диалогу с другими культурами [2]. Региональная культура представлена в первичных источниках (памятниках естественной истории, архитектуре, профессиональных сообществах),

а также во вторичных источниках, задачей которых является хранение, экспонирование экспляров материальной и духовной культуры из первичных источников в рамках просветительской и популяризаторской деятельности. Вторичные источники (включая энциклопедические словари) выполняют функцию сохранения культурного наследия региона.

Понятие культуры неразрывно связано с человеком, который является создателем материальных и духовных ценностей, участником отношений, складывающихся в культурной общности, оценивает значимость артефактов и социальных отношений для организации своей жизни и деятельности. Таким образом, культура — это одновременно социально- и индивидуально-обусловленный феномен. При этом рассмотрение культуры через призму жизни и деятельности значимых представителей культурного пространства представляется перспективным способом изучения и сохранения культурного наследия. Таким образом, личность в контексте окружающего её пространства, может выступать как субъект и объект культуры, в частности, региональной культуры.

Культура выполняет образовательную функцию через воспитание личности, органично интегрированной в социальную и культурную общность. Образовательный процесс включает как одну из своих ключевых задач трансляцию культуры (глобальной, национальной, региональной). Таким образом, в образовательных учреждениях формируется культурно-образовательное пространство, под которым понимается «динамическая (в том смысле, что динамически развивающаяся) целостность или структура, элементы которой используются субъектами социокультурного процесса для трансляции и освоения актуального комплекса ценностей и смыслов» [15, с. 62].

Оптимизация культурно-образовательного пространства студента регионального вуза может осуществляться путём насыщения образовательной среды образами, символами, связанными с жизнью и творчеством деятелей, внесших весомый вклад в различные сферы материальной и духовной культуры региона и нации в целом. При этом деятельность и творчество писателей, артистов, промышленников, спортсменов и представителей других сфер культурной жизни региона, оказывает влияние на формирование цельного образа локации (города), с которой связана жизнь этих людей. «Связь человека с местом его обитания загадочна, но очевидна. Ведаёт ею известный древним *genius loci*, гений места, связывающий

интеллектуальные, духовные, эмоциональные явления с их материальной средой» [4, с. 5].

Цели оптимизации культурно-образовательного пространства студента может служить словарь культурного наследия, как на этапе его разработки, так и на стадии использования готового продукта.

Материалы и методы исследования

В данной работе исследуется культурно-образовательный потенциал развивающегося научно-образовательного проекта, направленного на построение цифрового двуязычного словаря «Челябинск в жизни и творчестве замечательных людей», представляющего собой словарь культурного наследия с региональным фокусом, реализованный в интернет-среде [23]. Проект был инициирован в 2021 г. профессором кафедры лингвистики и перевода ЮУрГУ Т. Н. Хомутовой и продолжается по настоящее время.

В центре рассмотрения проекта находится культурно-образовательное пространство города Челябинска. В сознании многих жителей нашей страны прочно укрепилось представление о Челябинске как о промышленном центре, а о его жителях — как о носителях исключительно промышленной культуры. Однако здесь родились, жили и творили многие выдающиеся деятели науки, искусства, спорта и других областей социальной жизни. Челябинцы внесли весомый вклад в развитие и процветание не только родного города, но и всей страны, а некоторые их достижения имеют международное значение.

Целью проекта является разработка лингво-информационного ресурса — энциклопедического словаря, поддерживающего сохранение и популяризацию культурного наследия региона, оказывающего помощь иностранным студентам в приобщении к региональной культуре, способствующего развитию межкультурного диалога, выполняющего функции продвижения интеллектуального туризма в регионе, образования и воспитания нового поколения жителей, владеющих знаниями об истории региона, а также развитие теоретических основ энциклопедического дискурса интеллектуального туризма.

Работа в рамках научно-образовательного проекта включает расширение базы словарных статей, представление статей на сайте цифрового словаря. Методология работы включает в себя:

1. Проведение анализа доступных информационных ресурсов, публикаций в СМИ, архивных сведений, социальных сетей и т. п. для выявления выдающихся личностей, имеющих отношение к Челябинску.

2. Сбор данных о жизни, профессиональной деятельности отобранных личностей, их связи с регионом.

3. Составление словарных статей, генерация авторского контента в соответствии с языковой нормой, стилем энциклопедического дискурса и с применением средств речевого воздействия для формирования благоприятного образа региона и привлечения в регион интеллектуальных туристов.

4. Поиск, обработку и создание нового уникального мультимедийного контента.

5. Перевод словарных статей на английский язык.

6. Внесение мультимодальных текстов статей на сайт цифрового словаря.

Решение задач осуществляется студентами ЮУрГУ переводческого направления, которые выступают контент-менеджерами сайта словаря — авторами статей, разработчиками мультимедийного контента, переводчиками словарных статей, операторами по представлению текстов в цифровой форме на вебсайте словаря dict.susu.ru.

Принципы создания словаря культурного наследия

Принцип активности. Сохранение культурного наследия региона становится всё более актуальной задачей в контексте возрастающей важности сохранения своей уникальной идентичности. При этом сохранение — это «не пассивное хранение материала, не простое его консервирование. Сохранение — это динамический процесс, <...> оно включает освоение и овладение материалом, его переработку и отбор, обобщение и конкретизацию, систематизацию и детализацию и т. д.» [16, с. 303]. Таким образом, сохранение представляет собой творческий процесс, в который вовлечена ментальная активность его участников.

Принцип региональной культуросообразности. Рассматривая культурно-образовательное пространство города, Р. Ю. Порозов выделяет несколько уровней: макроуровень, на котором формируется нерасчлнённый образ места, как гештальт; мезоуровень, представленный архитектурой города; и микроуровень, представленный личностью и индивидуальностью человека [15]. Компоненты микро- и мезоуровней обеспечивают формирование образа города на макроуровне. Целью создаваемого словаря является сохранение, упорядочение и популяризация культурного наследия Челябинска, формирование благоприятного образа Челябинска (макроуровень) через раскрытие аспектов жизни и деятельности лич-

ностей, внёсших вклад в развитие региональной и национальной культуры (микроуровень) в территориальном пространстве города Челябинска (мезоуровень).

Принцип антропоцентризма. Принцип в словаре реализуется через организацию его словника, единицей которого выступает статья о деятеле, внесшем вклад в развитие Челябинска, Челябинской области и страны в целом. Таким образом обеспечивается фокус на личности, через призму фактов из жизни и творческой деятельности которой может происходить знакомство с региональной культурой. Такой подход соответствует применению биографического метода в обучении, предложенного Л. Н. Хуторской [21], согласно которому частные вопросы дисциплин могут осваиваться благодаря анализу фактов из жизни и творческой активности выдающихся личностей.

Эти принципы также выступают ведущими принципами культурологического подхода в образовательной деятельности [3; 5; 7; 10; 18], который ставит задачей формирование индивидуального пространства личности студента в рамках обучения в вузе посредством интеграции с культурным пространством социума.

Содержание и интерфейс цифрового словаря культурного наследия

Конечная цель реализуемого научно-образовательного проекта — создание словаря культурного наследия. Обозначенные принципы организации культурно-образовательного пространства, коей цели служит создаваемый в рамках образовательного проекта продукт, мотивируют следующие параметры словаря: энциклопедический, биографический, цифровой, двуязычный (русско-английский), локально-ориентированный.

Цифровой словарь в настоящий момент насчитывает около 500 словарных статей об известных жителях и гостях города Челябинска, которые внесли свой вклад в развитие искусства, образования, спорта, науки, промышленности и других сфер жизни региона. Статьи представлены на двух языках — русском и английском.

Для обеспечения цифрового формата существования энциклопедического словаря на начальном этапе была проведена разработка веб-интерфейса словаря, реализация инструментария для лексикографа, выполняющего работы по созданию и пополнению базы данных словаря, на основе системы управления контентом WordPress [1]. Структура сайта цифрового словаря включает разделы: «О проекте», «Словарь», «Полезная информация», «О нас», «Отзывы», «Контакты». Основной раздел

сайта — «Словарь», в котором опубликованы статьи о персоналиях с переводами на английский язык. Микроструктура словарной статьи приведена в табл. 1.

Таблица 1
Table 1

Структура словарной статьи

№ пп	Наименование на русском языке	Наименование на английском языке
1	Заголовок статьи • ФИО персоналии • годы жизни	Article title • Full name • Birth and death dates
2	Биография	Biography
3	Творчество	Notable works
4	<Персоналия> и Челябинск	<Person> and Chelyabinsk
5	Путешествие по Челябинску	Significant places in Chelyabinsk
6	Ассоциации	Associations
7	Источники	References

Разделы 1–5, 7 строятся на основе данных из достоверных источников, энциклопедий и статей, раздел 6 является индивидуально-авторским, в нём описываются личные ассоциации, опыт взаимодействия с персоналией или связанные с ней артефакты, её вклад как в жизнь Челябинска и области, так и в жизнь студента-автора статьи. Фрагмент словарной статьи приведен на рис. 1.

Сайт словаря поддерживает полнотекстовый и фасетный поиск по аспектам «Сфера деятельности», «Дата рождения», «Статус» и прочим, а также расширенные опции поиска, позволяющие формировать запрос на поиск лексических единиц в пределах зон словарных статей. Пример результатов поиска по запросу: *показать перечень персоналий с датой рождения после 1 января 1960 года, сферой деятельности которых является музыка*, приведен на рис. 2.

Камынина Светлана Сергеевна

(25 января 1979)

Дата рождения: 25 января 1979
Отношение к Челябинску: житель
Место рождения: Дружковка, Украина
Род занятий: актерское искусство
Должность: актриса
Начало творчества: 2004

Биография Творчество Камынина Светлана Сергеевна и Челябинск Ассоциации Путешествие по Челябинску Источники

Камынина Светлана Сергеевна – российская актриса театра и кино, наиболее известная по роле главврача Анастасии Кисегач в телесериале «Интерны». Родилась будущая актриса в Дружковке, Донецкая область, затем ее семья переехала в Челябинск, где отец работал в банке, а мать – в школе учителем математики.

1979-1995

С ранних лет девочка проявляла самостоятельность, в 1992 году она уже жила в Москве и в 13 лет уже зарабатывала деньги: обучала других детей английскому, работала в газете объявлений, официанткой в кафе на площади, уборщицей у художника по стеклу.

Детство

Семья Светланы Камыниной

1995-2000

По окончании девяти классов, она поступила в Московскую банковскую школу при Центральном банке Российской Федерации, а после нее поступила сразу на третий курс во Всероссийский заочный финансовый экономический институт на вечернее отделение, но с детства она мечтала стать актрисой.

Юношество

Рис. 1. Фрагмент словарной статьи словаря культурного наследия
Fig. 1. Fragment of a dictionary entry from the Dictionary of Cultural Heritage

ЧЕЛЯБИНСК
В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ
Мультимедийный энциклопедический словарь культурного наследия

Челябинск в жизни и творчестве

О проекте Словарь Полезная информация О нас Отзывы Контакты

Словарь

главная » словарь

Автор Сфера деятельности

Дата рождения от до

Дата смерти от до

ПОИСК СБРОС РАСШИРЕННЫЙ ПОИСК

А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н О П Р С Т У Ф Х Ц Ч Ш Ю Я

Куликова Ирина Анатольевна

Круг Ирина Викторовна

Швецова Алена Сергеевна

Аверин Артем Викторович

Рис. 2. Результат поиска по запросу к словарной базе
Fig. 2. Search result for a query to the dictionary database

Цифровая версия словаря выполняет информационно-справочную, учебную, навигационную, систематизирующую и коммуникативную функции.

Культурно-образовательный потенциал проекта

Работа по созданию словаря в рамках научно-образовательного проекта характеризуется следующими особенностями его организационных этапов, обладающих культурно-образовательным потенциалом:

1. *Поиск и отбор персоналий для статей о Челябинске.* Методом сплошной целевой выборки формируется список персоналий с использованием поисковых систем интернета. Запросы включают комбинации ключевых слов, таких как *Известные люди / Знаменитости + Челябинск*, что обеспечивает отбор персоналий, чья жизнь потенциально связана с жизнью города. Список отобранных по запросу персоналий фильтруется: составляется список имён кандидатур, количество упоминаний о которых в публикациях онлайн превышает пороговое значение. Далее формируется рейтинг среди отобранных кандидатур на основе оценок экспертов по следующим критериям:

- влияние: значимость вклада личности в развитие культуры или в других сферах деятельности;
- признание: наличие наград, памятников, упоминаний в литературе и учебных заведениях;

- историческая значимость: роль в важнейших событиях или этапах истории региона.

В качестве экспертов привлекаются историки и лингвисты — сотрудники ЮУрГУ. Оценка экспертами по критериям осуществляется на основе экспертизы членов отборочной комиссии, а также с привлечением данных опросов местных жителей, историков и культурологов, сведений из архивных данных, библиотечных ресурсов, биографий, справочников, публикаций в СМИ и других источниках. Этот подход позволяет определить вклад знаменитостей в развитие региона и их роль в становлении и развитии локальных смысловых структур.

2. *Создание текста словарных статей на русском языке.* Ключевым этапом является создание словарной статьи о персоналии, что требует владения языковыми нормами и навыками построения связных текстов. Авторы статей при создании текста руководствуются перечнем вербальных средств речевого воздействия, составленным с опорой на работы [9; 11; 17; 22] и включающим такие речевые средства, как оценочная лексика, эвфемизмы, лексические повторы, параллелизмы и др. [23]. При этом перед авторами стоит задача соблюдения баланса между информативной и воздействующей функциями текста.

3. *Аннотирование текстов для фасетного поиска.* В качестве фасетов выступают сведения о персоналии, такие как место рождения, род

деятельности, награды, место учебы, уровень образования, имя супруга и др. Фасеты заполняются посредством ключевых слов, извлечённых вручную из текстов. Эти сведения обеспечивают возможность поиска посредством фильтрации статей по внесённым в фасеты ключевым словам. Задача аннотирования развивает критическое мышление и аналитические навыки, так как требует внимательной работы с содержанием словаря и материалов, используемых для его подготовки.

4. *Адаптация словаря для международной аудитории.* Словарь ориентирован на международную аудиторию, для чего создаётся англоязычная версия статей. Участники проекта переводят статьи, уделяя особое внимание культурно-специфичной лексике и адаптации содержания для носителей других культур. Работа над словарем стимулирует необходимость подвергать анализу русскоязычную картину мира. Особое внимание уделяется переводу культурно-специфичной лексики, вербализующей национальные и региональные концепты различных уровней [6]. Этот этап способствует расширению знаний о культуре и истории региона, пониманию русскоязычной картины мира и приобретению навыков перевода энциклопедических текстов.

Такая постановка работы над словарём обеспечивает социализацию и инкультурацию студента. Социализация как институциональная структура, предполагающая адаптацию к среде обитания посредством специализированных институтов (образования, государства и прочих), обеспечивается за счёт включения в деятельность, ограниченную рамками учебного процесса (временными рамками, процедурами оценивания), а также включения в социальные отношения с членами студенческого коллектива, где деятельность одного члена команды влияет на другого и на результат в целом. Это способствует социализации в сфере самосознания, осознанию себя как члена общества с уникальной региональной культурой. Инкультурация (культуротворческий аспект приспособления к среде обитания) выполняется в процессе поиска и творческой переработки информации о биографии, достижениях, локациях, связанных с личностью-объектом описания в словаре.

Культурно-образовательный потенциал словаря

Словарь как продукт научно-образовательного проекта также имеет значительный культурно-образовательный потенциал в отношении изучения культуры отдельного региона, который распространяется на широкую аудиторию поль-

зователей сайта словаря, включающую россиян и представителей иных культур, студентов, интеллектуальных туристов, обывателей и профессионалов в области истории, культурологии, антропологии, искусства, спорта и других областей гуманитарного знания, представленных в словаре через биографии деятелей.

Словарь содержит *энциклопедические* сведения, ориентированные на представителей широкой общественности. Информация словаря способствует повышению интереса к событиям в регионе, значимости региональной культуры для молодёжи.

Цифровой формат словаря позволяет значительно расширить и качественно разнообразить охват аудитории, обращающейся к словарю.

Двуязычный характер словаря обеспечивает возможность привлечения международной аудитории, изучающих русский язык и культуру.

Биографический характер словарных статей осуществляет реализацию принципа антропоцентризма. Такой формат словаря позволяет ассоциировать культурное наследие с социально-экономическим и политическим контекстами, которые можно найти в биографиях выдающихся людей. Это помогает пользователям словаря понять истоки культурных традиций региона и исторические факторы, которые влияют на современное состояние региональной культуры.

Локально-ориентированный характер словаря позволяет поддерживать интерес у молодёжи к локальным историческим и культурным ценностям, способствует формированию чувства патриотизма, региональной самоидентичности и толерантности, поддержанию механизмов распространения ценностных ориентиров локального характера и продвижению положительных смысловых структур в отношении региональной культуры.

Заключение

Создание словаря культурного наследия имеет значительный культурно-образовательный потенциал, способствует инкультурации и социализации студентов. Креативная работа над словарём активизирует мыслительные процессы и формирует социокультурную идентичность, помогает студентам ассоциировать себя с референтными группами и регионом. Представленный проект развивает профессиональные компетенции переводчиков, улучшает способы перевода культурно-специфичных текстов и способствует их воссозданию на других языках.

Словарь как результат работы становится вторичным источником региональной культуры,

способствует популяризации региональных традиций. Антропоцентричный подход в словаре позволяет рассматривать регион через призму его культурных аспектов и влияние на личностное развитие.

Новизна исследования заключается в создании уникального в современной лексикографии регионально-ориентированного продукта, система-

тизации информации о выдающихся личностях региона и разработке фреймворка для междисциплинарной работы. Практическая значимость проекта состоит в возможности использовать словарь для популяризации культуры региона, обучения русскому языку как иностранному и развития профессиональных навыков студентов переводческого профиля.

Список источников

1. Бабина О. И., Кабиольский Е. А., Зайцев А. В., Кукшинова А. Б. Вебсайт словаря культурного наследия: требования и особенности разработки // Наука ЮУрГУ: секции социально-гуманитарных наук : материалы 73-й научной конференции. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2021. С. 149–157.
2. Беспалова Ю. М. Региональная культура в социокультурном пространстве России // Словцовские чтения: тезисы докладов, сообщений науч.-практ. конф. / под ред. Н. В. Яблонского. Тюмень: Изд-во ТГУ, 1999. С. 237.
3. Библер В. С. Культура. Диалог культур (опыт определения) // Вопросы философии. 1989. № 6. С. 31–42.
4. Вайль П. Гений места. М. : КоЛибри, 2008. 488 с.
5. Валицкая А. П. Ценности культур и образование // Диалог культур и партнерство цивилизаций: становление глобальной культуры : X международн. Лихачевские научные чтения (13–14 мая 2010 г., Санкт-Петербург). СПб. : СПбГУП, 2010. С. 493–494.
6. Волкова А. Л., Бабина О. И. Вербализация концептов русской культуры с национальной и региональной спецификой (на материале словаря культурного наследия) // Молодой исследователь : материалы 9-й научной выставки-конференции научно-технических и творческих работ студентов. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2022. С. 322–327.
7. Гура В. В. Культурологический подход как теоретико-методологическая основа гуманизации информационных технологий обучения : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01. Ростов-на-Дону, 1994. 161 с.
8. Денисенко М. Г. Энциклопедический дискурс интеллектуального туризма: интегральный подход (на материале словарей культурного наследия) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. Челябинск, 2021. 208 с.
9. Желтухина М. Р. Воздействие медиадискурса на адресата : учебное пособие. Волгоград : Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2014. 91 с.
10. Исаев И. Ф. Культурологический подход к исследованию проблем профессионализма педагога // Сибирский педагогический журнал. 2006. № 4. С. 32–36.
11. Иссерс О. С. Речевое воздействие : учебное пособие. М. : Флинта : Наука, 2009. 224 с.
12. Карпова О. М., Алхастова З. Р. Лексикография культурного наследия (на материале словарей языков английских писателей, цитат и пословиц). Иваново : ИвГУ, 2020. 172 с.
13. Карпова О. М. Словари культурного наследия. Проект словаря «Florence in the works of world famous people» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 1. С. 150–155.
14. Мурзина И. Я. Феномен региональной культуры : бытие и самосознание : автореф. дис. ... доктора культурологии : 24.00.01. Екатеринбург, 2003. 47 с.
15. Порозов Р. Ю. Культурно-образовательное пространство города: монография. Екатеринбург : УрГПУ, 2016. 174 с.
16. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии: В 2 т. Т. 1. М., 1989. 488 с.
17. Стернин И. А. Практическая риторика : учебное пособие. М. : Академия, 2003. 272 с.
18. Сысоев П. В. Языковое поликультурное образование в XXI веке // Язык и культура. 2009. № 2 (6). С. 96–110.
19. Хомутова Т. Н., Кашхчян А. М. Энциклопедический мультимедийный словарь ассоциативного типа «Barcelona in the life and work of famous people» : принципы построения // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия Лингвистика. 2013. Т. 10, № 1. С. 84–88.

20. Хомутова Т. Н., Яковлев Д. И. Энциклопедический мультимедийный словарь ассоциативного типа «Международные связи г. Челябинска и Челябинской области»: принципы построения // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия Лингвистика. 2015. Т. 12, № 3. С. 66–71.
21. Хуторская Л. Н., Маслов И. С. Воспитательный потенциал биографии ученого // Воспитание школьников. 2004. № 8. С. 31–37.
22. Шелестюк Е. В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования. 2-е изд., испр. и доп. М. : Флинта, 2014. 343 с.
23. Яковлев Д. И., Хомутова Т. Н. Мультимедийный энциклопедический словарь культурного наследия «Челябинск в жизни и творчестве замечательных людей» : интегральная модель // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 9 (467). С. 254–262.

References

1. Babina OI, Kabiolskiy EA, Zaytsev AV, Kukshinova AB. Vebsajt slovarya kul'turnogo naslediya: trebovaniya i osobennosti razrabotki = Website of the Cultural Heritage Dictionary: Requirements and Development Features. In: Nauka YuUrGU: sekcii social'no-gumanitarnykh nauk = Science of SUSU. Social Sciences and the Humanities : Proceedings of the 73th Scientific Conference. Chelyabinsk; 2021. Pp. 149–157. (In Russ.).
2. Bessalova YuM. Regional'naya kul'tura v sociokul'turnom prostranstve Rossii = Regional Culture in the Socio-Cultural Space of Russia. In: Slovcovskie chteniya = Slovtsov Scientific Conference: Proceedings of the Scientific-Practical Conference. Edited by N. V. Yablonskiy. Tyumen; 1999. P. 237. (In Russ.).
3. Bibler VS. Kul'tura. Dialog kul'tur (opyt opredeleniya) = Culture. Dialogue of Cultures (Experience of Definition). *Voprosy filosofii* = *Problems of Philosophy*. 1989;(6):31-42. (In Russ.).
4. Vajl P. Genij mesta = Genius loci. Moscow, KoLibri; 2008. 488 p. (In Russ.).
5. Valickaya AP. Cennosti kul'tur i obrazovanie = Culture and Education Values. In: Dialog kul'tur i partnerstvo civilizacij: stanovlenie global'noj kul'tury : X mezhdunarodn. Lihachevskie nauchnye chteniya, Sankt-Peterburg, 13-14 maya 2010 goda. = Dialogue of Cultures and Partnership of Civilizations: Global Culture Formation: proceedings of the 10th international Likhachev Scientific Conference, Saint-Petersburg, 13-14 May 2010. Saint-Petersburg; 2010. Pp. 493–494. (In Russ.).
6. Volkova AL, Babina OI. Verbalizaciya konceptov russkoj kul'tury s nacional'noj i regional'noj specifikoj (na materiale slovarya kul'turnogo naslediya) = Verbalization of the Russian Culture Concepts with National and Regional Specifics. In: Molodoj issledovatel' = Young Researcher: Proceedings of the 9th Scientific Exhibition-Conference of Scientific and Creative Works of Students. Chelyabinsk; 2022. Pp. 322–327. (In Russ.).
7. Gura VV. Culturological approach as a theoretical and methodological basis for the humanization of educational information technologies. Thesis. Rostov-on-Don; 1994. 161 p. (In Russ.).
8. Denisenko MG. Encyclopedic discourse of intellectual tourism: an integral approach (based on cultural heritage dictionaries). Thesis. Chelyabinsk; 2021. 208 p. (In Russ.).
9. Zheltuhina MR. Vozdejstvie mediadiskursa na adresata : uchebnoe posobie = Impact of Media Discourse on the Addressee: textbook. Volgograd; 2014. 91 p. (In Russ.).
10. Isaev IF. Kul'turologicheskij podhod k issledovaniyu problem professionalizma pedagoga = Culturological approach to the study of problems of teacher professionalism. *Sibirskij pedagogicheskij zhurnal* = *Siberian Pedagogical Journal*. 2006;(4):32-36. (In Russ.).
11. Issers OS. Rechevoe vozdejstvie : uchebnoe posobie = Linguistic Manipulation: textbook. Moscow, Flinta; Nauka; 2009. 224 p. (In Russ.).
12. Karpova OM, Alhastova ZR. Leksikografiya kul'turnogo naslediya (na materiale slovarej yazyka anglijskih pisatelej, citat i poslovic) = Lexicography of cultural heritage (based on lexicons of English writers, quotes and proverbs). Ivanovo; 2020. 172 p. (In Russ.).
13. Karpova OM. Dictionaries of Cultural Heritage. The Prospect of “Florence in the Works of World Famous People” Dictionary. *Bulletin of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2014;(1):150-155. (In Russ.).
14. Murzina IYa. Phenomenon of Regional Culture: Existence and Identity. Thesis Abstract. Ekaterinburg; 2003. 47 p. (In Russ.).
15. Porozov RYu. Kul'turno-obrazovatel'noe prostranstvo goroda: monografiya = Cultural and Educational Space of the City: monograph. Ekaterinburg; 2016. 174 p. (In Russ.).

16. Rubinshtejn SL. Osnovy obshchej psihologii: v 2 tomakh. T. 1. = Basics of General Psychology. In 2 volumes. Volume 1. Moscow; 1989. 488 p. (In Russ.).
17. Sternin IA. Prakticheskaya ritorika : uchebnoe posobie = Practical Rhetoric : textbook. Moscow, Akademiya; 2003. 272 p. (In Russ.).
18. Sysoev PV. Foreign Language Multicultural Education in the 21st Century. *Yazyk i kul'tura = Language and Culture*. 2009; (2(6):96-110. (In Russ.).
19. Khomutova TN, Kashkhchyan AM. Encyclopedic Multimedia Associative Dictionary "Barcelona in the Life and Work of Famous People": Principles of Compiling. *Bulletin of South Ural State University. Series Linguistics*. 2013;(10(1):84-88. (In Russ.).
20. Khomutova TN, Yakovlev DI. Encyclopedic Multimedia Associative Dictionary "International Contacts of Chelyabinsk and the Chelyabinsk Region": Principles of Compiling. *Bulletin of South Ural State University. Series Linguistics*. 2015;(12(3):66-71. (In Russ.).
21. Khutorskaya LN, Maslov IS. Vospitatel'nyj potencial biografii uchenogo = Educational Potential of the Scientist's Biography. *Vospitanie shkolnikov = Education of Schoolchildren*. 2004; (8):31-37. (In Russ.).
22. Shelestyuk EV. Rechevoe vozdejstvie: ontologiya i metodologiya issledovaniya = Linguistic Manipulation: Ontology and Methodological Research. 2nd edition. Moscow, Flinta; 2014. 343 p. (In Russ.).
23. Yakovlev DI, Khomutova TN. Multimedia Encyclopedic Dictionary "Chelyabinsk in the Life and Works of Famous People": an Integral Model. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022; (9(467):254-262. (In Russ.).

Информация об авторах

О. И. Бабина — кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой лингвистики и перевода.

О. М. Силкина — кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и перевода.

Information about the authors

O. I. Babina — Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Head of the Linguistics and Translation Department.

O. M. Silkina — Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of the Linguistics and Translation Department.

Статья поступила в редакцию 05.08.2024; одобрена после рецензирования 11.11.2024; принята к публикации 17.09.2025.

The article was submitted 05.08.2024; approved after reviewing 11.11.2024; accepted for publication 17.09.2025.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Научная статья

УДК 81'374

DOI: 10.47475/1994-2796-2025-503-9-27-32

О СОЗДАНИИ ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ СПОРТИВНЫХ ТЕРМИНОВ

Екатерина Ивановна Минина

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, katyguireeva@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-7133-1208

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые аспекты разработки и создания современного спортивного терминологического словаря, отвечающего актуальным требованиям как с точки зрения содержания, так и с точки зрения оформления. Исследование направлено на определение принципов отбора, систематизации и представления терминологического материала, а также на формирование структуры и содержания словарных статей с учётом современных лексикографических требований. Автор приводит краткий обзор существующих общеспортивных словарей и обосновывает необходимость создания нового, актуального словаря. Русскоязычные словари и справочники данного типа имеют ряд недостатков, основной из которых заключается в том, что представленный в них материал не отражает современного состояния спортивной терминологии. Наличие актуальной и полной лексикографической базы для понимания и использования специальных наименований является необходимым условием для создания словаря. В качестве критериев отбора терминов для включения в новый словарь выделяются такие, как распространённость и частотность употребления, терминологическая стабильность и нормативность, однозначность и прозрачность, семантическая значимость лексической единицы, актуальность и соответствие современным тенденциям. В статье приведены принципы, которые призваны обеспечить создание точного и удобного в использовании лексикографического ресурса. Детально рассмотрена микроструктура словарной статьи, включающая заголовочное слово (лемму), зону орфоэпической информации, зону этимологической информации, зону грамматической информации, указание на вид спорта, указание на синонимы, толкование термина. Исследование может быть полезно деятелям спорта, лингвистам, терминоведам, спортивным журналистам и всем, кто интересуется спортивной тематикой.

Ключевые слова: спортивная терминология, термин, словарь, словарная статья, лексикография

Для цитирования: Минина Е. И. О создании толкового словаря спортивных терминов // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 9 (503). С. 27–32. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-503-9-27-32.

Original article

ON THE CREATION OF AN EXPLANATORY DICTIONARY OF SPORTS TERMS

Ekaterina I. Minina

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, katyguireeva@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-7133-1208

Abstract. This article examines key aspects of developing and creating a modern sports terminology dictionary that meets current requirements in terms of both content and presentation. The study aims to define principles for selecting, systematizing, and presenting terminological material, as well as shaping the structure and content of dictionary entries in accordance with modern lexicographic requirements. The author provides a brief overview of existing general sports dictionaries and justifies the need to create a new, up-to-date dictionary. Russian-language dictionaries and reference books of this type have several shortcomings, the main one being that the material presented within them does not reflect the current state of sports terminology. Having an up-to-date and complete lexicographic database for understanding and using specialized terms is a prerequisite for creating a dictionary. The following criteria are highlighted for selecting terms for inclusion in the new dictionary: prevalence and frequency of use, terminological stability and standardization, unambiguity and transparency, semantic significance of the lexical unit, relevance, and compliance with modern trends. This article presents principles designed to ensure the creation of an accurate and user-friendly lexicographic resource. It examines in detail the microstructure of a dictionary entry, including the headword (lemma), orthoepic information, etymological information, grammatical information, sport designation, synonyms, and term definition. This study may be useful to sports professionals, linguists, terminologists, sports journalists, and anyone interested in sports.

Keywords: sports terminology, term, dictionary, dictionary entry, lexicography

For citation: Minina EI. On the Creation of an Explanatory Dictionary of Sports Terms. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(9(503)):27-32. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-503-9-27-32.

Введение

Данное исследование посвящено разработке концептуальной модели и методологических основ для будущего словаря спортивных терминов, используемых в русскоязычном дискурсе. Настоящий этап работы направлен на определение принципов отбора, систематизации и представления терминологического материала, а также на формирование структуры и содержания словарных статей. Фактическое создание словаря является следующим этапом проекта, который будет опираться на разработанную методологическую базу.

Существующие русскоязычные словари и справочники спортивных терминов имеют ряд недостатков, основной из которых заключается в том, что представленный в них материал не отражает современного состояния спортивной терминологии. Поэтому главное требование, которое мы предъявляем к нашему словарю — это наличие актуальной и полной лексикографической базы для понимания и использования исследуемой терминологии. Такой словарь должен отвечать следующим требованиям: отражать современное состояние спортивного дискурса, охватывать широкий спектр видов спорта, включать как общеспортивные, так и узкоспециальные термины, предоставлять чёткие и понятные определения, быть удобным в использовании.

Целью данной работы является определение принципов и методологии для создания современного толкового словаря спортивной терминологии.

В качестве **объекта исследования** выступают современные общеспортивные словари, а также перспективы лексикографического описания спортивной терминологии. **Предмет исследования** — концептуальные и лексикографические принципы создания нового общеспортивного словаря.

Научная новизна заключается в разработке модели для создания современного словаря спортивных терминов, ориентированной на потребности широкого круга пользователей.

Материалы и методы исследования

Теоретической базой данного исследования являются работы по общему терминоведению Е. И. Головановой [2], В. М. Лейчика [8], Д. С. Лотте [9], В. Н. Прохоровой [11], работы по лексикографии З. И. Комаровой [5], Л. П. Крысина [6], А. Г. Рудаковой [13], А. И. Едличко и Р. Х. Яфарова [4], работы по спортивной терминологии Л. А. Аваковой [1], Е. И. Гуреевой [3], О. Д. Кульковой [7], Р. В. Попова [10], А. С. Рылова [13], Л. З. Тенчуриной [14], И. М. Юрковского [15].

Материалом исследования послужили общеспортивные словари, изданные после 2000-го г., а также терминологическая лексика спорта. В ходе написания статьи были использованы методы систематизации, моделирования и метод анализа словарей спортивных терминов и справочников по терминологии спорта.

Результаты исследования и их обсуждение

Прежде чем приступить к разработке концепции нового словаря спортивных терминов, необходимо провести критический анализ существующих лексикографических источников, изданных после 2000-го г. Изучение имеющихся словарей позволяет выявить их сильные и слабые стороны, определить пробелы в представлении спортивной терминологии. Данный обзор ставит своей целью не только перечислить существующие издания, но и оценить их актуальность, полноту, а также соответствие современным требованиям к лексикографическому представлению терминологического материала [8, 14].

По широте охвата специальных лексических единиц, входящих в словарь, в исследуемой области выделяют общеспортивные (включают термины разных видов спорта), межспортивные (включают термины, встречающиеся в двух и более схожих видах спорта) и узкоспециальные (включают лексику какого-либо одного вида спорта) словари. Поскольку наша цель — создание общеспортивного словаря, мы включили в обзор только словари первого типа, изданные в печатном виде или представленные в компьютерном формате. Электронные словари, размещённые в сети Интернет, мы не рассматривали, так как зачастую невозможно установить автора и определить научную редактуру подобных ресурсов, что ставит под сомнение достоверность представленной информации. Кроме того, интернет-словари часто носят стихийный характер, не обладают чёткой структурой и не придерживаются единых лексикографических принципов.

В рамках данной работы не исследовались словари, в названии которых присутствует слово «Физкультура». Это обусловлено тем, что, несмотря на тесную связь, физкультура и спорт представляют собой различные сферы деятельности. С физической культурой связаны названия оздоровительных процедур, в то время как спортивная терминология охватывает специфические приёмы, тактики, правила соревнований и другие узкоспециализированные понятия, характерные для конкретных видов спорта.

Нашим требованиям соответствуют два словаря: «Словарь спортивных терминов» под общей редакцией Р. Р. Салимзянова (2008 г.; включает 1500 наименований)¹; «Терминология спорта. Толковый словарь-справочник» М. И. Блеера, Ф. П. Суслова и Д. А. Тышлера (2010 г., первое издание — 2001 г.; включает 10000 наименований)². В качестве неоспоримых достоинств данных изданий назовём удобную алфавитно-гнездовую организацию материала, облегчающую поиск и понимание связей между различными понятиями; достаточно широкий охват терминологии; ориентацию на широкую аудиторию. В то же время указанные словари имеют сегодня существенные недостатки:

1. Отсутствие терминов новых видов спорта. Словари были изданы в 2008–2010 гг., и за прошедшее время в спортивной сфере произошли значительные изменения. В частности, в них отсутствует терминология появившихся за последние десятилетия видов спорта, таких как *киберспорт*, *фиджитал-спорт* и др., что снижает их актуальность для современных пользователей.

2. Спорная терминологическая принадлежность некоторых единиц. Ряд наименований, включённых в словари, на наш взгляд, не имеет статуса термина в строгом смысле этого слова, а скорее относится к общеупотребительной лексике, используемой в спортивном контексте (*интерес*, *джип*).

3. Включение лексики из других областей знания. Например, в указанные словари входят наименования из анатомии (*головка мышцы*, *голень*, *сустав*), медицины (*кардиология*), физиологии (*питание*, *массаж*, *облучение ультрафиолетовое*, *глюкоза*, *пульс*), семиотики (*пиктограмма*), музыки (*ритм музыкальный*), психологии (*перцепция*, *диссонанс когнитивный*, *аффект*), юриспруденции (*лицензия*) и др., что расширяет их охват, но размывает границы спортивной терминологии и усложняет поиск конкретных спортивных терминов.

4. При толковании некоторых терминов наблюдается **избыточная многословность дефиниций**.

Анализ сильных и слабых сторон данных изданий позволил сформулировать конкретные задачи и направления для разработки нового словаря спортивных терминов.

¹ Словарь спортивных терминов / под общ. ред. Р. Р. Салимзянова. Ульяновск : УВАУ ГА(и), 2008. 116 с.

² Блеер, А. Н. Терминология спорта. Толковый словарь-справочник / А. Н. Блеер, Ф. П. Суслов, Д. А. Тышлер. М.: Издательский центр «Академия», 2010. 464 с.

Следующие принципы призваны обеспечить создание актуального, полного, точного и удобного в использовании лексикографического ресурса.

1. Ориентация на широкую аудиторию. Словарь должен быть доступным и понятным для широкого круга пользователей, интересующихся спортом, независимо от их уровня подготовки. В то же время, словарь должен содержать лингвистически точные и подробные описания терминов, удовлетворяющие потребностям профессиональных лингвистов и терминоведов. Это предполагает сочетание простоты изложения с научной точностью.

2. Строгий отбор терминологических единиц. В наш словарь войдут общеспортивные (используемые во всех видах спорта), межспортивные (используемые в нескольких видах спорта) и узкоспециальные (используемые в одном виде спорта) термины. Специальные наименования из других сфер, так или иначе связанных со спортом, в издание включены не будут.

Мы выделили следующие тематические группы, охватывающие весь спектр спортивных понятий: 1) наименования видов и подвидов спорта, 2) наименования деятелей спорта, 3) наименования технико-тактических приёмов, 4) наименования умений и навыков, 5) наименования снарядов, 6) наименования транспортных средств, 7) наименования нарушений и штрафных мер, 8) наименования мест деятельности, зон и границ, 9) наименования видов соревнований и их частей, 10) наименования амуниции, 11) наименования мер, величин и статистических категорий, 12) наименования качеств спортсменов, 13) наименования способов и результатов подготовки спортсменов к соревнованиям, 14) наименования спортивных объединений, 15) наименования званий и разрядов, 16) судебские термины контроля над состязаниями [4, с. 114–123]. Словарь должен охватывать терминологию максимально широкого спектра видов спорта, от олимпийских и наиболее популярных до менее известных и развивающихся.

В качестве **критериев отбора** терминов для общеспортивного словаря выделим такие, как распространённость и частотность употребления, терминологическая стабильность и нормативность, однозначность и прозрачность, семантическая значимость лексической единицы, актуальность и соответствие современным тенденциям [3, 10, 13].

3. Соблюдение современных лексикографических требований к составлению дефиниций и их языковому оформлению. К таким

требованиям, в частности, относятся: семантическая дифференциация, оптимальный объём, полнота определения, терминологическая непротиворечивость, соблюдение логической корректности. При создании определений важно учитывать то, что они формируются путем обобщения конкретных объектов до уровня абстрактного понятия (термина). Ключевым этапом является выделение и систематизация значимых характеристик, присущих данному объекту. Совокупность этих характеристик определяет его основные (родовые) признаки и отличительные (видовые) свойства.

Отметим, что при составлении толкований необходимо опираться на авторитетные источники, такие как своды правил отдельных видов спорта, научные публикации и экспертные заключения, избегать двусмысленности и неточностей в формулировках.

4. Информативная структура словарной статьи.

а) Заголовочное слово (лемма). Слово в начальной форме (именительный падеж, единственное число для существительных и прилагательных; инфинитив для глаголов). Отметим, что в качестве самостоятельных терминов в подязыке спорта могут выступать разные части речи (существительные, прилагательные, глаголы, наречия). Заголовочное слово печатается прописными буквами и выделяется жирным шрифтом.

б) Зона орфоэпической информации. Ударение обозначается знаком акцента сверху справа от ударной гласной (ВБРА'СЫВАНИЕ).

в) Зона этимологической информации. Поскольку в исследуемой терминологии много заимствованных слов, мы считаем нужным давать информацию о происхождении того или иного наименования. Поместим её в квадратные скобки. Этимологическая справка может включать слово из языка-источника и перевод.

г) Зона грамматической информации. Принадлежность слова к той или иной части речи обозначается указанием парадигматических форм, например, у существительных это категория рода (*м., ж., ср.*) и указание на окончание формы родительного падежа (*-а, -ы*), у глаголов — указание на видовую принадлежность (*сов., несов.*) и т. д. В том случае, если термин представляет собой словосочетание, грамматическая справка даётся на главное слово.

д) Указание на вид спорта. Обозначается сокращённым названием вида спорта, к которому

относится термин: (*баск.*) — баскетбол; (*фут.*) — футбол; (*легк. атл.*) — легкая атлетика; (*плав.*) — плавание. Если термин используется в нескольких видах спорта, указываются все. Если является универсальным (например, *результат, победа, поражение*) — используется помета *общесп.* (общеспортивный).

е) Указание на синонимы (если есть). Указание синонимичных терминов помогает расширить словарный запас и лучше понять нюансы значения. Синонимы предлагаем поместить в круглые скобки с пометой *син.*

ж) Толкование термина. Чёткое и лаконичное определение значения термина в контексте указанного вида спорта, понятное для широкой аудитории, но достаточно точное для специалистов. Может содержать несколько значений, если термин многозначен, с нумерацией каждого значения. При формулировке значений важны полнота и точность дефиниций, в то же время необходимо избегать громоздких определений. Мы исходим из того, что каждое толкование должно уместиться в одно предложение.

Важно соблюдать единообразие в оформлении всех словарных статей для обеспечения удобства использования словаря. Приведём пример полной словарной статьи:

ФОЛ [англ. *foul play* — нечестная игра], сущ., *-а, м., фут., баск., хок., вол., ганд., рег, арм. (син. нарушение правил)*. Действие спортсмена в ходе соревнований, которое противоречит правилам того или иного вида спорта, а также само наказание.

5. Систематизация и структура. Словарь должен иметь чёткую макро- и микроструктуру, а также использовать удобную систему расположения терминов, облегчающую поиск необходимой информации. Мы предлагаем алфавитно-гнездовой порядок в качестве основного принципа организации. В тех случаях, когда термины связаны родо-видовыми отношениями, информация о видовом термине включается в статью родового термина как подстатья.

6. Динамичность и гибкость. Словарь должен быть разработан с таким учётом, чтобы автор имел возможность его регулярно обновлять и дополнять новыми терминами, отражающими изменения в спортивной сфере.

На наш взгляд, соблюдение перечисленных принципов позволит создать ресурс, отвечающий потребностям широкого круга пользователей и способствующий унификации и систематизации спортивной терминологии.

Выводы

Основная цель нашего исследования заключалась в определении принципов отбора и систематизации терминологического материала, а также в формировании структуры и содержания словарных статей. Мы провели критический анализ существующих лексикографических источников, изданных после 2000 г., и выявили их сильные и слабые стороны. В результате этого анализа были сформулированы конкретные задачи и направления для создания нового словаря спортивных терминов.

Мы разработали концептуальную модель для будущего словаря спортивных терминов: определили ключевые принципы отбора терминов и требования к структуре словарных статей. Указанные принципы включают ориентацию на ши-

рокую аудиторию, строгий отбор терминологических единиц, соблюдение современных лексикографических требований к составлению дефиниций, информативную структуру словарной статьи, чёткую систематизацию и структуру, а также динамичность и гибкость словаря. Перспективы исследования видим в дальнейшем развитии и реализации предложенной концепции. Следующим этапом работы будет фактическое создание словаря, опирающегося на разработанную методологическую базу. Предположим, что данное исследование поможет заложить основы для создания современного и актуального словаря спортивных терминов, который будет полезен как для широкой аудитории, так и для специалистов в области спорта и лингвистики.

Список источников

1. Авакова Л. А. Структурно-семантический и функциональный анализ терминосистемы «Шахматы»: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Майкоп, 2006. 19 с.
2. Голованова Е. И. Введение в когнитивное терминоведение: учебное пособие. М.: Флинта, 2024. 304 с.
3. Гуреева Е. И. Спортивная терминология в лингвокогнитивном аспекте: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 — теория языка. Челябинск, 2007. 175 с.
4. Едличко А. И., Яфаров Р. Х. Проблемы лексикографирования спортивной лексики / Лексикография и коммуникация-2021. Сборник материалов VII Международной научной конференции. Отв. редактор А. П. Седых. Белгород, 2021. С. 31–37.
5. Комарова З. И. Семантическая структура специального слова и ее лексикографическое описание. Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1991. 156 с.
6. Крысин Л. П. Слово в современных текстах и словарях: очерки о русской лексике и лексикографии. М.: Знак, 2008. 318 с.
7. Кулькова О. Д. Структурно-семантические особенности спортивной терминологии. Разработка словаря спортивных терминов / Актуальные проблемы филологии и журналистики. Материалы XXXVII ежегодной научной студенческой конференции с международным участием. Нижний Новгород, 2025. С. 54–65.
8. Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. М.: Либроком, 2012. 261 с.
9. Лотте Д. С. Основы построения научно-технической терминологии: Вопросы теории и методики. М.: Наука, 1961.
10. Попов Р. В. Русская спортивная терминология (на материале баскетбольной терминосистемы): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Северодвинск, 2003. 24 с.
11. Прохорова В. Н. Русская терминология (Лексико-семантическое образование). М.: Филол. фак. МГУ, 2013. 125 с.
12. Рудакова А. Г. Принципы отбора терминологической лексики при составлении словаря терминов по специальности / Горный информационно-аналитический бюллетень. 1999. № 1. С. 100–101.
13. Рылов А. С. Терминологическая система «Футбол» в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 1998. 20 с.
14. Тенчурина Л. З. Спортивная терминология и словари спортивных терминов / Научный вестник МГУСиТ: спорт, туризм, гостеприимство. 2024. № 3 (81). С. 35–54.
15. Юрковский И. М. Активные процессы в русской спортивно-игровой лексике. Кишинев: Штиинца, 1988. 117 с.

References

1. Avakova LA. Structural-Semantic and Functional Analysis of the “Chess” Terminology System: Abstr. dis. ... Cand. Philol. Sci.: 10.02.01. Majkop, 2006. 19 p. (In Russ.).
2. Golovanova EI. Introduction to cognitive terminology. M.: Flinta, 2024. 304 p. (In Russ.).
3. Gureeva EI. Sports terminology in the linguacognitive aspect: dis. ... Cand. Philological Sciences: 10.02.19 Theory of language. Chelyabinsk, 2007. 175 p. (In Russ.).
4. Edlichko AI, Yafarov RX. Some issues of lexicography representation of sport terms / *Leksikografiya i kommunikaciya-2021 = Lexicography and Communication-2021*. Collection of materials of the VII International scientific conference. Otv. redaktor A.P. Sedy`x. Belgorod, 2021. P. 31-37. (In Russ.).
5. Komarova ZI. The semantic structure of a special word and its lexicographical description. Sverdlovsk: Izd-vo Ural'skogo universiteta, 1991. 156 p. (In Russ.).
6. Kry`sin LP. The word in modern texts and dictionaries: essays on Russian lexis and lexicography. M.: Znack, 2008. 318 p. (In Russ.).
7. Kul`kova OD. Structural and semantic features of sports terminology. Developing a dictionary of sports terms / *Aktual`ny'e problemy` filologii i zhurnalistiki = Current issues in philology and journalism*. Proceedings of the XXXVII annual scientific student conference with international participation. Nizhnij Novgorod, 2025. P. 54-65. (In Russ.).
8. Lejchik VM. Terminology science. Subject, methods, structure. M.: Librokom, 2012. 261 p. (In Russ.).
9. Lotte DS. Fundamentals of constructing scientific and technical terminology: issues of theory and methodology. M.: Nauka, 1961. (In Russ.).
10. Popov RV. Russian sports terminology (based on basketball terminology): abstr. dis. ... Cand. Philol. Sci. Severodvinsk, 2003. 24 p. (In Russ.).
11. Proxorova VN. Russian terminology (Lexical and semantic formation). M.: Filol. fak. MGU, 2013. 125 p. (In Russ.).
12. Rudakova AG. Principles of selecting terminology for a specialized dictionary. *Gornyj informacii i analiticheskij byulleten` = Mining information and analytical bulletin*. 1999;(1):100-101. (In Russ.).
13. Ry`lov AS. The “football” terminology system in the Russian language: Abstr. dis. ... Cand. Philol. Sci. Nizhnij Novgorod, 1998. 20 p. (In Russ.).
14. Tenchurina LZ. Sports terminology and dictionaries of sports terms. *Nauchnyj vestnik MGUSiT: sport, turizm, gostepriimstvo = Scientific bulletin of the Moscow State University of Sport and Tourism: sports, tourism and hospitality*. 2024;(3(81)):35-54. (In Russ.).
15. Yurkovskij IM. Active processes in Russian sports and game lexis. – Kishinev: Shtiincza, 1988. 117 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Е. И. Минина — кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания.

Information about the author

E. I. Minina — Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of the Department of Theoretical And Applied Linguistics.

Статья поступила в редакцию 03.09.2025; одобрена после рецензирования 10.09.2025; принята к публикации 17.09.2025.

The article was submitted 03.09.2025; approved after reviewing 10.09.2025; accepted for publication 17.09.2025.

Автор заявляет об отсутствии конфликтов интересов.

The author declares no conflicts of interests.

АНАЛИЗ ЯЗЫКА И ДИСКУРСА В КОГНИТИВНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ

ANALYSIS OF LANGUAGE AND DISCOURSE IN COGNITIVE-LINGUISTIC METHODOLOGY

Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 9 (503). С. 33–41.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2025;(9(503):33-41.

Научная статья

УДК 81-2

DOI: 10.47475/1994-2796-2025-503-9-33-41

ДИСКУРСИВНАЯ КАРТИНА МИРА *FREELANCING* В ДЕЛОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Евгения Юрьевна Кислякова¹, Санья Ибрагимовна Маджаева²

¹Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград, Россия,
evgenia.kislyakova2@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-6425-9829

²Астраханский государственный медицинский университет, Астрахань, Россия, sanya-madzhaeva@yandex.ru,
ORCID: 0000-0001-8478-9616

Аннотация. В статье рассматривается дискурсивная репрезентация ключевых понятий, категорий, скриптов, составляющих картину мира трудовой занятости на современном рынке труда в аспекте *freelancing*. Описывается концептуальная модель новых трудовых отношений, средства её вербализации, включая дискурсивную актуализацию неологизмов, номинирующих различные формы и способы профессиональной деятельности. Основными номинантами рассматриваемого понятийного поля являются такие лексемы, как *freelancing*, *patchworking*, *gig-economy* и др. Выделяются интегральные и дифференциальные признаки понятийного поля *freelancing*, а также их дискурсивные конкретизаторы, дополняющие картину мира современного рынка труда. Интегральными семами понятийного поля *freelancing* являются *'someone/one of people/person/worker/employee'*, *'employment/work/job/business'*. Дифференциальные семы, конкретизирующие понятийное поле *freelancing* включают следующие: *'increasing number of people'*, *'work for different organisations'*, *'from home/different places'*, *'part-time/temporary/for a short time'*, *'the internet'*, *'agreed amount of money'*, *'without benefits'*. Дискурсивная репрезентация понятийного поля *freelancing* позволяет выявить наиболее актуальные смысловые признаки и конкретизаторы, отражающие современное состояние и тенденции на рынке труда в англоязычном сообществе: удалённая работа, гибкий график, баланс личного и рабочего времени, поиск путей реализации таланта в условиях самозанятости, многозадачность и пр.

Ключевые слова: дискурсивная картина мира, интегральные семы, дифференцирующие семы, деловой дискурс, дискурсивная репрезентация, неологизмы, номинации форм рабочей занятости

Для цитирования: Кислякова Е. Ю., Маджаева С. И. Дискурсивная картина мира *freelancing* в деловой коммуникации // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 9 (503). С. 33–41. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-503-9-33-41.

Original article

VIEW ON *FREELANCING* IN BUSINESS COMMUNICATION DISCOURSE

Evgenia Y. Kislyakova¹, Sanya I. Madzhaeva²

¹ Volgograd State Social Pedagogical University, Volgograd, Russia, evgenia.kislyakova2@yandex.ru,
ORCID: 0000-0001-6425-9829

² Astrakhan State Medical University, Astrakhan, Russia, sanya-madzhaeva@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-8478-9616

Abstract. The article outlines discursive representation of key notions, categories and scripts constituting the worldview on employment in the contemporary job market in the aspect of *freelancing*. A new conceptual model of working relations is described, as well as its verbal means, including discourse neologisms that nominate various forms and ways of professional activity. The most common nominations for the notional field under discussion are *freelancing*, *patchworking*, *gig-economy*, etc. Pointed out integral and differentiating qualities of the notional field of *freelancing*, along with discursive specifiers that concretize the worldview on the contemporary job market. The integral semes of the notional field of *freelancing* are 'someone/one of people/person/worker/employee', 'employment/work/job/business'. The differentiating semes specifying the notional field of *freelancing* include the following: 'increasing number of people', 'work for different organisations', 'from home/different places', 'part-time/temporary/for a short time', 'the internet', 'agreed amount of money', 'without benefits'. Discursive representation of the notional field of *freelancing* highlights the most significant notional qualities and specifiers that characterize the contemporary conditions and tendencies in the English-speaking job market: *remote work*, *flexible schedule*, *work-life balance*, *talent realization for the self-employed*, *multitasking*, etc.

Keywords: discourse worldview, integral semes, differentiating semes, business discourse, discursive representation, neologisms, nominations of the forms of employment

For citation: Kislyakova EY, Madzhaeva SI. View on *Freelancing* in Business Communication Discourse. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(9(503):33-41. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-503-9-33-41.

Введение

В последние десятилетия тема дискурсивной картины мира привлекает внимание исследователей, чьи научные интересы направлены на изучение взаимосвязи между языком, мышлением и культурой. Под дискурсивной картиной мира следует понимать концептуальную модель, которая описывает, как язык и дискурс формируют восприятие реальности [10].

В современной лингвистике выделяются следующие основные подходы к пониманию дискурсивной картины мира: системно-структурный, функциональный, онтологический и когнитивный. Системно-структурный подход акцентирует внимание на дескриптивных, ценностных, деятельностных и семиотических аспектах, в то время как функциональный подход исследует, как эти аспекты взаимодействуют и влияют на восприятие мира [11].

Онтологический подход направлен на анализ соотношения дискурсивной картины мира с социальным порядком. Данный подход также рассматривает процесс формирования такой картины под влиянием дискурсивных практик. В результате, дискурсивная картина мира представляет собой динамическую систему понятий, формирующих как язык, так и реальность [9].

В ряде работ исследуется связь между дискурсивной картиной мира и когнитивной деятельностью, что позволяет описать процессы восприятия мира языковой личностью через призму языка и дискурса [5].

В рамках нашего исследования предполагается применение комбинированного подхода на основе системно-структурной и функционально-когнитивной составляющих дискурса на тему

freelancing, т. к. это позволит выявить содержательные и социально-интерактивные особенности современного профессионального взаимодействия. Методология исследования дискурсивной картины мира основывается на дискурс-анализе с частым привлечением поликодовых текстов с целью выявления механизмов воздействия различных знаковых систем на восприятие реальности языковой личностью [7].

Н. Фэрклав характеризует дискурс как промежуточный уровень между текстом и социальным контекстом, осуществляющим связь между внутренними отношениями в тексте и его внешними отношениями. Среди признаков дискурса особое место занимает его способность конструировать социальный мир коммуникантов [14].

Таким образом, **актуальность** данной исследовательской проблемы заключается в её соответствии направлениям современных лингвистических изысканий.

Целью данной работы является описание дискурсивной картины мира современного рынка труда в англоязычном сообществе в аспекте *freelancing* как обобщённого результата формирования определённых категорий, понятий, сценариев поведения (скриптов), социально-интерактивной и содержательной составляющих в профессиональном взаимодействии коммуникантов.

Материалы и методы исследования

В ходе исследования использовались как общенаучные (анализ, синтез), так и частнонаучные методы (компонентный анализ, контекстуальный анализ, дискурс-анализ).

В результате сплошной выборки было отображено 54 контекста вербализации понятийного поля

freelancing в англоязычных деловых аналитических статьях и блогах, раскрывающих особенности реализации трудовых отношений в современных условиях удалённой работы и гибкости рабочего графика и опубликованных в первой четверти XXI столетия.

Современные тенденции на рынке труда: определение ключевых понятий

Согласно исследованиям таких учёных, как З. Д. Попова, И. А. Стернин, понятия как дискретные содержательные единицы коллективного сознания, отражающие предмет реального или идеального мира и хранимые в национальной памяти носителей языка в вербально обозначенном виде, представляют собой явление национального характера [10]. В связи с этим имеют место исследования конкретных понятий в различных лингвокультурах, например, в англоязычной лингвокультуре.

Однако в связи со способностью понятий видоизменяться, т. е. терять часть своих компонентов и приобретать новые вследствие исторических и общественных изменений, в научных кругах встаёт вопрос об ограниченности понятий временными рамками и экзистенциальным контекстом [8].

Считаем необходимым рассмотреть экзистенциальный (вертикальный) контекст данного периода. По мнению ряда исследователей, следует учитывать такие особенности, как культурно-исторические, социальные, политические факты, реалии данной страны и эпохи, общий историко-филологический фон и литературно-общественную борьбу эпохи, стилистические традиции и культурные аллюзии, т. е. информацию общекультурного плана [1, 2].

Говоря о вертикальном контексте, следует отметить, что на деловую конъюнктуру XXI в. повлияли различные факторы, но наиболее значимым из них оказалась двухлетняя пандемия, а также переход от капиталистической к цифровой экономике. Вертикальный контекст данной временной эпохи включает такие признаки, как экономический спад, рост цен, нестабильность рынка, самозанятость, необходимость нестандартных бизнес-решений, принцип сохранения баланса между работой и личным временем и др. Данные факторы играют определяющую роль в процессе семантизации целого ряда понятий, поскольку они представляют собой ключевые слова эпохи [13]. Следует отметить, что лексемы, объективирующие дискурсивную картину мира на рынке труда, относятся как к общеупотребительным словам, так и к неологизмам.

Наиболее полно адаптацию социума к изменению условий его существования отображают неологизмы, по сути являющиеся средством творческого восприятия реальности. Неологизмы входят в категорию слов, обладающих наибольшей языковой активностью, отражённой в их экспрессивном характере и аксиологическом плане [6], поэтому такие языковые единицы будут учтены в анализе средств объективации дискурсивной картины мира современного рынка труда.

Семантизация ключевых понятий

Поскольку семасиология рассматривает значение как многокомпонентную структуру, состоящую из ряда минимальных значимых единиц — сем, то считаем целесообразным выделить интегральные и дифференциальные семы в содержании понятия *freelancing* и других смежных с ним лексем.

Обратимся к комплексной методике семантико-когнитивного исследования, разработанной З. Д. Поповой и И. А. Стерниным [10]. На начальном этапе с помощью приёма сплошной выборки было выявлено восемь ключевых слов, номинирующих понятийное поле *freelancing*, среди которых словом-репрезентантом является *freelancer*, а остальные слова выявляются в результате его синонимического расширения: *self-employed*, *out-of-house*, *independent*, *temporary*, *patchworker*, *digital nomad*, *remote worker*¹.

На следующем этапе был проведен компонентный анализ лексико-семантических вариантов (семем) отобранных единиц, зафиксированных в таких современных и актуальных словарях, как Cambridge Dictionary² и Urban Dictionary³. В результате были выявлены архисемы и дополнительные семантические признаки каждой из лексем. В случае совпадения архисем можно выделить интегральные семы понятийного поля *freelancing*, в то время как дополнительные признаки составляют дифференциальные семы, конкретизирующие данное поле. Представим результаты семантико-компонентного анализа понятийного поля *freelancing* в виде табл. 1.

¹ Collins Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english-thesaurus/freelance> (дата обращения: 05.12.2024).

² Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english> (дата обращения: 14.08.2025).

³ Urban Dictionary. URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=patchworker> (дата обращения: 14.08.2025).

Таблица 1

Table 1

Семантические признаки понятийного поля *freelancing*

Слово / Понятие	Значение	Архисемы	Дополнительные семантические признаки
freelancer	someone who does particular <i>pieces</i> of work for <i>different</i> organisations, rather than working all the time for a <i>single</i> organization	'someone' 'work'	'pieces of work' 'particular' 'different, not single organisation'
self-employed	<i>not</i> working for an employer but finding work for <i>yourself</i> or having <i>your own business</i>	'work'	'yourself/your own' 'not for an employer' 'business'
out-of-house	if an employee of a company works out of house, they work <i>from home rather than in the offices</i> of that company	'employee' 'work'	'from home rather than office'
independent (worker)	a person who agrees to do a <i>particular</i> job for <i>someone else</i> for an <i>agreed amount</i> of money but who is <i>not</i> an <i>employee</i>	'person' 'job'	'particular' 'agreed amount of money' 'not an employee' 'for someone else'
temporary	a <i>temporary</i> worker is employed only for a <i>short period</i> of time	'worker' 'employed'	'temporary' 'for a short period'
digital nomad	someone who does <i>not</i> have a <i>permanent office or home</i> and works from <i>different countries, towns, or buildings</i> using the <i>internet</i>	'someone' 'work'	'not permanent office/home' 'different places' 'the internet'
remote worker	an employee working at their <i>home</i> , or in some other place that is <i>not</i> an organization's usual <i>place of business</i>	'employee' 'work'	'home' 'place of business'
patchworker	one of an <i>increasing number</i> of people unable to find full-time employment , and who resort to taking <i>many part-time jobs</i> without <i>benefits</i>	'one of people' 'employment'	'increasing number' 'many part-time jobs' 'without benefits'

Согласно приведённым данным в таблице, в качестве интегральных сем в значениях вышеуказанных лексем можно выделить такие, как 'someone/one of people/person/worker/employee', 'employment/work/job/business'. Данные семы указывают на общность номинативных понятий, относящихся к человеку и сфере бизнеса, трудовой занятости.

Дифференциальные семы, актуальные для понятийного поля *freelancing*, складываются из дополнительных семантических признаков: 'increasing number of people', 'work for different organisations', 'from home/different places', 'part-time/temporary/for a short time', 'the internet', 'agreed amount of money', 'without benefits'.

Выявленные признаки не являются исчерпывающими, поскольку содержание и объём рассмотренных понятий уточняется в результате дискурсивной репрезентации *freelancing*, о чём подробнее будет сказано в следующем разделе статьи.

Дискурсивный анализ ключевых понятий

За два последних десятилетия учёные признали деловой дискурс самостоятельной отраслью дис-

курсивных исследований [12]. Сегодня под деловым дискурсом понимается текстуализированное общение [3, 4], которое конструируется коммуникантами в ходе выполнения своих каждодневных обязанностей, решения деловых вопросов и пр.

В настоящее время выделяют следующие основные трактовки делового дискурса: 1) официальный, административно-институциональный деловой дискурс; 2) деловой дискурс как речевая практика определённой сферы; 3) деловой дискурс как business communication. В нашем исследовании мы будем понимать деловой дискурс в его втором значении, рассматривая тексты таких жанров, как блоги и аналитические статьи, в которых изучается и аргументируется природа новых понятий в англоязычной бизнес-среде (всего 54 контекста из 15 источников): *freelancing*, *patchworking*, *gig-economy*, *binge-time careerism*, *compressed hours*, *zig-zag careers*, *nomadic workers*, *virtual office*, *keyboard corporations*, *cluster communities*, *techvilles*, *shadow careers*, *demuting*, *non-linear working patterns*, *swing time* и др.

Рассмотрим следующий пример:

Patchwork Principle is “a freelance career strategy based on the simple idea that working for a number of employers simultaneously presents unique business opportunities and insulates an individual from sudden and total job loss. In short, enjoyable work in abundance is the signature of this business model”⁴.

В данном фрагменте понятие *patchworker* отождествляется с фрилансером (*Freelancing, except apparently Cardinale calls it “patchworking”*), приоритетом которого становится поиск нескольких источников дохода с целью обеспечить себя гарантированным заработком в случае потери одной из работ. Данный контекст раскрывает необходимость такой «профессиональной пестроты и мозаичности», т. к. это один из способов решения текущих проблем безработицы, выгорания, дестабилизации в рыночной экономике [15].

В результате, понятие *patchworker* обнаруживает латентный признак, обусловленный образностью его начальной формы, — разносторонность как уникальное деловое качество, открывающее возможности профессионального роста и сохранения заработка (*unique business opportunities and insulates an individual from sudden and total job loss*). Кроме этого, подход к работе в стиле *patchworking* является более мотивирующим, приносящим удовлетворение в силу постоянной смены деятельности и её содержания (*enjoyable work in abundance*).

В современной бизнес-среде концепция пэтчворкинга становится настолько серьезной, что приобретает статус карьерной деятельности:

It might have a different name — a jigsaw career or a jumble career, but in principle it’s a freelance career path where you choose to work simultaneously for several employers. The often-talked-about gig economy is a step toward this model – it typically features people completing short term assignments for an employer before moving on⁵.

Основными дискурсивными смыслами выступают «многозадачность в рамках ограниченного времени» (*short term assignments*), «сотрудничество с несколькими работодателями» (*work simultaneously for several employers*), «непредсказу-

емость, зигзажность, ребусность» (*a jigsaw career or a jumble career*), «проектность, ограниченность рыночным запросом» (*gig economy*).

В деловом дискурсе раскрываются основные характеристики карьеры в стиле *patchworking*:

- **Connections and networking** — *to supply enough work, it will be important to have contacts and links into a range of organisations.*

- **Discipline** — *there will no doubt be a wealth of temptations when planning a day...the focus required to work a sensible amount of hours will be critical to ensure the mortgage gets paid at the end of the month!*

Changing direction — *in addition to multitasking and prioritising skills which are important, I think that ability to switch focus from one client to another is even more essential; or maybe even complete further training if industry changes are swinging toward a different path than yours⁶.*

Приведённый фрагмент раскрывает такие дискурсивно значимые признаки как «поддержание контактов и связей» (*contacts and links*), «дисциплина» (*planning a day*), «правильный баланс работы и личной жизни» (*the focus required to work a sensible amount of hours*), «расстановка приоритетов» (*prioritising*), «переключение внимания с одного клиента на другого» (*switch focus from one client to another*), «гибкая смена рабочих навыков» (*further training*), «привлекательность» (*attractive career option*).

Следующий пример раскрывает различия между *patchworking* и *freelancing*:

*Freelancing has been associated with **gigonomics**. Gigonomics is defined as a penny ante slog trying to just survive another day and piece it together. Freelancing has been depicted in a very negative light. It’s a focus on desperation, and it’s a myopic view of the landscape <...> freelancing (patchworking) is a more stable form of employment: when you simultaneously work for a number of employers, you’re able to make a connection with multiple companies, multiple decision makers, and, perhaps, in multiple fields or industries. If one of those jobs accounts for ten percent of your total workload and that job goes away, then you’ve only lost ten percent of your employment rather than if you lost one 9-to-5 job and you’ve lost 100 percent of your employment⁷.*

⁴ Patchworking Is The New Freelancing? URL: <https://www.adweek.com/performance-marketing/patchworking-is-the-new-freelancing/> (дата обращения: 10.01.2025).

⁵ Could you have a patchwork career? URL: <https://www.lawcareers.net/Explore/LCNSays/Could-you-have-a-patchwork-career> (дата обращения: 10.01.2025).

⁶ Ibid.

⁷ A Miscellany of modern words and phrases. URL: <https://archive.nytimes.com/schott.blogs.nytimes.com/2011/02/24/patchworker/#:~:text=Alternative%20term%20for%20a%20freelancer,connections%20across%20companies%20and%20industries> (дата обращения: 10.01.2025).

Как видно из приведенного примера, фриленсинг оценивается негативно, т. к. такой вид дохода не даёт уверенности в завтрашнем дне и представляется «близоруким» подходом к имеющимся возможностям рынка. Пэтчворкинг, совмещающий в себе работу в разных сферах, позволяет сохранить долю дохода даже в случае потери работы на одном из направлений. Следовательно, понятие *patchworking* коннотирует преимущественно положительные смыслы, образы и оценки.

Более привлекательной формой трудовой занятости представляется работа цифрового кочевника (*digital nomad*), которая стала наиболее популярной в период пандемии ковида. Сотрудники такого статуса не теряют свое рабочее место в компании (*corporate nomad*), имеют возможность свободного перемещения в разные локации, в которых представлены интересы компании (*increasingly participate part-time in geographically dispersed initiatives and projects within their employer's global network*): *These are individuals who, while maintaining a full-time employment relationship with their organizations, will increasingly participate part-time in geographically dispersed initiatives and projects within their employer's global network. The benefits are many. It gives individuals a sense of financial stability while also allowing them be exposed to new people, new geographies, new cultures, new values, and new work projects without having to leave their current organization.*⁸

В современном англоязычном дискурсе модели цифрового кочевника отводится значимое место, поскольку она позволяет реализовывать корпоративные ценности, связанные с отбором и дальнейшим продвижением особо отличившихся сотрудников: *Fostering this type of global exposure and contribution will also become an increasingly important and effective way for organizations to retain and develop top talent.*⁹

В деловом дискурсе подчеркивается сознательный переход корпораций к форме трудового взаимодействия по модели цифрового кочевника, что делает ее одним из самых вероятных и популярных способов карьерного роста. На языковом уровне это отражается в номинации *career nomads*, значение которой можно выявить через ее дискурсивную репрезентацию: *People who tend to move from job to job, changing companies or careers more frequently than average workers. Career*

*nomads are not mediocre talent, leaving before their lackluster performance is discovered. They are highly talented, highly learning agile, sought-after professionals that are not content to stay in one place, and seek out progressive challenges and learning opportunities <...> Organizations with best-in-class talent practices leverage more value from career nomads and reduce the risk of losing these learning-oriented high performers.*¹⁰

Приведенный пример подчеркивает такие значимые признаки карьерного кочевника, как 'выдающийся талант', 'востребованный прогрессивный специалист', 'способный к обучению и переподготовке'.

Современный рынок труда в дискурсивной картине мира предстает как сфера инновационных поисков и решений, благодаря которым возможна эффективная экономика: *the time is ripe for innovation and a dynamic forward-thinking approach to how the workplace is organised and how individuals access opportunities in the 21st Century; to attract a more diverse workforce and raise productivity by opening up new ways of working.*¹¹

Другими отличительными признаками экономики новых трудовых отношений являются 'многоплановость и разнообразие работы', 'гибкость', 'простота', 'скорость реакции', 'энергичный темп производства': *Everyone who comes to Listawood is surprised by the degree of flexible working and how easy it is. It's allowing us to become an agile manufacturer with quick and flexible responses to customer needs... Work patterns are extraordinarily diverse and we've found that flexibility is a two-way street*¹² (*подчёркнуто авторами. — Прим. авт.*).

Одним из определяющих признаков, репрезентированных в деловом дискурсе последней четверти текущего столетия, является наличие гибкого графика работы, что в недавнее время способствовало появлению такой модели трудовых отношений, как *binge working*. Данное понятие представляет собой неологизм, активно употребляющийся в деловой аналитике. Приведем следующий пример: *Wouldn't your life be better if you worked 12-hour shifts on fewer days, or compressed it all into six months and relaxed the rest of the year. Kate Hilpern investigates a growing trend to let work-*

⁸ The rise of the corporate nomad. URL: <https://hbr.org/2022/03/the-rise-of-the-corporate-nomad> (дата обращения: 15.08.2025).

⁹ Ibid.

¹⁰ Career nomads calculator. URL: <https://www.kornferry.com/career-nomads-calculator> (дата обращения: 15.08.2025).

¹¹ Transformation of work. URL: https://terryngeorge.wordpress.com/wp-content/uploads/2010/11/transformation_of_work-eoc.pdf (дата обращения: 15.08.2025).

¹² Ibid.

*ers arrange their own hours <...> they want to work compressed hours and take four-day weekends every single week. Or they want to take a month out between one job and the next. And at the most extreme end, they want to work for six months and then take six months off. These people <...> are from all age ranges and all levels of jobs and are part of a new phenomenon: binge working.*¹³

Анализ дискурсивной репрезентации модели *binge working* позволил выявить следующие признаки актуальной профессиональной деятельности: *work like crazy for weeks, take a chunk of time out of the workplace for themselves, travel, use the time for personal development, many more people are taking up the opportunity, deeply concentrated periods of work, forward-thinking employers, 'annualised hours'*. Также с помощью дискурс-анализа выявляются такие характеристики и сценарии поведения участников профессионального общения, как 'повышенная работоспособность', 'умение аргументировать преимущества работы только в определённые дни', 'осознание отрицательных последствий присутствия на работе от звонка до звонка', 'ориентация на взаимоуважение между начальником и подчинённым, что приводит к большей продуктивности и эффективности в работе'.

Также возможны негативные сценарии профессионального взаимодействия в модели *binge-working*: *There is the potential for fatigue at work <...> You can get into addictiveing <...> many find they can't escape the workplace, even during their time off <...> Finding the motivation required to get back into the swing of hard work after a long break can also be tough <...> if you work with clients directly, you're probably not in an ideal position to work compressed hours in the first place.*¹⁴

Несмотря на перечисленные выше отрицательные признаки трудовой модели *binge-working*, в целом, данная модель остается одной из самых желаемых для сотрудников различных организаций, поскольку она максимально реализует принцип сохранения баланса между работой и личным временем, тем самым уточняя данное понятие и делая его неотъемлемой характеристикой картины мира фрилансера.

Кроме этого, другими дополнительными признаками рабочей модели *freelancing* в англоязычном деловом дискурсе являются *cluster communities* (физические или виртуальные сообщ-

ества, функционирующие как общий организм, например, онлайн-платформы), *techvilles* (техно-пространства), *shadow careers* (сопутствующие карьеры), *demuting* (отсутствие необходимости ездить каждый день на работу), *non-linear working patterns* (нелинейные рабочие модели), *swing time* (послеобеденная/вечерняя смена) и др.

Таким образом, дискурсивная репрезентация понятийного поля *freelancing* позволяет выявить наиболее актуальные смысловые признаки и конкретизаторы, отражающие современное состояние и тенденции на рынке труда в англоязычном сообществе.

Заключение

Понятие *freelancing* является одним из важных маркеров деловой конъюнктуры 21 века. Вертикальный контекст данной временной эпохи включает такие фоновые знания современного носителя языка, как экономический спад, рост цен, нестабильность рынка, самозанятость, необходимость нестандартных бизнес-решений, принцип сохранения баланса между работой и личным временем и др. Данные факторы играют определяющую роль в семантизации понятий, конституирующих картину мира в деловом англоязычном дискурсе.

Интегральными семами понятийного поля *freelancing* являются *'employment/work/job/business', 'work from home or different places'*. Дифференциальные семы, конкретизирующие понятийное поле *freelancing* включают следующие: *'increasing number of people', 'work for different organisations', 'part-time/temporary/for a short time', 'not influenced or controlled'*.

Дискурсивная репрезентация понятийного поля *freelancing* позволяет выявить наиболее актуальные смысловые признаки и конкретизаторы, отражающие современное состояние и тенденции на рынке труда в англоязычном сообществе: удаленная работа, гибкий график, баланс личного и рабочего времени, поиск путей реализации таланта в условиях самозанятости, многозадачность, кратковременность и интенсивность труда, частая смена деятельности и обязанностей, потребность в быстрой адаптации, рост конкуренции, самодисциплина, независимость, продуктивность, прогрессивность и пр.

Перспективами данного исследования являются следующие:

1. На сегодняшний день необходимо изучение способов адекватного перевода неологизмов, связанных с тематикой *freelancing*.

2. Требуется исследования терминологическая природа таких неологизмов в деловом дискурсе в силу их активного употребления в текстах бизнес-аналитиков и блогеров.

¹³ URL: <https://www.theguardian.com/money/2004/apr/19/careers.theguardian> (дата обращения: 18.08.2025).

¹⁴ Ibid.

Список источников

1. Ахманова О. С., Гюббенет И. В. «Вертикальный контекст» как филологическая проблема // Вопросы языкознания. М. : Наука, 1977. № 3. С. 47–54.
2. Вербицкая М. В. Филологические основы литературной пародии и пародирования (на материале совр. англ. яз.). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. : 10.02.04. М. : МГУ, 1981. 23 с.
3. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М. : Прогресс, 1989. 320 с.
4. Деррида Ж. Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук / Ж. Деррида // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. М. : Прогресс, 2000. С. 407–427.
5. Казыдуб Н. Н. Дискурсивное пространство как фрагмент языковой картины мира (теоретическая модель): монография. Иркутск : ИГЛУ, 2006. 216 с.
6. Катермина В. В. Образный потенциал английского неологического дискурса // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 8. С. 25–32.
7. Леонтович О. А. Методы коммуникативных исследований. М. : Гнозис, 2011. 224 с.
8. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М. : Гнозис, 2003. 176 с.
9. Мельник А. В., Шемонаев Т. И. Дискурсивная картина мира: онтологический анализ // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки. 2019. Т. 14. № 2. С. 5–13.
10. Попова З. Д., Стернин И. А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж : Изд-во ВГУ, 1999. С. 3–5.
11. Резанова З. И. Языковая и дискурсивная картина мира – аспекты соотношений // Сибирский филологический журнал. 2011. № 3. С. 184–194.
12. Стеблецова А. О. Деловой дискурс и его типы: алгоритм дискурсивного анализа. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/delovoy-diskurs-i-ego-tipy-algoritm-diskursivnogo-analiza/viewer> (дата обращения: 14.08.2025).
13. Эпштейн М. М. Слова как символы эпохи. URL: <https://echo.msk.ru/programs/speakrus/1228836-echo> (дата обращения: 14.08.2025).
14. Fairclough N. Analysing Discourse. New York: Routledge, 2003. 197 p.
15. Olson E. M., Olson K. M., Czaplewski F. J., Key Th. M. Business strategy and the management of digital marketing // Business Horizons. 2021. Vol. 64. Pp. 285–293.

References

1. Ahmanova OS, Gyubbenet IV. “Vertikal’nyj kontekst” kak filologicheskaya problema = “Vertical context” as a philological problem. *Issues of Linguistics*. 1977;(3):47-54. (In Russ.).
2. Verbickaya MV. Filologicheskie osnovy literaturnoj parodii i parodirovaniya (na materiale sovr. angl. yaz.) = Philological bases of the literary parody and parody-making. Abstract of the diss. ... philological science: 10.02.04. Moscow: MGU; 1981. 23 p. (In Russ.).
3. Dejk TA van. Yazyk. Poznanie. Kommunikaciya = Language, Cognition, Communication. Moscow: Progress; 1989. 320 p. (In Russ.).
4. Derrida Zh. Struktura, znak i igra v diskurse gumanitarnyh nauk = Structure, sign and play in the discourse of the human sciences. French Semiotics: from Structuralism to Post-structuralism. Moscow: Progress, 2000. P. 407–427. (In Russ.).
5. Kazydub NN. Diskursivnoe prostranstvo kak fragment yazykovoj kartiny mira (teoreticheskaya model’) = Discourse sphere as a fragment of the language worldview (theoretical model). Irkutsk: IGLU, 2006. 216 p. (In Russ.).
6. Katermina VV. Obraznyj potencial anglijskogo neologicheskogo diskursa = Imagery potential of the English neological discourse. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(8):25-32. (In Russ.).
7. Leontovich OA. Metody kommunikativnyh issledovanij = Methods of communicative research. Moscow: Gnozis, 2011. 224 p. (In Russ.).
8. Makarov ML. Osnovy teorii diskursa = Basics of discourse theory. Moscow: Gnozis, 2003. 176 p. (In Russ.).
9. Mel’nik AV., Shemonaev TI. Diskursivnaya kartina mira: ontologicheskij analiz = Discourse worldview: onthological analysis. *Bulletin of Ural Federal University. Social Studies*. 2019;14(2):5-13. (In Russ.).
10. Popova ZD, Sternin IA. Ponyatie «koncept» v lingvisticheskikh issledovaniyah = The notion of “concept” in linguistic research. Voronezh: VGU, 1999. P. 3–5. (In Russ.).

11. Rezanova ZI. Yazykovaya i diskursivnaya kartina mira – aspekty sootnoshenij = Language and discourse worldview – correlation aspects. *Siberian Philological Journal*. 2011;(3):184-194. (In Russ.).
12. Steblecova AO. Delovoj diskurs i ego tipy: algoritm diskursivnogo analiza = Business discourse and its types. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/delovoy-diskurs-i-ego-tipy-algoritm-diskursivnogo-analiza/viewer> (accessed: 14.08.2025). (In Russ.).
13. Epshtejn MM. Slova kak simvol'y epohi = Words as symbols of epoch. URL: <https://echo.msk.ru/programs/speakrus/1228836-echo> (accessed: 14.08.2025). (In Russ.).
14. Fairclough N. *Analysing Discourse*. New York: Routledge, 2003. 197 p.
15. Olson EM, Olson KM., Czaplewski FJ, Key ThM. Business strategy and the management of digital marketing. *Business Horizons*. 2021;64:285-293.

Информация об авторах

Е. Ю. Кислякова — доктор филологических наук, доцент.

С. И. Маджаева — доктор филологических наук, профессор.

Information about the authors

E. Y. Kislyakova — Doctor of Sci. (Philology), Associate Professor.

S. I. Madzhaeva — Doctor of Sci. (Philology), Professor.

Статья поступила в редакцию 08.09.2025; одобрена после рецензирования 15.09.2025; принята к публикации 17.09.2025.

The article was submitted 08.09.2025; approved after reviewing 15.09.2025; accepted for publication 17.09.2025.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 811.161.1:37

DOI: 10.47475/1994-2796-2025-503-9-42-50

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ МЕТАФОРЫ КАК СРЕДСТВА МОДЕЛИРОВАНИЯ ОБРАЗА БУДУЩЕГО В РОССИЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Ине́сса Евге́ньевна Кламе́р

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия, in.klamer@gmail.com, ORCID: 0009-0008-6479-6120

Аннотация. Изменения в представлениях об образе будущего служат фундаментом для нового мироощущения, которое моделируется на концептуальном и дискурсивных уровнях языка. Актуальность исследования обоснована, с одной стороны, значимостью образа будущего как воплощения социальных ожиданий языковых личностей, аффилированных с той или иной лингвокультурой, а, с другой стороны, высоким ориентирующим потенциалом политической коммуникации. Установлено, что образ будущего в русскоязычном политическом дискурсе конструируется посредством концептуальной метафоризации. Концептуальная метафора рассматривается как способ конструирования образа будущего в политическом дискурсе посредством описания схожести сфер-источников. Взаимосвязь знаний разных концептуальных доменов сферы-источника и сферы-мишени активируют метафоризацию образа будущего, основой которого является опыт взаимодействия с окружающим миром. В связи с этим концептуальные метафоры являются неотъемлемой частью культурной общности и сознания человека, что позволяет конструировать новую образную реальность. В работе выполнен анализ средств вербализации концептуальных метафор образа будущего в российском политическом дискурсе на материале аналитической статьи. В исследовании используется приём интерпретации, предполагающий опору на контексты с целью выявления лингвистических особенностей концептуальных метафор. Когнитивно-дискурсивный подход является наиболее оптимальным при изучении концептуальных метафор, так как предполагает анализ роли метафор при категоризации и концептуализации мира в сочетании с изучением особенностей их функционирования в реальной коммуникации. В исследовании применяется методика анализа единичных концептуальных метафор и метафор, объединяемых сферой-источником метафорической экспансии. Установлено, что к особенностям метафорической концептуализации конструирования образа будущего России относятся: 1) слотовое деление концептуальных метафор: слот «литература»; слот «страж»; слот «еда»; 2) концептуализация будущего в рамках лингвокультурного контекста метафоризации; 3) употребление языковых репрезентантов лингвистических источников разных сфер: обслуживания и механистической сферы. Эксплицированы языковые средства и стилистические приёмы, моделирующие метафоризацию новых образов будущего России.

Ключевые слова: концептуальная метафора, дискурсивное конструирование, образ будущего, политический дискурс, лингвокультура

Для цитирования: Кламер И. Е. Концептуальные метафоры как средства моделирования образа будущего в российском политическом дискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 9 (503). С. 42–50. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-503-9-42-50.

Original article

CONCEPTUAL METAPHORS AS MEANS OF MODELLING THE IMAGE OF THE FUTURE IN THE RUSSIAN POLITICAL DISCOURSE

Inessa E. Klamer

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia, in.klamer@gmail.com, ORCID: 0009-0008-6479-6120

Abstract. A change in perceptions about the image of the future serves as a basis for a new outlook and the implementation of specific actions, which is modeled at the conceptual and discursive levels of language. The relevance of the study is proved, on the one hand, by the significance of the image of the future as the embodiment of social expectations of linguistic individuals affiliated with a particular linguaculture, and, on the other hand, by the high

focusing potential of political communication. It has been established that the image of the future in Russian-language political discourse is built through conceptual metaphorization. Conceptual metaphor is considered as a way of constructing the image of the future in political discourse by describing the similarity of source-spheres. The interrelation of knowledge of different conceptual domains of the source-domain and the target-domain activates the metaphorization of the image of the future, the basis of which is the experience of interaction with the world. In this regard, conceptual metaphors are an integral part of the cultural community and human consciousness, which allows to construct a new reality. The article analyses the verbalization of the conceptual metaphors of the image of the future in Russian-language political discourse on the basis of an analytical article in the field of political studies describing current images of the future of the Russian state. The study uses the interpretation technique, which involves relying on contexts in order to identify the linguistic features of the conceptual metaphors. The cognitive-discursive approach is the most optimal in the study of conceptual metaphors, since it involves analysing the role of metaphors in categorizing and conceptualizing the world, combined with the study of the features of its functioning in real communication. The study uses the method of analysis of a single conceptual metaphor and metaphors clustered together by the source-sphere of metaphorical expansion. It has been established that the features of metaphorical conceptualization of constructing an image of the future include: 1) slot differentiation of conceptual metaphors: slot «literature»; slot «guard»; slot «food»; 2) the conceptualization of the future within the linguocultural context of metaphors; 3) use of linguistic sources from various fields: service and mechanistic sphere. The linguistic means and techniques that model the metaphorization of the new images of the future of the Russian state are explicated.

Keywords: conceptual metaphor, image of the future, discursive construction, political discourse, linguistic culture

For citation: Klamer I.E. Conceptual Metaphors as Means of Modelling the Image of the Future in the Russian Political Discourse. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(9(503):42-50. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-503-9-42-50.

Введение

В эпоху глобальных информационных трансформаций в обществе образ будущего представляется актуальной темой для исследователей. Образ будущего включает в себя лингвокультурные предпочтения общества, которые, с одной стороны, актуализируют существующие ценностные установки, с другой — моделируют векторы дальнейшего развития. Создание коммуникационной среды, т. е. условий взаимодействия участников дискурса, происходящего в рамках этой среды, определяет смысловые коннотации этого образа. Конструирование образа будущего, а также формирование идей о «тёмном» и «светлом будущем» формируют основу концептуализации картины мира.

Отечественные (Иссерс [4]; Солопова [13]; Скребцова, [12]) и зарубежные (Ritchie [19]; Musolf [18]) исследователи единодушны во мнении о ключевой роли концептуальных метафор в моделировании образа будущего политического дискурса. Когнитивная метафора способна формировать семантические связи между периферийными и ядерными слоями концептов, а также типовыми когнитивными структурами, такими как, «свой/чужой», «хороший/плохой». Так, метафора способна не только выявлять сходство, но и создавать аналогии, которые позволяют манипулировать общественным сознанием [8, с. 18].

В основе данного исследования лежит положение о том, что когнитивные и дискурсивные аспекты метафоры не поддаются строгой диффе-

ренциации. Анализ концептуальной метафоры реализуется через призму когнитивно-дискурсивной методологии, так как метафора способствует категоризации и концептуализации реальности. Метафора рассматривается как ментальный и социолингвистический феномен, соответственно исключительно когнитивный или дискурсивный подход может препятствовать полному пониманию её природы.

Целью данного исследования является выявление и описание особенностей концептуальных метафор при моделировании образа будущего российского политического дискурса.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования служат фрагменты статьи «Восприятие базовых ценностей, факторов и структур социально-исторического развития России (по материалам исследований и апробации)», опубликованной в «Журнале политических исследований». Выбор статьи обосновывается авторитетностью журнала и её авторов в области политических исследований.

Теоретические основы исследования формируются положениями, разработанными в областях политической коммуникации (Чудинов [14]; Солопова [13]); когнитивной лингвистики (Арутюнова [3]; Кубрякова [8]; Скребцова [12]); дискурсивного конструирования социальных событий (Плотникова [11]; Казыдуб [6]); теории концептуальной метафоры (Арутюнова [2]; Lakoff, Johnson [17]; Чудинов [14]; Солопова [13]).

В исследовании используется приём интерпретации, предполагающий опору на контексты с целью выявления лингвистических особенностей концептуальной метафоры. Дискурсивное конструирование образа будущего, реализуемое посредством концептуальной метафоры, раскрывается на основе применения методов дефиниционного, лингвоаксиологического и интерпретативного анализа.

Результаты исследования и их обсуждения

В результате исследования было выявлено, что конструирование образа будущего в русскоязычном политическом дискурсе осуществляется посредством концептуальных метафор. Такое конструирование обладает комплексным характером, то есть происходит на разных уровнях: концептуальном и дискурсивном.

Основой данного исследования является понятие дискурсивного конструирования, которое определяется как часть социального формирования картины мира, репрезентирующего дискурсивное отображение актуальной обстановки реальной действительности в контексте её преобразования и развития. Ключевое значение имеет положение о том, что процесс дискурсивного конструирования включает в себя фактор активного участия индивидуума в создании характеристик реального мира [6, с. 41]. Процесс конструирования образной реальности обусловлен практическими целями индивидуумов — участников коммуникации и передачи их чувств. Дискурсивно значимой становится позиция концептуализатора — языковой личности, формирующей дискурс на основе исчисления концептов, обеспечивающих эффективность дискурсивного воздействия [7, с. 6].

Политический дискурс нацелен на эмоциональное влияние на граждан и формирование у них определённого представления о мире. Ключевыми задачами политической коммуникации являются проектирование будущего, создание позитивного или негативного образа будущего, а также предсказание потенциальных событий. Такое конструирование образа будущего возможно достичь путём использования номинаций, отражающих определённое видение будущего, а также метафорическим переносом как наиболее продуктивным средством ориентирующего воздействия [15, с. 56].

Н. Д. Арутюнова утверждает, что метафорическое понимание реальности основывается на способности людей идентифицировать объекты и находить общие черты между конкретны-

ми и абстрактными объектами, материей и духом [3, с. 114]. По мнению Н. Д. Арутюновой, концептуальная метафора представлена как одна из функциональных форм языковой метафоры, наравне с номинативной и генерализирующей метафорами. Генерализирующая метафора рассматривается как финальная стадия эволюции концептуальной метафоры. Такая метафора способствует формированию новых значений. Приведем пример. Прилагательное «острый» может сочетаться со следующими языковыми репрезентантами: ум, нужда, слово. Метафорический перенос происходит в области предикации и затрагивает признаковые слова. Таким образом, при переходе «ум острый» в «острый ум» существительному «ум» приписывается несвойственное ему качество. Метафоризация «возникает в результате сдвига в сочетаемости признаков слов и создаёт полисемию» [2, с. 340].

Как отмечает А. П. Чудинов, концептуальная метафора ориентирована на уже устоявшиеся знания для понимания и восприятия события одного типа через призму событий другого типа [14, с. 112]. Согласно О. А. Солоповой, использование когнитивных моделей, основанных на метафоре в политической коммуникации, способствует созданию когнитивного процесса представления будущей общественно-политической ситуации. Метафора не только украшает речь и привлекает внимание, но также является эффективным инструментом для анализа и оценки политических процессов в современном обществе. [13, с. 34].

Теория концептуальной метафоры, разработанная Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, оказала значительное влияние на современное изучение метафор [17]. Новаторство исследования заключалось в смещении акцента с лингвистического аспекта метафоры на её роль в когнитивных процессах. Теория концептуальной метафоры утверждает, что метафоризация основывается на взаимодействии знаний из двух различных концептуальных доменов сферы-источника и сферы-мишени. Метафорическая проекция переносит знакомые аспекты источника на более абстрактную целевую область, что является ключом к пониманию когнитивной силы метафоры. Опыт взаимодействия с миром служит фундаментом для этих концептуальных доменов, который структурирует восприятие реальности в виде элементарных когнитивных «образов-схем». Концептуальные метафоры глубоко укоренены в культуре и сознании, столь привычны, что часто остаются незамеченными как метафоры [17, с. 34].

Метафоризация образа будущего в политическом дискурсе служит инструментом понимания, структурирования, оценки политических событий, а также средством манипуляции общественным мнением. Образ будущего можно представить как потенциальную реальность, состоящую из ценностных категорий, концептуальных объединений и моделей толкования (интерпретации). В соответствии с определением потенциальной реальности, образ будущего является системой представлений о возможном состоянии дел в мире. Образ будущего содержит альтернативные сценарии развития событий, которые создают область интерпретации в процессе дискурсивизации [5, с. 182].

Анализируя материалы исследования, мы выявили широкое применение разновекторных концептуализаций в рамках метафорического конструирования образа будущего: *Государство-роман, Российское будущее — это вторая часть «Мёртвых душ», сожженная Гоголем, Государство-жар-птица, Родина-мать с лазерным мечом, Дивный град, Пирожок, который гармонично сочетает в себе разное: горькое, кислое и сладкое* и др.¹

Одной из особенностей дифференциации концептуальных метафор является их деление на слоты. При анализе исследуемого материала классификация слотов концептуальных метафор образа будущего России выглядит следующим образом: 1) слот «литература»; 2) слот «страж»; 3) слот «еда».

Согласно М. Мински и У. Эко, слот представляет собой ячейку, в котором хранится единица информации и за которой закреплена определённая сема. Каждый слот базируется на максимуме грамматических категорий, в которых сема актуализируется [16, с. 45].

По мнению авторов, у россиян существуют несколько вариантов метафоричного образа будущего. Гетерогенность образа будущего моделируется посредством активации единиц разных слотов («литература»; «страж»; «еда»). В процессе конструирования образа будущего языковые репрезентанты, обладающие общей семой, актуализируют слоты, описанные ниже.

1. Слот «литература» при конструировании будущего страны: метафоричность образа будущего *Государство-роман* осуществляется посред-

ством переноса дифференциального семантического признака языкового репрезентанта «роман» (ср.: большое повествовательное произведение, обычно в прозе, со сложным, разветвлённым сюжетом²). На когнитивном уровне государство рассматривается как литературное произведение, что подразумевает сюжетную линию, персонажей, конфликты и развитие. В таком контексте, история государства может быть полна драматизма подобно литературному роману. Законы и правила можно сравнить с жанровыми конвенциями, которые определяют ход сюжета. Метафора *Российское будущее — это вторая часть «Мёртвых душ»* указывает на известное литературное произведение Н. В. Гоголя и является полисемичной. С одной стороны, данную метафору можно интерпретировать следующим образом: будущее России может следовать пути, изображённому в поэме, где общество охвачено моральным и социальным упадком. Таким образом моделируется «тёмное» будущее. С другой стороны, эта метафора указывает на продолжение произведения Н. В. Гоголя «Мёртвые души», которое, как известно, было уничтожено самим автором. В этом продолжении главный герой должен был встретиться с положительными персонажами и показать светлую сторону человеческого бытия. В этом случае, транслируется светлый образ будущего. Следует учесть тот факт, что возможность ознакомиться с продолжением романа была утрачена, что подтверждает гипотетическую сущность образа будущего. Метафора *Государство — жар-птица* сравнивает путь Российского государства со сказочным персонажем (ср.: жар-птица — в русских народных сказках птица, перья которой горят, как жар²). Данный персонаж ассоциируется с мечтой, счастьем и судьбоносными переменами, что прогнозирует светлое будущее России. Метафоричность транслирует уникальность и ценность государственного строительства, а также сложность и трудности, которые возникают на пути к достижению идеального общественного устройства. Концептуальная составляющая *жар-птица* предполагает постоянный поиск и стремление к лучшему, несмотря на все препятствия и вызовы.

2. Слот «страж» в контексте аксиологической направленности модели образа будущего. Метафоры *Россия — мировой страж* и *страж добра* моделируют образ России как защитника

¹ Восприятие базовых ценностей, факторов и структур социально исторического развития России (по материалам исследований и апробации) / А. Д. Харичев [и др.] // Журнал политических исследований. 2022. № 3. С. 9–19.

² Ушаков Д. Н. Толковый словарь. URL: <https://ushakovdictionary.ru>, свободный (дата обращения: 8.06.2024).

на международной арене. Номинация «*страж*» (ср.: тот, кто охраняет, хранитель, защитник³) в сочетании с прилагательным «*мировой*» (ср.: связанный с установлением мирных отношений между спорящими сторонами³) эксплицирует тот факт, что Россия воспринимается как страна, охраняющая мировой порядок. Аксиологема «*добро*» в словосочетании *страж добра* подразумевает необходимость охраны добрых дел, духовных ценностей и положительных идеалов и принципов Российского государства. Под аксиологемой понимается языковой репрезентант, наделённый ценностным смыслом [6, с. 132]. Такая ценность может отражать восприятие России как страны, стремящейся к миру, справедливости и благополучию. Номинация «*страж*» в данной метафоре активизирует коннотации надёжности и ответственности, а также может вызывать ассоциации с историческими и культурными образами воинов-защитников. Эти метафоры могут быть использованы для усиления дипломатического имиджа России или для подчёркивания её роли в глобальных инициативах.

3. Слот «еда» при конструировании гетерогенного образа будущего: метафора *Пирожок, который гармонично сочетает в себе разное: горькое, кислое и сладкое* как образ-репрезентация России может быть интерпретирована как отражение сложного и многогранного характера страны. Россия — это страна с богатой историей, разнообразной культурой и широким спектром географических и климатических условий, что делает её похожей на «*пирожок*» с разными вкусами. Горькое символизирует трудные периоды в истории России, такие как войны, революции, политические репрессии и экономические кризисы. Кислое отражает сложности и вызовы политического и социального характера. Сладкое представляет собой достижения страны, её культурное наследие, природную красоту, научные открытия и успехи в различных областях. Такая метафора конструирует диалектический образ России, сочетающий разноплановые элементы: исторические, культурные и социальные, которые вместе создают уникальный и неповторимый образ страны.

При анализе материала также были выделены особенности концептуальных метафор в рамках лингвокультурного контекста метафористики. Например, глубокий эмоциональный и культурный контекст метафоры *Россия как страна-пророк* активируется посредством использования языко-

вого репрезентанта «*пророк*» (ср.: По воззрениям различных религий — провозвестник и истолкователь воли богов, божества. 2. Предсказатель будущего³), в связи с тем, что пророки играют значительную роль во многих религиозных и мифологических традициях. Это делает метафору особенно богатой и многогранной, вбирающей в себя различные аспекты культурно-исторического ландшафта России. Исходя из определения номинации «*пророк*», концептуальное ядро метафоры включает в себя концепты: 1) прогностичность / предвидение: пророки традиционно ассоциируются с возможностью видеть будущее и предсказывать события.

Эта метафора подразумевает, что Россия обладает дальновидностью в международной политике или экономике; 2) моральное и духовное лидерство: пророки часто являются моральными и духовными лидерами. Таким образом, метафора отражает восприятие России как страны, которая ведёт за собой другие нации, предлагая новые идеи или ценности; 3) влияние и убеждение: пророки известны своей способностью убеждать и вдохновлять людей. Это означает, что Россия стремится распространять свои взгляды и убеждения, влияя на мировую политику; 4) изоляция и непонимание: иногда пророки сталкиваются с непониманием и изоляцией со стороны общества.

Этот аспект метафоры указывает на сложности, с которыми Россия сталкивается на международной арене. Использование прецедентного имени *Дивный град* конструирует образ будущего России в рамках лингвокультурного контекста. Концептуальная метафора *Дивный град* символизирует идеальное общество, основанное на определённых правилах и принципах, где жители радуются и процветают, несмотря на все преграды. Прилагательное «*дивный*» происходит от старославянского «*диво*»³, что означает чудо, удивительное явление, нечто поражающее воображение³. Существительное «*град*» является древнерусским и обозначает город/крепость⁴. Атрибутивная номинация «*Дивный град*» приобретает значение сказочного идеального мира. Данная метафора конструирует идеализированное светлое будущее. Персонифицированную метафору *Родина-мать с лазерным мечом* можно интерпретировать как противопоставление, инкорпорирующее объекты разных миров: прошлого и будущего. Номинация

³ Ушаков Д. Н. Указ. соч..

⁴ Шанский Н. М. Этимологический онлайн-словарь русского языка Шанского Н. М. URL: <https://gufo.me/dict/shansky>, свободный (дата обращения: 12.06.2024).

«Родина-мать» является символом Великой Победы, в то время как номинация «лазерный меч» репрезентирует вымышленный энергетический меч, фигурирующий во франшизе «Звёздные войны», воплощающий образ будущего мира. Общей идеей объединения двух миров является воплощение традиций русского духа, единения и силы, направленной на защиту государства.

Кроме этого, в процессе конструирования образа будущего были выделены концептуальные метафоры, использующие ресурсы понятийного аппарата различных сфер лингвистических источников: 1) лингвистический источник сферы обслуживания; 2) лингвистический источник механистической сферы. Лингвистическим источником является любой материальный носитель языковой информации [10, с. 38].

Приведём примеры.

1. Использование языковых репрезентантов источника сферы обслуживания при метафоризации образа будущего: метафора *государство дружественного сервиса* предполагает государство, которое предоставляет услуги гражданам. Языковой репрезентант «сервис» (ср.: совокупность учреждений и мероприятий по обслуживанию населения в повседневных бытовых нуждах и созданию всевозможных удобств для него⁵) активизирует функциональную роль государства как поставщика услуг, направленных на удовлетворение потребностей людей. Прилагательное «дружественный» (ср.: взаимно благожелательный, основанный на дружбе⁶) придаёт метафоре позитивную коннотацию, имплицитно ориентируя сферу государственных услуг на обеспечение удобства и комфорта граждан. Дескриптивная функция этой метафоры используется в экспликации политики государственного управления, направленной на повышение качества жизни граждан и улучшение взаимодействия между государством и обществом.

2. Употребление метафорических наименований механистической сферы источника: концептуальная метафора *Государство — калейдоскоп* (ср.: перен. Быстрая смена мелькающих образов, впечатлений⁶) актуализирует многогранный и динамичный образ будущего. Метафора *государство — магнит среднего размера* (ср.: перен. то, что обладает особой притягательной силой, привлекает к себе⁶) можно интерпретировать следующим образом: исходя из определения магни-

та, ядро-концепт данной метафоры — это притяжение и влияние. Иными словами, государство, как магнит, обладает способностью притягивать к себе людей, инвестиции и ресурсы. «Средний размер» может указывать на то, что государство имеет ограничение в ресурсах или власти, что имплицитно лимитированность воздействия государства на окружающую среду. Авторы журнала «Коммерсант» считают: «Магнит должен создать единое для всех поле определённой общности, которое будет метафорой общих правил. Каждый отдельный гвоздь, притягивающийся к магниту, — это новый человек в государстве» [1]. Метафорический перенос осуществляется посредством сравнения человека с гвоздем, который притягивается к государству словно к магниту, что создаёт поле для определённой общности и единства.

Заключение

На основе анализа результатов исследования можно сделать вывод, что образ страны является ключевым элементом внутреннего мира человека в коллективном бессознательном. Вокруг данного образа концентрируются разнообразные эмоциональные переживания и состояния. В связи с этим образ России может рассматриваться как идеологическая и экзистенциальная категория.

Образ будущего России моделируется как возможный мир, содержащий в себе разнообразие интерпретаций, получающих актуальные значения в дискурсивных событиях. Продвижение образа будущего в сознание адресата осуществляется посредством реализации концептуальных метафор, обладающих значительным воздействующим потенциалом, что способствует созданию образа-проекта будущей общественно-политической ситуации.

Общий анализ выявленных концептуальных метафор образа будущего России подтверждает их функцию как когнитивных инструментов, служащих для структурирования и опосредования представлений о национальном будущем. Применение таких метафор, как «государство-роман», «жар-птица», «родина-мать с мечом» или «пирожок», позволяет закреплять посредством тезауруса определённые ценностные смыслы, культурные образы и эмоциональные ассоциации, что способствует формированию устойчивых образов, направленных на формирование общественного восприятия.

В частности, обозначенные метафоры оказывают воздействие как на позитивное восприятие

⁵ Шанский Н. М. Указ. соч..

⁶ Ушаков Д. Н. Указ. соч.

будущего, выражающееся в надежде и стремлении к возрождению, так и на критические оценки, включающие риски и угрозы, а также возможное тёмное или опасное будущее. Использование моделей, основанных на культурных и литературных архетипах, способствует формированию прочных связей между национальной идентичностью, историческими мифами и современными политическими сценариями.

В результате исследования выявлено широкое применение разновекторных концептуальных метафор в рамках конструирования образа будущего, к особенностям которых относятся: 1) слотовое деление: слот «литература»; слот «страж»; слот «еда»; 2) концептуализация будущего в рамках лингвокультурного контекста метафорики; 3) употребление языковых репрезентантов линг-

вистических источников разных сфер: обслуживания и механистической сферы.

Эти особенности вербализуются метафорически и аксиологически маркированными языковыми единицами и моделируются приёмами олицетворения, персонификации и противопоставления, что позволяет конструировать вариативный образ будущего России.

Выявленные концептуальные метафоры, характеризующие будущее России, репрезентуют не только внутренние представления о национальных ценностях, но и стратегические установки, формируемые в рамках политического дискурса. Их исследование способствует пониманию глубинных механизмов формирования общественного сознания и способствует развитию методов культурно-когнитивного анализа.

Список источников

1. Александр Харичев из администрации президента написал статью об образе будущего России. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5651860?ysclid=lxhprj2qn8687899466> (дата обращения: 10.06.2024).
2. Арутюнова Н. Д. Функциональные типы языковой метафоры // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1978. № 4. С. 333–343.
3. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М. : Языки русской культуры, 1999. 896 с.
4. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М. : ЛЕНАНД, 2017. 308 с.
5. Казыдуб Н. Н. Аксиологические концепты в интерпретирующем дискурсе // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2022. № 2 (60). С. 181–189.
6. Казыдуб Н. Н. Аксиологические системы в языке и речи // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2009. № 2. С. 132–137.
7. Казыдуб Н. Н., Сергеева Д. А. Лингвистическое моделирование образа будущего в политическом дискурсе // Международный информационно аналитический журнал Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2022. № 2 (33). С. 3–16.
8. Кубрякова Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 6–17.
9. Метафорический образ будущего России в зарубежных СМИ / Э. В. Будаев [и др.]. СПб. : Наукоемкие технологии, 2021. 217 с.
10. Николаев Г. А. Лингвистическое источниковедение: к постановке проблемы // Ученые записки Казанского университета. 2010. № 6. С. 37–44.
11. Плотникова С. Н. Дискурсивное конструирование как теоретическое понятие // Известия Волгоградского педагогического университета. 2014. № 5. С. 41–46.
12. Скребцова Т. Г. Когнитивная лингвистика: классические теории, новые подходы: монография. М. : Издательский Дом ЯСК, 2018. 391 с.
13. Солопова О. А. Лингвополитическая прогностика: сопоставительное исследование моделей будущего России в политических дискурсах России, США и Великобритании XIX в. (1855–1881) и XXI в. (2000–2014) : дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2016. 606 с.
14. Чудинов А. П. Очерки по современной политической метафорологии: монография. Екатеринбург : УрГПУ, 2013. 176 с.
15. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры: монография. Екатеринбург : УрГПУ, 2001. 238 с.
16. Эко У. У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. СПб : Симпозиум, 2005. 502 с.
17. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live by*. Chicago: University of Chicago Press, 1980. P. 242.

18. Musolff A. Political Metaphor Analysis. Discourse and Scenarios. London : Bloomsbury Academic, 2016. P. 208.
19. Ritchie D. L. Metaphor. New York : Cambridge University Press, 2013. P. 226.

References

1. Aleksandr Harichev iz administracii prezidenta napisal stat'yu ob obraze budushchego Rossii = Alexander Kharichev from the presidential administration wrote an article about the image of the future of Russia. 2022. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5651860?ysclid=lxhjp2qn8687899466> (accessed: 10 June 2024). (In Russ.).
2. Arutyunova ND. Funktsional'nyye tipy yazykovoy metafory = Functional types of linguistic metaphor. *Izvestiya AN SSSR = Proceedings of the USSR Academy of Sciences*. 1978;(4):333-343. (In Russ.).
3. Arutyunova ND. Yazyk i mir cheloveka = Language and the world of a person. Moscow, Yazyki russkoy kultury Publ., 1999. 896 p. (In Russ.).
4. Issers OS. Kommunikativnyye strategii i taktiki russkoy rechi = Communicative strategies and tactics of Russian speech. Moscow, Lenand Publ., 2017. 308 p. (In Russ.).
5. Kazydub NN. Axiological concepts in interpretative discourse. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni VP. Astafyeva = Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after VP. Astafyev*. 2022;2(60):181-189. (In Russ.).
6. Kazydub NN. Value systems in language and speech. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Irkutsk State University*. 2009;(2):132-137 (In Russ.).
7. Kazydub NN, Sergeeva DA. Linguistic modeling of the image of the future in political discourse. *Mezhdunarodnyi informatsionno analiticheskiy zhurnal «Crede Experto: transport, obshchestvo, obrazovaniye, yazyk» = International informational and analytical journal «Crede Experto: transport, society, education, language»*. 2022;2(33):3-16. (In Russ.).
8. Kubryakova ES. Of cognitive guidelines and vital problems of cognitive linguistics. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki = Issues of cognitive linguistics*. 2004;(1):6-17. (In Russ.).
9. Budaev EV, Solopova OA, Zaripov RI, Boyko AV. Metaforicheskiy obraz budushchego Rossii v zarubezhnykh SMI = Metaphorical image of the future of Russia in foreign media. Saint Petersburg, Naukoyomkiye tekhnologii Publ., 2021. 217 p. (In Russ.).
10. Nikolaev GA. Linguistic source studies: problem statement. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Proceedings of Kazan University. Humanities Series*. 2010;(6):37-44. (In Russ.).
11. Plotnikova SN. Discursive construction as theoretical knowledge. *Izvestiya Volgogradskogo pedagogicheskogo universiteta = Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University*. 2014;(5):41-46. (In Russ.).
12. Skrebtsova TG. Kognitivnaya lingvistika: klassicheskie teorii, novye podkhody = Cognitive linguistics: classical theories, new approaches. Moscow, Dom YASK Publ., 2018. 391 p. (In Russ.).
13. Solopova OA. Lingvopoliticheskaya prognostika: sopostavitel'noye issledovaniye modoley budushchego Rossii v politicheskikh diskursakh Rossii, SSHA i Velikobritanii XIX v. (1855–1881) i XXI v.. Dis. dokt. filol. Nauk = Metaphor in modeling the future: The best-case scenario (based on political discourses of Russia, the USA and Great Britain, the 21st century). Yekaterinburg, 2016. 606 p. (In Russ.).
14. Chudinov AP. Ocherki po sovremennoy politicheskoy metaforologii = Essays in Modern Political Metaphorology. Yekaterinburg, UrSPU Publ., 2013, 176 p. (In Russ.).
15. Chudinov AP. Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991–2000) = Russia in a metaphorical mirror: a cognitive study of political metaphor (1991–2000). Yekaterinburg, UrSPU Publ., 2001. 238 p. (In Russ.).
16. Eko UU. Rol' chitatelya. Issledovaniya po semiotike teksta = Lector in fabula. The role of the reader. SPb, Simpozium Publ., 2005. 502 p. (In Russ.).
17. Lakoff G, Johnson M. Metaphors We Live by. Chicago, University of Chicago Press, 1980. P. 242.
18. Musolff A. Political Metaphor Analysis. Discourse and Scenarios. London, Bloomsbury Academic, 2016. P. 208.
19. Ritchie DL. Metaphor. New York, Cambridge University Press, 2013. P. 226.

Информация об авторе

И. Е. Кламер — старший преподаватель кафедры иностранных языков для гуманитарных направлений.

Information about the author

I. E. Klammer — the senior lecturer of Department of Foreign Languages for Humanities.

Статья поступила в редакцию 24.10.2024; одобрена после рецензирования 11.11.2024; принята к публикации 17.09.2025.

The article was submitted 24.10.2024; approved after reviewing 11.11.2024; accepted for publication 17.09.2025.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81'373.6

DOI: 10.47475/1994-2796-2025-503-9-51-62

КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ, ЛЕЖАЩИЕ В ОСНОВЕ СЕМАНТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ ДРЕВНИХ ЛЕКСЕМ (НА ПРИМЕРЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

Елена Владимировна Шелестюк¹, Злата Андреевна Харитоновна²

¹Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, shelestiuk@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-4254-4439

²Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, zлата.kharitonova40@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуются когнитивные механизмы, лежащие в основе семантических изменений пяти ключевых лексем повседневной лексики русских и английских языков: «год», «человек», «новый», «быть», «говорить» (year, man, new, be, tell/talk). Показаны различия в методах семантической эволюции, характерные для славянской и германской традиций. Рассмотрены этапы развития значений указанных слов, выявлены используемые когнитивные механизмы переноса, такие как метонимия, метафора (включая функциональный перенос), абстрагирование и символизация. Сделан вывод о преобладании метонимии и антропоморфизма в славянской группе, тогда как в германской традиции отмечается большая активность символично-метафорических механизмов. Нельзя исключать, что данные различия обусловлены особенностями когнитивных стратегий, задействованных в процессах семантического развития лексики славянских и германских языков. Славянская этимология преимущественно опирается на метонимию и антропологические концептуальные метафоры, укоренённые в социальной, хозяйственной и ритуальной практике, что отражает прагматичный и ситуативно-ориентированный способ концептуализации. Германская этимология чаще допускает символично-метафорические переносы, восходящие к мифопоэтическому мышлению, и проявляет большую открытость к образно-ассоциативным связям. Однако подобные расхождения могут быть связаны не столько с различиями в когнитивных моделях носителей древних языков, сколько с национальными традициями лексикографии и научной интерпретации. Это различие проявляется в лексикографии: славянские источники (в частности, «Этимологический словарь славянских языков» под ред. О. Н. Трубачёва) стремятся к рациональной реконструкции и избегают спекулятивных символических интерпретаций, тогда как германские (например, Etymonline или работы М. М. Маковского) охотнее включают мифологические и поэтические гипотезы. Подчёркивается, что наблюдаемые тенденции могут отражать как особенности интерпретационных установок лексикографов, так и объективные различия в древних когнитивных моделях. Для решения этого вопроса требуется анализ на большей выборке примеров и из большего числа источников.

Ключевые слова: когнитивные механизмы, семантические изменения, концептуальный перенос, метонимия, метафора, символизация, абстрагирование

Для цитирования: Шелестюк Е. В., Харитоновна З. А. Когнитивные механизмы, лежащие в основе семантических изменений древних лексем (на примере русского и английского языков) // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 9 (503). С. 51–62. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-503-9-51-62.

Original article

COGNITIVE MECHANISMS UNDERLYING SEMANTIC CHANGES IN ANCIENT LEXEMES (USING RUSSIAN AND ENGLISH EXAMPLES)

Elena V. Shelestiuk¹, Zlata A. Kharitonova²

¹Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, shelestiuk@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-4254-4439

²Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, zлата.kharitonova40@yandex.ru

Abstract. This paper investigates cognitive mechanisms underlying ancient semantic changes in five key lexemes of everyday vocabulary in Russian and English languages: _god_ (“year”), _chelovek_ (“man”), _novyj_ (“new”),

byt' ("to be"), and _govorit'_ ("to speak"). It highlights differences in methods of semantic evolution characteristic of Slavic and Germanic traditions. The stages of development of meanings are examined, revealing the employed cognitive transfer mechanisms such as metonymy, metaphor (including functional transfer), abstraction, symbolization and some others. Additionally, a comparative analysis of cognitive mechanisms of semantic change has been conducted, demonstrating possible distinctions in epistemological approaches among researchers studying Slavic and Germanic language groups. The study concludes that there is a predominance of metonymy and anthropomorphism in Slavic languages, while symbolic-metaphorical mechanisms are more active in Germanic ones. It cannot be ruled out that these differences stem from distinct cognitive strategies involved in the semantic development of Slavic and Germanic lexical items. Slavic etymology predominantly relies on metonymy and anthropological conceptual metaphors rooted in social, economic, and ritual practices, reflecting a pragmatic, context-oriented mode of conceptualization. In contrast, Germanic etymology more readily admits symbolically charged metaphorical transfers derived from mythopoetic thought and demonstrates greater openness to imagistic and associative linkages. However, such discrepancies may be attributable less to actual differences in the cognitive models of ancient language speakers than to national traditions in lexicography and scholarly interpretation. This divergence is evident in lexicographic practice: Slavic sources—particularly the Etymological Dictionary of Slavic Languages edited by O. N. Trubachyov — favor rational reconstruction and avoid symbolic or mythopoetic interpretations, whereas Germanic sources (e.g., Etymonline or the works of M. M. Makovsky) more readily incorporate mythological and poetic hypotheses. It is emphasized that the observed tendencies may reflect either the interpretive biases of lexicographers or genuine differences in ancient cognitive frameworks. Resolving this issue requires analysis of a broader dataset drawn from a wider range of sources.

Keywords: cognitive mechanisms, semantic change, conceptual transfer, metonymy, metaphor, symbolization, abstraction

For citation: Shelestyuk EV, Kharitonova ZA. Cognitive Mechanisms Underlying Semantic Changes in Ancient Lexemes (using Russian and English Examples). *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(9(503):51-62. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-503-9-51-62.

Когнитивные механизмы семантических изменений в древних славянских и германских языках

Введение

Когнитивная лингвистика формировалась поэтапно, начиная с XIX в., когда традиционные взгляды на язык стали подвергаться пересмотру. Типологические исследования, включая теорию «семантической общности» Луи Ельмслева, подчеркнули роль культурного наследия в формировании языковых структур и смысла. Параллельно когнитивная психология, опираясь на экспериментальные методы, показала, что язык не только средство коммуникации, но и инструмент познания. Ключевым этапом стало учреждение дисциплины на Первой международной конференции по когнитивной лингвистике (1989, Дуйсбург), где Дирк Гераертс обозначил её цели: изучение языка как механизма организации знания, взаимосвязи языка и мышления, а также моделирование понимания речи в ИИ. Легитимацию укрепили журнал *Cognitive Linguistics* и «Краткий словарь когнитивных терминов», определившей когнитивную лингвистику как науку о языке как универсальном когнитивном аппарате хранения, обработки и применения знаний [4].

Сегодня когнитивная лингвистика интегрирует эмпирический (анализ словарей и корпусов), поведенческий (наблюдение за речью) и теоретиче-

ский уровни, раскрывая связи между языком, сознанием и культурой. Это открывает новые возможности для компаративистики и сравнительной типологии: через изучение образов-схем, концептуальных метафор и проч. выявляются универсальные принципы мышления, лежащие в основе языков. В диахронии когнитивный подход позволяет реконструировать динамику развития понятий и значений слов-номиналов, связывая семантические сдвиги с глубинными познавательными процессами.

Предметом настоящей статьи выступают когнитивные механизмы, лежащие в основе семантической эволюции ключевых лексем — «год», «человек», «новый», «быть», «говорить» — в древних славянских и германских языках. Цель работы — реконструировать данные механизмы и провести их сопоставительный анализ с целью выявления как универсальных, так и языково-специфических закономерностей концептуальной трансформации. Теоретическую базу составляют труды, репрезентирующие две взаимодополняющие парадигмы: в рамках этимологической и диахронической традиции — В. В. Виноградова, Б. А. Серебренникова, О. Н. Трубачёва, М. М. Маковского, А. А. Потемни, Дж. Мэллори и Д. Адамса и др.; в рамках когнитивно-лингвистического направления — Н. Н. Болдырева, М. Джонсона, Дж. Лакоффа, Д. Гераертса и др. Эмпирическую

основу исследования образуют конкретные лексемы славянских и германских языков, подвергнутые когнитивному анализу на основе данных этимологических, мифологических, культурологических и лексикографо-эзегетических словарей. В ходе анализа применяются диахронический, когнитивно-семантический и сравнительно-типологический методы, охватывающие изучение исторического развития значений, изучение когнитивных механизмов, стоящих за их трансформацией, и сопоставление концептуализации и номинации/трансноминации концептов в двух языках.

Картина мира

Термин «картина мира» возник в физике благодаря Генриху Герцу (1857–1894), определившему её как совокупность ментальных образов объективной реальности, позволяющих посредством логико-дедуктивного процесса предсказывать поведение объектов внешнего мира [9. С. 12]. Позже его использовали Макс Планк и Альберт Эйнштейн, последний подчеркивал, что «картина мира» ядро духовного бытия человека, обеспечивающее эмоциональную стабильность и гармонию в хаосе повседневности [Там же. С. 13]. В 1940-е гг. понятие проникло в гуманитарные науки. Б. А. Серебренников и соавторы (1988) выделяют две причины его актуальности: поливариантность позиций и смена парадигм, каждая из которых по-новому интерпретирует феномены [Там же]. Обобщённо, картина мира — когнитивный конструкт, замещающий в сознании ту часть реальности, с которой взаимодействует человек.

Её устойчивая форма — «модель мира» — складывается в мифопоэтическом («космологическом») мировоззрении и выражает целостное, системное представление о действительности, реализуемое в семиотических процессах: «сокращённое и упрощённое отображение всей суммы представлений о мире внутри данной традиции... в их системном и операционном аспектах»¹. Эта модель тесно связана с природой и проявляется в культах огня, предков, анимизме, тотемизме, шаманизме, аграрных и астральных ритуалах. Её изучали М. Мюллер, Л. Леви-Брюль, Дж. Фрэзер, К. Юнг, Ф. Боас, К. Леви-Стросс, Н. Фрай, М. Элиаде, К. Хьюбнер, А. Н. Афанасьев, Ф. И. Буслаев, А. А. Котляревский, А. Ф. Лосев, С. А. Токарев, Е. М. Мелетинский, О. М. Фрейденберг; в лингвистике

и лингвокультурологии — В. Н. Топоров, В. В. Иванов, О. Н. Трубачёв, М. М. Маковский, Н. И. и С. М. Толстые, Т. В. Цивьян, Е. В. Рахилина, А. В. Кравченко и др. Если модель мира — это динамический ментальный конструкт, служащий познавательным целям и выполняющий объяснительную функцию, то картина мира представляет собой более статичную и целостную систему представлений или социальной группы, выполняющую констатирующую функцию и определяющую восприятие, ценности и поведение. Эти понятия различаются по функции, генезису и дисциплинарной принадлежности: модель мира — инструмент объяснения (психология, НЛП, мифология), картина мира — готовый мировоззренческий конструкт (лингвистика, культурология, философия).

Базовыми категориями архаичной картины мира являются пространство и время.

Пространство характеризуется:

- 1) проксимальной ориентацией (вверх/вниз, лево/право, перед/зад относительно человека);
- 2) дистальной, через оппозицию «свой/чужой», где выделяется:

- а) личное (безопасное) пространство, ср. др.-герм. *Mǫðgarðr* (Мидгард);
- б) общественное — полис, община;
- в) чужое хаотическое, населенное врагами или мифическими существами, ср. др.-сканд. *Útgarðar* (Утгард) [6].

Время в архаике обладает:

- 1) вневременностью — настоящее объединяет прошлое и будущее;
- 2) качественностью — временные отрезки наделены смыслами, а не длительностью;
- 3) пространственной привязанностью — течение времени моделируется как движение в пространстве [Там же];
- 4) ритмической упорядоченностью — время воспринимается как линейно-циклическая последовательность. Это связано с работой гипоталамуса, регулирующего внутренние часы, прогнозирование и адаптацию к среде, что повышает выживаемость².

В древних языках доминировали метафорический и метонимический хронотопические переносы. Метафора и метонимия долгое время были не художественными приёмами, а синкретическими мифологическими или праологическими способами познания. Как отмечает О. М. Фрейденберг,

¹ Токарев С. А. Мифы народов мира : энциклопедия. М., 1980. С. 677.

² Семашко Н. А. Большая медицинская энциклопедия : в 35 т. Т. 7. Гимнастика-Готштейн / Н. А. Семашко. Москва : АО «Советская энциклопедия», 1929. С. 177.

переход от мифа к литературе связан с тем, что «в самом образе... раздвинулись границы между тем, что образ хотел передать, и способами его передачи» [12. С. 232–233].

Яркий пример хронотопического переноса представляет герм. *tīd* («время»), также означавшее «прилив/отлив». В современном англ. *tide* значение «время» утрачено, сохранилось лишь «поток, прилив»³. Вообще в большинстве языков этимология слова «время» пространственна (визуальна, конкретно-понятийна) или антропологична: ср. рус. время ← ст.-сл. верѣти («вращать») → цикличность; англ. *time*, нем. *Zeit*, шв. *tīd* ← герм. *tīdi(z)* («делить») → cf. *tide*; лат. *tempus* («тянуть», «быть тяжёлым») → итал. *tempo*, исп. *tiempo*, фр. *temps*; гэльск. *ùine* ← «возраст, опыт»; перс./араб./тюрк. *zamān/zaman* ← «поколение, век»; кит. 時間 (*shíjiān*) 時 (*shí*, «время» как солнце над горизонтом) + 間 (*jiān*, «промежуток» как дверь с щелью); банту *muda* ← «молодой, светлый (о фрукте)»⁴.

Когнитивные механизмы семантических изменений

Открытие Поля Брока в 1861 г. локализации зоны мозга, ответственной за моторную организацию речи, продемонстрировало, что речевая функция имеет нейроанатомическую основу. Однако между признанием речи как физиологического феномена и осмыслением языка как когнитивного инструмента концептуализации и вербализации ментальных структур пролегает путь, измеряемый сменой научных парадигм. Лишь в рамках когнитивной лингвистики язык обретает статус важнейшего инструмента мышления, концептуализации и восприятия мира. Ещё предстоит выяснить, насколько он является интерфейсом для выражения мышления, а насколько активно участвует в его конституировании, однако ясно, что язык служит средством воплощения и коммуникации ментальных структур, формируемых на основе сенсорного опыта. Только через язык и символические системы внутренняя «карта мира» передаётся другим.

Центральную роль в ментальных репрезентациях сенсорных ощущений играют образы-схемы как универсальные когнитивные структуры, своеобразный мост между восприятием и концептуа-

лизацией. К ним относятся: пространственные схемы (вверх/вниз, рядом/далеко); контейнер (внутри/снаружи); движение («источник — путь — цель»); баланс, сила, единство/множественность, идентичность, существование [15; 13. Р. 190]. Эти схемы формируются когнитивными механизмами: сенсорные данные трансформируются ЦНС в ментальные репрезентации (фреймы, скрипты и др.), сохраняются в памяти и чаще всего функционируют неосознанно⁵. Оформляясь языком, они обретают точность и становятся основой передачи знаний. В речепроизводстве и речевосприятии образы-схемы и ментальные репрезентации переплетаются с внутренней речью, создавая универсальный предметный код (по Н. И. Жинкину), посредничающий между речью и сознанием. В языке согласно теориям концептуальной интеграции языковые структуры кодифицируют значения как паттерны опыта, встраивая их в грамматическую и лексическую архитектуру языка. Таким образом, язык является и средством коммуникации, и когнитивной онтологией — системно организованной репрезентацией мира, стабилизированной культурно-историческим развитием и индивидуальным когнитивным усвоением.

Наложения образов-схем («бленды» Фоконье–Тернера) являются основополагающими механизмами переноса лексических значений. Для реконструкции древней семантики (семантических переносов и изменений) они имеют особую важность. Синтез подходов традиционалистов в области лексической семантики и современных лингвистов-когнитологов [2] позволяет выделить следующие когнитивные типы переноса значений.

1. Концептуальная метафора — перенос по сходству между разными концептуальными областями. Классический пример — метафора «любовь — путешествие», воплощённая во множестве идиом, например, *we have gone through many twists and turns together, our relationship is heading downhill, this is where our paths diverge, we've hit a dead-end street* (мы пережили много поворотов судьбы, наши отношения стремительно катятся под откос, наши пути расходятся, наши отношения в тупике) и т. д. [Geeraerts D. *Cognitive Linguistics: Basic Readings*. Berlin, 2006. P. 185–186].

2. Концептуальная метонимия — перенос по смежности (часть — целое, причина — следствие, материал — изделие, соположенность в пространстве, следование во времени и др.) [7].

⁵ Кубрякова Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов. С. 81–82.

³ Etymology of “tide” // Online Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com/word/tide> (дата обращения: 22.07.2025).

⁴ <https://gufo.me/dict/vasmer/>; <https://en.wiktionary.org/wiki/muda>; <https://www.etymonline.com/word/tide> (дата обращения: 22.07.2025).

Например, «есть — достигать цели (богатства, успеха и т. п.)», «весна — пробуждение», «сельская местность — здоровье», «книги — знание и интеллект», «жизнь — движение», «восход, заря — начало дня, надежда, бодрость».

3. Ассоциация — перенос парадигматического либо синтагматического типа на основе прошлого опыта, воспоминаний чувств (зрительных, слуховых, тактильных, двигательных) и воображения [8]. Отбрасывая концептуальные метафору и метонимию, в этот тип переноса можно включить перенос внутри семантического / тематического поля; перенос по синонимическим и антонимическим отношениям⁶; перенос по экспрессивности; перенос по сходству формы (паронимия); перенос по сходству ощущений (синестезия)⁷.

4. Абстрагирование (генерализация, гипо-гиперонимический перенос) — обобщение конкретного до общего или абстрактного. Примеры: др.-рус. товарь «домашний скот» → «скот как меновое имущество» → «любой меновой продукт»; др.-англ. bridd «молодые птицы, птенцы» → bird «птица»⁸.

5. Конкретизация — сужение значения, гипер-гипонимический перенос. Примеры: др.-рус. руба «грубая одежда, рубище, роба» (< руб, рубить) → рубаха «вид одежды, относящийся к верхнему нательному белью»; др.-англ. deor «зверь» (< прагерм. deuzam < праиндоевр. dheusom «создание, способное дышать») → deer «олень». Deer стал применяться к отдельному животному, вероятно, через охоту, так как олень считался любимым объектом охоты (ср. санскр. mṛga- «дикое животное», употреблявшееся преимущественно для обозначения оленей)⁹.

⁶ Ср. синонимические значения рус. дело — «деятельность, труд, занятие, ремесло, служба, работа»; в качестве внутрилексических антонимов можно привести энантиосемические значения слов: рус. дешевый — «недорогой, экономичный; некачественный, низкого качества»; англ. fair — «справедливый, честный, равноправный; средний, обычный, удовлетворительный».

⁷ Примеры паронимии: теснота — тоска — тщета, мрак — мрак, смерч — смерть, др.-англ. wærc «работа» — wrecan «гнать, мстить», англ. consequent — consequential, moment — momentary, momentous. Примеры синестезии: высокий «возвышенный», низкий «низменный», широкий «щедрый», яркий «оказывающий сильное воздействие», светлый «вызывающий возвышенные чувства», пышный «высокопарный»; red «революционный; убыточный», также hard (rock), cold (look), mild (cheese). Синестезия часто трактуется как подтип метафоры.

⁸ URL: <https://gufo.me/dict/vasmer/> товар; <https://www.etymonline.com/word/bird> (дата обращения: 22.07.2025).

⁹ URL: <https://gufo.me/dict/vasmer/> рубаха; <https://www.etymonline.com/word/deer> (дата обращения: 22.07.2025).

6. Амелиорация — возвышение значения. Пример: рус. просторный «широкий» → «широкий, имеющий много свободного места, светлый, уютный (о помещении)»; общеслав. праслав. čest/čast «денежный дар» → «угощение» → «благородство, честность»; др.-англ. earn(e)st «усердный, решительный (в бою)» → «искренний, честный»¹⁰.

7. Пейорация — ухудшение значения. Пример: др.-рус. холоп «свободный человек, находящийся в услужении или работающий по найму» → «раб, крепостной, низко стоящий член общества, лишенный достоинства»; др.-англ. wyrd «судьба, шанс, удача» → англ. weird «странно выглядящий, необычный, чудаковатый»; др.-англ. gedæfte «учтивый, достойный уважения» → daft «заторможенный, неуклюжий, грубоватый, невоспитанный» → «глупый, простодушный, бессмысленный» → (ок. 1530 г.) «сумасшедший, безумный»¹¹.

8. Пралогический синкретизм / бриколаж — перенос из-за недифференцированности категорий в архаическом мышлении. Пример: по М. М. Маковскому, и.-е. sem- «время, часть года» (ср. лат. sem-el «однажды», sem-per «всегда») связано с лат. semen «мужское семя»; время «лётся», как божественное семя, зажигая и уничтожая жизнь¹².

9. Символизация — наделение знаков трансцендентным смыслом. Скажем, число 12 наделялось сакральным значением: 12 знаков зодиака, 12 олимпийских богов, 12 подвигов Геракла, 12 апостолов. Возможно, из-за двенадцатеричной системы счёта по фалангам пальцев [11. С. 8]. В библейской традиции 12 — число колен Израиля¹³. Число 13 табуировано в Европе и США из-за христианского мифа: «Не двенадцать ли вас избрал Я? но один из вас — диавол» (Ин. 6:70–71). Оно не входит в список символических библейских чисел¹⁴. В английском для «чертова дюжина» используется baker's dozen (реже devil's

¹⁰ URL: <https://www.proto-slavic.ru/dic-trubachev/index.html>; <https://gufo.me/dict/vasmer/>; <https://www.etymonline.com/> (дата обращения: 22.07.2025).

¹¹ URL: <https://www.proto-slavic.ru/dic-trubachev/index.html>; <https://gufo.me/dict/vasmer/>; <https://www.etymonline.com/> (дата обращения: 22.07.2025).

¹² Маковский М. М. Большой этимологический словарь современного английского языка. М., 2023. С. 471.

¹³ Нумерология библейская // Православная энциклопедия «Азбука веры». URL: <https://azbyka.ru/numerologiya-biblejskaya> (дата обращения: 22.07.2025).

¹⁴ Райкен Л. Словарь библейских образов. СПб., 2005. С. 1311–1313.

dozen). Выражение возникло в XIII в. после закона Генриха III об Ассизе хлеба и эля: за недодос пекарям грозило избиение и тюрьма, поэтому к заказу в 12 добавляли 13-ю булочку¹⁵.

10. Рационализация (нейтрализация) — утрата символического смысла в пользу прагматики: башни, рычаги как фаллические символы; чаша со змеей (Гиппократова чаша) в медицине; весы Фемиды в юриспруденции.

11. Звукоподражание и фоносимволизм, «первичная номинация», синестезия на уровне звукового облика слова и выражаемого понятия. Звукоподражание: рус. топот, стрекота, скрежет, капать, шепот, хруст, щёлкать, трещать; англ. bark, hiss, boom, splash, chirp, plop, bang, meow, woof, crunch. Фоносимволизм: рус. рубить, плющить, трепать, жмуриться, сверкать, игра, волочить, брызгать, прок/прочь; англ. flap, flip, flop, fumble, fidgety, richety, shimmer, shatter, glimmer, glare, glow, slither.

Таким образом, семантические изменения — результат системной когнитивной деятельности, где язык выступает зеркалом и инструментом познания мира.

Когнитивные механизмы семантических изменений в славянских языках

Рассмотрим обыденную (общеупотребительную) лексику русского языка и выявим когнитивные механизмы, задействованные в формировании следующих слов: год, человек, новый, быть, говорить (говор).

Год. Этимологическое исследование О. Н. Трубачёва показывает, что древнеславянское слово год первоначально означало «благоприятный, подходящий момент», связанный с праздниками, обрядами и природными циклами. Оно связано с греч. ὥρα (hora — «пора», «время года») и лат. annus («год»). По мнению О. Н. Ляшевской, у этого славянского слова практически нет аналогов в индоевропейских языках (только алб. ngë «удобный случай»)¹⁶. Оно происходит от праслав. godъ, ст.-слав. годъ — «час», «год» («период времени в 12 календарных месяцев», с XVI в.), «удобное время». Это указывает на метонимический перенос: «подходящее время, связанное с природным циклом» → «период времени в 12 календарных месяцев».

Родственные слова: сербохорв. гôд — «большой праздник», «год», «годовой прирост (дерева)», «подходящее время»; словен. gôd (м. р.) — «подходящее время, момент», «зрелость, спелость»; чеш. hod (м. р.) — «церковный, престольный праздник»; польск. gody (мн. ч.) — «свадебный пир, свадьба». В рус. диал. (тул., урал. и др.) — «благоприятный для чего-л. отрезок времени, хорошее время».

В русском языке слово год со временем приобрело расширенное и нейтральное значение. Такой переход из узкого значения с положительной, праздничной (карнавальной) коннотацией в широкое и нейтральное, скорее всего, связан с реформами Петра I, который в 1699 г. перевёл летоисчисление в России на юлианский календарь (годы отсчитываются от Рождества Христова). Это событие знаменует смену мифологического (циклического) времени на историческое (линейное), что ослабило интерес к традиционным народным праздникам.

В польском языке эквивалентом слова год является rok («время указано, названо»), а не god. При этом god утратило форму ед. ч. и используется во мн. ч. — gody, что связывают с нем. gaden «согласовываться», «подходить». Отмечается, что god отличается от других слов со значением «время» наличием отчётливого оттенка уместности (подходящего момента)¹⁷.

Таким образом, внутри славянской группы наблюдается расхождение в картине мира: в русском языке год полностью рационализировался, утратив связи с праздниками и подходящим временем, тогда как в польском сохраняется разделение исторического и мифологического времени, что свидетельствует о процессе метонимизации в рамках одной концептуальной области — времени¹⁸.

Человек. Существительное человек имеет значения: 1) «высший представитель животного мира...», 2) «личность». Рус. человек < др.-рус. (с XI в.) чловѣкъ — «существо человеческого рода», «человек как член общества», «слуга»; ст.-слав. чловѣкъ. В других слав. языках: укр. чоловік — «муж, супруг»; блр. чловѣк; болг. чловѣк; сербохорв. човјек; словен. človek; польск. człowiek. Все восходят к праслав. čelověkъ (сокращённо чьловѣкъ), состоящему из двух основ: čelo и věkъ.

¹⁵ Why Are There 13 In A Baker's Dozen? // Southern Living. URL: <https://www.southernliving.com/food/kitchen-assistant/why-is-bakers-dozen-13> (дата обращения: 22.07.2025).

¹⁶ Ляшевская О. Н. Частотный словарь современного русского языка. М., 2009. URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php> (дата обращения: 22.07.2025).

¹⁷ God // Słownik etymologiczny języka polskiego. URL: https://pl.wikisource.org/wiki/Słownik_etymologiczny_języka_polskiego/god (дата обращения: 22.07.2025).

¹⁸ Трубачёв О. Н. Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд. Вып. 6 (е — golva). М.: Наука, 1979.

Происхождение слова остается спорным. О. Н. Трубачёв, М. Фасмер и П. Я. Черных приводят версию немецкого лингвиста Г. Циммера: *čelo* < *čeljadь* < и.-е. *kuel* — «род», «клан», «стая», «толпа»; *věkъ* связано с лит. *vaikas* — «дитя», «потомок», латыш. *vaiks* — «мальчик», др.-прус. *vaix* — «работник», *vauklis* — «сын» < и.-е. *ceik* — «жизненная сила»¹⁹.

Ранее отмечалось, что после формирования родовых общин пространство делилось на «свое» и «чужое», и словом «человек» обозначали только члена своего племени: «вне его он не был “человек” — он был враг, он был беспомощен» [3. С. 817]. Расширение значения до универсального понятия «человек» — результат когнитивной метонимии, связанной с расширением социального кругозора и осознанием того, что другие люди не представляют угрозы.

Новый. Прилагательное *новый* — «впервые или недавно появившийся», «до сих пор не бывший», «неведомый», «свежий» — происходит от ст.-слав. *novъ*, восходящего к праслав. *novъ* (jъ). В других слав. языках: болг. *новъ* — «неопытный, новый»; сербохорв. *nov* — «новый, недавно сделанный», «молодой, свежий»; словен. *nov*; ст.-чеш. *nový* — «новый, недавно появившийся», «молодой (о живом организме)», «свежий (о ране)», «новый (о поле)».

В рус. диалектах субстантивированная форма «новый» (м. р.) означала «целина» (чкалов., новосиб.), «хлеб нового урожая, новые плоды». О. Н. Трубачёв рассматривает слово «новъ» и связанные с ним формы (полнолуние, новый урожай, новина) в семантическом поле, связанном с идеей обновления, начала, свежести. Зафиксированы значения: «не паханая еще земля», «целина», «расчищенное и выжженное место под пашню», «луг», «поляна», «новый урожай», «свежие семена», «молодые листья», а также культово-ритуальные употребления: «зерно нового урожая, раздаваемое бедным», «сбор хлеба в пользу церкви». Это указывает на устойчивую концептуальную связь между физическим обновлением природы и социальными/ритуальными практиками, сохраняя следы древней символики начала, чистоты и изобилия. Семантика носит смешанный метонимо-метафорический и абстрактный характер²⁰.

¹⁹ Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка. Т. 2. М., 1999. С. 378.

²⁰ Трубачёв О. Н. (ред.) Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд. Вып. 26 (*novouk~obgorditi*). М.: Наука, 1999. С. 237.

Параллельно в славянских языках развивалась ветвь значений, связанная с лунным циклом: др.-рус. (XI в.) *новъ мѣсяць* — «новолуние»; болг. диал. *ноф мѣсец*; сербохорв. *nov mjesec*; чеш. диал. *nov mĕsíc*; ст.-польск. *nów* (сущ.) — «первая фаза луны». Эти диалектные формы относятся к докиевскому периоду (VI–IX вв.), когда сельское хозяйство имело не только хозяйственную, но и культовую значимость. В IX–X вв., с образованием Киевской Руси, значения расширились за счёт метонимо-метафорического переноса.

Быть. Это самый употребительный глагол в русском языке²¹. Его история восходит к и.-е. основе *bhūti-s*, от которой происходят: лит. *būti* — «быть»; др.-инд. *bhūtīh* — «бытие, существование», а также «благосостояние, процветание»; греч. *φύσις* — «природа». От неё — праслав. *byti* (тождественная именной основе *byť*), от которой: др.-рус. *быти* — «существовать», «находиться», «становиться», «совершаться» → ст.-слав. *быти* → рус. *быть* (в разных значениях); укр. *бути*; сербохорв. *бити*; словен. *bíti* и др.

Скорее всего, метонимо-метафорический переход от материального состояния (благополучия, владения) к абстрактному понятию бытия характерен для всех индоевропейских языков. По О. Н. Трубачёву, праслав. инфинитив *byti* восходит к и.-е. корню *bheu-*, имеющему форму имени (*bhmīti*-) с глагольной основой аориста. И.-е. основа *bhu-* обозначала становление, возникновение, проявление бытия, рост, преуспевание²².

Аналогичные формы в других языках подтверждают универсальность этих процессов: лит. *būti* — «быть»; др.-инд. *bhūti* — «бытие, жизнь, богатство»; греч. *physis* — «природа, суть, происхождение»; ирл.-кельт. *buith* — «быть, обладать качествами»; др.-исл. *búð* (ж. р.) — «жилище, укрытие». Общность корней подчёркивает универсальность метафоро-метонимических процессов, отражающих фундаментальные представления о жизни, росте и благополучии.

Говорить / говор. Глагол *говорить* входит в список самых частотных слов. Родственные формы: болг. *говоря*; макед. *говори*; сербохорв. *govōriti*; словен. *govoriti*; в.-луж. *howrić* — «шуметь»; польск. *goworzyć* — «разговаривать», *gaworzyć* — «лепетать», «болтать». Все восходят

²¹ Ляшевская О. Н. Частотный словарь современного русского языка. М., 2009. URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php> (дата обращения: 22.07.2025).

²² Трубачёв О. Н. (ред.) Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. Вып. 3 (*bratъсь — sьrky*). М.: Наука, 1976.

к праслав. *govoriti* (на -iti) ← *govorъ*, фактически, демонстрируя первичную номинацию типа звукоподражания.

Эволюция смыслов иллюстрирует переход от простейших звуковых проявлений к сложному социальному феномену:

– Начальная стадия: и.-е. корень *gou-* — «издавать звуки» → лит. *gaunti* — «выть»; греч. *γοός* — «вопли»; др.-инд. *gávate* — «звучит».

– Промежуточная стадия: др.-рус. *говоръ* — «шум», «гам», «мятеж» — отражает гул коллективного общения.

– Современная стадия: рус. *говор* — «многоголосый шум», «звуки разговора», «манера говорить», «местная разновидность народного языка»; укр. *гóвір* — «шум»; блр. *гавóрка*, *гúтарка* (лингв. термин).

Таким образом, эволюция отражает глубинную связь природного выражения и формирования социально-культурных маркеров устной речи. Отметим, что славянские языки развивались неоднородно под влиянием различных культурных и когнитивных установок. Это видно, например, в паре *год* (рус.) — *god* (польск.): первое слово сформировалось под влиянием рационализации, второе — под влиянием метонимии, что демонстрирует дивергенцию в картинах мира у родственных народов.

Когнитивные механизмы в германских языках

Рассмотрим эквиваленты уже упомянутых слов из обывденного слоя: *год* — *year*, *человек* — *man*, *новый* — *new*, *быть* — (to) *be*, *говорить* — (to) *talk* в группе германских языков.

Year. Слово *year* со значением «полный круг времен года, интервал между равноденствиями, время прохождения Солнца по зодиакальному кругу» восходит к др.-англ. *gear*, прагерм. *jēr* «год» (ср. др.-сакс., д.-в.-н. *jaŕ*, д.-с. *aar*, др.-фриз. *ger*, гот. *jer*), реконструируемому до и.-е. корня *ue-* «год, время года». Родственные формы: нем. *Jahr*, гол. *jaar* — все со значением «год». Значение «любой промежуток продолжительностью около 365 дней или 12 календарных месяцев» фиксируется в среднеанглийский период, возможно, под влиянием др.-фр. и лат. *annus* (ср. фр. *annuel*, англ. *yearly*)²³.

В древности символом года и смены сезонов (зима — бесплодие, лето — рождение) была змея, кусающая хвост: бретонск. *aer* «змея»; д.-а. *maða* «червь, змея»; лит. *metai* «год». Слово *year* утратило мифологический и языческий контекст

в эпоху «осевого времени» (К. Ясперс), что свидетельствует о рационализации.

Man. Слово *man* «человек, мужчина» (XI в.), как и нем. *Mann*, имеет несколько этимологических версий. У Мэллори-Адамса [16] *man* реконструировано как **manu-* ср. др.-инд. *Manu-* (имя первого человека), авест. *manuš* «человек». Аналогичную версию утверждает Etymonline: слово *man* — «человек» — представляет собой секуляризованное божественное имя, восходящее к Маннусу (Тацит, «Германия», глава 2), которого считали прародителем человеческого рода.

М. М. Маковский, как сторонник синкретичной метафоры, видит здесь три переноса:

1) от и.-е. *men-* «думать» → др.-инд. *manas* «душа, разум»;

2) от и.-е. *mer-* «гнуть, смерть, погребение сжиганием» → *mer-* «гореть» → лат. *mane* «заря» → д.-а. *man* «грех», исл. *smán* «презрение», ирл. *men* «мука»;

3) и.-е. *men-* «меняться» и др. [6].

Таким образом, в значении *man* прослеживаются метафорические («человек — сжигаемый на огне») и символические («человек — микрокосм, подверженный переменам») пласты. Современное представление о человеке как биологическом виде — результат рационализации и абстракции.

New. М. М. Маковский отмечает связь «смерти» и «нового»: в индоевропейской мифопоэтической традиции смерть считалась переходом в новое состояние, новую жизнь, обновлением [6]. И.-е. корень *neuos-* «новый» (др.-инд. *náva*, авест. *nava*, др.-прусс. *pawns*, перс. *new* «красивый») произведен от *neu-* «смерть» (гот. *naus* «мертвец», латыш. *pave* «смерть»).

Англ. *new* также может соотноситься с и.-е. *neu-* «бить, ударять» — действие, центральное в обрядах перехода (рождение, смерть, свадьба). Таким образом, слово *new* сочетает основы со значениями «смерти» и «удара», что указывает на механизм символизации.

В ЭССЯ эта мифологическая цепочка не обозначена, но есть верифицированные мифо-лингвистические параллели (в монографии О. Н. Трубачёва): **nav̥* или **nav̥j̥* восходят к **nav̥* (убить), *naviti* (убить, уморить), к этой же основе восходят слав. *навь*, лат. *navis* «лодка, корабль», ср. образ лодки перевозчика Харона. Также, возможно, это одновременное обозначение храма. Если храм — «дом мертвых», то *naus, возможно, «корабль мертвых» [10].

Be. Англ. гл. *be* «быть, существовать», которое, как и слово *man*, связано с и.-е. **b^huH-*, санскр. *bhū-* «становиться», греч. *phṓ* «расти», лат. *fui* «я был», герм. **bū-* → англ. *be* [16]. М. М. Маковский

²³ URL: <https://www.etymonline.com/> (дата обращения: 22.07.2025).

гипостазировать концептуальную метафору огня: и.-е. *bhei-* «бить, высекать» и *bhā-* «огонь; гореть», к которым восходят также д.-в.-н. *bim* «я есть», др.-ирл. *bíu*, ст.-слав. быть, лит. *būti* «быть». По мнению М. М. Маковского, огонь — чудо, позволившее человеку выжить: он улучшил охоту, дал термическую обработку пищи и был обожествлен. В греческой мифологии Прометей создаёт людей из глины, Афина вдыхает в них жизнь, но именно огонь выводит их из мрака в осознанное существование. Следовательно, *be*, как и многие и.-е. слова, перешло из сакральной сферы в обыденную. Вероятно, имел место метонимический перенос: «существование вокруг костра» стало Бытием племени.

Talk и tell. Глаголы *talk* и *tell* близки по смыслу и переводятся в основном как «говорить». Англ. *talk*, которое имеет более конкретное значение «говорить во время обсуждения», образовано с помощью присоединения суф. *-k* к прагерм. осн. *tal-*. От той же основы происходят англ. *tell* «говорить, сказать; считать», д.-с. *tal* «число», нем. *zahlen* «считать», ср., также рус. *тело*, *тлеть*, и.-а. *tal* «гореть, жечь». Прагерм. *tal-* (> *taljan* «упоминуть по порядку») восходит к и.-е. *del-* «считать», *dol-* «счёт, расчёт, обман» [6].

Связь «говорить» и «считать» объясняется тем, что вещи (орудия, сосуды) появились раньше связной речи. Древний человек «высчитывал» различие между своими и чужими предметами. Значение «считать» у *tell* зафиксировано в др.-англ. (*tellan*), а «говорить» — только в среднеангл. (*tellen*)²⁴. Переход от одной сферы к другой, вероятно, произошёл через функциональный перенос (подтип аналогии, «рациональная» форма концептуальной метафоры).

Таким образом, в славянских примерах наблюдаются такие когнитивные переносы, как метонимизация типа генерализации (основной тип) — изменение смысла от частного случая к общему значению, метафора — переосмысление конкретных физических объектов или действий в сторону абстрактных идей и понятий, звукоподражание. В семантической эволюции английских лексем задействованы такие когнитивные механизмы, как символизация, метафоризация, метонимизация. Абстрагирование присутствует в обоих случаях в виде переходов от конкретного образа к универсальной категории, как в случаях лексем «быть» и «новый» (*be*, *new*). Рационализация встречается в обоих случаях в отношении лексемы «год».

²⁴ Online Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com/word/tell> (дата обращения: 22.07.2025).

Заключение

Проведённый анализ семантической эволюции пяти ключевых лексем обыденного слоя в русском и английском языках позволяет говорить о возможных различиях в когнитивных и лексикографических стратегиях, характерных для славянской и германской традиций. Следует подчеркнуть, что выводы носят предварительный и гипотетический характер, поскольку основаны на крайне ограниченной выборке и не могут служить основанием для типологических обобщений о «славянской» или «германской картине мира» в целом.

Тем не менее, в рассмотренных примерах намечается тенденция: в славянской (в частности, русской) традиции семантические сдвиги чаще реализуются через метонимию или антропологическую концептуальную метафору, то есть через контекстуальную, социальную или функциональную смежность («подходящее время» → «год»; «член племени» → «человек вообще»; «шум» → «речь»). Такая стратегия отражает прагматичный, рациональный и ситуативно-ориентированный способ концептуализации, где значение укоренено в практической деятельности хозяйственной, общинной, ритуальной.

В германской (английской) части примеров наблюдается большее участие символично-метафорических переносов, уходящих в пласты мифопоэтического мышления: «смерть» → «новое»; «огонь» → «бытие»; «змея, кусающая хвост» → «год». Это гипотетически может свидетельствовать о том, что в германской культурной памяти дольше сохранялись архетипические образы, а семантическая эволюция протекала через образно-ассоциативные связи, где значение формируется не столько из социального контекста, сколько из внутреннего символического мира.

Однако объективность этих тенденций остаётся под вопросом — она может быть продуктом интерпретативного выбора, а не реального различия в когнитивных стратегиях древних народов как носителей языков.

Эта разница проявляется на уровне лексикографических практик и традиций. Сравнение источников «Этимологического словаря славянских языков» под ред. О. Н. Трубачёва и «Online Etymology Dictionary» Д. Харпера показывает, что славянская этимология, особенно в советский и постсоветский период, стремится к большей рационализации и строгой реконструкции на основе сравнительно-исторического метода, с осторожным отношением к гипотезам, особенно

мифологического или символического характера. Даже при наличии ритуальных значений (как у слова *новый*), акцент делается на их социальную и хозяйственную функцию, а не на символику.

В то же время германская этимология, представленная в популярных ресурсах вроде Etymonline или особенно словаре М. М. Маковского (основанном на германских источниках, при этом последовательно проводящего линию синкретизма древних значений), допускает большой волюнтаризм: здесь охотнее принимаются гипотезы о символических, мифологических или даже «поэтических» связях между понятиями, даже если они не подтверждены прямыми лингвистическими данными. Такой подход достаточно явно прослеживается в германской лексикографической традиции и, вероятно, отражает культурную установку на индивидуальную интерпретацию и образное мышление, характерную для западноевропейской интеллектуальной традиции.

Важно отметить, что ни в одном из рассмотренных славянских примеров по версии словарей не зафиксировано чётких случаев символизации как самостоятельного когнитивного механизма. Реже встречаются и метафоры с резким несовпадением сферы-источника и осваиваемой сферы. В германских источниках символизация встречается дважды (микрокосм, огнепоклонничество → *man*; удар → смерть → *new*), есть и необычная метафора огонь → *be*. Касательно последнего примера, в ЭССЯ и других славянских источниках акцент сделан на связи *byть* с «благополучием, владением», что ближе к метонимии (состояние → существование); у Трубачёва, как и других, находим и.-е. *bhu-* — «становление, рост», что представляет собой концептуальную метафору, но эта

семантическая линия не развивается. Налицо более осторожное отношение к идентификации концептуальных метафор и символов.

Таким образом, можно осторожно предположить, что различия в семантической эволюции базовых понятий могут быть связаны не только с лингвистическими и историко-культурными особенностями, но и с разными эпистемологическими установками интерпретаторов: славянская традиция, по-видимому, склонна к рациональному, системному, социально встроенному объяснению смысла, тогда как германская — к образному, индивидуально интерпретируемому, символически насыщенному. Однако эта гипотеза требует дальнейшей верификации на значительно более широком корпусе данных, включая сопоставление не только отдельных слов, но и целых концептуальных полей, а также анализ лексикографических практик разных эпох и школ. Пока же представленный анализ остаётся скорее иллюстрацией возможных путей, чем доказательством устойчивых закономерностей.

Итак, семантика — это не статичный набор значений, а динамическая система, в которой активно задействованы когнитивные механизмы, такие как метафоризация, метонимизация, абстрагирование и др. Понимание этих механизмов способствует развитию более эффективных методов обработки естественного языка, а также расширяет наши знания о том, как человек организует и интерпретирует информацию. В целом, изучение когнитивных аспектов семантики открывает новые перспективы для междисциплинарных исследований в области лингвистики, психологии и искусственного интеллекта, что делает его актуальным направлением научных исследований.

Список литературы

1. Бажанов В. А. Абстрагирование и абстракции в оптике когнитивных исследований // Эпистемология и философия науки. 2021. № 2. С. 6–18.
2. Болдырев Н. Н. Когнитивные механизмы формирования количественных смыслов в языке // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 3. С. 5–14.
3. Виноградов В. В. История слов : Ок. 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связанных. М.: РАН, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. М., 1999. 1138 с. ISBN 5-88744-033-3
4. Кубрякова Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. М. : Филол. фак. МГУ, 1996. 245 с.
5. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живём : Пер. с англ. / Дж. Лакофф, М. Джонсон, ред. и пер. А. Н. Барановой. М. : Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
6. Маковский М. М. Удивительный мир слов и значений. Иллюзии и парадоксы в лексике и семантике. М. : Высшая школа, 1989. 200 с.
7. Никитин М. В. Лексическое значение слова: (Структура и комбинаторика). М. : Высш. шк., 1983. 127 с.
8. Плахотная Ю. И. Ассоциация как механизм когнитивной деятельности в формировании концептуальной картины мира // СабСкрипт. 2021. № 2. С. 541–550.

9. Серебренников Б. А. Роль человеческого фактора в языке : Язык и картина мира / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Поставалова и др. М. : Наука, 1988. 216 с.
10. Трубачёв О. Н. Этногенез и культура древнейших славян : Лингвистическое исследование. М. : Наука, 2003. 495 с.
11. Фомин С. В. Системы исчисления. М. : Наука, 1980.
12. Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. М. : Восточная литература, 1998. С. 223–285.
13. Evans V., Green M. Cognitive Linguistics: An Introduction. NY : Routledge, 2006. P. 190.
14. Geeraerts D. Cognitive Linguistics: Basic Readings. Berlin : Mouton de Gruyter, 2006. 485 p.
15. Johnson M. The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason. University of Chicago Press, 1987. 233 p.
16. Mallory J. P., D. Q. Adams. The Oxford Introduction to Proto-Indo-European and the Proto-Indo-European World. Oxford : OUP, 2006.

Словари

17. Виноградов В. В. История слов. М. : Русский язык, 1999.
18. Ляшевская О. Н. Новый частотный словарь русской лексики. URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php>.
19. Маковский М. М. Большой этимологический словарь современного английского языка. М. : ЛЕНАНД, 2023.
20. Православная энциклопедия «Азбука веры». URL: <https://azbyka.ru/dictionary>.
21. Райкен Л. Словарь библейских образов. СПб. : Библия для всех, 2005.
22. Токарев С. А. Мифы народов мира: Энциклопедия. М. : Советская энциклопедия, 1980.
23. Трубачёв О. Н. Этимологический словарь славянских языков. М. : Наука, 1976–1999.
24. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. URL: <https://gufo.me/dict/vasmer/>.
25. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка. М. : Русский язык, 1999.
26. Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. URL: https://pl.wikisource.org/wiki/Słownik_etymologiczny_języka_polskiego.
27. Harper D. Online Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com/>.
28. Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern : A. Francke, 2005.

References

1. Bazhanov VA. Abstrahirovanie i abstraktsii v optike kognitivnykh issledovaniy = Abstractions in Cognition Studies. *Epistemologiya i filosofiya nauki*. 2021;(2):6-18. (In Russ.).
2. Boldyrev NN. Kognitivnye mekhanizmy formirovaniia kolichestvennykh smyslov v yazyke = Cognitive Mechanisms for Forming Quantitative Meanings in Language. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*. 2020;(3):5-14. (In Russ.).
3. Vinogradov VV. Istoriia slov = History of Words: Approximately 1500 words and expressions with over 5000 related terms, Russian Academy of Sciences, Institute of Russian Language named after VV Vinogradov, Moscow, Russia, 1999, 1138 p. ISBN 5-88744-033-3. (In Russ.).
4. Kubryakova ES, Dem'yankov VZ, Pankrats YuG, Luzina LG. Kratkii slovar' kognitivnykh terminov = Concise Dictionary of Cognitive Terms. Filological Faculty of MSU, Moscow, Russia, 1996, 245 p. (In Russ.).
5. Lakoff G, Johnson M. Metafori, kotorymi my zhivem = Metaphors We Live By. Trans. from English by A.N. Baranovoy, Editorial URSS, Moscow, Russia, 2004, 256 p. (In Russ.).
6. Makovskiy MM. Udivitel'nyy mir slov i znacheniy. Illuzii i paradoksy v leksike i semantike = The Amazing World of Words and Meanings: Illusions and Paradoxes in Lexicon and Semantics. Higher School Publishing House, Moscow, Russia, 1989, 200 p. (In Russ.).
7. Nikitin MV. Leksicheskoe znachenie slova: Struktura i kombinatorika = Lexical Meaning of a Word: Structure and Combinatorics. Vyshaya shkola, Moscow, Russia, 1983, 127 p. (In Russ.).
8. Plakhotnaia YuI. Assotsiatsiya kak mekhanizm kognitivnoi deyatel'nosti v formirovanii kontseptual'noi kartiny mira = Association as a Mechanism of Cognitive Activity in Shaping Conceptual Picture of the World. *SabScript*. 2021;(2):541-550. (In Russ.).
9. Serebrennikov BA, Kubryakova ES, Postovalova VI. Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: Yazyk i kartina mira = Role of Human Factor in Language: Language and Worldview. Nauka Publ., Moscow, Russia, 1988, 216 p. (In Russ.).
10. Trubachev ON. Etngenez i kul'tura drevneishikh slavyan: Lingvisticheskoe issledovanie = Ethnogenesis and Culture of Ancient Slavs: Linguistic Study. Nauka Publ., Moscow, Russia, 2003, 495 p. (In Russ.).
11. Fomin SV. Sistemy ischisleniya = Numerical Systems. Nauka Publ., Moscow, Russia, 1980. (In Russ.).

12. Freidenberg OM. Mif i literatura drevnosti = Myth and Literature of Antiquity. Eastern Literature Publ., Moscow, Russia, 1998, pp. 223–285. (In Russ.).
13. Evans V, Green M. Cognitive Linguistics: An Introduction, Routledge, New York, USA, 2006, p. 190.
14. Geeraerts D. Cognitive Linguistics: Basic Readings, Mouton de Gruyter, Berlin, Germany, 2006, 485 p.
15. Johnson M. The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason, Univ. of Chicago Press, Chicago, IL, USA, 1987, 233 p.
16. Mallory JP, Adams DQ. The Oxford Introduction to Proto-Indo-European and the Proto-Indo-European World, Oxford University Press, Oxford, UK, 2006.

Dictionaries

17. Vinogradov VV. Istoriia slov = History of Words], Russkiy Yazyk Publishers. Moscow, Russia, 1999. (In Russ.).
18. Lyashevskaya ON. Novyi chastotnyi slovar' russkoi leksiki = New Frequency Dictionary of Russian Lexicon. Available at: <http://dict.ruslang.ru/freq.php>. (In Russ.).
19. Makovsky MM. Bol'shoi etimologicheskii slovar' sovremennogo angliiskogo yazyka = Big Etymological Dictionary of Modern English. LENAND Publishers, Moscow, Russia, 2023. (In Russ.).
20. Orthodox Encyclopedia Azbuka Very = Azbuka of Faith. Available at: <https://azbyka.ru/dictionary>. (In Russ.).
21. Raiken L. Slovar' bibliyskikh obrazov = Dictionary of Biblical Images. Bible for All, St. Petersburg, Russia, 2005. (In Russ.).
22. Tokarev SA. Mify narodov mira: Entsiklopediya = Encyclopedia of Myths of Peoples of the World. Soviet Encyclopaedia Publishers, Moscow, Russia, 1980. (In Russ.).
23. Trubachev ON. Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov = Etymological Dictionary of Slavic Languages. Nauka Publ., Moscow, Russia, 1976–1999. (In Russ.).
24. Vasmer M. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka = Etymological Dictionary of the Russian Language. Available at: <https://gufo.me/dict/vasmer/>. (In Russ.).
25. Chernykh PYa. Istoriko-etimologicheskii slovar' russkogo yazyka = Historical and Etymological Dictionary of the Russian Language. Russkiy Yazyk Publishers, Moscow, Russia, 1999. (In Russ.).
26. Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego = Etymological Dictionary of the Polish Language. Available at: https://pl.wikisource.org/wiki/Słownik_etymologiczny_języka_polskiego.
27. Harper D. Online Etymology Dictionary. Available at: <https://www.etymonline.com/>.
28. Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch, A. Francke Verlag, Bern, Switzerland, 2005.

Информация об авторах

Е. В. Шелестюк — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания.

З. А. Харитонова — студент бакалавриата.

Information about the authors

E. V. Shelestyuk — Dr. Sci. (Philology), Associate Professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics

Z. A. Kharitonova — undergraduate student.

Статья поступила в редакцию 03.07.2025; одобрена после рецензирования 05.09.2025; принята к публикации 17.09.2025.

The article was submitted 03.07.2025; approved after reviewing 05.09.2025; accepted for publication 17.09.2025.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81-2

DOI: 10.47475/1994-2796-2025-503-9-63-71

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ ОБРАЗА «АБУ-БАНДИТ» НА ОСНОВЕ КОНТЕНТА ТЕЛЕГРАМ-КАНАЛА «МНОГОНАЦИОНАЛ»

Владислав Борисович Ширшиков

Российский университет транспорта (РУТ (МИИТ)), Академия базовой подготовки, г. Москва, Россия,
vbshirshikov@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-1268-8522

Аннотация. В статье проводится лингвокогнитивный анализ образа «Абу-бандит» в контексте медийного дискурса телеграм-канала «Многонационал», посвященного вопросам миграции, межэтнических отношений и этнической идентичности в современной России. Методологическая база исследования сочетает подходы когнитивной лингвистики, критического дискурс-анализа, лексико-семантического и контент-анализа. Особое внимание уделяется изучению способов концептуализации мигранта как угрозы через языковые и риторические средства. В результате анализа выявлены ключевые лексико-семантические поля, отражающие основные смысловые доминанты: «Преступность и угроза», «Культурная несовместимость», «Экономическая эксплуатация» и «Политизация миграции». Образ «Абу-бандит» интерпретируется как криминально-социальный концепт с устойчивым когнитивным ядром, формируемым через элементы этнической маркированности, агрессии, насилия и девиантного поведения. Периферийная зона концепта насыщена экспрессивной лексикой, метафорами, меметическими структурами и ироничными конструкциями, что способствует формированию и закреплению устойчивых негативных стереотипов, а также усилению межэтнической напряженности в общественном восприятии. Выводы исследования подчеркивают важность анализа дискурсивных стратегий в новых медиа и могут быть использованы при разработке эффективных мер по снижению уровня ксенофобии, стигматизации и дискриминации мигрантов в информационном пространстве.

Ключевые слова: концепт, Абу-бандит, телеграм-канал, миграция, когнитивная лингвистика, стереотип, медийный дискурс

Для цитирования: Ширшиков В. Б. Лингвокогнитивный анализ образа «Абу-бандит» на основе контента телеграм-канала «Многонационал» // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 9 (503). С. 63–71. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-503-9-63-71.

Original article

A LINGUO-COGNITIVE ANALYSIS OF THE IMAGE “ABU-BANDIT” BASED ON THE CONTENT OF THE TELEGRAM CHANNEL “MNOGONATSIONAL”

Vladislav B. Shirshikov

Russian University of Transport (MIIT), Academy of Basic Training, Moscow, Russia, vbshirshikov@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-1268-8522

Abstract. This article presents a linguacognitive analysis of the image of the “Abu-bandit” within the media discourse of the Telegram channel “Mnogonatsional”, which focuses on issues of migration, interethnic relations, and ethnic identity in contemporary Russia. The methodological framework integrates approaches from cognitive linguistics, critical discourse analysis, lexical-semantic analysis, and content analysis. Special attention is given to how the migrant is conceptualized as a threat through linguistic and rhetorical means. The study identifies four key lexical-semantic fields that structure the discourse: “Crime and Threat,” “Cultural Incompatibility,” “Economic Exploitation,” and “Politicization of Migration.” The image of the “Abu-bandit” is interpreted as a socio-criminal concept with a stable cognitive core shaped by elements of ethnic markedness, aggression, violence, and deviant behavior. The peripheral zone of the concept is rich in expressive vocabulary, metaphorical constructions, ironic tone, and meme-based forms, all of which contribute to the reinforcement of persistent negative stereotypes and

the intensification of interethnic tension in public perception. The findings emphasize the importance of analyzing discursive strategies in new media and may inform the development of effective measures to reduce xenophobia, stigmatization, and discrimination against migrants in the information environment.

Keywords: concept, Abu-bandit, Telegram channel, migration, cognitive linguistics, stereotype, media discourse

For citation: Shirshikov VB. A Linguo-Cognitive Analysis of the Image “Abu-bandit” Based on the Content of the Telegram Channel “Mnogonatsional”. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(9(503):63-71. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-503-9-63-71.

Введение

Медийное пространство современной России представляет собой активную площадку для формирования и трансляции новых социальных и культурных феноменов, включая стигматизированные субкультурные образы. Одним из таких образов является концепт «Абу-бандит», первоначально возникший как элемент молодежной танцевальной субкультуры. В процессе своей эволюции данный образ приобрел криминализированный и маргинализированный характер, что позволило ему занять устойчивое место в цифровом медиадискурсе, в частности, в социальных сетях и мессенджерах, таких как Telegram. **Актуальность** настоящего исследования обусловлена возрастающим интересом научного и общественного сообщества к миграционной проблематике, а также необходимостью комплексного анализа механизмов языкового воспроизводства стереотипов в цифровом медийном пространстве. Особое внимание уделяется лингвокогнитивным стратегиям, способствующим закреплению негативных этнических образов в общественном сознании.

Цель статьи — описать лингвокогнитивную структуру концепта «Абу-бандит» как средства стереотипизации в медиадискурсе телеграм-канала «Многонационал».

Для её достижения ставятся следующие задачи:

1. Определить ядерные и периферийные компоненты концепта с акцентом на их лексико-семантические свойства.
2. Охарактеризовать ключевые лексико-семантические поля, формирующие когнитивную модель.
3. Проанализировать риторические и прагматические стратегии медиадискурса.
4. Исследовать внутреннюю форму лексемы «абу-бандит» с опорой на академические и сленговые источники.
5. Выявить дискурсивные и когнитивные механизмы, поддерживающие функцию концепта как маркера социальной и этнокультурной стигматизации.

Объектом исследования является концепт «Абу-бандит» в медиадискурсе современных

цифровых платформ. **Предметом** исследования выступают лингвокогнитивные механизмы репрезентации концепта «Абу-бандит» в текстах телеграм-канала «Многонационал», включая его лексико-семантическую структуру, когнитивное ядро и прагматические функции. **Материалом** исследования послужил корпус из более 1000 публикаций телеграм-канала «Многонационал» за 2024 год¹, отобранных методом сплошной выборки. Выбор канала обусловлен его активностью в освещении миграционной тематики и специфическим дискурсом. Telegram, начав как мессенджер, стал медиаплатформой, способной влиять на восприятие и формировать альтернативные повестки. Его открытая архитектура и слабая цензура обеспечивают свободу высказывания, делая платформу значимой для изучения механизмов стереотипизации и этнокультурных образов в цифровой среде [26; 18]. Телеграм-каналы представляют собой особый формат медиа, совмещающий журналистские приёмы и цифровые особенности. Их дискурс включает сниженный стиль, жаргон и эмоционально окрашенную лексику [10; 4; 15; 21]. Популярность Telegram в России и рост числа тематических блогов подчеркивают необходимость научного анализа этого медиапространства [27. С. 88].

Практическая значимость данного исследования заключается в возможности его применения для лингвистического анализа медиадискурса, связанного с миграционной тематикой, а также для выявления и деконструкции языковых механизмов стигматизации в цифровом пространстве. Результаты могут быть использованы при разработке программ по критическому дискурсивному обучению, повышению медиалингвистической грамотности, а также в курсах по социалингвистике, медиалингвистике и межкультурной коммуникации. Исследование способствует формированию научных основ анализа этнокультурных концептов и риторических стратегий в новых медиа.

¹ Многонационал. URL: <https://t.me/mnogonatsional> (дата обращения: 27.06.2025).

Методология исследования

Для анализа лингвокогнитивных особенностей образа «Абу-бандит» использовались методы современной лингвистики, когнитивной науки и лингвокультурологии. Обзор научных подходов охватывает ключевые труды по контент-анализу, дискурсивным стратегиям и концептам. Контент-анализ позволил выявить тематические и эмоциональные доминанты. Исследование опирается на работы Т. А. ван Дейка [32. С. 115–140] и Н. Ф. Алефиренко [1. С. 49–57], а также на труды В. И. Карасика [12; 13; 14], анализирующего языковые стереотипы в медиатекстах.

Риторика телеграм-канала «Многонационал» демонстрирует активное воспроизводство этнокультурных концептов. Когнитивная перспектива опирается на идеи Дж. Лакоффа, М. Джонсона [31] и Е. С. Кубряковой [16; 17], изучающих способы языковой категоризации. Важными в исследовании стали фрейминг, приминг и эмоциональная поляризация, описанные у А. Н. Баранова, Л. Г. Васильева и Э. Гофмана [3; 8; 30].

Концептуализация реальности, как организация и восприятие мира через язык, представлена в моделях — пропозициях, фреймах, метафорах и метонимиях [2. С. 350–351; 19. С. 31]. Методы анализа концептов включают дефиниции, этимологию, анкетирование и др. [8; 20]. Концепты классифицируются по концептосферам (эмоциональные, текстовые и др.) и типам дискурса (религиозные, политические и т. д.) [12; 25].

О структуре концепта ведутся дискуссии: Карасик подчеркивает ценностный аспект [13], Степанов — внутреннюю форму [22]. В рамках анализа «Абу-бандит» особое значение имеет формирование стереотипов через лексико-семантические маркеры. Специфика телеграм-каналов как цифрового медиадискурса исследуется в работах [9; 23; 6], где подчеркивается роль платформ в трансляции альтернативных смыслов. Методы критического дискурс-анализа (Т. А. ван Дейк, Н. Фэрклоу, Р. Водак) применялись для выявления манипулятивных стратегий и скрытых идеологий [32; 28; 33].

Результаты исследования и их обсуждение

1. Лексико-семантический анализ и когнитивная структура концепта «Абу-бандит».

Образ «Абу-бандит» возник из танцевального движения 2015 года и трансформировался в символ агрессии и асоциальности среди мигрантской молодёжи. Термин сочетает арабское «абу» («отец») и «бандит», приобретая иронично-унизительный оттенок [24]. Поведение сопровождается

групповым давлением и девиантностью, а на общенациональном уровне тема остаётся маргинализированной [5. С. 622].

Ядро концепта «Абу-бандит» формируется за счёт его эксплицитной внутренней формы. Поиск дефиниций по академическим словарям русского языка не дал цельного описания данной лексемы. В связи с этим составные элементы анализируются по отдельности, а затем синтезируются в целостное значение. Согласно *Urban Dictionary по-русски*², лексема *абу-бандит* имеет две формы и трактуется следующим образом: «Абу-бандит, абушка — северокавказский неформал, который вызывающе ведет себя в общественных местах. Понятие довольно расплывчатое. Зачастую атрибуты абушки — борода, цветастая шапка с логотипом какой-нибудь фирмы. Спутник абушки — громкая музыка. Любимый жест — палец вверх». Словарь иностранных слов русского языка³ определяет первую составляющую как «(араб.) входит в состав собственных имен и значит: отец; например, Абу-Абдалла, т. е. отец Абдаллы». В *Большом академическом словаре*⁴ в статье *бандит* отмечается: «Член банды; в 1 знач. — тот, кто совершает разбойное нападение, вооруженный грабитель», сопровождаемое рядом примеров из художественной литературы, усиливающих криминальную коннотацию.

Словосочетание *Абу-бандит* — это лексема, объединяющая два компонента: *абу* как маркер этнической идентичности и *бандит* — носитель криминальной коннотации. Их совокупность формирует ядро концепта, отражающего как особенности конкретной социальной группы, так и общественные стереотипы. Концепт ассоциируется с девиацией и этнокультурной маркировкой, закреплёнными в медиадискурсе. В текстах канала «Многонационал» активно используются жаргонизмы и обценная лексика — *газовать*, *дырявые волки*, *беспредельщики*, *шпана*, — усиливающие ощущение угрозы. Пример: *абу-бандиты снова устроили беспредел в метро*. Также повторяются конструкции типа: «Абу-бандиты на

² Urban Dictionary по-русски. Пикабу / Абу-бандит. URL: https://pikabu.ru/story/urban_dictionary_porusski_9931814 (дата обращения: 17.03.2025).

³ Academic. Словарь иностранных слов русского языка / Абу. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/1862/АБУ (дата обращения: 17.03.2025).

⁴ Большой академический словарь. Unislov. Универсальный словарь-справочник / Бандит. URL: <http://nskhuman.ru/unislov/bastxt.php?ntom=1&np=316> (дата обращения: 17.03.2025).

каждой улице!», усиливающие оппозицию *мы — они*. Ассоциативные поля концепта включают три вектора: криминализация (избиения, грабежи); конфликтность (мигранты vs местные); маргинализация (изоляция группы, иждивенчество). Примеры: *Присосались к нашей социалке, Умный узбек vs глупый россиянин*.

Второй компонент ядра — *абушка* — символ неформала из северокавказской субкультуры с атрибутами (борода, громкая музыка, вызывающее поведение). Концепт также связан с метафорой обезьянки Абу, что добавляет анималистический оттенок. Периферия концепта включает криминальную, социальную и девиантную составляющие. Отсутствие идеологии или спорта указывает на пустую, агрессивную идентичность. Средства репрезентации — сниженный стиль, провокационные заголовки (*Мигранты захватили улицы: где полиция?*), параллели с АУЕ.

Ключевые риторические стратегии: ирония (ценнейшего студента задержали) создает эффект дискредитации; гипербола (*«Абу-бандит» избил женщину — ОПГ заминает дело*) усиливает ощущение угрозы; политизация (*Президент Уральской ассоциации беженцев ущемилась*) расширяет концепт до уровня идеологии; исламизация (*Ваххабит преследовал русскую девушку*) закрепляет образ как религиозно и культурно чуждый.

Таким образом, концепт *«Абу-бандит»* базируется на этно-криминальной семантике и усиливается за счёт устойчивых ассоциаций, жаргонизмов и эмоционального воздействия. Его периферия включает культурные, религиозные и социальные маркеры, а риторические приёмы создают эффект «угрозы извне», формируя устойчивый стереотип в общественном сознании.

Для анализа концепта *«Абу-бандит»* важно выделить ключевые лексико-семантические поля (ЛСП), отражённые в дискурсе телеграм-канала *«Многонационал»*. Контент охватывает темы преступности мигрантов, культурной дистанции, социальной конкуренции и политических угроз. Эти темы представлены в четырёх лексико-семантических группах: преступность и угроза, культурная несовместимость, экономическая эксплуатация и политизация миграции. ЛСП «преступность и угроза» содержит лексику, ассоциирующую мигрантов с насилием и криминалом (*убийца, наркоторговец, разборки*). ЛСП «культурная несовместимость» включает слова, маркирующие мигрантов как чуждых: *чужак, варвар, восточные обычаи*. ЛСП «экономическая эксплуатация» акцентирует конкуренцию за ресурсы через лек-

сику вроде *нагрузка на бюджет, отбирают работу*. ЛСП «политизация миграции» включает выражения типа *подмена электората, этническое лобби*. Все группы выполняют функции категоризации, эмоционального воздействия и бинарной оппозиции **свой — чужой**. Использование экспрессивной лексики (*орда, катастрофа, паразиты*) усиливает тревожность. Стиль канала агрессивно-оценочный, насыщен сарказмом, эвфемизмами, жаргоном. Часты обесценизмы и политические маркеры (*иноагент, ваххабит, ОПГ-диаспора*), формирующие напряжённую медиасреду.

2. Когнитивные стратегии и лингвистические приёмы репрезентации концепта «Абу-бандит».

В телеграм-канале *«Многонационал»* применяются когнитивные стратегии, формирующие негативный образ мигранта и укрепляющие концепт *«Абу-бандит»*.

- Фрейминг задает рамку восприятия мигранта как угрозы.
- Приминг активизирует негативные ассоциации (терроризм, насилие) за счёт повторов.
- Эмоциональное воздействие достигается за счёт шокирующего контента, вызывающего страх и гнев.

Среди лингвистических приёмов выделяются:

- Неологизмы и субкультурные термины (*абу-бандит, ценный специалист, нарковаххабит, по кайфу*) отражают ироничные, уничижительные и маргинализирующие характеристики.
- Фразеологизмы и клише (*присосались к социалке, восточная сказка, трудолюбивый таксист*) усиливают стереотипизацию.
- Метонимия и гипербола (*Абхазия загудела, древние обычаи*) подчёркивают аномальность и примитивизм.
- Метафоры создают ироничный контраст между официальным образом и реальностью (*ценнейший специалист, уважение старших*).
- Ирония и сарказм подрывают доверие к официальной риторике и усиливают образ угрозы (*трудолюбивый таксист бросил пассажирку, мигрантская преступность растёт, но общая-то падает!*).

В совокупности стратегии и приёмы направлены на эмоциональную мобилизацию аудитории и закрепление образа мигранта как опасного, чуждого и девиантного субъекта.

3. Когнитивная дихотомия и социально-психологические механизмы нарратива.

Одной из ключевых стратегий репрезентации концепта *«Абу-бандит»* является дихотомия

«мы — они», противопоставляющая местных и приезжих. Эта оппозиция строится на оценочных суждениях: *банда крышется местными оборотнями, армянский школьник — русофоб*. Поляризация усиливается агрессивной лексикой (*дикие, абу-бандиты*), уничижительными эпитетами и сниженным стилем (*судейский буллит*). Через ироничные номинации (*ценнейший специалист*) создается саркастическое нормирование.

Активно применяются социально-психологические механизмы манипуляции: стимулирование угрозы — нарратив внешней опасности: *Мигранты захватили улицы*; образ осаждённой крепости — акцент на бездействии властей: *Правозащитники молчат*; праведный гнев — ссылки на публичные фигуры для легитимации агрессии: *Медведев призвал выдворять*.

Формируются устойчивые аксиологические оппозиции: негативная сакрализация мигрантов: *мигрантёныши-киллеры*, фетишизация национального: *убежал из ислама*, моральное возвышение читателя: *не читала канал, поэтому связалась с Равшаном*.

Таким образом, риторика канала базируется на конспирологических нарративах, эмоциональной поляризации и ксенофобных стереотипах, направленных на формирование устойчивого негативного образа мигрантов.

4. Тематико-речевая структура и стереотипизация в дискурсе ТГ-канала «Многонационал».

Исходя из содержания телеграм-канала «Многонационал», можно выделить несколько ключевых тем, формирующих его ретиорику. Значительное внимание уделяется преступности и насилию, связанным с мигрантами: *в Великобритании идёт судебный процесс над сетью педофилов-насильников из Пакистана, в Германии абу-бандит держит заложницу в банке, в Екатеринбурге дикий таксист-харып из Узбекистана изнасиловал пассажирку*. Эти высказывания формируют устойчивые негативные ассоциации и способствуют ксенофобным настроениям. Тематика миграции и социальных проблем раскрывается через ироничные формулы: *трудолюбивого таксиста уже привлекали, счастливые обладатели квартиры за бюджетный счёт осторожно удалили свои соцсети, Людмила Лукашева ущемилась из-за выдворения мигрантов*. Мигрант изображается как привилегированный, но неблагонадёжный субъект. В вопросах культуры и религии подчёркивается противопоставление норм: *ваххабиты открыли в Москве сеть шариятских фитнес-клубов*, *переносчиков никабов называли потенциально опасной категорией, учитель из Чечни глумился над христианством*. Стереотипы и саркастические клише (*умный и ценный узбек vs глупый коренной россиянин, демократия — это, видимо, права мигрантов насилловать кого им по кайфу*) усиливают образ этнического «чужого» как угрозы. Социально-экономические нарративы строятся на идее злоупотребления ресурсами: *иностранный специалист с низкой социальной ответственностью, жители ЖК требуют ответа, ускорить на историческую родину*. Это поддерживает образ мигранта как бенефициара системы в ущерб «своим».

В целом, контент канала создаёт образ мигранта как источника опасности, социальной напряжённости и культурного конфликта. Через повторяющиеся речевые стратегии и экспрессивную лексику формируется устойчивый негативный стереотип.

Заключение

Анализ концепта «Абу-бандит» показывает его многослойную структуру, объединяющую криминальные и социальные типологии. Это позволяет глубже понять механизмы конструирования негативного образа мигрантов и этнических меньшинств в дискурсе ТГ-канала «Многонационал». Концепт сочетает культурный компонент (*абу*) и криминальный (*бандит*), не имея прямой связи с мигрантами, но отражая укоренившиеся стереотипы и предвзятые установки. Периферия концепта включает криминальный дискурс, этнокультурную маркированность и оппозицию «мы — они», связывая миграционную тематику с девиацией и социальным неравенством. В текстах активно используются эмоционально-оценочная лексика, сарказм, жаргон и обценные выражения. Четыре доминирующие семантические области — преступность и угроза, культурная несовместимость, экономическая эксплуатация и политизация миграции — выполняют прагматические функции враждебной ретиорики. Психолого-когнитивные стратегии (фрейминг, приминг), эмоционально окрашенная лексика и стилистические средства (неологизмы, метафоры, гипербола, сарказм) усиливают восприятие мигрантов как чуждых и опасных. Нарратив опирается на манипулятивные приёмы и атмосферу угрозы. С аксиологической точки зрения контент демонстрирует негативную сакрализацию мигрантов, идеализацию «своих» и конспирологические мотивы, усиливая ксенофобные и расистские настроения. Тематический анализ выявляет

доминирующие категории: преступность, миграционные проблемы, религиозные конфликты и устойчивые стереотипы.

Таким образом, концепт «Абу-бандит» имеет чёткую структуру, закреплённую за счёт криминальной и этнической семантики, а его

периферия — через иронию, гиперболу и политизацию — вплетает миграционную проблематику в более широкий дискурсивный контекст. Это подчёркивает необходимость дальнейших междисциплинарных исследований и мер по интеграции мигрантов и снижению социальной напряжённости.

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф. Медиадискурс и его коммуникативно-прагматическая сущность // Медиалингвистика. 2016. № 1 (11). С. 49–57.
2. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытки системного описания // Избранные труды. Т. II. М. : ЯРК, 1995. С. 350–351.
3. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику: учебное пособие. М. : Эдиториал УРСС, 2001. 360 с.
4. Басов О. Н. Telegram-каналы как новые медиа и инструменты внутриэлитной борьбы // Научно-практические исследования. 2020. № 9–3 (32). С. 31–39.
5. Благодарева О. Абу-бандит. Почему их так называют – 2 // Проза.ру. – 2024. URL: <https://proza.ru/2024/07/01/202> (дата обращения: 17.03.2025).
6. Буряковская В. А. Стратегия деструктивного коммуникативного поведения // Коммуникативные исследования. 2019. Т. 6, № 3. С. 620–629.
7. Ван Дейк Т. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. М. : ЛИБРОКОМ, 2013. 344 с.
8. Васильев Л. Г., Назарчук Ю. И. Лингвистическая аргументология: структурно-семантический подход. Калуга – Тирасполь: Калуж. гос. ун-т; ПГУ им. Т. Г. Шевченко, 2014. 131 с.
9. Гончаров В. В. Специализированные телеграм-каналы по вопросам трудовых отношений: действенность и эффективность платформы // Медиареальность XXI века: эпоха глобальных реформ: материалы конф. 2021. С. 265–269.
10. Дядченко М. В., Холодилина А. Ю. Роль telegram-каналов в российском инфополе // Язык и коммуникация в контексте культуры: материалы международной научно-практической онлайн-конференции. Ростов-на-Дону, 2022. С. 311–316.
11. Карасик В. И. Языковое преобразование реальности. М. : Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 2023. 500 с.
12. Карасик В. И. Языковое преобразование реальности. М. : Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 2023. 500 с.
13. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 480 с.
14. Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Тенденции развития современного дискурса // Актуальные проблемы развития филологии и педагогической лингвистики. 2021. № 1. С. 14–31.
15. Косарева Е. В., Попова Т. И., Щукина К. А. и др. Телеграм-канал как средство Lifelong Learning для преподавателя РКИ // Профессорский журнал. Сер. Русский язык и литература. 2022. № 3(11). С. 31–38.
16. Кубрякова Е. С. Концептуализация // Краткий словарь когнитивных терминов. М. : МГУ, 1996. С. 93–94.
17. Кубрякова Е. С. Проблемы представления знаний в современной науке и роль лингвистики в решении этих проблем // Язык и структура представления знаний. М., 1992. С. 4–38.
18. Малахов А. А. Сегментация и фрагментация аудитории на примере телеграм-каналов // Актуальные проблемы медиапространства: от теоретических аспектов до практической реализации: сб. науч. статей. М., 2022. С. 255–263.
19. Маслова В. А. Современная лингвокультурология: новые проблемы и аспекты в исследовании языка и культуры // Материалы XXXVIII Междунар. науч. онлайн-конф. СПб – Бишкек, 2021. С. 25–31.
20. Попова З. Д., Стернин И. А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж, 2000. 30 с.
21. Попцов Д. А. Новые медиа в контексте формирования общественного мнения // Дискурс Пи. 2020. № 3 (40). С. 140–152.
22. Степанов Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения. М., 1981.
23. Хун Ц. Феномен телеграм-каналов как нового средства современной глобальной коммуникации // Инновации. Наука. Образование. 2022. № 52. С. 1397–1400.

24. Шаповалов А. От АУЕ до мема: почему дагестанскими ‘абу бандитами’ мечтают стать миллионы подростков // Комсомольская правда. 2021. URL: <https://www.stav.kp.ru/daily/27229/4355871/> (дата обращения: 17.03.2025).
25. Шишкин В. Б. Лексикографическая и текстовая репрезентация концептов ограниченной ментальной способности человека в русском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2005. 200 с.
26. Шуйская Ю. В. Лингвистические особенности дискурса телеграм-каналов как нового типа медиа // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. 2023. № 3. С. 45–57. DOI: 10.31249/ling/2023.03.03.
27. Щипанова Ю. В., Егорова Н. В., Полуфакина А. А. Лексика ограниченного употребления в текстах Телеграм-каналов современных российских военных корреспондентов // Вестник Донецкого национального университета. Сер. Д. Филология и психология. 2024. № 1. С. 88–98. DOI: 10.5281/zenodo.10995649.
28. Fairclough N. Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language. London : Longman, 1995. 265 p.
29. Fairclough N. Language and Power. London : Longman, 1989. 259 p.
30. Goffman E. Frame analysis: An essay on the organization of experience. Boston : Northeastern University Press, 1986. 586 p.
31. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago : University of Chicago Press, 1980.
32. Van Dijk T. A. Ideology and discourse analysis // Journal of Political Ideologies. 2006. Vol. 11, № 2. P. 115–140. URL: <https://discourses.org/wp-content/uploads/2022/07/Teun-A.-van-Dijk-2006-Ideology-and-discourse-analysis.pdf>.
33. Wodak R. Critical Discourse Analysis at the End of the 20th Century // Research on Language and Social Interaction. 1999. Vol. 32.

References

1. Alefirenko NF. Mediadiskurs i ego kommunikativno-pragmatischeeskaya sushchnost' = Media discourse and its communicative-pragmatic essence. Medialingvistika = Media Linguistics. 2016;(1):49-57. (In Russ.).
2. Apresyan YuD. Obraz cheloveka po dannym yazyka: popytki sistemnogo opisaniya = The image of a person according to linguistic data: attempts at systemic description. In: Izbrannye trudy = Selected works. Vol. 2. Moscow: YARK; 1995. Pp. 350–351. (In Russ.).
3. Baranov AN. Vvedenie v prikladnuyu lingvistiku: uchebnoe posobie = Introduction to applied linguistics: textbook. Moscow: Editorial URSS; 2001. 360 p. (In Russ.).
4. Basov ON. Telegram-kanaly kak novye media i instrumenty vnutrielitnoy bor'by = Telegram channels as new media and tools of intra-elite struggle. Nauchno-prakticheskie issledovaniya = Scientific and Practical Research. 2020;(9-3(32)):31-39. (In Russ.).
5. Blagodareva O. Abu-bandit. Pochemu ikh tak nazyvayut – 2 = Abu-bandit. Why they are called that – 2. Proza.ru. 2024. Available at: <https://proza.ru/2024/07/01/202> (accessed: 17.03.2025). (In Russ.).
6. Buryakovskaya VA. Strategiya destruktivnogo kommunikativnogo povedeniya = Strategy of destructive communicative behavior. Kommunikativnye issledovaniya = Communication Studies. 2019;6(3):620-629. (In Russ.).
7. Van Dejk T. Diskurs i vlast': reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii = Discourse and power: the representation of dominance in language and communication. Transl. from English. Moscow: LIBRO-KOM; 2013. 344 p. (In Russ.).
8. Vasil'ev LG, Nazarchuk YuI. Lingvisticheskaya argumentologiya: strukturno-semanticheskii podkhod = Linguistic argumentology: structural-semantic approach. Kaluga–Tiraspol': Kaluzhskiy gosudarstvennyy universitet; Pridnestrovsky gosudarstvennyy universitet im. T. G. Shevchenko; 2014. 131 p. (In Russ.).
9. Goncharov VV. Spetsializirovannye telegram-kanaly po voprosam trudovykh otnosheniy: deystvennost' i effektivnost' platformy = Specialized Telegram channels on labor relations: effectiveness and efficiency of the platform. In: Mediareal'nost' XXI veka: epokha global'nykh reform: materials of the conference. 2021. Pp. 265–269. (In Russ.).
10. Dyadchenko MV, Kholodilina AYU. Rol' Telegram-kanalov v rossiyskom infopole = The role of Telegram channels in the Russian infosphere. In: Yazyk i kommunikatsiya v kontekste kultury = Language and Communication in the Context of Culture: materials of the international online conference. Rostov-on-Don; 2022. Pp. 311–316. (In Russ.).
11. Karasik VI. Yazykovoe preobrazovanie real'nosti = Linguistic transformation of reality. Moscow: Gosudarstvennyy institut russkogo yazyka im. A. S. Pushkina; 2023. 500 p. (In Russ.).

12. Karasik VI. Yazykovoe preobrazovanie real'nosti = Linguistic transformation of reality. Moscow: Gosudarstvennyy institut russkogo yazyka im. A. S. Pushkina; 2023. 500 p. (In Russ.).
13. Karasik VI. Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs = Language circle: personality, concepts, discourse. Volgograd: Peremena; 2002. 480 p. (In Russ.).
14. Karasik VI, Slyshkin GG. Tendentsii razvitiya sovremennogo diskursa = Trends in the development of modern discourse. *Aktual'nye problemy razvitiya filologii i pedagogicheskoy lingvistiki = Topical Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2021;(1):14-31. (In Russ.).
15. Kosareva EV, Popova TI, Shchukina KA, et al. Telegram-kanal kak sredstvo Lifelong Learning dlya prepodavatelya RKI = Telegram channel as a Lifelong Learning tool for RFL teachers. *Professorskiy zhurnal. Seriya: Russkiy yazyk i literatura = Professor's Journal. Ser. Russian Language and Literature*. 2022;3(11):31-38. (In Russ.).
16. Kubryakova ES. Kontseptualizatsiya = Conceptualization. In: *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov = Concise Dictionary of Cognitive Terms*. Moscow: Moscow State University; 1996. Pp. 93–94. (In Russ.).
17. Kubryakova ES. Problemy predstavleniya znaniy v sovremennoy nauke i rol' lingvistiki v reshenii etikh problem = Problems of knowledge representation in modern science and the role of linguistics in their solution. In: *Yazyk i struktura predstavleniya znaniy = Language and the Structure of Knowledge Representation*. Moscow; 1992. Pp. 4–38. (In Russ.).
18. Malakhov AA. Segmentatsiya i fragmentatsiya auditorii na primere telegram-kanalov = Segmentation and fragmentation of the audience based on Telegram channels. In: *Aktual'nye problemy mediaprostranstva: ot teoreticheskikh aspektov do prakticheskoy realizatsii = Actual Problems of the Media Space: From Theoretical Aspects to Practical Implementation*. Moscow; 2022. Pp. 255–263. (In Russ.).
19. Maslova VA. Sovremennaya lingvokulturologiya: novye problemy i aspekty v issledovanii yazyka i kultury = Modern linguoculturology: new problems and aspects in the study of language and culture. In: *Materialy XXXVIII Mezhdunarodnoy nauchnoy onlayn-konferentsii = Proceedings of the XXXVIII International Scientific Online Conference*. Saint Petersburg–Bishkek; 2021. Pp. 25–31. (In Russ.).
20. Popova ZD, Sternin IA. Ponyatie «kontsept» v lingvisticheskikh issledovaniyakh = The notion of “concept” in linguistic research. Voronezh; 2000. 30 p. (In Russ.).
21. Poptsov D.A. Novye media v kontekste formirovaniya obshchestvennogo mneniya = New media in the context of public opinion formation. *Diskurs Pi = Discourse P*. 2020;(3(40)):140-152. (In Russ.).
22. Stepanov Yu.S. Imena. Predikaty. Predlozheniya = Names. Predicates. Sentences. Moscow; 1981. (In Russ.).
23. Khun Ts. Fenomen telegram-kanalov kak novogo sredstva sovremennoy global'noy kommunikatsii = The phenomenon of Telegram channels as a new tool of modern global communication. *Innovatsii. Nauka. Obrazovanie = Innovations. Science. Education*. 2022;(52):1397-1400. (In Russ.).
24. Shapovalov A. Ot AUE do mema: pochemu dagestanskimi ‘abu banditami’ mechtayut stat' milliony podrostkov = From AUE to meme: why millions of teenagers dream of becoming Dagestani ‘abu bandits’. *Komsomolskaya pravda*. 2021. Available from: <https://www.stav.kp.ru/daily/27229/4355871/> (accessed: 17.03.2025). (In Russ.).
25. Shirshikov V.B. Leksikograficheskaya i tekstovaya reprezentatsiya kontseptov ogranichennoj mental'noj sposobnosti cheloveka v russkom i anglijskom yazykakh: dis. ... kand. filol. nauk = Lexicographic and textual representation of concepts of limited mental capacity in Russian and English languages: PhD thesis. Saratov; 2005. 200 p. (In Russ.).
26. Shuyskaya Yu.V. Lingvisticheskie osobennosti diskursa Telegram-kanalov kak novogo tipa media = Linguistic features of the discourse of Telegram channels as a new type of media. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 6: Yazykoznanie = Social and Humanities Sciences. Russian and Foreign Literature. Series 6: Linguistics*. 2023;(3):45-57. DOI: 10.31249/ling/2023.03.03. (In Russ.).
27. Shchipanova Yu.V., Egorova N.V., Polufakina A.A. Leksika ogranichennoy upotrebleniya v tekstakh Telegram-kanalov sovremennykh rossijskikh voennykh korrespondentov = Lexicon of limited usage in the texts of Telegram channels by modern Russian war correspondents. *Vestnik Donetskogo natsional'nogo universiteta. Seriya D. Filologiya i psikhologiya = Bulletin of Donetsk National University. Series D. Philology and Psychology*. 2024;(1):88-98. DOI: 10.5281/zenodo.10995649. (In Russ.).
28. Fairclough N. *Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language*. London: Longman; 1995. 265 p.
29. Fairclough N. *Language and Power*. London: Longman; 1989. 259 p.
30. Goffman E. *Frame analysis: An essay on the organization of experience*. Boston: Northeastern University Press; 1986. 586 p.

31. Lakoff G, Johnson M. Metaphors we live by. Chicago: University of Chicago Press; 1980.
32. Van Dijk TA. Ideology and discourse analysis. *J Polit Ideol*. 2006;11(2):115-140. Available from: <https://dis-courses.org/wp-content/uploads/2022/07/Teun-A.-van-Dijk-2006-Ideology-and-discourse-analysis.pdf>.
33. Wodak R. Critical Discourse Analysis at the End of the 20th Century. *Res Lang Soc Interact*. 1999; 32.

Информация об авторе

В. Б. Ширшиков — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранного языка.

Information about the author

V. B. Shirshikov — Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Associate Professor at the Department of Language Training.

Статья поступила в редакцию 01.07.2025; одобрена после рецензирования 29.08.2025; принята к публикации 17.09.2025.

The article was submitted 01.07.2025; approved after reviewing 29.08.2025; accepted for publication 17.09.2025.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА, ФРАЗЕОЛОГИЯ, КОРПУСНЫЙ АНАЛИЗ

LEXICAL SEMANTICS, PHRASEOLOGY, CORPUS ANALYSIS

Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 9 (503). С. 72–81.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2025;(9(503):72-81.

Научная статья

УДК 81`37

DOI: 10.47475/1994-2796-2025-503-9-72-81

СЕМАНТИКА НАРЕЧИЯ «ЗАВТРА»: КОРПУСНЫЙ АНАЛИЗ

Лариса Максимовна Малханова¹, Екатерина Александровна Бардамова²

^{1,2} Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, Улан-Удэ, Россия

¹ larisa.malkhanova@mail.ru

² bardam_k@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье проводится всестороннее исследование использования наречия времени «завтра» в русском языке, с особым акцентом на выявление его семантических особенностей при анализе данных, представленных в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ). Актуальность данного исследования обусловлена насущной необходимостью систематизации многочисленных результатов предыдущих научных исследований, направленных на изучение временных наречий. Также исследование нацелено на создание интегративного описания системы их семантических связей и выявление специфики репрезентации временных понятий посредством наречных лексем. В качестве объекта исследования выбирается наречие «завтра», подвергаемое глубокому анализу с точки зрения его семантической структуры. Целью настоящей работы является выявление современных семантических характеристик наречия «завтра», а также обнаружение скрытых семантических признаков, которые не были учтены в существующих дефинициях и словарных статьях. Проводимый анализ данных демонстрирует, что наречие «завтра» обладает полисемической природой и применяется для обозначения различных временных аспектов. Результаты исследования выявляют широкое разнообразие контекстуальных значений, которые включают как конкретные временные промежутки, так и абстрактные представления о будущем. В русской языковой картине мира наречие «завтра» выступает не только в роли указателя следующего дня после текущего, но также символизирует ближайшее будущее и различные временные проекции. Использование данных НКРЯ, предоставляющих обширный массив языкового материала, позволяет выполнить всесторонний анализ парадигматических и синтагматических функций лексемы «завтра». Таким образом, данная статья подчёркивает сложность и многогранность восприятия категории времени в русском языке, а также его функциональное использование в различных коммуникативных контекстах. Полученные результаты способствуют углубленному пониманию временных структур и их роли в формировании полного и точного описания временных восприятий у носителей русского языка, что, в свою очередь, открывает новые перспективы для дальнейшего развития лингвистических исследований в данной области.

Ключевые слова: антропоцентричность, семантика, время, компонентный анализ, наречие времени, лексема, завтра, корпусный анализ, НКРЯ, этимология

Для цитирования: Малханова Л. М., Бардамова Е. А. Семантика наречия «завтра»: корпусный анализ // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 9 (503). С. 72–81. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-503-9-72-81.

Original article

SEMANTICS OF THE ADVERB “TOMORROW”: CORPUS ANALYSIS

Larisa M. Malkhanova¹, Ekaterina A. Bardamova²

^{1,2} Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia

¹ larisa.malkhanova@mail.ru

² bardam_k@mail.ru

© Малханова Л. М., Бардамва Е. А., 2025

Abstract. This article provides a comprehensive study of the use of the adverb of time «tomorrow» in the Russian language, with a special emphasis on identifying its semantic features when analyzing the data presented in the National Corpus of the Russian Language (NCRY). The relevance of this study is due to the urgent need to systematize the numerous results of previous scientific studies aimed at studying temporal adverbs. The study is also aimed at creating an integrative description of the system of their semantic connections and identifying the specifics of representing temporal concepts by means of adverbial lexemes. The adverb «tomorrow» is selected as the object of the study, subjected to deep analysis from the point of view of its semantic structure. The purpose of this work is to identify modern semantic characteristics of the adverb «tomorrow», as well as to discover hidden semantic features that were not taken into account in existing definitions and dictionary entries. The conducted data analysis demonstrates that the adverb «tomorrow» has a polysemic nature and is used to denote various temporal aspects. The results of the study reveal a wide variety of contextual meanings, which include both specific time periods and abstract ideas about the future. In the Russian linguistic picture of the world, the adverb «tomorrow» not only acts as an indicator of the next day after the current one, but also symbolizes the near future and various time projections. Using the NCRY data, which provide an extensive array of linguistic material, allows us to perform a comprehensive analysis of the paradigmatic and syntagmatic functions of the lexeme «tomorrow». Thus, this article emphasizes the complexity and versatility of the perception of the category of time in the Russian language, as well as its functional use in various communicative contexts. The results obtained contribute to a deeper understanding of temporal structures and their role in the formation of a complete and accurate description of temporal perceptions in native Russian speakers, which, in turn, opens up new prospects for the further development of linguistic research in this area.

Keywords: anthropocentricity, semantics, time, component analysis, adverb of time, lexeme, tomorrow, corpus analysis, RNC, etymology

For citation: Malkhanova LM., Bardamova EA. Semantics of the Adverb “Tomorrow”: Corpus Analysis. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(9(503):72-81. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-503-9-72-81.

Время как одна из форм существования всего материального мира представляет в лингвистике интерес в аспекте языковой репрезентации и установления специфики осмысления и отражения в семантической системе языка. В этом контексте изучение временных наречий продолжает оставаться актуальным для современного русского языка. Статья посвящена исследованию семантики наречия «завтра».

Первичным этапом в достижении данной цели было изучение данных этимологических словарей, позволяющих обнаружить внутреннюю форму слова. По Г. А. Крылову, слово «завтра» возникло в результате слияния выражения «за утро» (обозначающего период, следующий за утренним временем). В процессе этого преобразования произошли звуковые изменения, включающие превращение «о» в «а» и «у» в «в»¹.

В этимологических словарях А. В. Семёнова, М. Фасмера происхождение слова «завтра» представлено более детально. Так, А. В. Семёнов отсылает к древнерусской форме «за утра», зафиксированной в текстах XI в., и считает, что исконное семантическое значение — ‘в течение утра’. По мере эволюции языка слово приобрело значение ‘в течение следующего утра’, что, в конечном

итоге, соответствует современному понятию слова «завтра»².

В словаре М. Фасмера подробно исследована древнерусская форма «заутра», упоминаемая в «Поучениях Владимира Мономаха»³.

Н. М. Шанский приводит аргументацию в пользу общеславянского происхождения слова «завтра» на основе слияния исходной формы «за утра», сопровождаемого изменением звука «у» на «в». Автор интерпретирует изначальную семантику как «время, следующее за утром», либо «то, что следует за рассветом»⁴.

Этимологический анализ свидетельствует о том, что слово «завтра» восходит к древнему словосочетанию «за утра», которое имело значение ‘в течение утра’. Результате семантической трансформации наречие стало обозначать «в течение следующего утра», то есть «завтра» в современном лексическом контексте.

Для более детального анализа семантики изучаемого слова в его современном употреблении

¹ Этимологический словарь русского языка / сост. Г. А. Крылов. СПб. : Полиграфуслуги, 2005. С. 140.

² Семенов А. В. Этимологический словарь русского языка. Русский язык от А до Я. М. : ИОНВЕС, 2003. С. 224.

³ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 2. М. : Прогресс, 1986. С. 73.

⁴ Шанский Н. М. Этимологический словарь русского языка. Т. 2. В. 6. 3. М. : Дрофа, 2000. С. 22.

обратились к материалам фразеологических словарей. В «Фразеологическом словаре русского литературного языка А. И. Фёдорова» представляется интерес идиома «не сегодня — завтра», которая означает вероятное или неизбежное событие, которое должно произойти «в самое ближайшее время, либо очень скоро»⁵. Аналогичное значение демонстрирует фразеологическая единица (ФЕ) «до завтра», выражающая намерение собеседников встретиться на следующий день⁶.

В «Фразеологическом словаре» под редакцией Т. В. Волковой представлен более широкий спектр ФЕ, связанных со словом «завтра» и используемых в обыденной речи. Например:

- 1) «не нынче — завтра» — «вскоре, в очень не продолжительном времени»;
- 2) «завтрашний день» — «ближайшее будущее»;
- 3) «кормить завтраками» — «предоставлять пустые, обманчивые обещания»⁷.

Как видим, в языковом сознании «завтра» ассоциируется не только с вероятными или неизбежными событиями в неопределённом будущем, но также и с пустыми обещаниями.

Результаты дефиниционного анализа выявили два основных семантических вектора, связанных с понятием «завтра»: это «следующий день» и «будущее». В толковых словарях С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой и Д. Н. Ушакова, слово «завтра» трактуется как «день, следующий за сегодняшним»^{8, 9}. При этом С. И. Ожегов и Н. Ю. Шведова включают в семантическую структуру следующий признак: «в ближайшем будущем»⁸, что предполагает употребление «завтра» для обозначения «следующего дня после сегодняшнего» (в роли наречия), «ближайшего будущего» (переносное значение), «день, который идет за сегодняшним» (как существительное).

В «Словаре русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой акцентируется внимание на том, что слова «завтра» может функционировать как в роли наречия, так и существительного. В на-

речной форме оно трактуется как обозначение времени «на следующий день после текущего» и «в ближайшем будущем». В качестве существительного слово «завтра» обладает значениями «следующий день после текущего» и «немедленное будущее»¹⁰.

«Словарь современного русского литературного языка» характеризует термин «завтра» с позиции двух лексико-грамматических категорий: наречия и существительного. В наречном значении слово интерпретируется как указание на временной промежуток «на следующий день после сегодняшнего», в то время как в существительном значении оно обозначает «день, следующий за сегодняшним». Разговорные выражения типа «Не нынче — завтра; не сегодня — завтра» обозначают действие, ожидаемое в ближайшем будущем. Выражение «до завтра» употребляется в значении «до встречи на следующий день», что подчёркивает его временную специфику¹¹.

Анализ лексикографических источников свидетельствует, что полисемант «завтра» в первом номинативном значении обозначает «день, следующий за сегодняшним». Это значение не только полноценно улавливается носителями языка, но и служит прочной основой для дальнейшего семантического развития данной лексемы. Высокая степень согласованности в фиксировании этого семантического аспекта находит отражение во всех исследованных лексикографических материалах.

В дополнение к первому значению, лексикографические источники отмечают вторичное значение слова «завтра» как «ближкое будущее, в скором времени, вскоре». Н. М. Девятова в своей работе «Идея ближайшего будущего и семантика темпоральных наречий» подчеркивает, что слово «завтра» чётко маркирует будущее время, называя его «не наступившим сегодня». Это наречие часто употребляется в предложениях с глагольными формами будущего времени, а также с формами повелительного наклонения. Однако оно может встречаться и в сочетании с глаголами настоящего времени [3, с. 45]. Автор акцентирует внимание на антропоцентрической семантике слова «завтра», отмечая, что оно чаще всего используется в контексте, связанном с человеческой деятельностью, хотя в этих

⁵ Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка / 3-е изд., испр. М. : Астрель: АСТ, 2008. С. 607

⁶ Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка / 3-е изд., испр. М. : Астрель: АСТ, 2008. С. 235.

⁷ Универсальный фразеологический словарь русского языка / под. ред. Т. Волковой. М. : Вече, 2000. С. 58.

⁸ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М. : Азбуковник, 1999. С. 200.

⁹ Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. М. : Аделант, 2014. С. 126.

¹⁰ Словарь русского языка: в 4 томах / под. ред. А. П. Евгеньевой. Изд. 4, Т. 1. М. : Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. С. 505.

¹¹ Словарь современного русского литературного языка Т. 4. / под. ред.: чл.-кор. АН СССР В. И. Чернышева. М. : Ленинград : Изд. и 1-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР в Л., 1955. С. 327.

предложениях отсутствует причинно-следственная связь между событиями [3, с. 44].

Развивая идею антропоцентричности слова «завтра», С. К. Константинова и Л. С. Романюк на основе работы С. Галанина отмечают, что лирический герой в литературных произведениях зачастую не знает, что принесёт ему завтра, но выражает надежду на лучшее будущее [5, с. 41].

Согласно исследованиям, проведённым С. М. Беляковой, концепт слова «завтра» может быть интерпретирован не только в рамках понятия ближайшего или дальнего будущего, но и как категория, которая включает в себя аспекты нереальности или недостижимости. Данная позиция проиллюстрирована автором через конкретный пример употребления слова «завтра» в значении «никогда», что подчёркивает иллюзорный характер ожидаемого события. В качестве примера приведен диалог: «– Но ты ведь ей расскажешь про розыгрыш? – Ага, завтра» [2, с. 30].

В своих исследованиях, посвященных анализу русских и немецких народных песен, Н. Р. Чернова обнаружила, что слово «завтра», как правило, ассоциируется с позитивными эмоциями и радостным предчувствием ближайшего будущего [15, с. 42].

Очевидно, что для полного описания лексемы «завтра» одного установления семантических признаков недостаточно. Поэтому было проведено исследование текстов Национального корпуса русского языка (НКРЯ) с целью выявления характерных смысловых отношений лексемы. Согласно В. А. Плунгяну и Е. В. Рахилиной, язык в корпусах, таких как НКРЯ, представлен как целостная система, отражающая временную стабильность и разнообразие индивидуальных, локальных и стилистических вариаций [11, с. 499]. Использование НКРЯ позволяет выявить парадигматические и синтагматические возможности слова «завтра» и обнаружить контекстуальные значения, не отражённые в традиционных лексикографических ресурсах.

Существенное место в исследованиях корпусной лингвистики занимают труды учёных, которые способствовали развитию и внедрению корпусов текстов в лингвистические исследования. Например, А. Н. Баранов (2003) подчёркивает важность использования корпусных методов для анализа лексических единиц и их разнообразных контекстуальных употреблений [1, с. 112]. В. П. Захаров в своём учебно-методическом пособии детально описывает методологию и технологии работы с корпусами [4].

Технические аспекты создания и эксплуатации корпусов текстов получили подробное освещение в работах М. Н. Михайлова, который подчёркивает важность удобства использования корпуса для исследователей [8, с. 192]. В. А. Плунгян в своих статьях обсуждает необходимость и значимость НКРЯ как инструмента для описания и анализа современной русской лексики [10].

Вклад зарубежных исследователей также значителен. Так, работа McEnergy остаётся одним из ключевых учебников по корпусной лингвистике на английском языке [16].

Дополнительно, вопросы семантической и метатекстовой разметки в НКРЯ обсуждаются в трудах Г. И. Кустовой, О. Н. Ляшевской, Е. В. Падучевой, которые акцентируют внимание на принципах и проблемах семантической разметки [6, с. 155], а также С. О. Савчука, освещающего базовые принципы метатекстовой разметки [14, с. 63].

Для лингвистов и исследователей, работающих с НКРЯ, важно учитывать не только количественные данные, но и проводить детализированный, качественный анализ, раскрывающий разнообразие лексических значений и их употреблений в различных контекстуальных условиях. Работа с инструментами корпусной лингвистики позволяет получить более полное и детализированное представление о семантических и прагматических аспектах лексем, таких как «завтра».

Национальный корпус русского языка функционирует как семиотическая система, выявляющая устойчивые представления носителей языка о референтах языковых знаков [13, с. 15]. Это обеспечивает возможность точных количественных исследований. Например, по состоянию на 20 августа 2024 г., НКРЯ содержит 67101 пример употребления лексемы «завтра» в 12463 текстах и 67297 примеров в 12482 текстах при лексико-грамматическом поиске, что свидетельствует о богатстве данных для анализа.

Анализ данных НКРЯ (ruscorpora.ru) показывает, что наречие «завтра» служит для выражения следующих коммуникативно значимых значений:

1. Определённый момент или срок в последовательной смене времени

Наречие «завтра» часто указывает на условный временной предел, отображая смену временных этапов, не обязательно связанных с наступлением следующего календарного дня. Примеры иллюстрируют использование наречия в контексте обозначения определённого временного промежутка:

– «Но помня истину «сегодня ты, а завтра я», вершители МВД попридержали Мамурина; когда же убедились, что Сталин о нем забыл — без следствия и без срока отправили на загородную дачу»¹².

– «Политическое посредничество — будущее олигархов, которые или сегодня потеряли свой статус, но хотят его вернуть, или потеряют его завтра»¹³.

– «Все уже готово к съёмке номера, и вдруг Градский говорит: «Слушай, Жень, ты забываешь... я же гений. У меня ученики, все знают, что я большой музыкант, а ты меня в клоуна сейчас хочешь превратить». На что Гинзбург ему быстро отвечает: «Саша, дорогой, у меня к тебе одна просьба! *Завтра* ты опять гений, а сегодня сделай, пожалуйста, что я скажу». И Саша покорно соглашается»¹⁴.

В приведённых примерах наречие «завтра» выражает идею условно заданного временного предела в контексте смены времени. Эти примеры показывают, что узуальное употребление слова «завтра» продуктивно для обозначения конкретного временного промежутка, не обязательно связанного с наступлением следующего календарного дня после описываемого события.

2. Постоянство событий и действий

«Завтра» может служить обозначением постоянно повторяющихся событий или действий. В этих случаях «завтра» не отсылает к конкретному дню, а указывает на непрерывность и повторяемость процессов, что усиливает эффекты восприятия обыденности и рутины читателем:

– «*Завтра* наступает лишь после того как исчерпаны все минуты сегодня»¹⁵.

– «В каждом своем интервью Володя не забывал сказать, что любой музыкант его оркестра способен *завтра* сыграть соло»¹⁶.

¹² Солженицын А. В круге первом, т. 1, гл. 1–25. (1968) // Новый мир, 1990. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 20.08.2024).

¹³ Вардуль Н. Схватка бульдогов под столом. Коммерсантъ-Власть, 2000. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 22.08.2024).

¹⁴ Кио И. Э. Иллюзии без иллюзий (1995–1999). Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 25.08.2024).

¹⁵ Геласимов А. Фокс Малдер похож на свинью, 2001. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 20.08.2024).

¹⁶ Спивакова С. Не все, 2002. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 15.09.2024).

– «Зачем? *Завтра* то же, что и вчера. — Уже на инженерском поселке, около дома, вспомнил о Нине, позаботился»¹⁷.

Как видим, наречие «завтра» указывает на постоянство и обычность описываемых действий или ситуаций. В данном контексте «завтра» функционирует как маркер устойчивых, повторяющихся временных промежутков, выявляя неизменность, стабильность и воспроизводимость событий.

3. Неопределённый временной период в будущем

Примеры из Национального корпуса демонстрируют, что «завтра» часто используется для обозначения неопределённого будущего, имеющего связь со значительными изменениями, например:

– «Ведь не сегодня, не *завтра* же придет смерть!»¹⁸.

– «Хотя частный бизнес — дело тонкое: сегодня заказов много, *завтра* — ни одного»¹⁹.

– «Сегодня «Конкорд», что будет *завтра*?»²⁰

– «Сегодня у нас — колхоз. *Завтра* — неизвестно что. Если ты трактора заберёшь, нам одни портеры и останутся»²¹.

Наблюдения над эмпирическим материалом показывают, что «завтра» несет в себе смысл неопределённого будущего и связывает различные события и состояния, устанавливая причинно-следственные связи в будущем. Термины «неизвестно когда» и «откладывание на потом» также могут функционировать как маркеры неопределённого временного периода в будущем.

4. Ожидаемый период в будущем с положительной коннотацией

Носители языка нередко наделяют «завтра» субъективными надеждами и ожиданиями, характеризуя его как период, в который произойдут

¹⁷ Пильняк Б. А. Простые рассказы, 1923. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 15.09.2024).

¹⁸ Грекова И. Фазан, 1984. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 10.08.2024).

¹⁹ Красна изба углами // Народное творчество, 2003. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 20.08.2024).

²⁰ Кабаков А. Великие стройки апокалипсиса // Коммерсантъ-Власть, 2000. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 20.08.2024).

²¹ Екимов Б. Пиночет, 1999. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 25.08.2024).

значимые, положительно окрашенные события. Примеры из корпуса:

– «Рассуждения таковы: сегодня лучше, чем вчера — поэтому *завтра* будет лучше, чем сегодня»²².

– «Ты приходишь, ложишься спать — и думаешь только о том, как ты снова *завтра* войдешь в театр, в это состояние...»²³.

– «Что бы ни ждало, прикован он был к завтрашнему дню, думая беспробудно о своём, воображая всё упоительней, каким новым и ни на кого не похожим человеком станет *завтра*»²⁴.

– «Эх, мне тебя тут даже не заблудить теперь, — с досадой сказал Есь. — Ох, когда же уже *завтра*? Утром, под ярким летним солнцем, Антон, как и обещал, пришел к дубу»²⁵.

В этих примерах «завтра» участвует в положительной интерпретации будущего, где ожидаются важные для участников коммуникации события. Эти временные моменты несут в себе прагматические установки и выражают надежды и ожидания говорящих.

5. Запланированное будущее

Часто «завтра» используется для обозначения будущих действий, которые предполагают достижение определённого результата. Примеры:

– «Если *завтра* повысятся доходы населения, а такая тенденция за счёт нефтяного сектора есть, покупатели перейдут в следующую ценовую группу»²⁶.

– «Зарплату повысят *завтра*, а кушать бюджетникам хочется сейчас»²⁷.

²² Дейкин А. Своя игра // Время МН, 2003.08.02. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 22.08.2024).

²³ Варденга М., Тюнина Г. Фрагменты белого стиха // Домовой, 2002.02.04. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 25.08.2024).

²⁴ Павлов О. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // Октябрь, 2001. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 25.08.2024).

²⁵ Куликов Е. Дорога домой // Дальний Восток, 2019. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 27.08.2024).

²⁶ Блант М. Система ценностей и ценности системы // Еженедельный журнал, 2003.04.01. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 20.09.2024).

²⁷ Калашникова Е. Зарплату повысят завтра, а кушать бюджетникам хочется сейчас // Новороссийский рабочий, 2003.02.18. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 20.09.2024).

– «Если сегодня бывшие комсомольцы и коммунисты, ставшие либералами и демократами и ругающие большевиков, не договорятся, что им делать со страной, — подчеркнул Прусак, — *завтра* бывшие пионеры и октябрята им крепко отомстят за жизнь в годы бесконечных реформ»²⁸.

Линейность и необратимость времени служат фундаментальными характеристиками человеческого представления о временной последовательности, подчеркивая антропоцентричность восприятия будущего и способность планировать и приоритизировать действия на основе ожидаемых результатов.

6. Неизбежность некоторых событий

В современном дискурсе слово «завтра» нередко служит для обозначения неизбежности будущих событий, что противопоставляется текущему моменту:

– «*Завтра*, когда эксперимент провалится, Квашнин заявит, что контрактная армия для России неприемлема и всё нужно оставить по-старому...»²⁹.

– «Я приеду к тебе *завтра* в это же время, и ты снова приготовишь мне деньги»³⁰.

– «Это российское отношение к детству не сегодня родилось и не *завтра* умрет»³¹.

Исследуя данные контексты, можно заключить, что «завтра» участвует в построениях, которые создают контраст между настоящим и будущим. В этих примерах будущее представляется как неотвратимое явление, следствие текущих обстоятельств. «завтра» функционирует в синтаксических конструкциях, описывающих текущее положение дел и гипотетические результаты их развития.

7. Возможное будущее

В других литературных контекстах «завтра» используется для обозначения неясного и неопределённого будущего:

– «В цветах, и в музыке, бокалах и сиянье жемчугов, под звон ножей, тарелок веселится шумная

²⁸ Рязкин Г. Фанат комсомола. Губернатор Прусак готовится к 85-летию ВЛКСМ // Известия, 2003.02.21. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 24.09.2024).

²⁹ Литовкин Д. Броня крепка. Генштаб отказывается реформировать армию // Известия, 2002.09.27. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 21.09.2024).

³⁰ Геласимов А. Ты можешь, 2001. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 24.09.2024).

³¹ Северная сказка // Экран и сцена, 2004. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 24.09.2024).

Москва, ни о чем не гадающая, нынче живущая, *завтра* сходящая, полумиллионная, полубогемская, сытая и ветром подбитая, и талантливая, и распушенная»³².

— «— «Когда же?» — «Да хоть *завтра*». — «Милая Акулина, расцеловал бы тебя, да не смею»»³³.

— «— Закурить бы, — сказал Глебов мечтательно. — *Завтра* закуришь. Багрецов улыбался»³⁴.

Эти примеры демонстрируют, что организация временных обозначений исполняет функцию интервалов, а «завтра» указывает на неопределённость и предполагаемую отдаленность событий.

8. Далёкое будущее

В одном из аспектов использование «завтра» может означать далёкое будущее, предполагающее значительное количество лет или даже веков:

— «— Сегодня — социализм, завтра — капитализм, послезавтра — может, иное... »»³⁵.

— «Трудно себе даже вообразить, что нас ожидает *завтра*»³⁶.

Данное употребление «завтра» предполагает перспективу долговременных изменений и смещения временных границ на годы, десятилетия или века.

9. Отсутствие возможности и времени какого-либо события или действия

В представленных фрагментах текстов наблюдается схожая семантическая конструкция, выражающая невозможность или откладывание осуществления определённых событий или действий на неопределённый срок. Данная сема может обозначать концепт «никогда», при этом использование слова «завтра» представляет собой эвфемизм, маскирующий абсолютную неминуемость фиктивного продолжения начинания:

— «Но в том лёгком состоянии эфирного опьянения, в котором я беспрерывно находился с тех пор, как подошёл к ним и мы стали встречаться, я как-то привык воспринимать все это как мужское

одоление, мол, сегодня ты угощаешь, а завтра я, хотя это завтра всё время откладывалось на непредвидимые времена»³⁷.

— «Заявления экологических экстремалов в лице Гринпис и WWF, что *завтра* наступит конец света, если сегодня Россия не ратифицирует Киотский протокол, заставляют думать, что тут не всё так чисто»³⁸.

— «В то же время финансирование «критических» направлений не означает, что уже *завтра* армия получит современные образцы вооружений и военной техники»³⁹.

— «Да, многое откладывал на *завтра*, забывая, что дни лукавы и завтра снова будет *завтра*»⁴⁰.

— «Никакого *завтра* нет и быть не может»⁴¹.

Таким образом, на основе этих примеров можно утверждать, что отсутствие возможности и времени для осуществления какого-либо действия актуализирует семантическое значение «никогда».

10. Неопределённость будущего состояния человека, событий

Употребление слова «завтра» зачастую обозначает неуверенность или неопределённость относительно будущего состояния, событий или возможности выполнения задуманного. Термин может быть использован для иллюстрации прокрастинации, когда дела откладываются на неясный или неопределённый срок:

— «Но это *завтра-завтра*, не сегодня, как ленивцы говорят»⁴².

— «*Завтра* прочту», — подумал он и наугад раскрыл книгу»⁴³.

³⁷ Искандер Ф. Письмо, 1969. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 15.09.2024).

³⁸ Осторожно! Киотский протокол, 2003. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 20.09.2024).

³⁹ Литовкин Д. Маленький и честный. Военным не хватает денег, но они рады и тому, что есть // Известия, 2002.09.25. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 07.06.2024).

⁴⁰ Куншенко И. Дни лукавы // Ковчег, 2015. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 07.06.2024).

⁴¹ Грекова И. На испытаниях, 1967. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 10.06.2024).

⁴² Домбровский Ю. О. Факультет ненужных вещей, ч. 1, 1978. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 20.09.2024).

⁴³ Пелевин В. Жёлтая стрела, 1993. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 20.09.2024).

³² Зайцев Б. К. Улица св. Николая, 1921. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 22.09.2024).

³³ Пушкин А. С. Барышня-крестьянка, 1830. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 22.09.2024).

³⁴ Шаламов В. Т. Колымские рассказы (1954–1961). Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 28.09.2024).

³⁵ Екимов Б. Пиночет, 1999. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 20.08.2024).

³⁶ Ершова Т. В. За окном виртуального кабинета пели птицы // Информационное общество, 2016. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 10.09.2024).

— «— Сегодня — точно нет. *Завтра?*.. не знаю... Как-нибудь заскочу»⁴⁴.

— «Я, наверное, сам поеду... Может быть, *завтра*... Мне показалось, что он обращается не столько ко мне, сколько к самому себе»⁴⁵.

Таким образом, слово «завтра» может выражать неопределённость в отношении будущего состояния событий или действий, усиливая элемент неизвестности или отсутствия времени для их выполнения. Этот момент можно описать как прокрастинационный — будто временное откладывание заданий на неопределённое будущее.

В результате глубокого анализа материалов Национального корпуса русского языка нам удалось выделить десять контекстуальных значений, относящихся к различным аспектам временной категории. Эти значения включают: определённый момент или срок, свидетельствующий о последовательной смене времени; конкретный временной отрезок или этап в контексте последовательности событий; постоянство, регулярность или повторяемость отдельных со-

бытий и действий на протяжении определённого временного периода; неопределённый будущий период; прогнозируемое будущее, сопряжённое с положительными ожиданиями; запланированное будущее, которое подразумевает подготовленные события; неизбежность некоторых происходящих событий; потенциальные события, которые могут реализоваться при наличии определённых условий; далекое будущее, находящееся значительно вне пределов настоящего момента; и, наконец, отсутствие возможности или временного ресурса для совершения какого-либо действия или события. Эти значения подчёркивают многослойность и сложность восприятия времени в языке, демонстрируя, как разнообразные временные категории влияют на наше понимание будущего.

Как видим, «завтра» может служить как маркером неизбежных событий, так и указателем возможного или далекого будущего, демонстрируя свою многофункциональность в передаче временных понятий и создании смысловых горизонтов. «Завтра» обладает полисемантичностью и многообразием смысловых оттенков, отражающих временные аспекты. НКРЯ позволяет выявить широкую парадигму этой лексемы, делая возможным её детализированное описание в русском языке.

⁴⁴ Волос А. Недвижимость, 2000 // Новый мир, 2001. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 06.06.2024).

⁴⁵ Белоусова В. Второй выстрел, 2000. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.06.2024).

Список источников

1. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику : учебное пособие. 2-е изд., испр. М. : Едиториал УРСС, 2009. 360 с.
2. Белякова С. М. Вчера, сегодня, завтра — и всегда (еще раз о модусах времени) // Вестник ВГУ. Серия. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 1. С. 28–33.
3. Девятова Н. М. Идея ближайшего будущего и семантика темпоральных наречий // Текст, контекст, интертекст : сборник научных статей по материалам Международной научной конференции «XV Виноградовские чтения» . М. : Книгодел; МГПУ, 2019. 480 с.
4. Захаров В. П. Корпусная лингвистика: Учебно-метод. пособие. СПб, 2005. – 48 с.
5. Константинова С. К., Романюк Л. С. Роль наречий в поэтическом тексте Сергея Галанина // INCIPiO. 2021. № 16. С. 35–44.
6. Кустова Г. И., Ляшевская О. Н., Падучева Е. В., Рахилина Е. В. Семантическая разметка лексики в Национальном корпусе русского языка: принципы, проблемы, перспективы // Национальный корпус русского языка: 2003–2005. Результаты и перспективы. М., 2005. С. 155–174.
7. Ляшевская О. Н., Плунгян В. А., Сичинава Д. В. О морфологическом стандарте Национального корпуса русского языка // Национальный корпус русского языка: 2003–2005. Результаты и перспективы. М., 2005. С. 111–135.
8. Михайлов М. Н. Компьютерное обеспечение корпуса текстов (взгляд пользователя) // Русистика сегодня. 1998. № 1–2. С. 192–201.
9. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 20.08.2024).
10. Плунгян В. А. Зачем нужен Национальный корпус русского языка? Неформальное введение // Национальный корпус русского языка: 2003–2005. М. : Индрик, 2005. С. 6–20.

11. Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Из корпусных наблюдений над лексикой: о семантической эволюции и лексических маркерах // *Revue des études slaves*. 2012. Т. 83. № 2–3. С. 499–533.
12. Рахилина Е. В. Корпус как творческий проект // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы. СПб : Нестор-Истори. 2009. С. 7–26.
13. Рыков В. В. Корпус текстов как новый тип словесного единства // Труды Междунар. семинара «Диалог-2003». М. : Наука, 2003. С. 15–23.
14. Савчук С. О. Метатекстовая разметка в Национальном корпусе русского языка: базовые принципы и основные функции // Национальный корпус русского языка: 2003–2005. Результаты и перспективы. М., 2005. С. 62–88.
15. Чернова Н. Р. Сегодня, вчера, завтра в русских и немецких народных песнях Курский государственный университет // *Лингвофольклористика*. 2009. № 16. С. 38–46.
16. McEnery T., Hardie A. *Corpus Linguistics: Method, Theory and Practice*. Cambridge, 2012. 294 p.

References

1. Baranov AN. *Vvedenie v prikladnuju lingvistiku* = Introduction to applied linguistics. Moscow, Editorial office URSS; 2009. 360 p. (In Russ.)
2. Belyakova SM. Yesterday, today, tomorrow – and always (once again about the modes of time). *Bulletin of VSU. Series. Linguistics and intercultural communication*. 2018;(1):28-33. (In Russ.).
3. Devyatova NM. Ideja blizhajshego budushhego i semantika temporal'nyh narechij. Tekst, kontekst, intertekst: = The idea of the near future and the semantics of temporal adverbs. Text, context, intertext. Collection of scientific articles based on the materials of the International Scientific Conference XV Vinogradov Readings. Moscow, Knigodel = Moscow, Bookmaker; MSPU; 2019. 480 p. (In Russ.).
4. Zakharov VP. *Korpusnaja lingvistika* = Corpus linguistics. St. Petersburg; 2005. 48 p. (In Russ.).
5. Konstantinova SK., Romanyuk LS. The role of adverbs in the poetic text of Sergei Galanin. *INCIPIO*. 2021;(16):35-44. (In Russ.).
6. Kustova GI, Ljashevskaja ON, Paducheva EV., Rakhilina EV. Semantic marking of vocabulary in the National Corpus of the Russian Language: principles, problems, prospects. *Nacional'nyj korpus russkogo jazyka: 2003-2005* = National Corpus of the Russian Language: 2003-2005. Results and prospects. Moscow; 2005. Pp. 155-174. (In Russ.).
7. Ljashevskaya ON, Plungyan VA, Sichinava DV. On the morphological standard of the National Corpus of the Russian Language. *Nacional'nyj korpus russkogo jazyka: 2003-2005. Rezul'taty i perspektivy* = National Corpus of the Russian Language: 2003-2005. Results and prospects. – Moscow; 2005. 111-135. (In Russ.).
8. Mikhailov MN. Computer support of a text corpus (user's view). *Rusistika segodnja* = *Russian Research Today*. 1998;(1-2):192-201. (In Russ.).
9. National Corpus of the Russian Language. Available from: <http://www.ruscorpora.ru>. (accessed 20.08.2024). (In Russ.).
10. Plungyan VA. Why do we need the National Corpus of the Russian Language? Unofficial acquaintance. *National Corpus of the Russian Language: 2003-2005*. Moscow, Indrik; 2005. Pp. 6-20. (In Russ.).
11. Plungyan VA, Rakhilina EV. From corpus inferences over vocabulary: about the semantic revolution and lexical. *Revue des études slaves*. 2012;(2-3):499-533. (In Russ.).
12. Rakhilina EV. Corpus as a creative project. *National Corpus of the Russian Language: 2006-2008. New results and prospects*. St. Petersburg, Nestor-History; 2009. Pp. 7-26. (In Russ.).
13. Rykov VV. Corpus of texts as a new type of verbal unity. *Proceedings of the International seminar «Dialogue-2003»*. Moscow, Science; 2003. Pp. 15–23. (In Russ.).
14. Savchuk SO. Metatext markup in the National Corpus of the Russian Language: basic principles and main functions // *National Corpus of the Russian Language: 2003-2005. Results and prospects*. Moscow; 2005. Pp. 62-88. (In Russ.).
15. Chernova NR. Today, yesterday, tomorrow in Russian and German folk songs. *Kursk State University. Linguistic folkloristics*. 2009;(16):38-46. (In Russ.).
16. McEnery T., Hardie A. *Corpus Linguistics: Method, Theory and Practice*. Cambridge, 2012. 294 p.

Информация об авторах

Л. М. Малханова — аспирант кафедры русского языка и общего языкознания.

Е. А. Бардамова — доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания.

Information about the authors

L. M. Malkhanova — Postgraduate student of the Department of Russian Language and General Linguistics.

E. A. Bardamova — Doctor of Sci. (Philology), Associate Professor of the Department of Russian Language and General Linguistics.

Статья поступила в редакцию 14.10.2024; одобрена после рецензирования 02.12.2024; принята к публикации 17.09.2025.

The article was submitted 14.10.2024; approved after reviewing 02.12.2024; accepted for publication 17.09.2025.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 811.1/8

DOI: 10.47475/1994-2796-2025-503-9-82-92

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ-БИОНИМОМ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Ци Ван¹, Татьяна Геннадьевна Волошина^{2,3}

¹ Синьцзянский университет финансов и экономики, Синьцзян, Китай, oni.mus@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-0188-0092

² Национальный исследовательский университет «Белгородский государственный университет», Белгород, Россия, tatianavoloshina@rambler.ru, ORCID: 0000-0002-6839-9631

³ Московский международный университет, Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматривается фразеологический фонд неблизкородственных языков. Целью статьи является выявление лексико-семантических особенностей фразеологизмов с компонентом-бионимом в русской и английской лингвокультурах. На основе сравнительно-сопоставительного анализа фразеологических фондов русского и английского языков выявлены общие и отличительные лексико-семантические признаки фразеологизмов с компонентом-бионимом, репрезентирующих национальную специфику исследуемых лингвокультур. Доказано, что фразеологизмы, в состав которых входят компоненты-бионимы, используют номинации животных для описания человека. Русские и английские фразеологизмы с компонентами-бионимами подразделены на единицы, в которых компоненты-бионимы номинируют особенности внешности, характера, речевого поведения человека, репрезентируют специфику физических действий и поступков, а также чувств и эмоций человека. Установлено, что компонент-бионим в составе фразеологизмов репрезентирует в большей степени поступки человека, его эмоции чувства; в меньшей степени — характер человека, особенности его речевого поведения и внешности.

Ключевые слова: фразеологизм, русский фразеологический фонд, английский фразеологический фонд, компонент-бионим, лексико-семантические особенности

Для цитирования: Ван Ци, Волошина Т. Г. Сопоставительный анализ лексико-семантических особенностей фразеологизмов с компонентом-бионимом в русском и английском языках // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 9 (503). С. 82–92. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-503-9-82-92.

Original article

COMPARATIVE ANALYSIS OF LEXICAL AND SEMANTIC FEATURES OF IDIOMS WITH A BIONYM COMPONENT IN RUSSIAN AND ENGLISH

Qi Wang¹, Tatiana G. Voloshina^{2,3}

¹ Xinjiang University of Finance and Economics, Xinjiang, China, oni.mus@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-0188-0092

² National Research University «Belgorod State University», Belgorod, Russia, tatianavoloshina@rambler.ru, ORCID: 0000-0002-6839-9631

³ Moscow International University, Moscow, Russia

Abstract. The article deals with phraseological fund of non-related languages. The purpose of the article is to identify the lexical and semantic features of phraseological units with a bionym component in Russian and English cultures. The key methods is a comparative analysis of Russian and English phraseological funds which helped to identify the common and distinctive lexical and semantic features of phraseological units with a bionym component that represent the national specificity of Russian and English cultures. It has been proven that phraseological units that contain bionym components use animal names to describe humans. Russian and English phraseological units with bionym components are divided into units that use bionym components to describe a person's appearance, personality, and speech behavior, as well as their physical actions and emotions. It has been established that

the bionym component of phraseological units represents a person's actions and emotions to a greater extent, and their character, speech behavior, and appearance to a lesser extent.

Keywords: phraseological unit, Russian phraseological fund, English phraseological fund, bionym component, lexical and semantic features

For citation: Wang Qi, Voloshina TG. Comparative Analysis of Lexical and Semantic Features of Idioms with a Bionym Component in Russian and English. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(9(503):82-92. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-503-9-82-92.

Введение

В современной лингвистике исследования, направленные на выявление сходных и отличительных признаков неблизкородственных языков, не теряют своей значимости в условиях глобализации. Фразеологические единицы любого языка отражают специфику национального колорита и репрезентируют наиболее значимые аспекты национального сознания. Актуальность исследования обусловлена необходимостью определения новых признаков английского и русского языков в современном социуме. Рассмотрение данной проблемы находит свое отражение в трудах отечественных и зарубежных исследователей. В традиции русского языкознания вопросы фразеологии представляют особый интерес. В настоящей статье мы основывались на системном анализе фразеологизмов русского языка в трудах Н. Ф. Алефиренко [1], М. Л. Ковшовой [6; 7], А. С. Елгесиной [4]. Специфика фразеологизмов английского языка была изучена нами в трудах Н. А. Лавровой [8], Л. А. Чиненовой [13]. Сопоставительный анализ фразеологизмов на примере серии языков был изучен в трудах Н. Г. Склярской [11], U. Fozilov [15], N. A. Lavrova, E. A. Nikulina [17]; E. Suvorova, L. Polyakova [18]; L. G. Yusupova, O. D. Kuzmina, M. I. Guseva [20]. Практическим материалом исследования послужили словари фразеологизмов русского и английского языков [2; 3; 5; 9; 10; 12; 14; 16; 19].

В исследовании мы придерживаемся широкого понимания термина «фразеологизм», при котором под исследуемым термином понимается устойчивое словосочетание или предложение с полностью или частично переосмысленным значением [1; 6; 11]. Целью работы является определение сходных и отличительных лексико-семантических признаков фразеологизмов с компонентом-бионимом в английском и русском языках на современном этапе развития. В ходе исследования были реализованы следующие задачи: на основе сравнительно-сопоставительного анализа определены ключевые структурно-семантические особенности фразеологизмов, включающих в свой состав компоненты-бионимы, в английской и рус-

ской лингвокультурах; выявлены интернациональные и национальные особенности лексико-семантических компонентов-бионимов в составе фразеологизмов во фразеологических фондах английского и русского языков.

В нашей работе анализ проводился с позиции лингвокультурологического подхода, при котором языковые явления рассматриваются в тесной связи с культурой социума. Фразеологический фонд отражает лингвосоциокультурную специфику национальной самобытности. Компонент-бионим в составе фразеологизмов представляет собой номинации животных, которые обладают национальной маркированностью, отражающей реалии той или иной лингвокультуры.

Материалы и методы исследования

Исследование базируется на сочетании общих научных и частных лингвистических методов. Ключевым в исследовании выступает метод сравнительно-сопоставительного анализа, при помощи которого были определены сходные и отличительные лексико-семантические признаки английского и русского языков. В работе применялся метод количественного анализа, на основе которого были определены наиболее и наименее частотные компоненты-бионимы в составе фразеологического фонда английского и русского языков. Описательный метод позволил выявить особенности фразеологизмов с компонентом-бионимом и определить их лексико-семантические особенности в английском и русском языках. Метод лингвокультурологического анализа был применён при описании взаимосвязи компонентов-бионимов в составе фразеологизмов английского и русского языков с особенностями национального колорита исследуемых лингвокультур. Также использовался приём сплошной выборки фразеологизмов, включающих в свой состав компонент-бионим. Рассматриваемые типы фразеологизмов были выявлены в одноязычных и двуязычных словарях.

Основная часть

Фразеологизмы, в состав которых входят компоненты-бионимы, часто используют номинации животных для описания человека. Фразеологизмы

с компонентами-бионимами в настоящей статье были разделены на следующие лексико-семантические группы:

- фразеологизмы, в которых компонент-бионим номинирует особенности внешности человека;
- фразеологизмы, в которых компонент-бионим номинирует особенности характера человека;
- фразеологизмы, в которых компонент-бионим номинирует специфику речевого поведения человека;
- фразеологизмы, в которых компонент-бионим номинирует особенности физических действий и поступков человека;
- фразеологизмы, в которых компонент-бионим номинирует чувства и эмоции человека.

На основе метода количественного анализа было установлено, что наиболее продуктивными, как для русского, так и для английского языков являются фразеологизмы с компонентами-бионимами, номинирующими особенности физических действий и поступков человека. Частотность таких примеров составляет 38 % во фразеологическом фонде русского языка и 32 % во фразеологическом фонде английского языка. В свою очередь, фразеологизмы с компонентами-бионимами, номинирующими чувства и эмоции человека (32 % во фразеологическом фонде русского языка и 28 % во фразеологическом фонде английского языка), занимают второе положение по продуктивности. Третью позицию во фразеологическом фонде русского языка занимают фразеологизмы, в которых компоненты-бионимы номинируют особенности характера человека. Частотность таких примеров достигает 18 % от всех выявленных нами фразеологизмов с компонентами-бионимами в русском фразеологическом фонде. К менее продуктивным фразеологизмам в русском языке относятся единицы с компонентами-бионимами, номинирующими особенности внешности человека (6 %) и специфику речевого поведения человека (6 %). Для английского фразеологического фонда третью позицию по продуктивности занимают фразеологизмы с компонентами-бионимами, номинирующими особенности характера человека (19 %) и специфику речевого поведения человека (19 %). К малопродуктивным в английском языке принадлежат фразеологизмы с компонентами-бионимами, репрезентирующими особенности внешности человека (2 %).

Рассмотрим подробнее лексико-семантические особенности фразеологизмов с компонентами-бионимами в русском и английском языках.

Фразеологизмы, в которых компонент-бионим номинирует особенности внешности человека в русской и английской лингвокультурах

Фразеологизмы, в которых компонент-бионим номинирует особенности внешности человека в русской и английской лингвокультурах, представляют собой самую малочисленную группу. Подобные фразеологизмы построены на сравнении человека с внешним обликом животного и часто отражают непривлекательную внешность человека, например:

(1) **Выдра** — болезненная, исхудавшая женщина [2. С. 22]:

«Молодая аптекарша... вовсе не показалась ей выдрой, как о ней говорили в обществе... а, напротив, Матрёна Дмитриевна нашла её очень интересною...» [1. С. 33].

В приведённом примере для описания худой фигуры женщины используется фразеологизм русского языка *выдра*. Анализируемый фразеологизм функционирует в современном русском языке как просторечье и применяется для описания худой, некрасивой женщины.

(2) **Толстый как барсук** — фразеологизм, который употребляется применительно к полному и даже жирному человеку (часто о мужчине) [10. С. 82].

(3) **Mutton dressed as lamb** — молодящаяся старушка [16. Р. 102].

Рассматриваемый фразеологизм английского языка буквально означает «баранина одетая как ягненок» и употребляется в современном английском языке по отношению к зрелым женщинам, которые хотят выглядеть молодыми и одеваются подобным образом, например:

“Her outfit was **mutton dressed as lamb**, trying too hard to look youthful” [17. Р. 836]. — Её наряд был отчаянной попыткой выглядеть молодо.

В русском фразеологическом фонде фразеологизмы с компонентами-бионимами отражают физиологическое сходство человека с внешним обликом животного без ярко выраженной отрицательной или положительной коннотации, часто такие фразеологизмы в нейтральном ключе описывают внешность человека или как следствие воздействия внешних факторов, например:

(4) **Чёрный как ворон** — человек, имеющий внешний облик, похожий на ворона, то есть *черноволосый* [12. С. 187].

(5) **Красный как рак** — человек, который сильно покраснел (часто из-за солнечного ожога) [12. С. 122].

Для фразеологических фондов как русского, так и английского языков характерно функционирование фразеологизма с компонентом-бионимом *duckling* / *утёнок*, который подчеркивает значимость не внешней красоты человека, а передает его успешность за счет дальнейшего социального развития:

(6) *Гадкий утёнок* в русской лингвокультуре и *ugly duckling* в английской лингвокультуре. Анализируемые фразеологизмы употребляются применительно к человеку изначально непривлекательному, но который в дальнейшем становится привлекательным или успешным.

Компонент-бионим *утёнок* в составе фразеологического фонда, как русского, так и английского языков передает особенности внешности человека. Для русского фразеологического фонда продуктивными также в составе фразеологизмов являются компоненты-бионимы *выдра*, *барсук*, *ворон*, *рак*, которые номинируют особенности внешности человека. Компоненты-бионимы *tutton* — *баран* и *lamb* — *ягненок* в составе фразеологизмов отражают особенности внешности человека в английском языке.

Фразеологизмы, в которых компонент-бионим номинирует особенности характера человека в русской и английской лингвокультурах

Для русской и английской лингвокультур большее значение по сравнению с внешностью человека играет его характер. Фразеологический фонд двух языков содержит высокочастотные фразеологизмы с компонентами-бионимами, номинирующими особенности характера человека. Следует отметить, что в большей степени компонент-бионим в составе фразеологизмов передаёт отрицательные черты характера человека, как в русской, так и в английской лингвокультурах, при этом в двух лингвокультурах используется компонент-бионим *змея*. В русском фразеологическом фонде компоненты-бионимы *волк*, *мерин*, *осёл*, *барсук*, *змея*, *пиявка*, *лягушка* репрезентируют такие негативные качества характера человека, как лицемерие, упрямство, уныние, злость, жестокость, например:

(7) *Волк в овечьей шкуре* — *лицемер, человек, который скрывает свои дурные намерения под маской добродетели* [10. С. 29].

(8) *Врёт как сивый мерин* — *человек, который постоянно врёт* [5. С. 32].

(9) *Ослиное упрямство, упрямый как осёл* — *о чрезвычайно упрямом человеке* [2. С. 32].

(10) *Сидеть как барсук (в норе)* — *об одиноком, нелюдимом, угрюмом человеке* [3. С. 435].

(11) *Змея подколодная* — *злой, неблагодарный человек* [9. С. 57].

(12) *Как пиявка* — *жадный и жестокий человек, живущий за чужой счет* [10. С. 102].

(13) *Болотная лягушка* — *неприятный, бездушный человек* [9. С. 36].

В английском фразеологическом фонде отрицательные качества характера человека передаются при помощи компонентов-бионимов *snake* — *змея*, *pig* — *свинья*, *weasel* — *ласка*, *chicken* — *цыпленок*, например:

(14) *Snake in the grass* — *буквально «змея в траве» — лживый, вероломный и подлый человек* [13. Р. 82].

(15) *Pig-headed* — *буквально «свиная голова» — крайне упрямый человек* [14. Р. 389].

(16) *Kind of a weasel* — *буквально «добрый как ласка» — подлый, хитрый человек* [16. Р. 87].

(17) *Chicken-hearted* — *буквально «с куриным сердцем» — человек, которому не хватает смелости* [14. Р. 21].

Фразеологизмы с компонентом-бионимом в меньшей степени передают положительные черты характера человека. Так, в английской лингвокультуре такие признаки передаются при помощи фразеологизмов, в состав которых входят компоненты-бионимы *beaver* — *бобр*, *butterfly* — *бабочка*, *tiger* — *тигр*, *hawk* — *ястреб*, *monkey* — *обезьяна*; в русской — *орёл* и его производные. Для английской лингвокультуры эта группа фразеологизмов более продуктивна по сравнению с русской лингвокультурой, например:

(18) *Eager beaver* [19. Р. 87] — *энтузиаст, человек, который берётся за все трудные дела и берёт на себя дополнительную ответственность*.

“That new guy in the mail room is a real eager beaver. He’s been coming in early and staying late every day” [18. Р. 46]. — *Этот новый парень в почтовом отделе — настоящий энтузиаст своего дела. Он каждый день приходит рано и задерживается допоздна*

(19) *To be a social butterfly* [19. Р. 210] — *общительный, харизматичный человек*.

(20) *Eye of the tiger* [15. Р. 8] — *решительный человек, нацеленный на достижение цели*.

(21) *More fun than a barrel of monkeys* [14. Р. 305] — *очень весёлый и забавный человек*.

“You’ll love Vic, he’s as fun as a barrel of monkeys” [14. Р. 534]. — *Тебе понравится Вик, он такой весёлый и забавный*.

(22) *Watch like a hawk* [19. Р. 434] — *пытаться уловить каждую деталь дела*.

(23) *Орлиный взгляд* [5. С. 187] — *человека, способный замечать малейшие недостатки*.

Следует отметить, что в двух фразеологических фондах исследуемых языков положительные черты характера человека передаются при помощи компонентов-бионимов, репрезентирующих номинации птиц и их эквиваленты.

Фразеологизмы, в которых компонент-бионим номинирует специфику речевого поведения человека в русской и английской лингвокультурах

Сопоставительный анализ фразеологических фондов русского и английского языков показал, что продуктивность компонентов-бионимов, репрезентирующих специфику речевого поведения человека, варьируется в значительной степени. Количество подобных примеров в английской лингвокультуре превышает количество аналогичных примеров в русской лингвокультуре в три раза. Особенности речевого поведения имеют разное значение в исследуемых лингвокультурах. В английской лингвокультуре речь является значимым компонентом для успешной социальной реализации человека, в то время как в русской более существенным критерием выступает не речевое поведение, а поступки человека.

Примеры:

(24) *Бред сивой кобылы; врёт как сивый мерин* — нелепые высказывания, чепуха [2. С. 12].

(25) *Поросячий визг* — крик, визг [3. С. 307].

(26) *Talk the hind legs off a donkey* [13. С. 45] — говорить без умолку:

"Old man Howard is amiable enough, but he could talk the hind legs off a donkey" [15. С. 8] — Старик Говард достаточно любезен, но он мог бы заговорить кого угодно.

(27) *To have a frog in ones's throat* [14. Р. 478] — говорить хриплым голосом из-за того, что вы простудились, или из-за ощущения сухости или раздражения в горле:

"Oh, sounds like you have a frog in your throat. Are you feeling OK?" [17. Р. 840] — О, говоришь ты так, как будто простудился. Ты хорошо себя чувствуешь?

(28) *Bat the breeze* [19. Р. 22] — болтать в непринужденной манере

В русском фразеологическом фонде компоненты-бионимы *кобыла*, *мерин*, *поросёнок* и их эквиваленты передают отрицательные особенности речевого поведения человека: высокая интенсивность звучания (визг, крик), ложь. В отличие от русской, в английской лингвокультуре компоненты-бионимы (*donkey* — осёл, *frog* — лягушка, *bat* — летучая мышь) в составе фразеологизмов передают такие аспекты речевого поведения человека как физиологические процессы при вос-

производстве речевого потока (ком в горле), качественные и количественные характеристики речи (говорить непринуждённо, говорить долго).

Фразеологизмы, в которых компонент-бионим номинирует особенности действий и поступков человека в английской и русской лингвокультурах

Данная группа фразеологизмов является наиболее продуктивной как в русской, так и в английской лингвокультурах. Фразеологизмы этой группы были подразделены нами на следующие подгруппы: фразеологизмы с компонентом-бионимом, номинирующим особенности физических процессов; фразеологизмы с компонентом-бионимом, номинирующим совершение какого-либо действия или поступка; фразеологизмы с компонентом-бионимом, номинирующим специфику качества действия, совершаемого человеком.

В русском языке среди фразеологизмов данной группы преобладают единицы, в которых компонент-бионим номинирует особенности совершения действия или поступка, например:

(29) *Вертеться как белка в колесе* — пребывать в бесконечных хлопотах [1. С. 77].

(30) *Вешать собак на кого или на шею кому* — обвинять кого-то в чём-то [4. С. 34].

(31) *Держать в ежовых рукавицах* — строго и сурово обходиться с кем-либо [6. С. 165].

(32) *Гнаться за двумя зайцами* — пытаться совершить два дела одновременно [6. С. 187].

(33) *Мышиная возня* — плетение мелких и бесполезных интриг [7. С. 187].

(34) *Как уж на сковороде; карась на горячей сковороде* — так говорят о человеке, который пытается выпутаться из неприятной ситуации и пытается придумывать оправдания [10. С. 109].

(35) *Ловить рыбу в мутной воде* — извлекать для себя пользу из чьих-либо затруднений, корыстно пользоваться какими-либо неурядицами, беспорядками, неясностью обстановки [12. С. 126].

(36) *Карась-идеалист* — о человеке, который стал жертвой своих иллюзий [13. С. 81].

Специфика совершения действия и поступков во фразеологическом фонде русского языка передаётся при помощи компонентов-бионимов *белка*, *собака*, *ёж*, *заяц*, *мышь*, *уж*, *карась*, *рыба* и их эквивалентов. Необходимо отметить, что в русском фразеологическом фонде компоненты-бионимы передают негативные аспекты совершения тех или иных поступков человеком.

Менее продуктивными для русской лингвокультуры являются фразеологизмы, в которых

компонент-бионим репрезентирует физические процессы и качество совершённого человеком действия, например:

(37) Тянуть **кота** за хвост, — медлить [8. С. 102].

(38) **Черепаший** шаг — идти медленно [12. С. 506].

(39) Как **курица** лапой — делать что-то небрежно, неряшливо [8. С. 167].

(40) Подложить кому-то **свинью** — совершить по отношению к кому-либо не порядочный, низкий поступок, подлость [12. С. 426].

(41) **Медвежья** услуга — неуместная помощь, которая приносит больше вреда, чем пользы [7. С. 209].

(42) Драть как Сидорову **козу** — бить кого-то с особой жестокостью [12. С. 45].

(43) **Комар** носа не подточит — сделать что-то тщательно и аккуратно, так, что не к чему придраться [8. С. 19].

Физические процессы в русском фразеологическом фонде передаются при помощи компонентов-бионимов *кот*, *черепаша* и их эквивалентов, при этом подчёркивается неспешность передвижения и медленный темп совершения действия. Компоненты-бионимы *курица*, *свинья*, *медведь* и их эквиваленты передают негативный аспект выполнения действия; компонент-бионим *комар* репрезентирует положительный ракурс выполнения действия.

Для фразеологических единиц английского языка характерной особенностью является доминирование фразеологических единиц, компонент-бионим в которых номинирует физическое действие человека и совершение поступков, например:

(44) *Eat like a **bird*** [14. Р. 88] — есть очень мало, иметь очень слабый аппетит:

Please have some more roast beef, said Mom. You eat like a bird. It's not healthy! — Пожалуйста, съешь еще ростбифа, попросила мама. Ты ешь совсем мало. Это вредно для здоровья!

(45) *Hold your **horses*** [16. Р. 61] — не спешить, быть терпеливым:

"Hold your horses, said Mike to Maria. I know you want to get on the road but I still have to do a few things around the house" [14. Р. 78]. — Не спеши, сказал Майк Марии. Я знаю, ты хочешь отправиться в путь, но мне ещё нужно кое-что сделать по дому.

(46) ***Snail's** pace* [18. Р. 389] — двигаться очень медленно.

(47) ***Cat** got your tongue* [16. Р. 21] — «язык проглотил», о человеке, который не может говорить:

"Well, aren't you quiet today, Jane. What's the matter? Cat got your tongue?" [17. Р. 851] — Что-то ты сегодня притихла, Джейн. В чем дело? Ты что, язык проглотила?

(48) ***Catnap*** [14. Р. 22] — дневной сон:

"I feel much better after taking a catnap" [16. Р. 67]. — Я чувствую себя намного лучше после того, как вздремнул.

(49) ***Dog** tired* [14. Р. 32] — быть чрезвычайно уставшим:

"I'd love to play video games with you but it's been a long day and I'm dog tired" [17. Р. 850]. — Я бы с удовольствием поиграл с тобой в видеоигры, но это был долгий день, и я устал как собака.

В английском языке фразеологизмы с компонентами-бионимами *bird* — птица, *horse* — лошадь, *snail* — улитка, *cat* — кот, *dog* — собака и их эквиваленты репрезентируют такие физические процессы как слабый аппетит, медленное передвижение в пространстве, дневной сон, физическая усталость.

Для репрезентации специфики совершения поступков в английском фразеологическом фонде функционируют компоненты-бионимы *bird* — птица, *chicken* — цыпленок, *duck* — утка, *horse* — лошадь, *fish* — рыба, *wolf* — волк и их эквиваленты например:

(50) *A little **bird** told me* [14. Р. 12] — узнать секретную информацию из тайного источника.

(51) ***Chicken** out* [16. Р. 22] — отказываться что-то делать из-за страха или трусости:

"We were both going to get tattoos last night but Mack chickened out" [15. Р. 9]. — Вчера вечером мы оба собирались сделать татуировки, но Мак трусил.

(52) *Get your **ducks** in a row* [14. Р. 43] — приводить дела в порядок:

Before you go into court you'd better have all your ducks in a row [18. Р. 51]. — Прежде чем обращаться в суд, необходимо всё привести в порядок и организовать процесс.

(53) *Let sleeping **dogs** lie* [14. Р. 178] — не поднимать проблемы, которые сами по себе приведут к еще большим неприятностям:

"I've just seen the girl who broke my heart three summers ago. Let's go say hello. No. Best let sleeping dogs lie. Come on" [8. С. 198]. — Я только что увидел девушку, которая разбила мне сердце три года назад. Пойдём, поздороваемся. Нет. Лучше не возвращаться в прошлое. Пошли.

(54) *Cry **wolf*** [14. Р. 43] — поднять ложную тревогу:

"Nobody is going to listen to him. He's cried wolf too many times" [16. Р. 158]. — Никто не станет его слушать. Он слишком часто поднимал ложную тревогу.

Качество совершаемого действия или поступка передается при помощи фразеологизмов с компонентами-бионимами *horse* — лошадь и *fish* — рыба в английском языке, например:

(55) *Back the wrong horse* [8. С. 123] — сделать неправильный выбор:

"I backed the wrong horse in last year's election" [11. С. 67]. — На прошлогодних выборах я поставил не на того кандидата.

(56) *Horse around* [16. Р. 89] — вести себя loosely, когда необходимо проявить серьёзность; заниматься чем-то легкомысленным.

(57) *Like shooting fish in a barrel* [11. С. 109] — чрезвычайно легко сделать что-либо, сопротивление, которое легко победить:

"These things sale themselves, said Barkly. It's like shooting fish in a barrel" [18. Р. 51]. — Эти вещи продаются сами по себе, сказал Баркли.

Фразеологизмы, в которых компонент-бионим номинирует чувства и эмоции человека в русской и английской лингвокультурах

Фразеологизмы с компонентами-бионимами, репрезентирующие специфику эмоций и чувств человека, представляют собой продуктивную группу фразеологизмов, как в русском, так и в английском фразеологическом фондах. Компоненты-бионимы в составе фразеологизмов этой группы отражают как чувства самого человека, так и проявление эмоций по отношению к другому человеку, например:

(58) *Дразнить гусей* [4. С. 23] — раздражать кого-либо, вызывать гнев.

(59) *Как мышь на крупу* [6. С. 102] — выражать недовольство, обиду.

Приведённые примеры представляют собой фразеологизмы, в состав которых входят компоненты-бионимы *гусь* и *мышь*, репрезентирующие чувство раздражения, обусловленное влиянием внешних факторов, и обиды.

(60) *Щенячий восторг* [7. С. 267] — неумеренное проявление чувств, граничащее с глупостью.

(61) *Влюблён как кошка; как кот на сало* [4. С. 56] — о влюблённом человеке.

Рассматриваемые фразеологизмы русского языка передают чувство влюблённости и эйфории при помощи компонентов-бионимов *щенок* и *кот* и их эквивалентов.

В отличие от русского фразеологического фонда, в котором компоненты-бионимы пере-

дают различные аспекты эмоций и чувств человека (влюблённость, радость, эйфория, раздражение, недовольство), в английском языке компоненты-бионимы в составе фразеологизмов в большей степени репрезентируют такие чувства, как печаль, раздражение, обида, тревога; в меньшей степени — радость и удивление, например:

(62) *Get one's goat* [13. С. 78] — раздражать кого-то:

"I don't know what to tell you. Adam just gets my goat. The guy just annoys me" [13. С. 79] — Я не знаю, что тебе сказать. Адам просто выводит меня из себя. Этот парень просто раздражает меня.

(63) *Go ape* [13. С. 78] — совершить безумный поступок; стать очень возбуждённым, злым; потерять контроль и стать жестоким:

"Young girls went ape over Elvis. They often rushed the stage, trying desperately to touch the legendary singer" [13. С. 78] — Молодые девушки сходили с ума от Элвиса. Они часто выбегали на сцену, отчаянно пытаясь прикоснуться к легендарному певцу.

(64) *To be a monkey's uncle* [14. Р. 289] — удивление, растерянность:

"The president wants to get us back into space, said Ben. Well I'll be a monkey's uncle, said Tony, didn't he just slash the NASA budget in half?" [17. Р. 850] — Президент хочет вернуть нас в космос, — сказал Бен. — Что ж, я удивлен, — сказал Тони, — разве он только что не урезал бюджет НАСА вдвое?

(65) *In the doghouse* [14. Р. 167] — злиться на кого-то (иногда используется для обозначения мужа, который раздражает свою жену).

"I can't pay the rent late again. I'm already in the doghouse with my landlord" [18. Р. 46] — Я больше не могу задерживать оплату аренды. Я и так в немилости у своего домовладельца.

(66) *Crocodile tears* [14. Р. 34] — лицемерное проявление раскаяния; притворство быть расстроенным или печальным:

"Her courtroom performance was convincing to the jury, especially the crocodile tears over her husband's death, but the evidence that followed was unassailable" [8. С. 27] — Её выступление в зале суда было убедительным для присяжных, особенно наигранные слёзы по поводу смерти её мужа, но доказательства, которые последовали за этим, были неопровержимы.

(67) *Happy as a lark* [13. С. 77] — быть очень счастливым:

"It's not like little Jane to be so morose. She's usually as happy as a lark!" [13. С. 78] — *Это не похоже на маленькую Джейн — быть такой угрюмой. Обычно она счастлива и весела!*

(68) *Holy cow* [19. Р. 202] — выражение удивления, изумления, восторга, растерянности:

"Holy cow, did you see the size of that Limousine?" [19. Р. 202] — *Боже правый, ты видел, какого размера этот лимузин?*

Чувства раздражения чем-либо, злобы на кого-то, растерянности относительно произошедшего действия, притворства репрезентируются в английском фразеологическом фонде при помощи компонентов-бионимов *goat* — *коза*, *monkey* — *обезьяна*, *dog* — *собака*, *crocodile* — *крокодил* и их эквивалентов. Чувство радости и восторга передаются при помощи компонентов-бионимов *lark* — *жаворонок*, *cow* — *корова* в составе фразеологизмов английского языка.

Заключение

Таким образом, фразеологический фонд языка отражает национальную культуру. Компонент-бионим в составе фразеологических единиц отражает различные аспекты жизнедеятельности человека. На основе сравнительно-сопоставительного анализа фразеологического фонда русского и английского языков были выявлены лексико-семантические особенности компонентов-бионимов в составе фразеологизмов, отражающих специфику внешности человека; его характера и речевого поведения; физических процессов и поступков человека; его чувств и эмоций.

Наименее продуктивными в двух изучаемых языках являются фразеологизмы, в которых компоненты-бионимы номинируют особенности внешности человека. Такие фразеологизмы построены на сравнении человека с внешним обликом животного и часто отражают непривлекательную внешность. Универсальной характеристикой особенностью в изучаемых лингвокультурах является мысль о том, что привлекательная внешность не является первостепенно значимым фактором для человека, напротив, даже непривлекательный в детстве человек со временем может стать успешным. Такая идея транслируется во фразеологических фондах русского и английского языков при помощи компонента-бионима *duck* — *утёнок*. Для русского фразеологического фонда продуктивными при описании внешности человека являются компоненты-бионимы *выдра*, *барсук*, *ворон*, *рак*, которые отражают такие особенности внешности человека как худоба, полнота, цвет волос, цвет кожи. Компоненты-бионимы

mutton — *баран* и *lamb* — *ягнёнок* в составе фразеологизмов английского языка отражают такие особенности внешности человека как желание молодого выглядеть.

Особенности характера человека во фразеологических фондах русского и английского языков транслируются при помощи компонентов-бионимов, при этом в большей степени в русской лингвокультуре номинируются отрицательные черты характера человека. В русском языке фразеологизмы с компонентами-бионимами *волк*, *мерин*, *осел*, *барсук*, *змея*, *пиявка*, *лягушка* репрезентируют такие негативные качества характера человека как лицемерие, упрямство, уныние, злость, жестокость. В свою очередь, фразеологизмы английского языка с компонентами-бионимами *змея*, *свинья*, *ласка*, *цыплёнок* транслируют упрямство, подлость, хитрость. В русском языке фразеологизмы с компонентом-бионимом в исключительных случаях передают положительные черты характера человека (*орёл* и его производные репрезентируют способность замечать малейшие недостатки человека). Напротив, в английском фразеологическом фонде фразеологизмы с компонентами-бионимами, отражающими положительные черты характера человека являются продуктивными (*beaver* — *бобр*, *butterfly* — *бабочка*, *tiger* — *тигр*, *hawk* — *ястреб*, *monkey* — *обезьяна* репрезентируют такие качества как решительность, общительность, веселье, готовность много работать). Универсальным является тот факт, что в английском и русском фразеологических фондах положительные черты характера человека передаются при помощи компонентов-бионимов, репрезентирующих номинации птиц и их эквиваленты.

Фразеологизмы, в которых компонент-бионим номинирует особенности речевого поведения человека в русской и английской лингвокультурах отличаются по продуктивности. Количество подобных примеров в три раза больше в английской лингвокультуре по сравнению с русской лингвокультурой, что продиктовано значимостью ораторского мастерства в английской лингвокультуре и первостепенной значимостью действий по сравнению со словом в русской лингвокультуре. В русском фразеологическом фонде специфика речевого поведения человека реализуется при помощи компонентов-бионимов *кобыла*, *мерин*, *поросенок* и их эквивалентов, при этом делается акцент на громкость речевого потока и обман при сообщении информации. В английском фразеологическом фонде компоненты-бионимы *donkey* — *осел*, *frog* — *лягушка*, *bat* — *летучая мышь*

отражают как физические процессы при говорении (ком в горле), так и манеру речи (говорить без умолку, болтать в непринужденной манере).

Фразеологизмы, в которых компонент-бионим номинирует особенности действий и поступков человека, превалируют в английской и русской лингвокультурах. Фразеологизмы этой группы были подразделены на такие подгруппы как: фразеологизмы с компонентом-бионимом, номинирующим особенности физических действий человека; фразеологизмы с компонентом-бионимом, номинирующим совершение какого-либо действия или поступка; фразеологизмы с компонентом-бионимом, номинирующим специфику качества действия, совершаемого человеком. Фразеологические единицы, в которых компонент-бионим номинирует особенности совершения действия или поступка доминируют в русской лингвокультуре. Компоненты-бионимы *белка, собака, ёж, мышь, уж, карась, рыба* в составе фразеологизмов транслируют различный спектр действий, совершаемых человеком, при этом в русском фразеологическом фонде компоненты-бионимы передают в большей степени негативные аспекты совершения тех или иных поступков человеком. Физические действия человека репрезентируют компоненты-бионимы *кот, черепаха* и их эквиваленты, при этом подчёркивается неспешность передвижения и совершения действия медленным темпом. Компоненты-бионимы *курица, свинья, медведь* и их эквиваленты передают негативный аспект выполнения действия; компонент-бионим *комар* репрезентирует положительный ракурс выполнения действия. Превалирование фразеологических единиц, репрезентирующих физическое действие человека и совершение поступков, характерно для английской лингвокультуры. В английском языке фразеологизмы с компонентами-бионимами *bird — птица, horse — лошадь, snail — улитка, cat —*

кот, dog — собака и их эквиваленты отражают такие физические действия человека как медленное передвижение в пространстве, дневной сон, физическая усталость. Особенности совершения действия и поступков в английском фразеологическом фонде транслируются при помощи компонентом-бионимов *bird — птица, chicken — цыплёнок, duck — утка, horse — лошадь, fish — рыба, wolf — волк* и их эквивалентов. Качество совершаемого действия или поступка передается при помощи фразеологизмов с компонентами-бионимами *horse — лошадь* и *fish — рыба* в английском языке.

Фразеологизмы, в которых компонент-бионим номинирует чувства и эмоции человека, занимают вторую позицию по продуктивности в русской и английской лингвокультурах. Компоненты-бионимы в составе фразеологизмов этой группы отражают как чувства самого человека, так и проявление эмоций по отношению к другому человеку. В русском фразеологическом фонде чувство раздражения человека, обусловленное влиянием внешних факторов, и обиды передаются при помощи компонентом-бионимов *гусь, мышь*; чувство влюбленности и эйфории транслируется при помощи компонентом-бионимов *щенок, кот* и их эквивалентов. В отличие от русского фразеологического фонда, в котором компоненты-бионимы передают различные аспекты эмоций и чувств человека, в английском языке компоненты-бионимы в составе фразеологизмов в большей степени репрезентируют такие чувства, как печаль, раздражение, обида, тревога (*goat — коза, monkey — обезьяна, dog — собака, crocodile — крокодил* и их эквивалентов); в меньшей степени — радость и удивление (*lark — жаворонок, cow — корова*).

Компоненты-бионимы в составе фразеологического фонда русского и английского языков отражают как универсальные, так и уникальные особенности той или иной лингвокультуры.

Список источников

1. Алефиренко Н. Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм. Москва: Элпис, 2008. С. 271.
2. Васильев А. И. Фразеологический словарь языка И. А. Бунина. Елец: Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, 2011. С. 400.
3. Гуревич В. В., Дозорец Ж. А. Русско-английский фразеологический словарь. Москва: Эксмо. 2005. С. 656.
4. Елгешина А. С. Национально-культурная специфика фразеологизмов русского языка с компонентом-зоонимом. Автор. 2023. С. 62.
5. Жукова М. Е., Жуков А. В. Словарь современной русской фразеологии. АСТ-Пресс Школа. Словари XXI века. Грамота. 2023. 416 С.
6. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок: Антропимический код культуры. М. : Ленанд. 2024. С. 400.

7. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры. М. : Ленанд. 2016. С. 400.
8. Лаврова Н. А. Современная английская фразеология. М. : МПГУ, 2022. 340 с.
9. Ларионова Ю. А. Фразеологический словарь современного русского языка. М. : Аделант, 2014. С. 512.
10. Мокиенко В. М., Фелицына В. П. Русские фразеологизмы. Лингво-страноведческий словарь. 1990. 224 С.
11. СклЯрова Н. Г. Интернациональное и национальное в лингвокультурах (на материале русской и английской фразеологии). М. : ИНФРА-М, 2022. С. 194.
12. Степанова М. И. Фразеологический словарь русского языка. 2023. 520 с.
13. Чиненова Л. А. Английская фразеология в языке и речи. Идиоматическая фразеология. Раздельнооформленные эквиваленты слова. М. : URSS. 2022. С. 102.
14. Clark J. Word Wise. A dictionary of English idioms. 1988. 560 p.
15. Fozilov U. Comparing the Russian and Uzbek Languages to the Source of Idiom Origin in the Modern English Language // Journal of Language Pedagogy and Innovative Applied Linguistics. 2024. Vol. 4, № 2. P. 6–13.
16. Freeman W. A Concise Dictionary of English Idioms. 1985. 215 P.
17. Lavrova N. A., Nikulina E. A. Predictors of correct interpretation of English and Bulgarian idioms by Russian speakers // Russian Journal of Linguistics. 2020. Vol. 24, № 4. P. 831–857.
18. Suvorova E., Polyakova L. Double Inference in the Processes of Comprehension of Russian and English Discourse Complicated by an Idiom // 3L: The Southeast Asian Journal of English Language Studies. 2018. Vol. 24, № 2. P. 43–57.
19. Windley R. English-Russian/Russian-English Dictionary of Idioms. 2025. P. 484.
20. Yusupova, L. G., Kuzmina O. D., Guseva M. I. Phraseological units with names of clothes in English, German and Russian // Rev. EntreLínguas, Araraquara. 2021. Vol. 7, № 3. P. 2447–3529.

References

1. Alefirenko NF. Frazеologiya v svete sovremennykh lingvистических paradigm = Phraseology in the Light of Modern Linguistic Paradigms. Moscow. 2008. 271 p. (In Russ.).
2. Vasil'ev AI. Frazеologicheskij slovar' yazyka I.A. Bunina = Phraseological Dictionary of the Language of I.A. Bunin. 2011. 400 p. (In Russ.).
3. Gurevich VV, Dozorec ZhA. Russko-anglijskij frazeologicheskij slovar' = Russian-English phraseological dictionary. Moscow. 2005. 656 p. (In Russ.).
4. Elgeshtina AS. Nacional'no-kul'turnaya specifiка frazeologizmov russkogo yazyka s komponentom-zoonimom = National and Cultural Characteristics of Russian Phraseological Units with Zoonyms. 2023. 62 p. (In Russ.).
5. Zhukova ME, Zhukov AV. Slovar' sovremennoj russkoj frazeologii = Dictionary of modern Russian phraseology. 2023. 416 p. (In Russ.).
6. Kovshova ML. Lingvokul'turologicheskij analiz idiom, zagadok, poslovic i pogovorok: Antroponimicheskij kod kul'tury = Linguocultural Analysis of Idioms, Riddles, Proverbs, and Sayings: The Anthroponymic Code of Culture. Moscow. 2024. 400 p. (In Russ.).
7. Kovshova ML. Lingvokul'turologicheskij metod vo frazeologii. Kody kul'tury = The linguistic and cultural method in phraseology. Cultural codes. Moscow. 2016. 400 p. (In Russ.).
8. Lavrova NA. Sovremennaya anglijskaya frazeologiya = Modern English phraseology. Moscow. 2022. 340 p. (In Russ.).
9. Larionova YuA. Frazеologicheskij slovar' sovremennogo russkogo yazyka = Phraseological dictionary of modern Russian language. Moscow. 2014. 512 p. (In Russ.).
10. Mokienko VM., Felicina VP. Russkie frazeologizmy. Lingvo-stranovedcheskij slovar' = Russian phraseological units. Linguistic and country-specific dictionary. 1990. 224p. (In Russ.).
11. Sklyarova NG. Internacional'noe i nacional'noe v lingvokul'turakh (na materiale russkoj i anglijskoj frazeologii) = International and National in Linguistic Cultures (Based on Russian and English Phraseology). Moscow. 2022. 194 p. (In Russ.).
12. Stepanova MI. Frazеologicheskij slovar' russkogo yazyka = Phraseological dictionary of the Russian language. 2023. 520 p. (In Russ.).

13. Chinenova LA. Anglijskaya frazeologiya v yazyke i rechi. Idiomaticeskaya frazeologiya. Razdel'nooformlennyye ekvivalenty slova = English phraseology in language and speech. Idiomatic phraseology. Separately formed equivalents of the word. Moscow. 2022. 102 p. (In Russ.).
14. Clark J. Word Wise. A dictionary of English idioms. 1988. 560 P.
15. Fozilov U. Comparing the Russian and Uzbek Languages to the Source of Idiom Origin in the Modern English Language. *Journal of Language Pedagogy and Innovative Applied Linguistics*. 2024;(2):6-13.
16. Freeman W. A Concise Dictionary of English Idioms. 1985. 215 P.
17. Lavrova NA, Nikulina EA. Predictors of correct interpretation of English and Bulgarian idioms by Russian speakers. *Russian Journal of Linguistics*. 2020;(4):831-857.
18. Suvorova E, Polyakova L. Double Inference in the Processes of Comprehension of Russian and English Discourse Complicated by an Idiom. *3L: The Southeast Asian Journal of English Language Studies*. 2018;(2):43-57.
19. Windley R. English-Russian/Russian-English Dictionary of Idioms. 2025. P. 484.
20. Yusupova, LG, Kuzmina OD, Guseva MI. Phraseological units with names of clothes in English, German and Russian. *Rev. EntreLinguas, Araraquara*. 2021;(3):2447-3529.

Информация об авторе

Ци Ван — кандидат филологических наук, старший преподаватель факультет китайского языка и культуры.

Т. Г. Волошина — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры второго иностранного языка.

Information about the authors

Qi Wang — Cand. Sci. (Philology), Faculty of Chinese Language and Culture, Senior Lecturer.

T. G. Voloshina — Doctor of Sci. (Philology), Associate Professor, Professor of the Department of Second Foreign Language.

Статья поступила в редакцию 23.07.2025; одобрена после рецензирования 06.09.2025; принята к публикации 17.09.2025.

The article was submitted 23.07.2025; approved after reviewing 06.09.2025; accepted for publication 17.09.2025.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 811.161.1

DOI: 10.47475/1994-2796-2025-503-9-93-98

СПОСОБЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ (НА ПРИМЕРЕ ОБОРОТОВ С ГЛАГОЛАМИ «ДЕЛАТЬ» И «СДЕЛАТЬ»)

Ян Шуфань

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия, shshufanyan@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена исследованию функционирования трансформированных фразеологизмов, в ней кратко представлена сущность понятия фразеологизма, описываются лингвистические основы трансформации фразеологизмов, отмечается когнитивный аспект механизма образования трансформированных фразеологизмов, проводится анализ трансформированных фразеологизмов на материале Национального корпуса русского языка. При этом осуществляется сравнение функционирования трансформированных фразеологизмов в основном и в газетном корпусе. Это связано с тем, что в СМИ трансформированные фразеологизмы часто используются для привлечения внимания читателя, то есть выполняют специфическую функцию. Исследование основывается на утверждении о том, что в современном языке происходит окказионализация фразеологизмов, т. е. использование данных лексических единиц в преобразованном виде. Анализ трансформированных фразеологизмов проводился в несколько этапов: проведение выборки трансформированных фразеологизмов в корпусе языка, выявление значения замещённой и замещающей лексической единицы, определение семы, ставшей средством переноса значения, установление значения трансформированного фразеологизма, выявление его функции в данном контексте. Было установлено, что трансформация фразеологизмов происходит путём изменения их структуры или семантики. На примере анализа трансформированных фразеологизмов с глаголами «делать» и «сделать», который проводился на материале Национального корпуса русского языка, прослеживаются механизмы трансформации фразеологической единицы и возникающие при этом новые смыслы, а также приобретённые трансформированным фразеологизмом функции. В статье выявлены модели трансформированных фразеологизмов с замещением слова и изменением структуры или без замещения слов. Результаты данного исследования могут быть применены для дальнейшего исследования трансформированных фразеологизмов, особенностей их семантики и структуры, специфики их функционирования в языке и речи.

Ключевые слова: фразеологизм, трансформация фразеологизма, фразеологические сочетания, Национальный корпус русского языка, основной корпус, газетный корпус

Для цитирования: Ян Шуфань. Способы трансформации фразеологизмов (на примере оборотов с глаголами «делать» и «сделать») // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 9 (503). С. 93–98. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-503-9-93-98.

Original article

WAYS TO TRANSFORM PHRASEOLOGICAL UNITS (USING THE EXAMPLE OF PHRASES WITH THE VERBS “TO DO” AND “TO MAKE”)

Yang ShuFan

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, shshufanyan@yandex.ru

Abstract. This article deals with study of transformed phraseological units, the essence of the concept of phraseology is briefly presented, the linguistic foundations of the phraseological units transformation are described, the cognitive aspect of the mechanism of transformed phraseological units formation is noted, the analysis of transformed phraseological units is carried out on the basis of the national corpus of the Russian language. At the same time, a comparison is made between the functioning of transformed phraseological units in the basic corpus and the newspaper sub-corpus. This is due to the fact that transformed phraseological units are often used in the media to attract the reader's attention, that is, they perform a specific function. The study is based on the statement that in the modern

language there is an occasional use of phraseological units, i. e. the use of these lexical units in a transformed form. The analysis of transformed phraseological units was carried out in several stages: sampling transformed phraseological units in the corpus of the language, identifying the meaning of the substituted and substitutive lexical units, determining the sense that became the means of transferring meaning, establishing the meaning of the transformed phraseological unit, identifying its function in this context. It was found that the transformation of phraseological units occurs by changing their structure or semantics. Using the example of the analysis of transformed phraseological units with the verbs “to do” and “to make”, which was carried out on the basis of the National Corpus of the Russian language, the mechanisms of transformation of the phraseological unit and the new meanings that arise, as well as the functions acquired by the transformed phraseological unit, are traced. The article identifies models of transformed phraseological units with word substitution and structural changes or without word substitution. The results of this study can be applied to further research of transformed phraseological units, the features of their semantics and structure, the specifics of their functioning in language and speech.

Keywords: phraseology, transformation of phraseological units, phraseological combinations, Russian language national corpus, basic corpus, newspaper corpus

For citation: Yang ShuFan. Ways to Transform Phraseological Units (Using the Example of Phrases With the Verbs «to Do» and «to Make»). *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(9(503):93-98. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-503-9-93-98.

Трансформированные фразеологизмы изучаются в лингвистике достаточно широко, так как данный языковой феномен привлекает учёных своими особыми функциями в речи и специфическим механизмом образования, который изменяет не только структуру фразеологизма, но и его семантику, образуя новые смыслы и добавляя их к уже существующим. Эта тема затрагивается в работах Н. М. Шанского [18], А. М. Мелерович [8; 9; 10; 11], В. М. Мокиенко [8; 10; 11], В. Н. Телия [12; 13], С. Г. Тер-Минасовой [14], Н. Л. Шадрина [17], В. И. Зимина [5], Е. И. Дибровой [4], А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского [1], В. Т. Бондаренко [2], Т. И. Кошелевой [6], И. Ю. Третьяковой [15; 16] и др. Трансформированные фразеологизмы являются объектом и данного исследования; предмет исследования — специфика структуры и семантики трансформированных фразеологизмов и влияние трансформации на функциональные особенности фразеологических единиц. Цель исследования заключается в определении специфики формирования и применения трансформированных фразеологизмов (на материале Национального корпуса русского языка).

В работе в качестве основных методов используются метод стратификации, позволяющий изучить фразеологизмы как единицы лексического пласта русского языка, описательный метод, предполагающий выделение фразеологизмов и описание их функций, а также их структурных и семантических особенностей, метод компонентного анализа, дающий возможность изучить структуру значений фразеологизмов и паремий.

Словарное определение фразеологической единицы содержит в себе толкование данного лингвистического явления с точки зрения постоянства

их употребления¹. В. В. Виноградов считает, что фразеологизм, в противоположность свободным словосочетаниям, является «готовым языковым образованием» [3. С. 143–144], воспроизводимым в речи. Исследователи под постоянством фразеологизма подразумевают устойчивость как его значения, так и структуры [18. С. 23]. Говоря о семантике фразеологизма, А. В. Кунин указывает на особое значение этой лексической единицы, полностью или частично отличное от значения составляющих фразеологизм слов [7. С. 60–76]. В. Н. Телия рассматривает фразеологическую единицу в когнитивном аспекте с точки зрения носителя языка, который выделяет фразеологизм в речи [13. С. 14], то есть устойчивость фразы в сознании языковой личности.

Феномен трансформации фразеологизмов определяется такими свойствами языка, как, например, стремление к динамике: язык всегда находится в движении, поэтому и принадлежащие этому языку элементы стремятся к изменениям внутренних и внешних связей. Как отмечают А. М. Мелерович и В. М. Мокиенко, фразеология имеет динамический характер, что указывает на её «открытость к различным структурно-семантическим изменениям» [11. С. 3]. На этом принципе основывается и неологизация фразеологизмов — появление новых фразеологических единиц, приходящих на смену устаревшим. Трансформированные фразеологизмы, о которых идёт речь в данном исследовании, относятся к так называемым стилистико-функциональным неологизмам, в которых происходит актуализация стёршейся метафорической основы. При этом

¹ Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М., 2002. С. 632.

наиболее часто подобные фразеологизмы становятся единичным случаем употребления в речи, т. е. имеют окказиональный характер. Отсюда следует, что трансформация фразеологизмов основана на выражении экспрессивного потенциала фразеологизма, где за основу значения берутся коннотативные элементы значения той фразеологической единицы, которая подвергается изменениям.

Наиболее часто из всех типов фразеологических единиц трансформируются фразеологические сочетания, состоящие из компонентов, связанных друг с другом наиболее слабо, поскольку такие фразеологизмы больше других допускают изменения в структуре и значении.

Несмотря на то, что многие исследователи говорят о ярко выраженном авторском начале в процессе трансформации фразеологизма, существует и такая точка зрения, согласно которой «их “индивидуальность” и “авторство” сильно преувеличиваются» [11. С. 5], поскольку «образование индивидуально-авторских фразеологических единиц <...> во многом опирается на структурно-семантические модели, свойственные конкретному языку» [11. С. 5]. Следовательно, изучение вопроса трансформации имеет значение и для выявления моделей, на основе которых происходит достаточно свободное варьирование состава и значения фразеологических единиц, в том числе и фразеологических сращений, и определения окказиональности трансформированных фразеологизмов.

Так, фразеологизм «делать хорошую мину при плохой игре» трансформируется в соответствии с моделью замещения того или иного слова, при этом замене подвергаются практически все слова, из которых состоит фразеологизм. Прилагательное «хорошую» заменяют прилагательные «весёлую», «добрую» (здесь и далее примеры взяты из Национального корпуса русского языка (НКРЯ))²:

«Мы *делаем весёлую мину при плохой игре*, заверяя, что Совещание прошло успешно»³;

«И всё время нужно *делать добрую мину при плохой игре*»⁴.

Прилагательные «весёлая» и «добрая», как отмечено в «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова, являются сходными с прилагательным «хорошая»: *хороший* — «вполне положительный; такой, как

должен быть, нужен, необходим»⁵, *весёлый* — «вызывающий веселье, доставляющий радость»⁶, *добрый* — «вызывающий расположение, сочувствие»⁷. В семантике всех этих слов содержится сема ‘положительный’, на основе которой происходит замещение и формирование оттенков значения фразеологической единицы; функция трансформированного фразеологизма заключается в актуализации образности прилагательного.

В газетном корпусе представлены следующие вариативные фразеологизмы:

1) делать *красивую* мину при плохой игре:

«При этом Вашингтон *делал красивую мину при плохой игре*»⁸;

2) делать *плохую* мину при плохой игре:

«*Делая плохую мину при плохой игре*, он уже объявил, что “восьмёрка” не обязательно призвана выдавать конкретные результаты <...>»⁹.

В данном случае происходит замещение при помощи как синонимичного прилагательного (*красивый*), так и антонимичного (*плохой*), усиливающего значение словосочетания «плохая игра» и значение фразеологизма в целом. Красивый — «приятный на вид, отличающийся правильностью очертаний, гармонией красок, тонов, линий и т. п.»¹⁰ (перенос значения происходит на основе сем ‘правильный’, ‘положительный’, плохой — «недостаточный в каком-л. отношении, неудовлетворительный, слабый»¹¹ (перенос значения происходит на основе сем ‘неправильный’, ‘отрицательный’).

В газетном корпусе встречаются трансформации на основе замены слова «мина»:

«Может, власти и делают хорошее лицо при плохой игре, но фактов нет»¹².

Слово «лицо» является стилистически нейтральной заменой слова «мина» («выражение лица»¹³), которое применяется в основном в разговорной речи.

⁵ Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2000. С. 1452.

⁶ Там же. С. 121.

⁷ Там же. С. 264.

⁸ Лиховид А. ООН требует сохранить ПРО // Независимая газета, 15.12.1999.

⁹ Фесюн А. Что может дать Японии саммит «восьмёрки» // РИА Новости, 07.07.2008.

¹⁰ Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2000. С. 466.

¹¹ Там же. С. 845.

¹² Прямая речь // Коммерсант, 26.08.2004.

¹³ Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2000. С. 543.

² Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru>.

³ Вронский Б. И. Дневник (1976).

⁴ Симонова Д. Сорванная слива (2002).

Трансформации подвергается и слово «плохой». В газетном корпусе встречаются следующие варианты фразеологизма: *делать хорошую мину при известной / подлой / проигрышной / трудной / безнадёжно проигранной игре*. Значение слова «плохой», которое было приведено выше, содержит в себе сему 'отрицательный'; на основе этой семы происходит трансформация в случае с использованием слова «подлой» («низкий, бесчестный»¹⁴). На основе семы 'неудовлетворительный' фразеологизм трансформируется при помощи слова «проигрышной» (проигрыш — «неблагоприятный исход игры или какого-л. дела, мероприятия; неудача, поражение»¹⁵) и синонимичного словосочетания «безнадёжно проигранной». Слово «известной» играет в данном случае смягчающую роль, замещая слово «плохой»; это является возможным благодаря свойству узнаваемости фразеологизма носителями языка.

Замещению также подвергается последний компонент фразеологизма — существительное «игре». Так, в газетном корпусе применяется трансформированный фразеологизм «делать хорошую мину при плохой погоде». В основном корпусе встречается вариация данного фразеологизма, выполняющая функцию языковой игры, — «делать хорошую мину при плохой морде».

Наиболее часто трансформация происходит на основе распространённых фразеологизмов — таких, как указан выше. Чем менее распространена фразеологическая единица, тем реже осуществляется трансформация. Так, фразеологизм «делать из мухи слона» имеет варианты, в которых замещается только глагол: в основном корпусе глагол «делать/сделать» заменяется глаголом «раздувать/раздуть», а в газетном корпусе — глаголами «раздувать/раздуть» и «вырастить». Происходит распространение и на основе антонимического повтора, здесь также выполняется функция языковой игры:

«Нет, Николай Модестович, не я *делаю из мухи слона*, а вы хотите *из слона муху сделать*, это вот верно <...>»¹⁶.

В СМИ трансформированные фразеологизмы наиболее часто выражают авторские интенции, скрытые смыслы:

«Лидеры по идее подъезжали к этому зданию на электромобиле, *делали полукруг почёта* и вста-

вали у входа, где их уже с нетерпением ожидал гостеприимный хозяин мира, президент Соединённых Штатов Америки»¹⁷.

Данная статья написана в ироническом ключе, поэтому все выразительные средства, к которым относится и фразеологизм «делать полукруг почёта», подчиняются комической функции. В основном корпусе трансформации фразеологической единицы «делать круг почёта» чаще не имеют коннотаций: *бежать / проходить* круг почёта; *вышагивать / дать / описать / прокатиться / протрусить* круг почёта.

Нераспространённые фразеологизмы с глаголом «делать», состоящие из двух слов (типа «делать вид», «делать предложение» и т. п.) трансформируются намного реже, и в случае изменения можно говорить о вариациях в фразеологическом сочетании, например: *делать официальное / подобное / новое / заманчивое / аналогичное / беспроигрышное / встречное / выгодное / коммерческое / окончательное / публичное* и т. п. предложение.

Таким образом, Национальный корпус содержит материал для исследования разнообразных языковых явлений, в том числе в области фразеологии. Было выявлено, что в основном корпусе, где в первую очередь отражён язык художественной литературы, представлены трансформированные фразеологизмы, которые выполняют преимущественно образную функцию. В газетном корпусе, отражающем дискурс СМИ, масс-медиа, содержатся трансформированные фразеологизмы, которые направлены на выполнение таких функций, как выражение скрытых авторских интенций, создание комизма, языковой игры. В основном трансформация происходит в соответствии с моделью замещения, то есть замены какого-либо слова, входящего в состав фразеологизма. Несмотря на мнение исследователей о том, что трансформированные фразеологизмы имеют окказиональный характер, некоторые из подобных лексических единиц встречаются в текстах разных авторов (например, трансформированный фразеологизм *делать из мухи слона* [*а из слона муху*]). Следовательно, можно выявить модель трансформации, согласно которой осуществляется повтор с изменением структуры и семантики до противоположной на основе имеющихся лексических единиц (без замещения). Было выявлено, что распространённые фразеологизмы наиболее поддаются трансформации и тем самым составляют

¹⁴ Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2000. С. 870.

¹⁵ Там же. С. 1009.

¹⁶ Кирпищикова А. А. Фельдшер Крапивин (1865).

¹⁷ Колесников А. Заезженный приём // Коммерсант, 10.06.2004.

широкие возможности для авторского творчества, что вполне резонно, поскольку они содержат больше слов, которые могут быть замещены.

Использование трансформированных фразеологизмов в СМИ выполняет несколько задач: 1) приближает значение фразеологизма к тому контексту, в котором он употребляется; 2) создаёт комический эффект или эффект неожиданности; 3) способствует проявлению творческого начала автора текста. При этом

выбор фразеологических единиц основывается на свойстве их узнаваемости носителем языка: их значение не приходится создавать автору высказывания, а адресату «расшифровывать», это значение известно изначально. «Расшифровке» подвергается только та часть значения вновь созданного фразеологизма, которая при его создании добавляется автором. В этом заключается игровая функция трансформированного фразеологизма.

Список источников

1. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Основы фразеологии (краткий курс): учебное пособие. М., 2019.
2. Бондаренко В. Т. Варьирование устойчивых фраз в русской речи: дис. ... д-ра филол. наук. Тула, 1995.
3. Виноградов В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 140–161.
4. Диброва Е. И. Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке. Ростов н/Д, 1979.
5. Зимин В. И. Семантические и формально-структурные варианты фразеологических единиц // Проблема устойчивости и вариантности языка: материалы межвуз. симпозиума. Тула, 1972. С. 70–98.
6. Кошелева Т. И. Фразеологическая норма русского языка и случаи её нарушения: дис. ... канд. филол. наук. Новгород, 1996.
7. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. Дубна, 2005.
8. Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Основные этапы семантического анализа фразеологического значения // Памяти профессора Владимира Ивановича Максимова: сб. науч. статей. СПб., 2005.
9. Мелерович А. М. Семантическая структура фразеологических единиц современного русского языка. Кострома, 2008.
10. Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Современная русская фразеология: (семантика — структура — текст). Кострома, 2011.
11. Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Фразеологизмы в русской речи. М., 1997.
12. Телия В. Н. Вариантность лексического состава идиом как структурных единиц языка: дис. ... канд. филол. наук. М., 1968.
13. Телия В. Н. Русская фразеология. М., 2003.
14. Тер-Минасова С. Г. Деформация фразеологических единиц как лингвистическое средство // Вестник МГУ. Филология. 1968. № 5. С. 23–28.
15. Третьякова И. Ю. К вопросу об окказиональном преобразовательном потенциале глагольных фразеологизмов // Вестник Костромского государственного университета. 2016. № 6. С. 122–124.
16. Третьякова И. Ю. Окказиональная фразеология: монография / под ред. А. М. Мелерович. Кострома, 2011.
17. Шадрин Н. Л. Перевод контекстуально-преобразованных фразеологических единиц как семантическая проблема: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1969.
18. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. М., 2015.

References

1. Baranov AN, Dobvol'skij DO. Osnovy frazeologii (kratkij kurs): uchebnoe posobie = Fundamentals of phraseology (short course): a textbook. M., 2019 (In Russ.).
2. Bondarenko VT. Var'irovanie ustojchivy'x fraz v russkoj rechi = Variation of stable phrases in Russian speech: dis. ... d-ra filol. nauk. Tula, 1995 (In Russ.).
3. Vinogradov VV. Ob osnovnyh tipah frazeologicheskix edinic v russkom yazyke // Izbrannye trudy. Leksikologiya i leksikografiya = On the main types of phraseological units in the Russian language // Selected Works. Lexicology and lexicography. M., 1977. Pp. 140–161 (In Russ.).
4. Dibrova EI. Variantnost' frazeologicheskix edinic v sovremennom russkom yazy'ke = Variation of phraseological units in modern Russian. Rostov n/D, 1979 (In Russ.).

5. Zimin VI. Semanticheskie i formal'no-strukturny'e varianty' frazeologicheskix edinic = Semantic and formal structural variants of phraseological units // Problema ustojchivosti i variantnosti yazy'ka: materialy' mezhvuz. simpoziuma. Tula, 1972. Pp. 70–98 (In Russ.).
6. Kosheleva TI. Frazeologicheskaya norma russkogo yazy'ka i sluchai eyo narusheniya = Phraseological norm of the Russian language and cases of its violation: dis. ... kand. filol. nauk. Novgorod, 1996 (In Russ.).
7. Kunin AV. Kurs frazeologii sovremennogo anglijskogo yazyka = The course of phraseology of modern English. Dubna, 2005 (In Russ.).
8. Melerovich AM., Mokienko VM. Osnovny'e etapy' semanticheskogo analiza frazeologicheskogo znacheniya = The main stages of semantic analysis of phraseological meaning // Pamyati professora Vladimira Ivanovicha Maksimova: sb. nauch. statej (In Russ.).
9. Melerovich AM. Semanticheskaya struktura frazeologicheskix edinic sovremennogo russkogo yazy'ka = Semantic structure of phraseological units of modern Russian language. Kostroma, 2008 (In Russ.).
10. Melerovich AM., Mokienko VM. Sovremennaya russkaya frazeologiya: (semantika – struktura – tekst) = Modern Russian phraseology: (semantics – structure – text). Kostroma, 2011 (In Russ.).
11. Melerovich AM., Mokienko VM. Frazeologizmy v russkoj rechi = Phraseological units in Russian speech. Moscow: Russian dictionaries, 1997 (In Russ.).
12. Teliya VN. Variantnost' leksicheskogo sostava idiom kak strukturny'x edinic yazy'ka = Variation of the lexical composition of idioms as structural units of the language: dis. ... kand. filol. nauk. M., 1968 (In Russ.).
13. Teliya VN. Russkaya frazeologiya = Russian phraseology. M., 2003. (In Russ.).
14. Ter-Minasova SG. Deformaciya frazeologicheskix edinic kak lingvisticheskoe sredstvo = Deformation of phraseological units as a linguistic means. *Vestnik MGU. Filologiya*. 1968;(5):23-28 (In Russ.).
15. Tret'yakova IYu. K voprosu ob okkazional'nom preobrazovatel'nom potenciale glagol'nyh frazeologizmov = On the issue of the occasional transformative potential of verbal phraseological units. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2016;(6):122-124 (In Russ.).
16. Tret'yakova IYu. Okkazional'naya frazeologiya: monografiya = Occasional phraseology: the monograph / pod red. AM Melerovich. Kostroma, 2011. Yaroslavl', 2011 (In Russ.).
17. Shadrin NL. Perevod kontekstual'no-preobrazovanny'x frazeologicheskix edinic kak semanticheskaya problema = Translation of contextually transformed phraseological units as a semantic problem: abstr. dis. . Cand. Philol. Sci. L., 1969 (In Russ.).
18. Shanskij NM. Frazeologiya sovremennogo russkogo yazyka = Phraseology of the modern Russian language. M., 2015. (In Russ.).

Информация об авторе

Ян Шуфань — аспирант.

Information about the author

Yang ShuFan — postgraduate.

Статья поступила в редакцию 04.08.2025; одобрена после рецензирования 11.09.2025; принята к публикации 17.09.2025.

The article was submitted 04.08.2025; approved after reviewing 11.09.2025; accepted for publication 17.09.2025.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ, ТОПОНИМИКА

LINGUOCULTURAL STUDIES, TOPONYMY

Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 9 (503). С. 99–106.

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2025;9(503):99-106.

Научная статья

УДК 811.161.1'373.2

DOI: 10.47475/1994-2796-2025-503-9-99-106

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ОСОБЕННОСТИ КОММЕМОРАЦИИ В ЛОКАЛЬНОЙ ГОДОНИМИИ (НА ПРИМЕРЕ ГОДОНИМОВ ЧЕЛЯБИНСКА)

Светлана Анатольевна Питина¹, Анна Вячеславовна Таскаева²

¹Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, sap.pitina@rambler.ru, ORCID: 0000-0003-4983-6872

²Челябинский государственный университет, Южно-Уральский государственный институт искусств имени П. И. Чайковского, Челябинск, Россия, taskaeva_anna@bk.ru, ORCID: 0000-0002-4398-2644

Аннотация. В работе рассматриваются особенности локальной годонимии на материале названий улиц города Челябинска. Лингвистический ландшафт города формируется под влиянием целого ряда процессов: исторических, культурных, идеологических, включающих в себя как общие тенденции номинации, с одной стороны, так и особенности, характерные для конкретного городского ономастикона, с другой. Авторами предложена типология челябинских годонимов, учитывающая не только предложенное Т. В. Шмелёвой деление названий на характеризующие и ориентирующие, но и наличие обобщающих и конкретизирующих годонимов. В статье используется интегральный подход к анализу локальных годонимов. Отмечается отсутствие их переименования в современном периоде даже при наличии не совсем оправданных, благозвучных и повторяющихся названий. Выявлена тенденция к распространению в городском ономастиконе разнообразной годонимической тематики, не всегда соответствующей реальному городскому ландшафту, что свидетельствует о необходимости совершенствования языковой политики в данном направлении. Коммеморативные годонимы рассматриваются авторами как героические идеологемы в открытой героической парадигме. Выделяются обобщающие и личностные коммеморативные годонимы. Тенденции коммеморации годонимов и их переименования характерны для периода формирования и переосмысления культурных ценностей и сохранения исторической памяти. Переименование коммеморативных годонимов происходит достаточно редко, в то время как коммеморация исторических событий и имен выдающихся личностей является частотной в челябинском ономастиконе. Локальные коммеморативные годонимы отражают общие для всех языков и культур тенденции коммеморации в честь событий и известных людей. Появление локальных коммеморативов обусловлено вкладом города в формирование героической парадигмы, включающей коммеморацию местных писателей, промышленников, героев войн, учёных.

Ключевые слова: городской ландшафт, годоним, универсальные характеристики годонимии, уникальные характеристики локальных годонимов

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда и Челябинской области № 25-28-20202, <https://rscf.ru/project/25-28-20202/>.

Для цитирования: Питина С. А., Таскаева А. В. Социально-культурные тенденции и особенности коммеморации в локальной годонимии (на примере годонимов Челябинска) // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 9 (503). С. 99–106. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-503-9-99-106.

Original article

SOCIAL AND CULTURAL TENDENCIES AND MEMORIAL PRACTICES IN LOCAL GODONYMY (ON THE EXAMPLE OF CHELYABINSK STREET NAMES)

Svetlana A. Pitina¹, Anna V. Taskaeva²

¹Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, sap.pitina@rambler.ru, ORCID: 0000-0003-4983-6872

²Chelyabinsk State University, South Ural State Institute of Arts named after P.I. Tchaikovsky, Chelyabinsk, Russia, taskaeva_anna@bk.ru, ORCID: 0000-0002-4398-2644

Abstract. The research is aimed at studying cultural and social tendencies of Chelyabinsk street names. It has been stated that linguistic landscape of the city is influenced by a number of general tendencies of nomination including cultural, ideological and historical processes taking place in the country, on the one hand, and peculiarities characterizing a concrete city language landscape, on the other hand. The authors suggest a typology of Chelyabinsk godonyms taking into account not only their division into characterizing and orienting according to T.V. Shmeleva but the existence of generalizing and specifying street names. Integral approach in analyzing local godonyms is used in the article. Renaming of local godonyms is not present in Chelyabinsk city onomasticon, even if the existing godonyms are repetitive, not positively connoted. The tendency to use various thematic often not realistically reflecting the city landscape godonyms has been revealed necessitating the ordering of the language policy in godonym naming. Commemorative street names are viewed by the authors as heroic ideologemes constituting an open heroic paradigm. Personal and general commemorative names have been outlined. Commemorative godonyms naming and renaming tendencies study is argued to be relevant for the period of cultural values rethinking and formation taking place parallel to the process of preserving historical memory. Godonyms renaming is not typical, while commemoration of local historical events and outstanding personalities is often registered in Chelyabinsk onomasticon. Local commemorative place names reveal general for all languages and cultures tendencies of commemoration including naming after the outstanding people, important historical events, etc. Unique commemorative place names appearance in the local linguistic landscape is conditioned by the city contribution to heroic paradigm formation including naming after outstanding writers, factory directors, constructors, war and labor heroes, scientists, etc.

Keywords: city landscape, godonym, universal characteristics of godonyms, specific characteristics of local godonyms, naming, renaming

Acknowledges. To the financial support of the grant of the Russian Scientific Fund and Chelyabinsk Region, project № 25-28-20202, <https://rscf.ru/project/25-28-20202/>.

For citation: Pitina SA., Taskaeva AV. Social and Cultural Tendencies and Memorial Practices in Local Godonymy (on the Example of Chelyabinsk Street Names). *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(9(503)):99-106. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-503-9-99-106.

Введение

Городской ономастикон является упорядоченной, открытой системой микропонимов, отражающей изменения в языковой политике страны. Годонимы занимают значительную часть городского ономастикона, поэтому анализ локальной годонимии представляется актуальным для выявления общих и частных тенденций номинации названий улиц. В задачи работы входит анализ современного состояния челябинской годонимии, выявление общих и частных тенденций номинации, классифицирования годонимической лексики.

Отечественные и зарубежные авторы рассматривают общие и частные проблемы городского ономастикона в целом и годонимии в частности. Так, факторы, которые формируют лингвистический ландшафт современного города, их влияние на социокультурную реальность анализируются в при помощи сопоставительного анализа городского ономастикона крупнейших городов мира [20]. Р. Мальтович исследует изменчивость образа города и его составляющих в эпоху глобализации в постсоветский период [18].

Особенности городских микропонимов, включая годонимы, рассматриваются Т. А. Голиковой [1], М. В. Голомидовой [2, 3], Л. В. Егоровой [4], О. С. Иссерс [6], Е. Н. Клименко и Т. В. Попо-

вой [7], Ю. А. Кривошаповой и С. О. Горяевым [9] и др. В своих работах авторы данной статьи анализируют годонимы в аспекте региональной языковой картины мира и в терминах Пермской лингвистической школы как локализмы [5]. Полагаем, что годонимы являются важной составляющей городской микропонимии, достаточно устойчивой к изменениям и в то же время открытой в определённой степени лексической системой, в которой локальные названия улиц представлены микропонимами-регионализмами [13].

Т. В. Шмелёва предлагает убедительную классификацию годонимов, выделяя ориентирующие и характеризующие названия улиц [16, С. 337], хотя, по нашему мнению, все годонимы являются в определённой степени характеризующими.

Современная годонимия тесно связана с процессом коммеморации, отражающей идеологические установки общества [12, 14, 18]. Б. Шварц утверждает, что создание памятных названий в честь исторических событий и выдающихся личностей создает “a register of sacred history” — реестр священной истории (здесь и далее перевод авт. — *Прим. авт.*) [19, Р. 377]. О. М. Соколова также полагает, что памятные названия являются формой репрезентации культурных смыслов,

функционирующих в качестве инструмента создания культурной и исторической памяти [15].

Коммеморация топонимов нечасто является объектом лингвистических исследований, обуславливая актуальность изучения данного процесса. Типология коммеморативных топонимов, причины и принципы коммеморации, результаты переименования топонимов представляются перспективным направлением исследования. В процессе коммеморации топонимов реализуется событийная и личностная героизация, которая может сопровождаться противоположным процессом дегероизации и переименованием [14, 16, 17]. Проблемы переименования московских улиц выявлены в работе Г. Гилла, оправданно полагающего, что при помощи переименования создаются новые культурные символы [17].

Материалы и методы

Настоящее исследование посвящено выявлению общих и частных особенностей топонимии Челябинска. Задачи работы заключаются в анализе данных особенностей, исторических и культурных причин, влияющих на номинацию топонимов, а также в создании классификации локальных топонимов.

Топонимы изучаются с использованием когнитивного, лингвокультурного, социолингвистического анализов, приёма сплошной выборки. Интегральный подход позволяет выявить специфику репрезентации топонимов в языковом сознании жителей города. Официальные топонимы получены при помощи сплошной выборки с сайтов Челябинска, а неофициальные выявлены при помощи анкетирования 250 жителей города, в основном студентов вузов, в период с 2022 по 2025 гг. Всего проанализировано более 1000 официальных топонимов и около 50 неофициальных.

Результаты и обсуждение

Полагаем, что локальная топонимия отражает как общие, так и частные тенденции номинации топонимов. Перечислим сначала некоторые общие тенденции номинации топонимов.

1. **Универсальной** характеристикой топонимии, представленной в челябинских названиях улиц, является наличие ориентирующих топонимов, представленных названиями улиц, обозначающих части света: *Восточная, Большой Западный проезд, Западная, Западный проезд, Северная, Южная*. *Западная* улица повторяется несколько раз, хотя и в разных районах города, а улица *Восточная* встречается под номерами: *1-я Восточная, 2-я Восточная, 3-я Восточная 4-я Восточная и 5-я Восточная*.

Названия стран также представлены в городской топонимии: улицы *Белорусская, Украинская, Эстонская* и др., однако это скорее уточняющие, а не ориентирующие топонимы. В Челябинске существуют многочисленные ойконимические названия улиц, включающие как названия городов области: *Каслинская, Копейская, Коркинская, Нязепетровская, Троицкий тракт, Чебаркульская, Южноуральская*, так и российские: *Адлерская, Норильский переулок, Свердловский проспект, Сочинская, Томский переулок, Уфимский тракт*, города Европы: *Брестский переулок, Софийская* и др. номинации: *Ташкентская, Ферганская, Алма-Атинская, Костанайская*. Только названия трактов и частей света можно считать ориентирующими в городском ландшафте.

2. **Уточняющие** ориентирующие городской ономастикон топонимы представлены улицами *Горной, Нагорной, Лесопарковой, Горным, Круглым, Овражным* переулками и др.

3. **Наличие порядковых номеров** в топонимах характерно для многих отечественных городов. В Челябинске насчитывается более 70 первых улиц: *1-я Базовая, 1-я Водосточная*, столько же вторых: *2-й Вагонный, 2-й Газонный* переулки, меньшее количество третьих: *3-я Бирская, 3-я Порядковая*, четвертых: *4-я Бирская, 4-я Рыбинская* и так до представленного всего двумя названиями девятого номера: *9-й Бульварный, 9-Лобинский* переулки. Вероятно, это свидетельствует об отсутствии креативности при утверждении названий и связи с улицами-линиями. Улицы-линии есть в разных российских городах. Так, наличие пронумерованных улиц-линий, параллельных Большому проспекту на Васильевском острове Санкт Петербурга, первоначально планируемых как каналы, связано с исторически сложившейся системой застройки острова. Челябинские пронумерованные улицы отражают скорее хаотичность городской застройки, а не наличие чёткого планирования, поскольку город застраивался в прошлом веке в основном вокруг многочисленных промышленных предприятий, создавая удаленные от центра районы, такие как Металлургический, Ленинский.

К **характеризующим** топонимам относим.

Коммеморативные топонимы, которые составляют значительную часть названий улиц любого города. Универсальной тенденцией любого городского ландшафта является коммеморация важных исторических событий и имен выдающихся личностей. Оба типа коммеморации считаем ярко выраженными характеризующими топонимами,

отражающими официальную идеологию и связанными с историей и культурой страны. Героические памятные названия являются частью открытой героической парадигмы, состоящей из универсальных и культурно специфических микротопонимов, возникших и возникающих в процессе глорификации. Универсальные повторяющиеся коммеморативные топонимы маркируют идеологическое и культурно-историческое состояние всего общества, в то время как в локальных коммеморативах реализуется региональная идентичность. Коммеморативные топонимы мы рассматриваем вслед за Е. Г. Малышевой как идеологемы — ментальные единицы когнитивного уровня, многослойные концепты особого типа [10. С. 35], открытую систему ментальных единиц, претерпевающих изменения из-за социальных, исторических и культурных причин и остающихся актуальными в течение длительного времени. Б. М. Пионтек выделяет идеологемы, отражающие исторические события, и новые идеологемы [11]. В нашей классификации идеологически маркированных топонимов-коммеморативов присутствуют событийные, исторические, в большой степени обобщающие идеологемы и индивидуализирующие и конкретизирующие личностные.

Идеологемы характеризуются оценочной коннотацией, выполняя идеологические, политические и социальные задачи [8]. Представленные в городском ономастике коммеморативные топонимы культурно-исторически обусловлены, реализуют как универсальные, так и национально-специфические и региональные особенности.

Универсальные обобщающие и конкретизирующие идеологемы присутствуют в названиях улиц *Коммунистическая, Коммуны, МОПРа, 1 Мая, Профинтерна, 3 Интернационала, Борьбы, Победы*. Около 20 % исторических памятных топонимов связано с Великой Октябрьской Социалистической Революцией и Великой Отечественной войной: *30-летия Октября, 32-я Годовщина Октября, 40-летия Октября, 60-летия Октября*. Однако 10-я, 20-я, 50-я годовщины отсутствуют, 32-летие представляется случайным выбором. В городе есть три *Октябрьских* улицы, более 20 названий с колоронимом «красный»: *Красноармейская, Красная, Краснофлотская, Красных пилотов* и др. Идеологические символы советского периода отражены в названиях *Пионерская, Рабоче-крестьянская, Молодогвардейцев, Комсомольский проспект, Героев, 40 лет Победы*.

Конкретные исторические события прослеживаются в коммеморативах-топонимах *Бородинская, Волочаевская, Пятого декабря*. Личностные коммеморативные топонимы, встречающиеся повсеместно, представлены зарубежными и отечественными антропонимами — именами идеологов марксизма-ленинизма: улица *Карла Маркса, Энгельса, Ленина, Ильича* революционеров: *Клары Цеткин, Либкнехта*, партийных деятелей советского периода: *Калинина, Кирова, Орджоникидзе, народовольцев: Перовской, Желябова*.

К традиционным характеризующим любой российский город относятся коммеморативные топонимы — фамилии писателей, поэтов, артистов, художников, хотя из иностранных писателей, представленных в топонимах: ул. *Барбюса, ул. Гюго*, в Челябинске жил и работал только Ярослав Гашек. Улицы, названные в честь великих русских писателей, такие как улицы *Пушкина, Лермонтова, Горького, Маяковского, Тургенева, Мамина-Сибиряка, Гайдара*, а также в честь деятелей искусства — улицы *Чайковского, Глазунова, Станиславского, Вахтангова* можно считать общероссийскими коммеморативными топонимами, что характеризует непреходящие отечественные ценностные установки. В Челябинске, как и других городах, представлены названия улиц в честь учёных и изобретателей, — улицы *Академика Королева, Мечникова, Мичурина, Тимирязева, Циолковского*.

Имена участников войны 1812 г., Октябрьской Революции, Гражданской войны, Великой Отечественной войны, космонавтов также увековечены в топонимах всех российских населённых пунктов: улицы *Багратиона, Гагарина, Гастелло, Дундича, Жукова, Кутузова, Лазо, Лизы Чайкиной, Матросова, Толбухина, Чапаева, Черняховского* и др.

Обобщающие коммеморативы, такие как *Борьбы, Победы, Славы* встречаются повсеместно.

Переименование топонимов является ещё одной современной тенденцией. Переименованию подвергаются в основном ориентирующие топонимы, заменяемые на идеологизированные общепринятые характеризующие личностные коммеморативы: улица *Карла Макса* (бывшая *Исетская*), *Кирова* (бывшая *Уфимская*), современная *Российская* (бывшая *Казарменная*, затем *Сталина*) была дважды переименована. Следует отметить, что переименование топонимов затронуло Челябинск в гораздо меньшей степени, чем Москву и Санкт-Петербург, вероятно, это связано с экономическими причинами и мнением жителей старшего поколения.

Локальные названия улиц могут быть как традиционно трафаретными, так и отражать особенности конкретного городского ономастического пространства. Наряду с выдающимися деятелями, внесшими значительный вклад в культуру, науку и историю России, в Челябинске некоторые улицы названы в честь людей, напрямую связанных с Уральским регионом. Это уникальные личностные коммеморативы, которые представлены именами южноуральских и челябинских революционеров и военачальников: улицы *Блюхера*, *Васенко*, *Доватора*, *Евтеева*, *Елькина*, *Сони Кривой*, *Цвиллинга*... Герои Великой Отечественной войны, родившиеся или жившие в Челябинске увековечены в топонимах: летчики *Бурденюк*, *Люценко*, *Овчинников*, *Талалихин*, танкисты *Хохряков*, *Саблин*, *Сурков*, *Захаренко*... Имена героев России присвоены улицам *Кислова*, *Молодого*, *Родионова* и др.

Имена конструкторов, директоров челябинских заводов, металлургов и инженеров также отражены в личностных топонимах: улицы *Конструктора Духова*, *Зальцмана*, *Комаровского*, *Аносова* (основоположник отечественной металлургии, качественного сталеварения, большую часть жизни провёл на Южном Урале, будучи начальником Златоустовского горного округа), *Гарина-Михайловского* (руководил изысканиями и строительством Самаро-Златоустовской железной дороги, включая сложные участки через Южный Урал) и др.

Новые улицы редко названы в честь челябинских и уральских писателей: улицы *Александра Шмакова*, *Бажова*, *Либединского*, *Правдухина*, *Завалишина*. Лишь недавно появилась на карте города улица *Бейвеля*, врача и городского головы. Немногочисленны примеры других локальных личностных коммеморативов: улица в честь скульптора *Головницкого*, генерала, возглавлявшего областное МВД *Мартынова*, губернатора *Сумина*, первого секретаря обкома КПСС во время Великой Отечественной войны *Патоличева*, полковника милиции *Пустового*, историка, географа и государственного деятеля *Татищева*, советского учёного-металлурга, который работал в Челябинском политехническом институте, *Профессора Блажих*, «отца» советской атомной бомбы *Курчатова*. Отметим, что несмотря на то, что сам Курчатова не жил в Челябинске, его работа была тесно связана с Челябинском-40 (ныне Озёрск), где располагался комбинат «Маяк» — первый в СССР центр по производству оружейного плутония.

Особенностью челябинской топонимии считают профессиональные обобщающие коммеморативы: проспекты *Металлургов*, *Сталеваров*, *До-*

менщиков, улицы *Авиаторов*, *Геологов*, *Горняков*, *Машиностроителей*, *Механизаторов*, *Монтажников*, *Нефтяников*, *Работниц*, *Радистов*, *Рабочих*, *Сталеваров*, *Трубников* и десятки других топонимов. Промышленные названия улиц создают образ индустриального города. Многие улицы Челябинска расположены рядом с промышленными предприятиями, уточняя вид производства: *Абразивная*, три *Заводских*, *Рессорная*, *Рыбокопильная*, *Сборочная*, *Строительная*, *Трубосварочная*, *Ферросплавная*, *Цинковая*, *Слесарный переулок*.

В последнее время в городе появляется всё больше оригинальных, хотя и не всегда оправданных топонимов. Сюда отнесём улицы с названиями драгоценных и полудрагоценных камней: *Агатовая*, *Аквамариновая*, *Алмазная*, *Бирюзовая*, *Изумрудная*, *Жемчужная*, *Корундовая*, *Лазуритовая*, *Малахитовая*, *Рубиновая*, *Турмалиновая*, *Фианитовая*, *Янтарная*, *Яхонтовая*. Не во всех благозвучных «драгоценных» и «каменных» названиях улиц отражается реальное богатство Уральских гор. Необычными можно считать названия: *Брусничная*, *Весёлая*, *Вечерняя*, *Ветровая*, *Ветренный переулок*, *Водосточная*, *Вязовый переулок*, *Добрая*, *Земляничная поляна*, *Зимняя*, *Изобильная*, *Индивидуальная*, *Ласковый переулок*, *Лунная*, *Лучистая*, *Тупик* и даже *Морская* вдалеке от моря городе. Часто оригинальные названия не соответствуют реальному образу города. *Пальмовая* улица есть в Челябинске, но город находится в беспальмовой климатической зоне. Небольшой переулок *Акаций* может похвастаться лишь одним кустом шиповника и одной сиренью. Вероятно, топонимы с перечисленными выше названиями драгоценных металлов, деревьев: *Берёзовая*, *Берёзовый тупик*, фруктов: *Абрикосовая*, *Вишнёвая*, колоронимов: *Красная*, *Лазурная*, флоронимов: *Васильковая*, *Гиацинтовая*, *Одуванчиковый* переулок, *Фиалковая* звучат более благозвучнее номинаций *Аптечная*, *Железная*, *Тупик*, *Угольная*.

Челябинские официальные топонимы нередко подвергаются переосмыслению, переименованию, превращаясь в **народные** названия, что подтверждается результатами опроса жителей города. Народные топонимы могут быть нейтрально: *Братьев*, положительно: *Кировка*, и отрицательно *Каширка*, *Братуха*, маркированы. В качестве примеров взяты народные названия улиц *Братьев Кашириных* и *Кирова*.

Выводы

Проведенное исследование челябинской топонимии позволило выявить ключевые тенденции, характеризующие её как сложную, динамичную

и в то же время противоречивую систему. Челябинская годонимия отражает общероссийские и региональные тенденции номинации, демонстрируя как универсальные черты, так и локальную специфику (обилие профессионально-производственных и индустриальных годонимов). Индустриальная идентичность Челябинска ярко выражена в годонимах, связанных с промышленностью и производством (улицы *Металлургов*, *Сталеваров*, *Трубников* и др.). Обилие промышленных годонимов и повторяющихся названий улиц отражает особенности индустриального города и хаотичность планирования городского ономастического ландшафта.

Коммеморативные годонимы составляют значительную часть городского ономастического ландшафта, вы-

полняя идеологическую, историко-культурную и мемориальную функции. При этом локальные коммеморативы представлены недостаточно, что свидетельствует о слабой проработке регионального компонента в языковой политике города.

Тенденция к оригинальности в современной годонимии (названия драгоценных камней, природных объектов) не всегда оправдана, поскольку многие из них не соответствуют реальному городскому ландшафту.

Проведённый анализ подтверждает, что годонимия Челябинска остаётся открытой и не до конца упорядоченной системой, требующей более продуманного подхода к формированию городского лингвистического ландшафта.

Список источников

1. Голикова Т. А. Официальные vs неофициальные годонимы Москвы: модели трансонимизации // Научный диалог. 2014. № 9 (33). С. 24–36.
2. Голомидова М. В. Городские топонимы в аспекте трансляции региональной идентичности: кейс города Уфы // Вопросы ономастики. 2022. № 9 (1). С. 160–179. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2022.19.1.008.
3. Голомидова М. В. Имятворчество в эргонимии: традиции vs. актуальные тренды // Лингвистика креатива. 2012. С. 63–72.
4. Егорова Л. В. К вопросу изучения годонимов в современной парадигме лингвистических исследований // Вестник Чувашского университета. 2018. № 2. С. 224–232.
5. Ерофеева Т. И., Шустова С. В. Лексическое просторечие в речи носителей литературного языка Пермского региона // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. 2020. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/leksicheskoe-prostorechie-v-rechi-nositeley-literaturnogo-yazyka-permskogo-regiona> (дата обращения: 06.08.2025).
6. Иссерс О. С. Лингвокогнитивные основания креативных решений в нейминге // Когнитивные исследования языка. 2017. Вып. XXX. С. 821–824.
7. Клименко Е. Н., Попова Т. В. Неофициальная ономастика Екатеринбурга и причины её появления в речи горожан // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 1 (292). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neofitsialnaya-onomastika-ekaterinburga-i-prichiny-eyo-poyavleniya-v-rechi-gorozhan> (дата обращения: 06.08.2025).
8. Ключина Н. И. Теория идеологем // Политическая лингвистика. 2014. Вып. 4, № 50. С. 54–58.
9. Кривошапова Ю. А., Горяев С. О. «Каменные» улицы Екатеринбурга // Вопросы ономастики. 2022. Т. 19, № 2. С. 197–207. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2022.19.2.023.
10. Малышева Е. Г. Идеологемы как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. 2009. Вып. 4 (30). С. 32–40.
11. Пионтек Б. М. Общеязыковые факторы генезиса идеологемы как категории политической лингвистики (на материале польского и русского языков): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Москва, 2012. 25 с.
12. Питина С. А., Таскаева А. В. Названия памятных объектов Челябинской области как составляющая героической парадигмы // Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 9 (455). С. 120–127. <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2021-10917>.
13. Питина С. А. Особенности креативных региональных урбанонимов // Доклады Башкирского университета. 2022. Вып. 5. С. 279–283. <https://doi.org/10.33184/dokbsu-2022.5.5>.
14. Питина С. А., Таскаева А. В. Региональные особенности героизации и дегероизации южноуральских коммеморативов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2023. Т. 22, № 5. С. 125–134. (На англ. яз.). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.5.9>.
15. Соколова О. М. Коммеморативные практики в культурном пространстве современного белорусского города // Культура в евразийском пространстве: традиции и новации. 2019. № 1 (3). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommemorativnye-praktiki-v-kulturnom-prostranstve-sovremennogo-belorusskogo-goroda> (дата обращения: 06.08.2025). DOI: 10.32340/2514-772X-2019-1-97-108.

16. Шмелева Т. В. Современная топонимия: семантика и семиотика. Лингвистическое краеведение. Пермь, 1991.
17. Gill Graeme. Changing Symbols: The Renovation of Moscow Place Names // *The Russian Review*. 2005. № 64. P. 480–503. 10.1111/j.1467-9434.2005.00371.x.
18. Matlovic R. The Transitive Image of the Town and its Intra-urban Structures in the Era of Post-communist Transformation and Globalisation // *Sociológia*. 2004. № 36 (2). P. 137–158.
19. Schwartz B. The Social Context of Commemoration: a Study in Collective Memory // *Social Forces*. 1982. № 82. P. 374–402. DOI:10.1093/sf/61.2.374.
20. Shohamy E., Ben-Rafael E., & Barni M. (Eds.). *Linguistic Landscape in the City*. Bristol, UK: Multilingual Matters, 2010. Retrieved from <https://street-viewer.ru>.

References

1. Golikova TA. Oficial'nye vs neoficial'ny godonimy Moskvyy: modeli transonimizacii = Official vs. Unofficial Hodonyms of Moscow: Models of Transonymization. *Nauchnyj dialog = Scientific Dialogue*. 2014;9(33):24-36. (In Russ.).
2. Golomidova MV. Gorodskie toponimy v aspekte transljicii regional'noj identichnosti: kejs goroda Ufy = Urban Toponyms in the Aspect of Broadcasting Regional Identity: The Case of the City of Ufa. *Voprosy onomastiki = Questions of Onomastics*. 2022;9(1):160-179. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2022.19.1.008. (In Russ.).
3. Golomidova MV. Imjatorchestvo v jergonimii: tradicii vs. aktual'nye trendy = Name-Creation in Ergonymy: Traditions vs. Current Trends. *Lingvistika kreativa = Linguistics of Creativity*. 2012:63-72. (In Russ.).
4. Egorova LV. K voprosu izuchenija godonimov v sovremennoj paradigme lingvisticheskikh issledovanij = On the issue of studying hodonyms in the modern paradigm of linguistic research. *Vestnik Chuvashskogo universiteta = Bulletin of the Chuvash University*. 2018;(2):224-232. (In Russ.).
5. Erofeeva TI, Shustova SV. Lexical Vernacular in the Speech of Literary Language Residents in Perm Region. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of VolSU. Series 2: Linguistics*. 2020;(4). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/leksicheskoe-prostorechie-v-rechi-nositeley-literaturnogo-yazyka-permskogo-regiona> (date of access: 06.08.2025). (In Russ.).
6. Issers OS. Lingvokognitivnye osnovanija kreativnyh reshenij v nejminge = Lingvocognitive foundations of creative solutions in naming. *Kognitivnye issledovanija jazyka = Cognitive studies of language*. 2017;(XXX):821-824. (In Russ.).
7. Klimenko EN, Popova TV. Neoficial'naja onomastika Ekaterinburga i prichiny ejo pojavlenija v rechi gorozhan = Unofficial onomastics of Yekaterinburg and the reasons for its appearance in the speech of citizens. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2013;1(292). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/neofitsialnaya-onomastika-ekaterinburga-i-prichiny-eyo-poyavleniya-v-rechi-gorozhan> (date of access: 06.08.2025). (In Russ.).
8. Klyushina NI. Teorija ideologem = Theory of ideologemes. *Politicheskaja lingvistika = Political linguistics*. 2014;4(50):54-58. (In Russ.).
9. Krivoschapova YuA, Goryaev SO. «Kamennye» ulicy Ekaterinburga = “Stone” streets of Yekaterinburg. *Voprosy onomastiki = Issues of onomastics*. 2022;19(2):197-207. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2022.19.2.023. (In Russ.).
10. Malysheva EG. Ideologemy kak lingvokognitivnyj fenomen: opredelenie i klassifikacija = Ideologemes as a linguacognitive phenomenon: definition and classification. *Politicheskaja lingvistika = Political linguistics*. 2009;4 (30):32-40. (In Russ.).
11. Piontek BM. General linguistic factors of the genesis of ideologeme as a category of political linguistics (based on the Polish and Russian languages): author's abstract. diss. ... Cand. Philological Sciences. Moscow, 2012. 25 p. (In Russ.).
12. Pitina SA, Taskaeva AV. Nazvanija pamjatnyh ob#ektov Cheljabinskoj oblasti kak sostavljajushhaja geroidicheskaja paradigma = Names of memorable objects of the Chelyabinsk region as a component of the heroic paradigm. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2021;9(455):120-127. <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2021-10917>. (In Russ.).
13. Pitina SA. Osobennosti kreativnyh regional'nyh urbanonimov = Features of creative regional urbanonyms. *Doklady Bashkirskogo universiteta = Reports of the Bashkir University*. 2022;(5):279-283. <https://doi.org/10.33184/dokbsu-2022.5.5>. (In Russ.).

14. Pitina SA., Taskaeva AV. Regional Peculiarities of Glorification and Deglorification in South Ural Commemorative Names. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Volgograd State University. Series 2, Linguistics*. 2023;22(5):125-134. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.5.9>. (In Russ.).
15. Sokolova OM. Kommemorativnye praktiki v kul'turnom prostranstve sovremennogo belorusskogo goroda = Commemorative practices in the cultural space of a modern Belarusian city. *Kul'tura v evrazijskom prostranstve: tradicii i novacii = Culture in the Eurasian space: traditions and innovations*. 2019;1(3). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommemorativnye-praktiki-v-kulturnom-prostranstve-sovremennogo-belorusskogo-goroda> (date of access: 06.08.2025). DOI: 10.32340/2514-772X-2019-1-97-108. (In Russ.).
16. Shmeleva TV. Sovremennaja godonimija: semantika i semiotika. Lingvisticheskoe kraevedenie = Modern hodonymy: semantics and semiotics. Linguistic local history. Perm, 1991. (In Russ.).
17. Gill Gr. Changing Symbols: The Renovation of Moscow Place Names. *The Russian Review*. 2005;(64):480–503. DOI: 10.1111/j.1467-9434.2005.00371.x.
18. Matlovic R. The Transitive Image of the Town and its Intra-urban Structures in the Era of Post-communist Transformation and Globalization. *Sociology*. 2004;36(2):137-158.
19. Schwartz B. The Social Context of Commemoration: a Study in Collective Memory. *Social Forces*. 1982;(82):374-402. DOI:10.1093/sf/61.2.374.
20. Shohamy E., Ben-Rafael E., & Barni M. (Eds.). *Linguistic Landscape in the City*. Bristol, UK: Multilingual Matters, 2010. Retrieved from <https://street-viewer.ru>.

Информация об авторах

С. А. Питина — доктор филологических наук, профессор.

А. В. Таскаева — доктор филологических наук, доцент.

Information about the authors

S. A. Pitina — Doctor of Sci. (Philology), Professor.

A. V. Taskaeva — Doctor of Sci. (Philology), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 09.08.2025; одобрена после рецензирования 20.08.2025; принята к публикации 17.09.2025.

The article was submitted 09.08.2025; approved after reviewing 20.08.2025; accepted for publication 17.09.2025.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликтов интересов.

Contribution of the authors: all author contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

АНАЛИЗ ДИСКУРСА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ ДИДАКТИКА DISCOURSE ANALYSIS, LITERARY DIDACTICS

Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 9 (503). С. 107–116.

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2025; (9(503)):107-116.

Научная статья

УДК 801.7

DOI: 10.47475/1994-2796-2025-503-9-107-116

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОЭТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК ОСНОВА РАЗВИТИЯ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Тамара Георгиевна Галушко¹, Наталья Юрьевна Зайцева²✉

^{1,2} Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

¹ tamar4444@mail.ru, ORCID: 0000-0001-7735-8535

²✉ nataljajaztzeva@gmail.com, ORCID: 0000-0002-1497-4979

Аннотация. Статья посвящена актуализации понятия «эстетический интеллект» в контексте антропологии образования XXI в. *Актуальность* проблемы обусловлена антропологическими трансформациями под влиянием тотальной цифровизации, которые ведут к размыванию духовных основ личности, доминированию клипового мышления и утрате культурной уникальности. В этой связи разработка компенсаторных механизмов, способных обеспечить целостность и аутентичность человека, становится первостепенной задачей. *Цель* работы состоит в теоретическом обосновании развития эстетического интеллекта личности на основе герменевтического осмысления антропологического поэтического дискурса, представленного в шедеврах мировой поэзии. *Объектом* исследования является поэтический язык в его антропологической функции как особое искусство, способствующее креативному и эстетическому развитию личности. *Предмет* исследования составляют поэтические тексты как уникальное сопряжение глубинных смыслов на основе слов и ритмов, как духовно-эстетический источник знаний. *Материалом* послужили философские и филологические труды, раскрывающие взаимосвязь поэзии и мышления, и шедевры английской, немецкой и французской поэзии XVIII–XX вв. (на примере произведений П. Б. Шелли, Р. М. Рильке, Ш. Бодлера и др.). *Методы* исследования включают теоретический анализ философской и филологической литературы, концептуальный анализ ключевых категорий («эстетический интеллект», «эстетическое мышление», «поэтическая антропология»), эстетический, герменевтический и культурологический анализ поэтического текста. Установлено, что творческая практика интерпретации антропологического поэтического дискурса служит основой для развития эстетического мышления (процесс), которое, в свою очередь, формирует эстетический интеллект (результат) как способность воспринимать, ценить и генерировать красоту и гармонию на онтологическом и гносеологическом уровнях. Обоснована корреляция «антропологическая поэзия — поэтическая антропология» как фундамент для интеллектуального и духовного становления личности в эпоху Hi-Tech. *Перспективы* исследования видятся в дальнейшем изучении символичности поэтического текста как ключевого фактора развития эстетического интеллекта.

Ключевые слова: антропология, антропологическая поэзия, поэтический дискурс, эвристический статус, эстетическое мышление, эстетический интеллект

Для цитирования: Галушко Т. Г., Зайцева Н. Ю. Антропологический поэтический дискурс как основа развития эстетического интеллекта /// Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 9 (503). С. 107–116. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-503-9-107-116.

Original article

ANTHROPOLOGICAL POETIC DISCOURSE AS THE FOUNDATION FOR THE DEVELOPMENT OF AESTHETIC INTELLIGENCE

Tamara G. Galushko¹, Natalya Yu. Zaytseva^{2✉}

^{1,2} Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia

¹ tamar4444@mail.ru, 0000-0001-7735-8535

^{2✉} nzaytseva@herzen.spb.ru, 0000-0002-1497-4979

Abstract. This article addresses the concept of “aesthetic intelligence” within the anthropology of education of the 21st century. The study’s *relevance* is determined by profound anthropological shifts driven by total digitalization, which undermine spiritual foundations, promote clip thinking, and erode cultural uniqueness. Consequently, developing compensatory mechanisms to safeguard human integrity and authenticity is a critical task. *The aim* is to provide a theoretical foundation for cultivating aesthetic intelligence through the hermeneutic interpretation of anthropological poetic discourse found in world poetry masterpieces. *The object* of the study is poetic language in its anthropological function, while the subject is poetic texts as a unique fusion of profound meanings and a spiritual-eidetic source of knowledge. *The methodology* encompasses theoretical and conceptual analysis of philosophical and philological literature, alongside aesthetic, hermeneutic, and cultural analysis of poetic texts from the 18th-20th centuries (e.g., Shelley, Rilke, Baudelaire). *The research* establishes that the interpretive practice of anthropological poetic discourse fosters aesthetic thinking (process), which in turn shapes aesthetic intelligence (result)—the capacity to perceive, appreciate, and generate beauty and harmony on ontological and epistemological levels. The correlation “anthropological poetry – poetic anthropology” is substantiated as a foundation for intellectual and spiritual development in the Hi-Tech era. *Future research* will focus on the symbolism of poetic text as a key factor in advancing aesthetic intelligence.

Keywords: anthropology, anthropological poetry, poetic discourse, heuristic status, aesthetic thinking, aesthetic intelligence

For citation: Galushko TG, Zaytseva NYu. Anthropological Poetic Discourse as the Foundation for the Development of Aesthetic Intelligence. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(9(503):107-116. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-503-9-107-116.

«Высший акт разума, охватывающий все
идеи, есть акт эстетический»
Г. В. Ф. Гегель

Постановка проблемы

Внутри современной социально-культурной сферы на основе тотальной цифровизации происходят значительные антропологические изменения и «запущен механизм большого антропологического перехода» [2]. Информационно-технологический век создает новые формы антропологических нагрузок личности, когда человек утрачивает духовность как основу личности. Антропологическая трансформация человека в глобальных масштабах вызывает опасения за судьбу человеческой культуры, так как миссия человека состоит не в том, чтобы только принимать и передавать информацию, но и проявлять свою культурную уникальность.

Информационные потоки сравнительно быстро загромождают интеллектуальную среду. Технологическое мышление затрудняет развитие в личности интуиции и интеллекта. Чтобы предотвратить размывание человеческой природы в информационных потоках и развитие клипово-

го сознания, требуется разработка и обоснование антропологических концепций (anthropological attitude — Прим. авт.), способных обеспечивать целостность и аутентичность человека на основе эстетического восприятия, как радикальной формы познания, самопознания и сознания. Это позволит развивать творческие способности личности с целью «реанимировать» значение культурных смыслов и обеспечить преобладание духовных ценностей.

Основная функция поэтического языка состоит не в передаче информации, а в возможностях ориентации человека в интеллектуально-эстетическом пространстве для осознания смысла бытия через эффект организованной определённым образом художественной экспрессии. Для духовного и культурного развития личности актуальной представляется разработка антропологической эстетической парадигмы, что определяет основную цель нашей работы — развитие эстетического мышления на основе антропологического поэтического дискурса для формирования эстетического интеллекта.

Антропологическая поэтическая практика представляет собой сознательный герменевтический

и эстетический опыт. Этот опыт заставляет человека открывать глубинные смыслы в процессе интерпретации поэтического текста, что создает фундамент для развития эстетического мышления, как уникальной способности воспринимать, ценить и создавать красоту. На основе эстетического мышления формируется эстетический интеллект личности, как результат развития на основе использования эстетических смысловых констант.

Термин «интеллект» (*от лат. intellectus* ‘восприятие’ и ‘понимание’) рассматривается как способность к познанию и решению проблем. Согласно теории интеллекта британского и американского психолога Р. Кеттелла [25] интеллект можно условно разделить на подвижный (флюидный) и кристаллизовавшийся. Первый состоит в способности мыслить логически и решать задачи, выходящие за пределы предыдущего опыта, а второй включает уже некоторый накопленный опыт и способность использовать усвоенные знания и навыки. Мы используем термин «эстетический интеллект» в значении *подвижный интеллект* на этапе герменевтической интерпретации антропологического поэтического дискурса (процесс), под термином в его втором значении *кристаллизовавшийся интеллект* подразумевается аккумулированный опыт и способность применять приобретённые знания и навыки (достигнутая цель).

Обсуждение

Если первая четверть XXI в. прошла под знаком открытия *эмоционального интеллекта*¹, то в настоящее время цивилизационный вектор направлен на развитие *эстетического интеллекта*² на основе синтеза интеллектуального и эстетико-экспрессивного компонентов знания, что способствует глубинному смысловому пониманию человеком ценностей культуры по модели «эстетика + интеллект», когда эстетическое и интеллектуальное развитие личности дополняют друг друга. При этом эстетический опыт не только обновляет интерпретацию, но одновременно вторгается в когнитивную область как *эстетическое мышление*³. Понимание смысла

¹ Термин «эмоциональный интеллект» (Emotional Intelligence) введён американским писателем, психологом и научным журналистом Дэниелем Гоулманом [26].

² Термин «эстетический интеллект» (Aesthetic Intelligence) введён профессором маркетинга и одним из директоров школы бизнеса в Колумбийском университете в Нью-Йорке Полин Браун [6].

³ Термин «эстетическое мышление» (Aesthetic Thinking) был использован в 2008 г. датским философом Дорте Йоргенсен, акцентировавшей внимание на том, что «эстетическое мышление является творческой практикой» [27].

и генерация новых знаний на основе герменевтического анализа поэтических текстов представляет собой интенсивный процесс креативного мышления и ускоритель сознания, что составляет основу для интеллектуального развития личности. При этом изменяется статус антропологии, основанной на поэтическом опыте. Она приобретает статус поэтической антропологии, в рамках которой развивается уникальный способ познания и развития творческих сил человека: эстетическое мышление, на основе которого развивается его эстетический интеллект.

Поэзия, как и всё искусство, имеет не только эмоционально-экспрессивную, но и логически-познавательную значимость. Поэтому современному человеку, будучи погружённым во фрагментированный технологический мир, следует проявлять большие интеллектуально-нравственные усилия для развития своей личностной эстетической уникальности. Обращение сознания и разума к художественно-эстетическому проявлению языка, а также эффект от интерпретации и герменевтического истолкования смысла поэтического текста являются объективной необходимостью для развития мировосприятия, сознания и интеллекта личности. Именно экспрессивность красоты слова ценна для понимания смысла, как «единство истины, познаваемой в игре искусства» [8. С. 150].

Поэзия превращает звук и слово в образы, что является основой всякого искусства. «Воспринимая произведение поэтического искусства, мы воспринимаем его как целое, как определённое ритмико-стилистическое единство. Лишь благодаря единству ритма, стиля и всех остальных своих компонентов произведение вызывает у читателя единое, цельное впечатление чего-то прекрасного, доставляющего нам наслаждение» [12. С. 119].

Развитие художественного мышления на основе языка поэзии и искусства — это, прежде всего, путь к осознанию смысла: «Художественная интенциональность поэтического слова — манифестирующая, именующая и метафорически оживляющая, энергично зовущая и деятельная. Такова композиционность стиха. И эта отличительная особенность «вызывать образы» делает любое искусство поэтическим произведением, при этом расширяется интеллектуальный капитал на уровне культурного бытия» [14. С. 85].

Онтологические основы поэзии восходят к поэзису. Поэзис (*греч. ποιησις* ‘творчество’) представляет собой надкультурную форму и является

архетипом культурно-духовного бытия и творчества, с помощью которого культурные и творческие события обретают смысл, раскрывающий истину и сокровенность бытия. Уникальность человеческого поэтического опыта, как осмысление красоты, основанное на творческой интуиции познания, и приводит человека к творческой эволюции. Поэзис лежит в основе поэзии и воплощается в поэтическом слове во всей полноте рифмы, ритма и размера [20. С. 68–69].

Поэзия, как и любое эстетическое явление, упраздняет прозу жизни, проявляет себя как защита от хаоса и пустоты и придаёт бытию поэтический характер. «Художнику предоставляется абсолютная свобода творчества, безграничное право выражать в своих произведениях своё собственное «я», ибо этим путём поэт примиряет противоречие между конечным и бесконечным» [11. С. 388].

Согласно физиологу и философу А. А. Ухтомскому, «жизнь есть требование от бытия смысла и красоты» [21. С. 259]. Специфику нашего мышления на основе эстетических принципов рассматривали в свое время Св. Рерих, П. А. Флоренский, С. С. Аверинцев, В. П. Зинченко, М. К. Мамардашвили и др. Эстетика рассматривалась как основа понимания человеком мира и самого себя, когда метафорическая образность и художественная интуиция составляют основу мышления. В этом случае можно говорить о глубинной эстетической антропологии (*deep aesthetic anthropology* — *Прим. авт.*) и о эволюционной антропологии, как особом виде познания и становления личности на антропоцентрической и эстетической духовно-нравственной основе. Поэтому отношение к искусству и поэзии, как внутреннему врождённому благу человека, как к эпифаническому событию творчества, служению красоте и возвышающей человека истине, является актуальной антропологической проблемой.

Духовный смысл и глубина антропологической поэзии, как спасающей и обновляющей, рассматривается как фундаментальная основа становления личности и как особый вид познания на основе художественной интуиции. Немецкий философ М. Хайдеггер усматривал в этом «выход из потаённости в открытость», на котором строится любое произведение: «про-из-ведение» [22. С. 219–220].

Если, согласно В. фон Гумбольдту, язык представляет собой творческий процесс, для М. Хайдеггера он является источником художественного творения, то Х.–Г. Гадамер расширяет положение своих предшественников: «Творение языка —

это изначальнейшее поэтическое творение бытия. Мышление, способное мыслить всё искусство как поэзию, раскрывая языковое бытие всякого художественного творения, само ещё находится на пути к языку» [8. С. 114].

Глубинную эстетическую антропологию можно рассматривать как основу для формирования личности на основе эстетико-культурных ценностей в эпоху цифровых технологий. Поэзия, как красота и гармония ритмически упорядоченного слова, отражающая человеческое бытие на основе эмоционально-смысловых ассоциаций, становится духовной и интеллектуальной основой человеческой личности.

По словам итальянского философа Б. Кроче, формулирующего антропологическую доминанту поэзии, поэзия синонимична человечности, более того, она сама — «квинтэссенция человечности» [13. С. 349–350]. При всем различии языков поэзия, как и философия, несет в себе некий общий стержень понимания, удивления и озабоченности вечными основными антропологическими вопросами: бытие и время, любовь и страдание, вера и сомнение, свобода и принуждение, жизнь и смерть, надежда на бессмертие.

Немецко-американский философ Х. Арндт очень высоко ценила поэзию и творчество поэтов, считая, что преимуществом, которое поэзия сохраняет перед философией, является её способность ближе подбираться к границам невыразимого, более того поэзия, не скованная требованиями рациональности, постоянно поднимает экзистенциальные вопросы [1. С. 16–17, 105–110]. Через поэтические тексты и шедевры мировой поэзии выражаются метафизические смыслы и кристаллизуется истина бытия⁴.

Соотношение эстетического и этического М. М. Бахтин определяет следующим образом: «Эстетически значимая форма есть выражение существенного отношения к миру познания и поступка, однако это отношение не познавательное и не этическое: художник не вмешивается в событие как непосредственный участник его, — он оказался бы тогда познающим и этически поступающим, — он занимает существенную позицию вне события, как созерцатель», понимающий ценностный смысл бытия [3. С. 33].

Антропологическое и метафорическое понимание поэзии находим у немецкого писателя XVIII—XIX вв. Новалиса: «Поэзия есть великое

⁴ О поэтической онтологии см. также в речах лауреатов Нобелевской премии по литературе за 100 лет её существования [18].

искусство устроения трансцендентального здоровья. Поэт, таким образом, трансцендентальный врач» [19. С. 149].

Французский философ Г. Башляр определяет поэзию как некую метафизику во мгновении [4. С. 347]. Для мыслителя, рассуждающего об отражении в поэзии фундаментальной глубины человека и смыслов его бытия [5], поэзия — это «чистый пламень», пожирающий «несовершенство бытия».

Эстетическая рефлексия при интерпретации образа человека представлена О. Э. Мандельштамом: поэзия — это кристаллизация в тексте энергетики самой поэтической материи, а сознание поэта представляет собой особый вид эстетической рефлексии, которая возвышает человека. Наше бытие есть всегда метафорически интерпретированное бытие [16. С. 224].

Современные ключевые вопросы соотношения мышления и поэзии отражены в работах западных философов М. Хайдеггера, Х.-Г. Гадамера, Р. Барта, Ж. Делеза, Ж. Деррида, Э. Кассирера и др., а также в работах отечественных мыслителей Н. А. Бердяева, Вяч. Иванова, А. Ф. Loseва, В. В. Библихина, С. С. Аверинцева, О. А. Седаковой и др. Общий вывод можно сформулировать: поэзия за счёт рифмы, ритма и метра способствует развитию креативного эстетического мышления, на основе которого формируется эстетический интеллект личности.

Рассмотрим некоторые положения о поэзии в контексте антропологического дискурса, когда эстетическое восприятие становится формой сознания и самосознания:

- поэзия расширяет возможности рефлексивного и символического понимания мира в его связности и непрерывности и становится эвристической и метафизической;
- метафорика поэзии является не только механизмом человеческого сознания, она репрезентирует метафизические истины; на основе своей избыточной метафоричности поэзия обогащает интеллектуальный опыт человека;
- поэзия — это не только стихотворная форма, она живет в природе, в обществе, в бытии и в мышлении как *сверхпоэзия*⁵;
- поэзия, как способ образного мышления, позволяет осмыслить время и прорваться к смыслу бытия через красоту слова;
- по своей внутренней сути все искусство есть поэзия, понимаемая как раскрывающая

⁵ Термин философа и литературоведа М. Н. Эпштейна [24].

сила языка, как его первоначальная реальность, т. е. под «поэтическим» свершением истины подразумевается первоначальная сущность языка, а сам язык есть поэзия в своей сути, то есть раскрытие сущего, утверждение истины в творении [23. С. 205–207];

- поэзия развивает в человеке не только понимание ритма, чувства, образа, но и способствует преобразованию духовного мира человека на основе неожиданных ассоциаций;
- поэтическое мышление, как форма экзистенции и познания человека, способствует его интеллектуальной и духовной стойкости, развитию его творческих сил и толерантности, при этом вектор направлен от национальных ассоциаций к универсальным;
- поэзия — это осознанное самовыражение и осуществление человеческой личности, когда человек превращается в нечто большее, чем он есть на самом деле;
- в поэзии человек имеет дело с переживанием, открывающим основы бытия, когда, подчиняясь своей интуиции, расширяет горизонты понимания окружающего мира и культурного наследия;
- антропологическая роль поэзии, как ритмически организованного потока слов, заключается в развитии креативного сознания человека.

Согласно Х.-Г. Гадамеру, языковость (*Sprachlichkeit*) представляет собой способность понимать символическое и символические формы, так как наш опыт является в высшей степени интерпретативным и обладает огромным творческим потенциалом [7].

Поэтические и логические, художественные и научные формы постижения мира не только конкурировали на протяжении веков за адекватность передавать сущностные и смысловые категории, но и параллельно развивались, дополняя друг друга [9. С. 21].

Поэзия, «будучи высшей формой словесности» (И. А. Бродский в Нобелевской лекции 10 декабря 1987 г. [18]), может противостоять трансформирующим сознание человека современным технологиям, порождающим его клиповую идентичность.

Приведём примеры некоторых английских, немецких и французских шедевров художественного поэтического дискурса, анализируемых нами в рамках занятий по иностранному языку. Авторы этих произведений пытаются найти ответы на вечные антропологические вопросы и раскрыть духовность и культурную уникальность человека.

Шедевры английской поэзии и поднимаемые в них антропологические вопросы:

- Р. В. Shelley «Ode to a Skylark» (П. Б. Шелли «Ода к жаворонку»): Жаворонок, как символ свободы, становится невидимым в солнечных лучах и символизирует свободу, любовь, гармонию, радость творчества и духовность.

- W. H. Auden «The More Loving One» (У. Х. Оден «Пусть буду я, любящий больше»): Вечный закон любви как универсальный закон мироздания, где нет места эгоизму, а есть только полная самоотдача.

- W. H. Auden «Musée des beaux arts» (У. Х. Оден «Музей изящных искусств»): Проблема человеческой совести, страдания и нравственного выбора.

Шедевры немецкой поэзии и поднимаемые в них антропологические вопросы:

- R. M. Rilke «Bangnis» (Р. М. Рильке «Страх»): Философия времени. Роковая минута, где возможны ответы на самые важные вопросы бытия.

- R. M. Rilke «Wir sind nur Mund» (Р. М. Рильке «Мы только рот»): Онтология речи: когда говорит только рот, нет смысла. Когда говорит сердце, только тогда есть смысл, творчество и духовность.

- F. Schiller. Ode «An die Freude» (Ф. Шиллер. Ода «К радости»): Свобода народов как основа счастья.

Шедевры французской поэзии и поднимаемые в них антропологические вопросы:

- Ch. Baudelaire «Les Correspondances» (Ш. Бодлер «Соответствия»): Онтологическое понимание символа. Мир — взаимосвязанный организм, все элементы которого связаны на глубоком духовном уровне.

- G. Apollinaire «Calligrammes» (Г. Аполлинер «Каллиграммы»): Трансформация личности человека в контексте стремительных социальных и технологических перемен начала XX в.

- Р. Éluard «La rose publique» (П. Элюар «Роза для всех»): Внутренняя свобода, независимость, отрицание страха, поиск собственного пути.

Проведём кратко герменевтический, эстетический и культурологический анализ «Оды к жаворонку», написанной П. Б. Шелли в 1820 г.

Герменевтический анализ. Жаворонок — многогранный символ чистой, неземной радости (песня птицы — воплощение ничем не омрачённой радости), поэтического вдохновения (жаворонок — это «поэт, скрытый в свете мыслей», идеал творчества), духовного стремления (полёт жаворонка из низменного мира к солнцу — это метафора души, стремящейся к возвышенному, божественному, истинному знанию. Жаворо-

нок — точка соприкосновения земного и небесного, материального и духовного).

Антитеза «Жаворонок — Человек» подчёркивает трагический разрыв между идеалом и человеческой реальностью. Песня жаворонка свободна от печали, не знает ни боли, ни досады. Творчество поэта рождается из боли и памяти о прошлом. Даже самые прекрасные человеческие переживания (любовь, ожидание) не свободны от тени грусти.

Эстетический анализ (художественные средства и форма). Рифмовка ababb создает ощущение непрерывного, волнообразного потока, имитирующего песню жаворонка. Короткие, летящие строки передают легкость и стремительность полёта птицы. Ритм стиха сам по себе становится «звукоподражанием» невидимому полёту.

Шелли смешивает аудиальные и визуальные метафоры: песня — это «ливень искрометный», «звезды ясные». Это создаёт синестетическое восприятие, где поэзия приближается к музыке, а музыка — к чистому свету, что является высшей формой эстетического переживания.

Культурологический анализ. «Ода к жаворонку» написана в эпоху романтизма. Жаворонок — это воплощение природного гения, который превосходит человеческий разум в своей спонтанной творческой силе. Шелли воспекает не просто красивое, а возвышенное — опыт, который одновременно восхищает и вызывает благоговейный трепет перед непостижимым. Поэт — это пророк. Он, как и жаворонок, является медиатором между миром людей и миром высших истин. Его задача — вслушаться в эту «незримую» песню и донести её до человечества.

Антропологические вопросы, поднимаемые в оде:

- В чем источник подлинной радости? Шелли отделяет мимолетные человеческие удовольствия от чистой, абсолютной радости, символом которой является птица.

- Каковы пределы человеческого познания? Неспособность «увидеть» источник песни — это метафора фундаментальной ограниченности человека перед лицом вечных тайн бытия.

- Что есть Искусство? Является ли оно, как песня жаворонка, самодостаточным и бесцельным излиянием красоты, или же, как человеческая поэзия, оно всегда связано с болью и несовершенством?

Как стихотворение работает на развитие эстетического интеллекта?

- Стихотворение требует интерпретационных усилий, проникновения за пределы буквального

смысла и понимания сложной системы символов (на этапе интерпретации эстетический интеллект *подвижный*).

– Стихотворение тренирует понимание образности, учит оценивать ритм (эстетическое восприятие).

– Ода вступает в философский диалог со сторонниками трансцендентального идеализма, исследуя отношения между воспринимающим сознанием и абсолютной реальностью (культурологическая рефлексия). Интеллект читателя, способного соотнести личный эстетический опыт с широким историко-философским контекстом, характеризуется как *кристаллизовавшийся*.

На основе глубинного синтеза антропологии и поэзии можно выделить корреляцию: *антропологическая поэзия — поэтическая антропология*. *Антропологическая поэзия* реализует цивилизационную миссию поддержания культуры, на основе которой развивается интуитивное мышление, востребованное в эпоху информационных технологий (цивилизационный аспект). *Поэтическая антропология* — это проявление личности человека на уровне поэтической гармонизации и интуиции в художественно-эстетическом контексте творческого эпифанического события (творческий поэтический аспект).

Эта корреляция актуализирует антрополого-поэтическую и поэтико-антропологическую комплексную проблематику в связи с доминирующей тенденцией: чем больше информационных технологий, тем существеннее роль этико-антропологических и эстетико-антропологических основ общества и образования. В информационных потоках цифровой реальности утрачивается духовность личности и развивается клиповое мышление. Поэтому в культуре и образовании должны включаться компенсаторные антропоцентрические механизмы возрождения на основе мирового культурного и поэтического наследия.

Новым формам антропологических нагрузок личности, совершающей «стремительный прыжок в цифровую реальность» [2. С. 41], могут противостоять эстетические ценности. Именно на основе поэзии развивается интуиция, без которой не обойтись в эпоху высоких технологий. Творческие способности человека на основе интуиции и мышления дают возможность «реанимировать» значение смыслов и состояний в контексте культуры, обеспечить преобладание нематериальных ценностей» [2. С. 44].

С возрастом опасность технологического мышления затрудняется проявление в личности

интуиции и интеллекта, поэтому требуется инкультурация личности на основе антропологического поэтического дискурса. Отношение к искусству и поэзии можно рассматривать как актуальную антропологическую проблему, а поэзия, спасающая и обновляющая, приобретает статус антропологической поэзии как источник вдохновения для новых «эпифаний красоты» и поиска таинственной глубины творчества.

Поэзия в совокупности *corpus poetarum* — это основа для рождения нового сознательного антропологического опыта, способствующего интенсивности энергии мыслительной деятельности. Согласно М. Прусту, произведение искусства и поэзии есть то, что даёт спектр строения миров: писатель и поэт соединил разрозненные вещи [15. С. 455]. Произведения искусства и поэзии — это пространство понимания. Поэтическая материя есть уплотненная и сгущенная материя, пространство сильных форм, она рождает бесконечное множество интерпретаций, которые являются непредсказуемыми и заранее не выводимы.

Антропологами был разработан «Манифест антропологии будущего», поддерживающий человекоориентированные культурные практики и трансдисциплинарные исследования для изучения пребывающего в изменениях человека⁶. Востребованы новые концептуальные решения на уровнях антропологии современности, антропологии глобализации для разработки инструментария для постижения изменений современного человека и способного вывести его из привычного состояния (*status quo*). При таких условиях поэтический дискурс, как антропологический дискурс, будет способствовать панорамному видению человеком перспектив будущего эпохи *Ni-Tech*.

Заключение

Современные технологические структуры доминируют в информационном мире, поэтому очень актуальными становятся цивилизационные механизмы не только познания, но и внутреннего переживания культурных смыслов и смыслов бытия. В смысловом пространстве культуры первостепенно важным становится художественно-символическое сознание на основе универсальной культурно-антропологической практики.

Для поэтических текстов характерна эпифания, состояние полноты жизни и счастья, когда происходит внезапное озарение и расширение человеческой души на основе глубинных и символических

⁶ Об антропологических манифестах см., в частности, в источниках [10; 17. С. 101].

смыслов. По выражению А. Данте, это точка, «где сошлись стяженья всей земли». Поэтому поэзия помогает человеку XXI в. обрести подлинные смыслы жизни.

Антропологическая поэзия, как выражение невыразимого и источник вдохновения, обращается к человеку на основе поэтической глубины и тайны и представляет собой глубинный фундамент его творческого становления.

Конструктивность поэтического дискурса нуждается в методологическом осмыслении в современном образовании, где обучение восприятию произведений искусства и поэзии, а также привитие эстетического вкуса являются условием для разностороннего развития и творчества личности. Современные образовательные программы должны стимулировать у обучающихся получение профессиональных знаний, но дополнительные программы позволят будущему специалисту глубинное понимание современного искусства и поэзии, а также наследия мировой культуры. Следует отметить, что уже сегодня в ведущих вузах России, прежде всего в Московском государственном университете и Высшей школе экономики, реализуются около 800 онлайн-курсов по современной эстетике и теории искусств. Кур-

сы и спецкурсы по современной антропологической поэзии должны, на наш взгляд, занять в этой системе свое достойное место.

Миссия современной антропологической поэзии, как поэзии изумления и глубочайшей рефлексивной активности, состоит в определении глубоких смыслов бытия. Поэтому антропологический поэтический дискурс, как насыщенная интеллектуальными смыслами среда, представляет собой основу для развития эстетического мышления и эстетического интеллекта личности.

В «Манифесте антропологии будущего» XXI в., где представлены новые концептуальные решения для развития современного человека эпохи Hi-Tech, поэтический дискурс, как антропологический дискурс, может быть определен как фундаментальная основа интеллектуального становления и самопознания личности.

Перспективы дальнейшего исследования следует ожидать на уровне символичности поэтического текста, как его художественно-эстетической глубинной сущности. Особенно востребованным нам представляется направление — развитие эстетического интеллекта на основе символичности поэтического текста.

Список источников

1. Арендт Х. Жизнь ума / Пер. с англ. А. В. Говорунова. СПб. : Наука, 2013. 517 с.
2. Аршинов В. И., Буданов В. Г. Сетевые информационные революции и большой антропологический переход: эволюционный аспект // Сложность. Разум. Постнеклассика. 2020. № 4. С. 40–51.
3. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М. : Художественная литература, 1975. 504 с.
4. Башляр Г. Мгновение поэтическое и мгновение метафизическое / Пер. с фр. // Новый рационализм. М. : Прогресс, 1987. С. 347–353.
5. Башляр Г. Грезы о воздухе: Опыт о воображении движения / Пер. с фр. Б. М. Скуратова. М. : Издательство гуманитарной литературы, 1999. 344 с.
6. Браун П. Эстетический интеллект. Как его развивать и использовать в бизнесе и жизни / Пер. с англ. Н. Брагиной. М. : МИФ, 2024. 320 с.
7. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики / Пер. с нем. Б. Н. Бессонова. М. : Прогресс, 1988. 637 с.
8. Гадамер Х.-Г. Актуальность прекрасного / Пер. с нем. А. В. Михайлова. М. : Искусство, 1991. 367 с.
9. Галушко Т. Г. К вопросу о поэтическом слове: творящем и творимом // Проблемы современной филологии и лингводидактики. Сб. научных трудов. Вып. 9. СПб.: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2018. С. 13–26.
10. Гиренок Ф. И. Философский манифест московской антропологической школы // Человек.RU. 2019. № 14. С. 220–229.
11. Жеребина Е. А. К истории герменевтики (романтическая школа) // Studia Linguistica (Санкт-Петербург). 1999. № VIII. С. 387–392.
12. Жеребина Е. А. Филологическая герменевтика и традиции немецкой романтической школы в языкознании: дис. ... канд. филол. наук. СПб.: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2001. 180 с.
13. Кроче Б. Антология сочинений по философии. История. Экономика. Право. Этика. Поэзия / Пер. с ит. С. А. Мальцевой. СПб. : Пневма, 1999. 480 с.

14. Ланкин В. Г. Смысловая структура и смысловое содержание как исток языка искусства // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2003. № 4. С. 82–103.
15. Мамардашвили М. К. Беседы о мышлении. СПб. : Азбука, 2019. 576 с.
16. Мандельштам О. Э. Разговор о Данте // Сочинения: в 2 т. Т. 2: Проза / Сост. и подгот. текста С. Аверинцева и П. Нерлера. М. : Художественная литература. 1990. С. 214–254.
17. Невелева В. С. Живой человек как ценность и проблема в современной русской философии // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 7 (489). С. 99–106.
18. Нобелевская премия по литературе: лауреаты 1901–2001 / Авт.-сост. Е. Б. Белодубровский. СПб. : Санкт-Петербургский государственный университет, 2003. 420 с.
19. Новалис. Гейнрих фон Офтердинген. Фрагменты. Ученики в Саисе / Пер. с нем. СПб. : Евразия, 1995. 240 с.
20. Сурина Т. В. Поэзис как архетип культуры // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 316. С. 67–70.
21. Ухтомский А. А. Письма // Новый мир. 1973. № 1. С. 252–267.
22. Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В. В. Библихина. М. : Ad Marginem, 1997. 452 с.
23. Хайдеггер М. Исток художественного творения / Пер. с нем. А. В. Михайлова. М. : Академический проект, 2008. 528 с.
24. Эпштейн М. Н. Поэзия и сверхпоэзия: О многообразии творческих миров. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 480 с.
25. Cattell R. B. Abilities: Their Structure, Growth, and Action. Boston : Houghton Mifflin, 1971. 610 p.
26. Goleman D. Emotional Intelligence: Why It Can Matter More Than IQ. New York : Bantam Books, 1995. XIV, 352 p.
27. Jørgensen D. Aesthetic thinking as a common humanist concern. The Symposium “The Humanities in a New Era: Surviving or Setting the Agenda?”. The University of Copenhagen, April 23rd, 2008. URL: https://pure.au.dk/ws/files/86851398/Dorthe_Joergensen_Aesthetic_Thinking_as_a_Common_Humanist_Concern.pdf (дата обращения: 10.05.2025).

References

1. Arendt H. Zhizn' uma = The Life of the Mind]. Transl. AV Govorunov. Saint Petersburg, Nauka, 2013, 517 p. (In Russ.).
2. Arshinov VI, Budanov VG. Setevye informacionnye revolyucii i bol'shoj antropologicheskij perehod: evolyucionnyj aspekt = The network information revolutions and the great anthropological transition: an evolutionary aspect]. *Slozhnost'. Razum. Postneklassika*. 2020;4:40-51. (In Russ.).
3. Bahtin MM. Voprosy literatury i estetiki = Questions of literature and aesthetics. Moscow, Hudozhestvennaya literatura, 1975, 504 p. (In Russ.).
4. Bachelard G. Mgnovenie poeticheskoe i mgnovenie metafizicheskoe = Instant poétique et instant métaphysique. Transl. Novyj ratsionalizm. Moscow, Progress, 1987, pp. 347–353. (In Russ.).
5. Bachelard G. Grezy o vozduhe. Opyt o voobrazhenii dvizheniya = L'air et les songes : Essai sur l'imagination du mouvement. Transl. BM Skuratov. Moscow, Izdatel'stvo gumanitarnoj literatury, 1999. 344 p. (In Russ.).
6. Brawn P. Esteticheskij intellekt. Kak ego razvivat' i ispol'zovat' v biznese i zhizni = Aesthetic Intelligence. How to Boost It and Use It in Business and Beyond. Transl. N Bragina. Moscow, MIF, 2024, 320 p. (In Russ.).
7. Gadamer H-G. Istina i metod. Osnovy filosofskoy germenevtiki = Truth and method. Grundzüge einer philosophischen Hermeneutik. Transl. BN Bessonov. Moscow, Progress, 1988, 637 p. (In Russ.).
8. Gadamer H-G. Aktual'nost' prekrasnogo = Die Aktualität des Schönen. Transl. AV Mihaylov. Moscow, Iskustvo, 1991, 367 p. (In Russ.).
9. Galushko TG. K voprosu o poeticheskom slove: tvoryashchem i tvorimom = On the issue of poetic word: the creative and the created]. Problemy sovremennoy filologii i lingvodidaktiki. Sb. nauchnyh trudov. Vyp. 9. Saint Petersburg, Rossiyskiy gosudarstvennyy pedagogicheskii universitet im. AI Gertsena, 2018, pp. 13–26. (In Russ.).
10. Girenok FI. Filosofskiy manifest moskovskoy antropologicheskoy shkoly = Philosophical Manifesto of the Moscow Anthropological School. *Chelovek.RU*. 2019;14:220-229. (In Russ.).
11. Zherebina EA. K istorii germenevtiki (romanticheskaya shkola) = On the history of hermeneutics (romantic school). *Studia Linguistica* (Sankt-Peterburg). 1999;VIII:387-392. (In Russ.).
12. Zherebina EA. Filologicheskaya germenevtika i traditsii nemetskoj romanticheskoy shkoly v yazykoznanii = Philological Hermeneutics and the traditions of the german romantic school in linguistics. PhD dissertation (Philology). Saint Petersburg, Herzen State Pedagogical University of Russia, 2001. 180 p. (In Russ.).

13. Croce B. Antologiya sochineniy po filosofii. Istoriya. Ekonomika. Pravo. Etika. Poeziya = Filosofia - Poesia - Storia. Pagine tratte da tutte opere. Transl. S. A. Mal'tseva. Saint Petersburg, Pnevma, 1999, 480 p. (In Russ.).
14. Lankin VG. Smyslovaya struktura i smyslovoe sodержanie kak istok yazyka iskusstva = Semantic structure and semantic content as the source of the language of art. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filologiya*. 2003;4:82-103. (In Russ.).
15. Mamardashvili MK. Besedy o myshlenii = Conversations about Thinking. Saint Petersburg, Azbuka, 2019, 576 p. (In Russ.).
16. Mandel'shtam OE. Razgovor o Dante = Talk about Dante. Sochineniya: v 2 t. T. 2: Proza / Sost. i podgot. teksta S Averintseva i P Nerlera. Moscow, Hudozhestvennaya literatura, 1990, pp. 214–254. (In Russ.).
17. Neveleva VS. Zhivoy chelovek kak tsennost' i problema v sovremennoy russkoy filosofii = Living person as a value and problem in modern Russian philosophy. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;7(489):99-106. (In Russ.).
18. Nobelevskaya premiya po literature: laureaty 1901–2001 = Nobel Prize in Literature: Laureates 1901–2001. / Avt.–sost. EB Belodubrovskiy. Saint Petersburg, Sankt–Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet, 2003, 420 p. (In Russ.).
19. Novalis. Geynrih fon Ofterdingen. Fragmenty. Ucheniki v Saise = Heinrich von Ofterdingen. Fragmente. Die Lehrlinge zu Sais. Transl. Saint Petersburg, Evraziya, 1995, 240 p. (In Russ.).
20. Surina TV. Poezis kak arhetip kul'tury = Poiesis as an archetype of culture. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2008;316:67-70. (In Russ.).
21. Uhtomskiy AA. Pis'ma = Letters. *Novyy mir*. 1973;1:252-267. (In Russ.).
22. Heidegger M. Bytie i vremya = Sein und Zeit. Transl. VV Bibihin. Moscow, Ad Marginem, 1997, 452 p. (In Russ.).
23. Heidegger M. Istok hudozhestvennogo tvoreniya = Der Ursprung des Kunstwerkes. Transl. AV Mihaylov. Moscow, Akademicheskii proekt, 2008, 528 p. (In Russ.).
24. Epshteyn MN. Poeziya i sverhpoeziya: O mnogoobrazii tvorcheskikh mirov = Poetry and Super-Poetry: On the Diversity of Creative Worlds. Saint Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus, 2016, 480 p. (In Russ.).
25. Cattell RB. Abilities: Their Structure, Growth, and Action. Boston: Houghton Mifflin, 1971. 610 p.
26. Goleman D. Emotional Intelligence: Why It Can Matter More Than IQ. New York: Bantam Books, 1995. XIV, 352 p.
27. Jørgensen D. Aesthetic thinking as a common humanist concern. The Symposium “The Humanities in a New Era: Surviving or Setting the Agenda?”. The University of Copenhagen, April 23rd, 2008. Available from: https://pure.au.dk/ws/files/86851398/Dorthe_Joergensen_Aesthetic_Thinking_as_a_Common_Humanist_Concern.pdf (accessed: 10.05.2025).

Информация об авторах

Т. Г. Галушко — доктор филологических наук, профессор кафедры немецкого и романских языков для профессиональной коммуникации.

Н. Ю. Зайцева — доктор филологических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, заведующая кафедрой немецкого и романских языков для профессиональной коммуникации.

Information about the authors

T. G. Galushko — Doctor of Sci. (Philology), Professor of the Department of German and Romance Languages for Professional Communication.

N. Yu. Zaytseva — Doctor of Sci. (Philology), Professor, Honoured Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Head of the Department of German and Romance Languages for Professional Communication.

Статья поступила в редакцию 06.06.2025; одобрена после рецензирования 27.06.2025; принята к публикации 17.09.2025.

The article was submitted 06.06.2025; approved after reviewing 27.06.2025; accepted for publication 17.09.2025.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81.42

DOI: 10.47475/1994-2796-2025-503-9-117-125

ЗАГОЛОВОК КАК ОТРАЖЕНИЕ ЭПИСТЕМИЧЕСКОЙ ПОЗИЦИИ АВТОРА: СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАУЧНЫХ РАБОТ М. В. ПАНОВА и В. В. ВИНОГРАДОВА

Елена Иосифовна Голованова¹, Дарья Владимировна Дубровская²

^{1,2} Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

¹ terminolog2011@rambler.ru, ORCID: 0000-0002-8777-4484

² dybrovskayadv@gmail.com ORCID: 0009-0001-8391-1859

Аннотация. Статья посвящена анализу заголовков научных работ двух выдающихся отечественных лингвистов с точки зрения отражения в них эпистемических позиций авторов. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения профессиональной языковой личности учёного через её текстовые презентации, в частности, через заголовок как сильную позицию текста, концентрированно отражающую онтологические, методологические и аксиологические аспекты научного познания. Материалом для анализа послужил корпус из 385 заголовков к 240 работам В. В. Виноградова и 145 работ М. В. Панова. Методология исследования включает сплошную выборку на этапе сбора материала, его количественный анализ, сравнительно-сопоставительный метод и интерпретационный анализ данных в рамках модели эпистемической ситуации М. П. Котуровой (триединство онтологического, методологического и аксиологического аспектов). В результате проведённого анализа выявлены системные различия в стратегиях наименования, объективирующие эпистемические установки учёных. Утверждается, что для заголовков работ В. В. Виноградова характерны номинативность, широкий историко-культурный контекст, акцент на онтологический аспект и следование академическому канону. Заголовки работ М. В. Панова демонстрируют большую вариативность, включая реализацию коммуникативных стратегий, указывают на методологический аспект, синхронный анализ языка и прагматическую направленность. Делается вывод, что выявленные различия не только отражают несовпадение идиостилевых черт двух профессиональных языковых личностей, но и в определённой мере иллюстрируют переход отечественного языкознания от диахронного описания языковых фактов к структурно-функциональному их осмыслению. Выводы подтверждают гипотезу о том, что заголовки научных текстов, отражая особенности эпистемической позиции авторов, позволяют выявлять значимые характеристики профессиональной языковой личности учёного.

Ключевые слова: эпистемическая позиция, заголовок научной работы, В. В. Виноградов, М. В. Панов, стилистика, профессиональная языковая личность

Для цитирования: Голованова Е. И., Дубровская Д. В. Заголовок как отражение эпистемической позиции автора: стилистические особенности научных работ М. В. Панова и В. В. Виноградова // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 9 (503). С. 117–125. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-503-9-117-125.

Original article

ACADEMIC TITLES AS MIRRORS OF EPISTEMIC STANCE: A STYLISTIC ANALYSIS OF WORKS BY M. V. PANOV AND V. V. VINOGRADOV

Elena I. Golovanova¹, Daria V. Dubrovskaya²

^{1,2} Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia,

¹ terminolog2011@rambler.ru, ORCID: 0000-0002-8777-4484

² dybrovskayadv@gmail.com, ORCID: 0009-0001-8391-1859

Abstract. The article analyzes the titles of academic works by two prominent Russian linguists from the perspective of how they reflect the authors' epistemic positions. The relevance of the study is determined by the need to investi-

gate a scholar's professional linguistic identity through its textual representations, particularly through the title as a strong textual position that concentrately reflects the ontological, methodological, and axiological aspects of scientific cognition. The analysis is based on a corpus of 385 titles from 240 works by V. V. Vinogradov and 145 works by M. V. Panov. The research methodology includes continuous sampling at the data collection stage, quantitative analysis, comparative analysis, and interpretive data analysis within the framework of M. P. Kotyurova's model of an epistemic situation (the triad of ontological, methodological, and axiological aspects). The analysis revealed systemic differences in naming strategies that objectify the scholars' epistemic attitudes. It is argued that the titles of V. V. Vinogradov's works are characterized by a nominal structure, a broad historical and cultural context, an emphasis on the ontological aspect, and adherence to the academic canon. The titles of M. V. Panov's works demonstrate greater variability, including the use of communicative strategies, indicate a focus on the methodological aspect, involve synchronic language analysis, and show a pragmatic orientation. The conclusion is drawn that the identified differences not only reflect the divergent idiosyncratic features of the two professional linguistic personalities but also, to a certain extent, illustrate the transition in Russian linguistics from the diachronic description of linguistic facts to their structural-functional interpretation. The findings confirm the hypothesis that the titles of academic texts, by reflecting the specifics of the authors' epistemic positions, make it possible to identify significant characteristics of a scholar's professional linguistic identity.

Keywords: epistemic position, academic title, V. V. Vinogradov, M. V. Panov, stylistics, professional linguistic identity

For citation: Golovanova EI, Dubrovskaya DV. Academic Titles as Mirrors of Epistemic Stance: A Stylistic Analysis of Works by M. V. Panov and V. V. Vinogradov. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(9(503)):117-125. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-503-9-117-125.

Введение

Заголовок научной работы, занимая сильную позицию в структуре текста [15. С. 52], выполняет многоаспектную функцию: он не только номинирует содержание исследования, но и выступает первым актом коммуникации с читателем, формируя его ожидания и задавая вектор интерпретации. Будучи минимальной единицей речевой деятельности автора [13. С. 10], заголовки концентрированно отражают его эпистемическую позицию — совокупность представлений о предмете знания (онтологический аспект), способах его получения (методологический аспект) и ценности полученных результатов (аксиологический аспект) в рамках эпистемической ситуации как базовой смысловой единицы научного текста [10. С. 18]. Исследование заголовков через призму эпистемической позиции позволяет глубже понять научные подходы и идиостиль исследователя, являясь важной составляющей изучения профессиональной языковой личности учёного [5. С. 193].

Несмотря на внимание лингвистов к функциям и структуре заголовка (О. Н. Исаева, И. Б. Кривченко [8, 9], О. Ю. Богданова [3], М. А. Екимов [7], Ю. Е. Рожкова [12], Э. М. Рянская [13]), анализ заголовков как отражения эпистемической позиции конкретных учёных, особенно в сопоставительном аспекте, представлен недостаточно.

В. В. Виноградов и М. В. Панов — выдающиеся представители отечественного языкознания XX в., чьи научные труды оказали существенное

влияние на развитие лингвистики. Изучение эпистемических позиций этих учёных через заголовки их работ вносит вклад в историю науки и понимание эволюции научных школ. Этим обусловлена актуальность предлагаемого исследования.

Сопоставление эпистемических позиций В. В. Виноградова и М. В. Панова представляется обоснованным в силу ряда особенностей, присущих наследию этих учёных. Во-первых, деятельность языковедов была связана с Московским государственным университетом имени М. В. Ломоносова, что определяет их принадлежность к общей научной традиции и академическому контексту. Во-вторых, сопоставим масштаб их научного наследия: оно характеризуется основательностью, широтой охвата и многогранностью, сочетанием теоретических и прикладных аспектов. В-третьих, ключевые исследовательские области учёных пересекаются: оба они внесли значительный вклад в изучение русского языка в его историческом развитии и современном состоянии, занимались вопросами стилистики и теории литературного языка. Это дает возможность сравнивать их вклад с онтологических позиций. Наконец, отметим антропоцентрическую направленность исследований лингвистов: и М. В. Панова, и В. В. Виноградова интересовали проблемы индивидуального стиля авторов и механизмы функционирования языка в речи. Таким образом, отмеченные общие характеристики дают основание для сравнительного исследования, тогда как выявляемые различия в эпистемических позициях,

репрезентированных в заголовках, позволяют говорить об индивидуальных стратегиях научного познания и коммуникации в русле единой лингвистической парадигмы.

В рамках данного исследования выдвинута гипотеза о том, что заголовки научных работ М. В. Панова и В. В. Виноградова отражают различия их эпистемических позиций, что проявляется в онтологическом, методологическом и аксиологическом аспектах. Различия объективируются в стилистике заголовков текстов и коррелируют с особенностями профессиональной языковой личности авторов.

Для проверки этой гипотезы в статье осуществлено систематическое сравнение эпистемических позиций, объективированных в заголовках трудов В. В. Виноградова и М. В. Панова. Для анализа корпуса заголовков (385 единиц) текстов указанных учёных последовательно применена модель М. П. Котюровой, выявляющая онтологический, методологический и аксиологический компоненты эпистемической ситуации.

Цель исследования — прояснить и сопоставить эпистемические позиции В. В. Виноградова и М. В. Панова, репрезентированные в стилистических особенностях заголовков их научных работ.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужили 240 заголовков научных трудов В. В. Виноградова (монографии, статьи, коллективные работы, рецензии)¹ и 145 заголовков работ М. В. Панова (монографии, статьи, учебники и учебные пособия)², что составляет репрезентативную выборку для выявления устойчивых тенденций.

Методы исследования включают сплошную выборку и количественный анализ заголовков, выявление ключевых слов и маркеров, репрезентирующих онтологический, методологический и аксиологический аспекты эпистемической ситуации, сравнительно-сопоставительный метод для выявления сходств и различий в стратегиях создания заголовков текстов двух учёных, а также интерпретационный анализ полученных данных в рамках теории эпистемической ситуации и теории профессиональной языковой личности.

¹ Список трудов В. В. Виноградова // Академику Виктору Владимировичу Виноградову к его шестидесятилетию : сборник статей / АН СССР. М. : Изд-во АН СССР, 1956. С. 299–309.

² Список трудов М. В. Панова // Жизнь языка : сборник статей к 80-летию М. В. Панова / сост. Л. А. Капанадзе ; отв. ред. С. М. Кузьмина. М. : Языки славянской культуры, 2001. С. 535–543.

Заголовок научной работы не только отражает суть исследования, но и является начальной точкой взаимодействия автора с читателем, формируя первое впечатление о тексте и задавая направление его интерпретации. З. Я. Тураева в работе «Лингвистика текста» отмечает, что заголовок занимает сильную позицию в тексте, привлекает внимание читателя и побуждает его прочитать текст [15. С. 53]. Представляя в свернутом виде содержание текста, заголовок помогает читателю лучше ориентироваться в информационно насыщенном пространстве научных материалов.

Роли и функциям заголовка посвящены исследования ряда лингвистов: А. Н. Агаповой [1], О. Ю. Богдановой [3], Т. В. Борисенко [4], Ю. Е. Рожковой [12], С. А. Суворовой [14], Т. А. Филоненко [16] и др. Авторы рассматривают заголовки научных и публицистических текстов, обсуждают особенности их типологизации, анализируют прагматические аспекты, соотношение с текстом и реализацию концептов в заглавиях. Э. М. Рянская указывает, что заголовки научных текстов входят в сферу интересов современных исследователей и изучаются с точки зрения лингвистического статуса, особенностей функционирования, экспрессивности, структурных типов, связи заголовка с содержанием и т. д. [13. С. 10].

Заглавия научных работ дают представление о научном содержании концептосферы автора, объективируют его познавательные интересы, что является важной характеристикой профессиональной языковой личности учёного. Профессиональные знания, получающие реализацию в используемых терминах и других специальных единицах, выступают одним из компонентов структуры профессиональной языковой личности [5. С. 204; 6. С. 16].

Будучи минимальной единицей речевой деятельности, заголовок представляет собой целенаправленное действие автора [13. С. 5]. Проанализируем заголовки научных работ В. В. Виноградова и М. В. Панова с точки зрения эпистемической ситуации. По определению М. П. Котюровой, эпистемическая ситуация является важнейшей смысловой единицей научного текста. Под ней понимается «квант мысли как единство трёх аспектов: онтологического, методологического и аксиологического» [10. С. 18]. М. П. Котюрова указывает, что данные компоненты эпистемической ситуации, как правило, концентрируются в определённых фрагментах текста: в заголовке, аннотации, выводах и заключении [10. С. 19].

Результаты исследования и их обсуждение

Для В. В. Виноградова наиболее продуктивным способом создания заголовка является номинативный, то есть прямое указание на тему или объект исследования. Нами выявлено 168 подобных заголовков, что составляет 70 % от общего числа исследуемых единиц. Большая часть работ учёного имеет тематически обусловленное название, часто с уточнением хронологических рамок (например, «Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв.»). Номинативные заглавия научных работ подчеркивают системность мышления автора, присущую ему скрупулезность и ориентацию на академический стиль. Основной подход в этих работах можно обозначить как системное описание фактов языка с опорой на диахронический анализ. Учёный ориентируется на фундаментальные категории (грамматика, лексика, фонетика), что отражает его стремление к построению целостной теории языка.

Помимо номинативного, автор прибегает к проблемно-постановочному способу номинации, например: «Проблема исторического взаимодействия литературного языка и языка художественной литературы», «Проблема авторства и теория стилей», «Задачи истории русского литературного языка». Этот тип номинации представлен в 28 заголовках текстов (11 % от общего количества). В указанных работах В. В. Виноградов выявляет нерешённые вопросы филологии и стремится чётко обозначить перспективные направления лингвистических исследований. К оставшимся 19 % заголовков относятся названия рецензий и редакторских проектов (они рассматриваются нами как нейтральные), а также небольшое количество заголовков дискуссионно-полемиического характера: «Критика антимарксистских концепций стадильности в развитии языка и мышления», «Идеалистические основы синтаксической системы проф. А. М. Пешковского». При этом значительная часть работ В. В. Виноградова имеет персонализированную номинацию, что соответствует одному из основных направлений его научной деятельности — изучению языка и стиля писателей. В целом, для заглавий работ В. В. Виноградова свойственны консерватизм и строгое следование требованиям научного стиля, системность, проблемная постановка вопросов, антропоцентризм.

Перейдем к анализу заголовков с точки зрения эпистемической ситуации. Онтологический аспект касается того, что изучается: какие объекты и явления анализирует автор, что является

предметом его мысли. Анализ заголовков научных работ В. В. Виноградова показал, что в его исследованиях представлены следующие ключевые области научного поиска:

1. История русского языка (58 работ): «Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв.», «Основные этапы истории русского языка», «Исследования в области фонетики севернорусского наречия», «Пушкин и русский литературный язык XIX века», «Вопросы образования русского национального литературного языка» и др.

2. Современный русский язык (35 работ): «Современный русский язык. Грамматическое учение о слове». «О грамматической омонимии в современном русском языке», «Понятие синтагмы в синтаксисе русского языка», «Об основных типах фразеологических единиц в русском языке» и др.

3. Стилистика и язык художественной литературы (32 работы): «Стиль Пушкина», «Язык Гоголя», «Стиль прозы Лермонтова», «Язык и стиль басен Крылова», «Стиль петербургской поэмы Ф. М. Достоевского “Двойник”» и др.

4. Общее языкознание (18 работ): «Развитие общего языкознания в Московском университете», «Понятие внутренних законов развития языка в общей системе марксистского языкознания», «О задачах советского языкознания в области исторического и сравнительно-исторического изучения языков» и др.

Таким образом, с онтологических позиций ключевыми темами в работах В. В. Виноградова являются история русского языка, стилистика, современный русский язык и общее языкознание. Учёный сочетает глубокий анализ исторических фактов и явлений с актуальными вопросами современной лингвистики.

Методологический аспект связан с тем, как получено знание. На методологический аспект указывают такие слова-маркеры, как «идеи», «гипотеза», «динамика», «сравнение», «методология» и др. [10. С. 19]. В заголовках работ В. В. Виноградова такие маркеры встречаются не часто — менее чем в 25 % работ. Наиболее частотными оказались заглавия, включающие слова «история», «исторический» или «развитие» — 32 заголовка: «Очерки по **истории** русского литературного языка», «**Развитие** науки о русском языке в Московском университете». Это подтверждает интерес учёного к диахроническим аспектам изучения языка, а также указывает на использование описательного метода. Далее следуют заголовки со словами «вопросы», «проблема»: «Основные

вопросы изучения современных славянских литературных языков», «**Вопросы** синтаксиса русского языка в трудах М. В. Ломоносова по грамматике и риторике», «**Проблема** исторического взаимодействия литературного языка и языка художественной литературы». Ещё одна группа заголовков указывает на интерес автора к типологизации и классификации языковых явлений: «Об **основных типах** фразеологических единиц в русском языке», «К вопросу об **упорядочении** современного русского правописания», «**Из наблюдений** над языком и стилем И. И. Дмитриева». Таким образом, В. В. Виноградов актуализирует в заголовках использование метода исторического описания, текстологического анализа, теоретического моделирования и критического анализа.

Аксиологический аспект указывает на ценность знания, его актуальность, значимость, достоверность. Работы В. В. Виноградова, бесспорно, имеют высокую значимость для лингвистики, являясь фундаментальными исследованиями.

Анализ заглавий трудов В. В. Виноградова позволяет в качестве характерных особенностей авторского стиля отметить ориентацию на достоверность, опору на источники (рукописи, архивные материалы) и строгий лингвистический анализ (например: «Методы изучения **рукописей** как материала для построения исторической фонетики русского языка в исследованиях академика А. А. Шахматова»). В части заголовков присутствует критика субъективных подходов других исследователей: «**Эклектизм** и внутренние **противоречия** синтаксической системы Пешковского». Многие теоретические исследования В. В. Виноградова, например, «**Основы** лексических значений слова», «**Основные вопросы** синтаксиса предложения», являются фундаментальными лингвистическими трудами и сохраняют свою научную значимость. Некоторые заголовки его работ отражают контекст эпохи и не актуальны сегодня: «**Марксистское** языкознание», «О трудах **И. В. Сталина** по вопросам языкознания», «**Марксизм** и вопросы языкознания». Труды лингвиста, связанные с созданием словарей, учебных программ (что отражено в их названиях), имеют практическую ценность.

Большая часть заголовков научных работ В. В. Виноградова сосредоточена на онтологическом аспекте: они конкретны и тематически сфокусированы. Такой способ создания заглавий соответствует строгим нормам академического стиля. Исследования лингвиста демонстрируют

широту его научных интересов, сочетая исторические, теоретические и прикладные аспекты языкознания.

Сфера научных интересов М. В. Панова не менее широка. Но в первую очередь он предстает в своих исследованиях как фонолог: более 40 работ учёного посвящены фонетике и фонологии («О восприятии **звуков**», «Развитие **фонетики** современного русского языка», «Заударный **вокализм** современного русского литературного языка» и др.). Значительное место в его наследии занимают публикации в области морфологии и словообразования (18 работ), орфографии и орфоэпии (14 работ), истории языкознания (9 работ). Немало внимания М. В. Панов уделял вопросам прикладной лингвистики.

В настоящем исследовании учебники и методические пособия лингвиста выделены в отдельную группу, по своему содержанию они могут отражать каждую из перечисленных областей, при этом нацелены на доступное изложение научного знания. Это, например, учебники и учебные пособия «Современный русский язык: сборник упражнений», «Русский язык: Лексика. Фонетика. Теория письма. Морфология»; методические пособия и программы: «Программа курса «Современный русский язык» для государственных университетов», «Вопросник по современному русскому литературному произношению» и др. Типичными способами наименования подобных работ М. В. Панова являются номинативный и коммуникативный. Нами выделено 89 номинативных заголовков («Основные свойства фонетических единиц», «Звуковая сторона языка» и др.), что составляет 61 % от общего количества исследуемых единиц. К коммуникативному типу мы отнесли заголовки, которые устанавливают диалог автора с читателем. Это риторические вопросы («Два анализа?»), заглавия с использованием предложно-падежных форм существительных («Из рассказов о русском стихе»), риторические восклицания («А все-таки она хорошая! Рассказ о русской орфографии»), оксюморон («Сочетание несочетаемого», «Желанные ошибки»). Всего выделено 56 работ с заголовками коммуникативного типа, что составляет 38 % от общего количества единиц. Обращает на себя внимание, что номинативные заголовки преобладают в строго академических работах, а коммуникативные используются в публикациях, связанных с популяризацией научного знания. В целом, для заголовков текстов М. В. Панова характерен некий баланс между традиционной номинацией (61 %)

и коммуникативными стратегиями (38 %), что коррелирует с его вниманием к собственно научным изысканиям, с одной стороны, и к педагогическим аспектам, методике преподавания языка, с другой.

Проанализируем заголовки публикаций М. В. Панова с точки зрения эпистемической ситуации.

М. В. Панов исследует языковые явления и факты через призму фонетики и фонологии, указывая в заглавиях такие предметы исследования, как заударный вокализм, артикуляция звуков, фонологическая система, стили произношения: «История русского литературного **произношения** XVIII–XX вв.», «Русская **фонетика**», «Понятие о **фонеме**», «**Заударный вокализм** современного русского литературного языка». Область морфологии и словообразования представлена в работах под названием «О **членимости** слов на **морфемы**», «О степенях **членимости** слов», «О наложении морфем», «**Позиционная морфология** русского языка». Проблемы орфографии и орфоэпии анализируются учёным в работах «О **дефисных написаниях**», «О **культурно-историческом подходе к орфографии**» и др. Можно выделить также несколько работ, написанных на стыке лингвистики и социологии: «Характеристика **социальных факторов** по их воздействию на развитие русского языка советской эпохи», «О **причинах** фонетических изменений» и др. Таким образом, онтологический аспект в заголовках статей М. В. Панова представлен широко и разнообразно (фонологическая система, грамматические категории, письменные нормы, социальный контекст языка и т. д.).

Обратимся к методологическому аспекту. В отличие от В. В. Виноградова, в заголовках работ М. В. Панова чаще можно встретить указание методов исследования. Так, среди методов, применяемых исследователем, можно выделить сравнительный анализ: семь заголовков включают такие слова, как «сопоставление», «разграничение», «типы». Заглавия шести работ указывают на применение метода моделирования, так как включают термины «модель», «структура», «описание». В наименовании пяти работ встретились ключевые слова «типология», «классификация», «система», указывающие на стремление к систематизации полученных знаний. Кроме того, стоит отметить, что М. В. Панов предпочитает отглагольные существительные («сопоставление», «разграничение») абстрактным терминам («методология»), что подчеркивает практическую направленность его исследований.

Последний, аксиологический аспект, редко актуализируется в заголовках научных работ. Среди трудов М. В. Панова обращают на себя внимание работы, связанные с совершенствованием орфографии, кодификацией норм, обучением русскому языку в национальных школах: «И все-таки она хорошая! Рассказ о русской **орфографии**», «**Методика** обучения русскому произношению в национальной школе». Это свидетельствует о том, что М. В. Панов придаёт большое значение нормализации языка и вопросам лингвистического образования, анализируя учебные методики для различных групп населения. Помимо этого, учёный проявляет интерес к культурному наследию и истории языкознания, изучая, например, труды Н. Ф. Яковлева и А. А. Реформатского, а также исследует связь между языковыми и социальными явлениями, влияние общества на язык, разрабатывает методические рекомендации для многонациональной аудитории.

Что касается формулировок заголовков, то около 35 % всех работ М. В. Панова начинаются с предлогов *о*, *об*: «О влиянии...», «О развитии...», «О преподавании...». Можно заключить, что учёный стремится к изучению конкретных аспектов языка в характерном для него аналитическом стиле. Отглагольные существительные в начале заголовков «Влияние...», «Развитие...», «Изучение...» свидетельствуют об интересе автора к процессуальной стороне явлений и внимании к взаимодействию элементов различных уровней языка. В целом для стиля заголовков М. В. Панова характерны чёткость, терминологическая точность. Помимо этого, в них реализуется сочетание теоретических и прикладных аспектов, а также стремление к междисциплинарности, поскольку в названиях отражена связь лингвистики с педагогикой, историей, социологией.

Сравнение научных подходов двух учёных позволяет сделать следующие выводы:

1. *Онтологический аспект.* В. В. Виноградов занимался разработкой фундаментальных тем, связанных с историей языка, стилистикой, грамматикой. М. В. Панов в большей степени был сосредоточен на конкретных проблемах фонетики, орфографии, орфоэпии, методики преподавания русского языка. Его работы нацелены на решение частных вопросов: типология ошибок, слогаделение и т. п. В. В. Виноградов прежде всего уделял внимание истории русского языка, эволюции его стилей и словарного состава, отражению в языке культурных и исторических процессов. М. В. Панов, скорее, синхронист: в его работах деталь-

но анализируются нормы современного русского правописания, произношения, слогаделения, а также изменение этих норм под влиянием социальных факторов.

2. *Методологический аспект.* Для В. В. Виноградова ведущим выступает метод исторического описания, а также теоретическое моделирование, текстологический и стилистический анализ. Для М. В. Панова характерны сравнительный анализ, систематизация, классификация и моделирование. Стоит отметить, что заголовки работ В. В. Виноградова чаще отражают онтологические аспекты, в то время как более чем в половине работ М. В. Панова в заглавиях актуализируется методологический аспект.

3. *Аксиологический аспект.* В. В. Виноградов активно работал над сохранением культурного наследия: участвовал в создании толковых словарей, изучал язык и стиль классиков русской литературы. Его труды имеют большую теоретическую значимость, в них реализован фундаментальный подход к изучению языка. Труды М. В. Панова отражают его повышенный интерес к образовательным аспектам (связанным с преподаванием русского языка) и к популяризации науки.

Эпистемические позиции анализируемых авторов наглядно представлены в таблице, обобщающей результаты анализа 385 заголовков научных трудов.

Выводы

В ходе анализа были выявлены существенные различия в стратегии наименования работ. Заголовки трудов В. В. Виноградова в основном но-

сят обобщающий и масштабный характер. В центре его внимания находятся проблемы истории языка, стилистики и грамматики. Автор строго следует канонам собственно научного стиля [11. С. 6]. Названия работ М. В. Панова являются более конкретными, имеют прагматическую направленность, часто включают указание на метод. Исследователь допускает в заголовках отступления от норм научного стиля, обращаясь к словотворчеству, используя эмоционально-окрашенные слова. И тот, и другой учёный проявляют интерес к теоретическим и прикладным аспектам, однако В. В. Виноградов ориентируется на академическую традицию, М. В. Панов же стремится к популяризации научного знания.

Проведённый анализ заголовков научных работ В. В. Виноградова и М. В. Панова (табл. 1) отражает не только индивидуальные особенности авторов как профессиональных языковых личностей, но и эволюцию отечественного языкознания от историко-описательного подхода к структурно-функциональному. Заголовки В. В. Виноградова демонстрируют связь с традициями выдающихся лингвистов конца XIX — начала XX вв., в работах которых представлен диахронический анализ языковых явлений, реализуется внимание к культурному контексту, отмечается масштабность постановки проблем [2. С. 172]. Заголовки научных текстов М. В. Панова соответствуют традициям Московской фонологической школы, с характерной установкой ее представителей на синхронный анализ языковой системы, стремлением к четкому методологическому описанию

Таблица 1

Сравнительный анализ эпистемической ситуации в заголовках работ В. В. Виноградова и М. В. Панова

Критерий сравнения	В. В. Виноградов	М. В. Панов
Онтологический аспект	История языка (24 %) Стилистика (13 %) Широкий историко-культурный контекст	Фонетика / фонология (28 %) Орфография / орфоэпия (10 %) Конкретные проблемы (синхронный срез)
Методологический аспект	Указание методов в 25 % заголовков Маркеры: «история», «развитие», «вопросы» Ведущий метод: системно-историческое описание	Указание методов в более чем 50 % заголовков Маркеры: «сопоставление», «модель», «типология» Ведущий метод: системный анализ, моделирование
Аксиологический аспект	Культурное наследие (создание словарей, изучение классических произведений) Фундаментальный характер исследований	Практическая направленность (орфография, орфоэпия, слогаделение) Популяризация научного знания
Типы заголовков, стилистическая доминанта	Номинативные (70 %) Проблемно-постановочные (11 %) Академизм, антропоцентризм (персоналии)	Номинативные (61 %) Коммуникативные (38 %) Баланс академичности и диалогичности
Фокус исследований	Диахроническая лингвистика (эволюция языка)	Синхроническая лингвистика (современные нормы, влияние социальных факторов)

и прагматической направленности исследований. Коммуникативная модель заголовков работ М. В. Панова отражает тенденцию к популяризации науки в 1960–1980-е гг., когда лингвистика стала ориентироваться на прикладные задачи [2. С. 200]. Выявленные различия в работах двух

отечественных ученых иллюстрируют постепенный переход в лингвистике от представления о языке как культурно-историческом феномене к трактовке его как функциональной системы, требующей разноаспектного изучения и совершенствования.

Список источников

1. Агапова А. Н. Заголовок в современной русской прессе: эпистемический и прагматический аспекты : автореферат дис. ... кандидата филологических наук / А. Н. Агапова. М., 2011. 24 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/zagolovok-v-sovremennoi-russkoi-presse> (дата обращения: 01.05.2025).
2. Алпатов В. М. Избранные труды XX века / В. М. Алпатов; сост. П. М. Аркадьев, А. А. Кибрик, Кс. С. Семенова, С. Г. Татевосов. М. : Языкознание, 2023. 459 с.
3. Богданова О. Ю. Заголовок как элемент текста / О. Ю. Богданова // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2007. № 1. С. 116–119.
4. Борисенко Т. В. Актуализация концепта семья/family в заголовочных комплексах новостных интернет-газет / Т. В. Борисенко // Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 7 (453). С. 15–21.
5. Голованова Е. И. Введение в когнитивное терминоведение : учеб. пособие / Е. И. Голованова. М. : Флинта, 2011. 224 с.
6. Голованова Е. И. Профессиональная языковая личность: принципы и параметры лингвистического описания / Е. И. Голованова // Языки профессиональной коммуникации : сборник статей участников IV международной научной конференции. Челябинск : Энциклопедия, 2009. С. 14–17.
7. Екимов М. А. Метатекстовые функции заголовков в научной статье / М. А. Екимов // Вестник Череповецкого государственного университета. 2003. № 6 (117). С. 30–42.
8. Исаева О. Н. Функциональные характеристики малоформатных текстов заглавий в образовательном дискурсе (на материале американских учебников по гражданскому правоведению) / О. Н. Исаева, И. Б. Кривченко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 9. С. 234–238.
9. Исаева О. Н. Экспланаторная функция заголовков в образовательном дискурсе (на материале англоязычных учебников по экономическому праву) / О. Н. Исаева, И. Б. Кривченко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. Вып. 6. С. 1986–1991.
10. Котюрова М. П. Современный научный текст (сквозь призму дискурсивных изменений) : монография / М. П. Котюрова, Н. В. Соловьева. М. : Флинта, 2019. 264 с.
11. Кузнецова Л. Н. Языковая личность ученого-филолога В. В. Виноградова как носителя элитарной речевой культуры / Л. Н. Кузнецова // Современная филология в международном пространстве языка и культуры. Анапа : Сочинский государственный университет туризма и курортного дела, 2008. С. 44–56.
12. Рожкова Ю. Е. Типы соотношения заголовка и текста. Экспериментальные исследования / Ю. Е. Рожкова // Саарбрюккен : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. 180 с.
13. Рянская Э. М. Прагматический компонент заголовков научных текстов (на примере англо- и русскоязычных публикаций по истории) : монография / Э. М. Рянская, Л. В. Алексеева. Нижневартовск : Нижневартовский государственный университет, 2020. 99 с.
14. Суворова С. А. Прагматический аспект заголовков англоязычных медиатекстов / С. А. Суворова // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8, № 1 (26). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pragmaticheskiy-aspekt-zagolovkov-angloyazychnyh-mediatekstov/viewer> (дата обращения: 01.05.2025).
15. Тураева З. Я. Лингвистика текста / З. Я. Тураева. М. : Просвещение, 1986. 127 с.
16. Филоненко Т. А. Аттрактивные заголовки научной речи / Т. А. Филоненко // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2008. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/attraktivnye-zagolovki-v-nauchnoy-rechi/viewer> (дата обращения: 01.05.2025).

References

1. Agapova AN. Title in modern Russian press: epistemic and pragmatic aspects. Moscow; 2011. 24 p. Available from: <https://www.dissercat.com/content/zagolovok-v-sovremennoi-russkoi-presse> (accessed: 01.05.2025). (In Russ.).

2. Alpatov VM. Selected works of the 20th century. Moscow: Jazykoznanie; 2023. 459 p. (In Russ.).
3. Bogdanova OJu. Title as a text element. *Vestnik KGU im. NA Nekrasova = Vestnik of Kostroma State University*. 2007;(1):116-119. (In Russ.).
4. Borisenko TV. Actualization of the family concept in news headlines. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk state university*. 2021;(7):15-21. (In Russ.).
5. Golovanova EI. Introduction to cognitive terminology. Moscow: Flinta; 2024. 304 p. (In Russ.).
6. Golovanova EI. Professional language personality: principles and parameters of linguistic description. Languages of professional communication: a collection of articles by participants of the IV international scientific conference. Chelyabinsk: Encyclopedia, 2009; 14-17. (In Russ.).
7. Ekimov MA. Metatextual functions of academic titles. *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta = Cherepovets State University Bulletin*. 2003;6(117):30-42. (In Russ.).
8. Isaeva ON, Krivchenko IB. Functional features of small-format titles in educational discourse. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2019;12(9):234-238. (In Russ.).
9. Isaeva ON, Krivchenko IB. Explanatory function of titles in educational discourse. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2024;17 (6):1986-1991. (In Russ.).
10. Kotjurova MP, Solov'eva NV. Modern academic text. Moscow: Flinta; 2019. 264 p. (In Russ.).
11. Kuznecova LN. Vinogradov's linguistic personality as elite speech culture representative. In: *Sovremennaja filologija v mezhdunarodnom prostranstve jazyka i kul'tury*. Anapa: Sochinskij gosudarstvennyj universitet turizma i kurortnogo dela; 2008. p. 44-56. (In Russ.).
12. Rozhkova JuE. Title-text relations: Experimental studies. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing; 2014. 180 p. (In Russ.).
13. RjanskajaJe M, Alekseeva LV. Pragmatic component of academic titles. Nizhnevartovsk: Nizhnevartovskij gosudarstvennyj universitet; 2020. 99 p. (In Russ.).
14. Suvorova SA. Pragmatics of English media headlines. *Baltijskij gumanitarnyj zhurnal = Baltic Humanitarian Journal*. 2019;8(1). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/pragmatischeskiy-aspekt-zagolovkov-angloyazychnyh-mediatekstov/viewer> (accessed: 01.05.2025). (In Russ.).
15. Turaeva ZJa. Text linguistics. Moscow: Prosveshchenie; 1986. 127 p. (In Russ.).
16. Filonenko TA. Attractive titles in academic speech. *Izvestija Samarskogo nauchnogo centra RAN = Izvestiya of The Samara Science Center of The Russian Academy of The Sciences*. 2008. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/atraktivnye-zagolovki-v-nauchnoy-rechi/viewer> (accessed: 01.05.2025). (In Russ.).

Информация об авторах

Е. И. Голованова — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания.

Д. В. Дубровская — соискатель учёной степени кандидата филологических наук, преподаватель.

Information about the authors

E. I. Golovanova — Doctor of Sci. (Philology), Professor, Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics.

D. V. Dubrovskaya — Candidate for the Degree of Candidate of Philological Sciences, Teacher.

Статья поступила в редакцию 01.08.2025; одобрена после рецензирования 24.08.2025; принята к публикации 17.09.2025.

The article was submitted 01.08.2025; approved after reviewing 24.08.2025; accepted for publication 17.09.2025.

Вклад авторов: оба авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81-2

DOI: 10.47475/1994-2796-2025-503-9-126-134

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ШТОРМА В МОРСКОМ НАРРАТИВЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ К. М. СТАНЮКОВИЧА, В. С. ПИКУЛЯ, В. В. КОНЕЦКОГО)

Елена Михайловна Мартынова

Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации, Орел, Россия, lm1973@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-0686-4304

Аннотация. В статье представлены результаты сопоставительного анализа лингвистических стратегий изображения шторма как полифункционального образа и значимого элемента архитектуры морской прозы русских писателей-моряков К. М. Станюковича, В. С. Пикуля, В. В. Конецкого. Определены авторские концепции описания морской стихии; выявлены сходства и различия в репрезентации шторма; отобраны и категоризированы языковые средства, служащие для реализации замысла автора. К сходствам относятся: изображение героических будней моряков, величия стихии через эмоциональное состояние персонажей, которые, сталкиваясь с гневом океана, испытывают одновременно восторг и ужас; документальность повествования; фокус на аудиальном компоненте штормового пейзажа; употребление морской терминологии, звукоподражательных глаголов, антропоморфных, натурморфных, зооморфных метафор и сравнений. Различия в авторском видении определяются жанровым своеобразием, тональностью, темпоральной и ритмической композицией, языковой спецификой. Для морского нарратива К. М. Станюковича характерны эпичность, высокая эмоциональность, психологизм; описание шторма построено на контрасте; в центре внимания автора — преодоление моряками страха перед стихией; лексическое своеобразие обусловлено множеством ярких эпитетов. Штормовому дискурсу В. С. Пикуля присущи динамичность, острота, драматизм, имплицитность эмоций; использование коротких предложений, глаголов резкого действия, ономотопеи, стремительной смены образов; на переднем плане — описание действий, физических ощущений. В путевой прозе В. В. Конецкого стихия выступает поводом и фоном для серьёзных размышлений на актуальные темы: о профессии моряка, литературном творчестве, ключевых понятиях — мужестве, мудрости, взрослении. Авторской риторике свойственны философичность, ироничность, сдержанность. Интеллектуальное и личностное переживание эксплицируется в максимально метафоризированный текст.

Ключевые слова: маринистика, морской нарратив, лингвистическая стратегия, шторм, метафоризация

Для цитирования: Мартынова Е. М. Лингвистические стратегии репрезентации шторма в морском нарративе (на материале произведений К. М. Станюковича, В. С. Пикуля, В. В. Конецкого) // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 9 (503). С. 126–134. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-503-9-126-134.

Original article

LINGUISTIC STRATEGIES OF STORM REPRESENTATION IN THE MARINE NARRATIVE (BASED ON THE WORKS OF K. M. STANYUKOVICH, V. S. PIKUL, V. V. KONETSKY)

Elena M. Martynova

Federal Guard Service Academy of the Russian Federation, Orel, Russia, lm1973@mail.ru, ORCID: 0000-0003-0686-4304

Abstract. The article presents the results of a comparative analysis of linguistic strategies for depicting the storm as a multifunctional image and a significant architectonic element of the marine narrative of Russian writers K. M. Stanyukovich, V. S. Pikul, V. V. Konetsky. The author's concepts of describing the sea nature are defined; similarities and differences in the representation of the storm are revealed; linguistic means used to implement the author's idea are selected and categorized. The similarities include the portrayal of the heroics of sailors' everyday deeds, the magnificence of nature through the emotional state of the characters, who, when faced with the wrath of the

ocean, experience both delight and horror; documentary narration; focus on the auditory component of the stormy landscape; use of marine terminology, onomatopoeic verbs, anthropomorphic, naturmorphic, zoomorphic metaphors and comparisons. Differences in the authors' visions are determined by genre specifics, mood, temporal and rhythmic composition, and linguistic uniqueness. K. M. Stanyukovich's marine narrative is characterized by epic feeling, high emotionality, and psychological insight; the description of the storm is based on contrast; the author focuses on sailors overcoming the fear of nature; lexical specifics is provided by the multitude of vivid epithets. V. S. Pikul's "stormy" discourse is characterized by dynamism, sharpness, drama, implication of emotions; the use of short sentences, abrupt verbs, onomatopoeia, and rapid image change; in the foreground is a description of actions and physical sensations. In V. V. Konetsky's travel prose, the nature acts as a cause and background for serious reflection on relevant topics: the profession of a sailor, literary creativity, and key concepts such as courage, wisdom, and maturity. The author's rhetoric is characterized by philosophy, irony, and restraint. Intellectual and personal experiences are explicated in the extremely metaphorical text.

Keywords: marine literature, marine narrative, linguistic strategy, storm, metaphorization

For citation: Martynova EM. Linguistic Strategies of Storm Representation in the Marine Narrative (Based on the Works of K. M. Stanyukovich, V. S. Pikul, V. V. Konetsky). *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(9(503):126-134. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-503-9-126-134.

Введение

Обширное пространство маринистики можно подразделить на множество субжанров: классическую / приключенческую маринистику, фокусирующуюся на описании захватывающих событий, противостоянии опасностям на пути к цели (Р. Л. Стивенсон «Остров сокровищ», Р. Сабатини «Одиссея капитана Блада», Ж. Верн «Дети капитана Гранта» и др.); производственную маринистику, акцентирующую внимание на тяжёлом труде моряка, преодолении трудностей морской службы (В. В. Конецкий «Солёный лёд», «Вчерашние заботы», Ю. С. Крымов «Танкер «Дербент»» и др.); морской исторический роман, действие которого основывается на событиях прошлого: географических открытиях, освоении новых земель (Л. Бергрин «Марко Поло: от Венеции до Ксанаду», Ж. Блон «Великие тайны океанов. Атлантический океан. Тихий океан. Индийский океан» и т. д.); военную маринистику, повествующую о подвигах моряков, тяготах военно-морской службы, сражениях на море (А. С. Новиков-Прибой «Цусима», В. С. Пикуль «Моонзунд», «Три возраста Окини-сан», «Крейсера» и т. д.); психологическую / философскую маринистику, в которой на первый план выдвигается внутренний мир героев, их душевное состояние, рефлексия в условиях изоляции, психологического давления, формирование характера моряка, этика морской профессии (Э. Хемингуэй «Старик и море», В. В. Конецкий «За доброй надеждой», Л. С. Соболев «Морская душа» и др.); научно-фантастическую маринистику (Ж. Верн «Двадцать тысяч льё под водой», А. Н. Громов «Ватерлиния», П. Уоттс «Рифтеры» и т. д.). Разумеется, выделенные разновидности редко существуют в чистом

виде, они пересекаются и обогащаются, вбирая в себя всё лучшее, что есть в этом жанре.

Материалы и методы исследования

Целью настоящего исследования стало изучение лингвистических стратегий описания одного из стихийных явлений — шторма — в произведениях трёх русских писателей-маринистов, а, скорее, писателей-мореходов, т. к. все они в своё время состояли на морской службе, К. М. Станюковича, В. С. Пикуля и В. В. Конецкого. Актуальность выбранной темы подчёркивается неослабевающим интересом исследователей к творчеству этих литераторов, внёсших неоспоримый вклад в развитие отечественной маринистики, а также необходимостью более глубокого осмысления отдельных аспектов их творческой деятельности. Новизна проведённых научных изысканий состоит в выявлении аналогий и специфических черт «штормового» нарратива данных авторов. В процессе исследования использовались методы сплошной выборки, сопоставительного и контекстуального анализа.

Результаты исследования и их обсуждение

Учёные дают высокую оценку значимости морской прозы Константина Михайловича Станюковича для русской литературы, считают его основоположником русской маринистики, первым, «кто повернул корабль на неизведанный курс» [14. С. 3], ставят его на одну ступень с Л. Н. Толстым и И. С. Тургеневым [19. С. 79], проводят параллели с живописью, называя писателя «Айвазовским слова» [3. С. 93]. Обобщившая мнения литературоведов и представившая целостную картину творчества писателя исследовательница из КНР Чжан Менцзя подчёркивает реализм прозы автора, стремление к индивидуализации

портретов моряков, отображению национальной специфики образов, трансляции «живого языка моряков» [20. С. 100–103].

Среди особенностей творчества Валентина Саввича Пикуля литературовед И. С. Макарова выделила морской антураж, неповторимую атмосферу, жаргон и специфику матросского быта, акцент на самоотверженности верой и правдой служащих отечеству моряков, применение приёма олицетворения в описании морской стихии и кораблей с их характерами и биографией [7]. В фокусе лингвистических и литературоведческих исследований военно-морской прозы В. С. Пикуля оказываются назначение морского жаргона в его романе «Океанский патруль» [6]; функционирование терминов-эпонимов в военно-морском дискурсе [4]; уникальность русского Севера [1].

Путевая проза представителя субжанра производственной маринистики Виктора Викторовича Конецкого отличается автобиографизмом, психологизмом, документальностью, юмором, самоиронией, элементами приключенческого романа [18. С. 381–382]; лиричностью, исповедальностью [17. С. 651]; драматургией, философичностью, пейзажностью, многослойностью и полифоничностью [8. С. 6]. Писатель-гидрограф А. Н. Мягков называет В. Конецкого создателем традиции «интеллектуальной маринистики» [8. С. 7].

Море в произведениях названных авторов является равноправным действующим лицом. Оно практически постоянно присутствует в кадре как неотъемлемая часть пейзажа и выступает антагонистом героев, испытывающим их на прочность. По утверждению исследователей, море в изображении В. С. Пикуля антиномично — связано и с рождением, колыбелью, и со смертью [1. С. 114–115]. В повести «Солёный лёд» В. В. Конецкий также называет «солёную купель» своей родиной и местом, где он хочет умереть [5. С. 445, 591]. К. М. Станюкович рисует классический образ стихии, задействуя все органы восприятия: зрение, слух, обоняние, осязание и вкус [2. С. 346].

В русской литературной традиции шторм предстаёт как существенный сюжетобразующий элемент и многофункциональный образ. Однако цели и стратегии использования этого феномена в повествовании разных авторов могут значительно отличаться.

К. М. Станюкович моделирует эпический образ шторма, основываясь на контрасте, который присутствует в описании эмоционального и физического состояния впервые столкнув-

шегося со штормом новичка (мичман Александр Опольев в рассказе «В шторм»; гардемарин Володя Ашанин в повести «Вокруг света на «Коршуне»») и бывалого матроса (старший штурман Иван Иванович в рассказе «В шторм»; Степан Ильич в повести «Вокруг света на «Коршуне»»). Писателя привлекает возможность показать буйство стихии, увиденное глазами тех, кому довелось наблюдать это явление в первый раз. Для закалённых моряков, говоря словами Ивана Ивановича, это «дела-с обыкновенные на море» [15. С. 105].

Рассказ «Пассажирка» также построен на противопоставлении, на этот раз мирного беззаботного плавания, повышенного внимания и предупредительности офицеров по отношению к вскружившей им головы обворожительной пассажирке Вере Сергеевне до шторма и чёткого выполнения ими своих обязанностей во время бури. Писатель через восприятие Веры прослеживает мгновенное перевоплощение моряков: капитан из *смешного, лебезившего ухаживателя, говорившего пошлые любезности, превращается в морского волка*; Степан Дмитриевич со своим комичным *самомнением о прелести своей персоны был теперь далеко не смешон, спокойно и уверенно распоряжавшийся авралом* и т. д. [15. С. 380]. В центре внимания писателя оказываются отвага и самоотверженность профессионалов.

Морской прозе К. М. Станюковича присуща высокая эмоциональность. К. М. Станюкович живописует шторм глазами мичмана Александра Опольева, который испытывает сильные эмоции: *жгучее чувство страха, благоговейное смирение и покорное сознание слабости «царя природы»* [15. С. 107]; *жестокий страх, покорное оцепенение* [15. С. 111]. Те же болезненные ощущения преследуют и гардемарина Володю Ашанина: *чувство беспомощности и сиротливости; ему делалось невыразимо жутко; полный жгучего страха* [16. С. 92–94]; *в трепетном страхе; смотрит (...) застывшим от ужаса взглядом; смертельной тоской; малодушный страх* [16. С. 96]; *В этот мучительный день на Немецком море Володя не навидел морскую службу, а море, которое он видел в иллюминатор, внушало ему отвращение* [16. С. 100]. Однако чувство стыда и чувство долга у моряков пересиливают страх.

Эмоциональность свойственна и стихии: *рассвирепевшая стихия* [16. С. 95]; *беснующееся море* [16. С. 95]; *ветер свирепо гудел* [15. С. 380]; *ветер (...) потрясает их, точно негодую, что встретил препятствие* [15. С. 108].

Образ океана в одном из его крайних проявлений вызывает у юных и неискушенных моряков не только ужас, но и восторг перед его мощью: *величественное зрелище бушующего океана; грозное величие стихийной силы* [15. С. 107]; *полный какого-то благоговейного ужаса и в то же время инстинктивного восторга* [16. С. 94]; *смотрел на грозную и величественную картину шторма* [16. С. 95].

Экспликация обозначенной авторской стратегии обеспечивается разными языковыми средствами. Шторм получает атрибутивы, обозначающие чрезмерность: *адская качка* [16. С. 92], *ужасная качка* [16. С. 101], *серьёзная трёпка* [16. С. 93], *убийственная трёпка* [16. С. 97], *анафемское волнение* [16. С. 104], *жестокий шквал* [16. С. 379], *качка делалась нестерпимее* [16. С. 100]. Автор использует большое количество эпитетов, обозначающих высокую степень наличия какого-либо качества: *бездонная пропасть* [16. С. 92]; *бешеная сила* [15. С. 107]; *дикая мощь* [16. С. 95]; *необъятное море, громадные валы* [16. С. 95].

Действия стихии репрезентируются глагольными лексемами *бушевать, биться / разбиваться, обрушиться, нестись, кипеть, заливать, валить, кидать, бросать (из стороны в сторону), дергать* и их производными.

Многогранна аудиальная составляющая рисунка пейзажа. Звучание стихии актуализируется звукоподражательными глаголами: *реветь, грохотать, выть, шуметь, гудеть*; звуки, издаваемые транспортом, транслируются глаголом: *скрипеть*. Моряки добавляют в общую звуковую картину свои голоса: *грозные окрики капитана, отчаянные ругательства боцманов*.

В повести «Вокруг света на «Коршуне»» лексема *шторм* часто заменяется разговорным синонимом *трёпка*, регулярно употребляются производные глагола *трепать*: *трепанет, потреплет* и др. Матросы называют шторм просторечным *штурма*, причём в женском роде (*штурма настоящая* [15. С. 101]; [16. С. 99]). Старые «морские волки» Иван Иванович (рассказ «В шторм») и Степан Ильич (повесть «Вокруг света на «Коршуне»») используют по отношению к стихии фамильярное *штормяга (настоящая штормяга, форменный штормяга* [15. С. 106]; [16. С. 98]). Жаргон Степана Ильича включает также такие выражения, как *преподлая качка, разлимонит* [16. С. 98].

Повествование характеризуется обилием профессиональной морской терминологии: *бимс, рангоут, леер, шпигаты, боканцы, галс, бейдевинд,*

ют и др.; лексики, связанной с парусными судами: *марсель, трисель, бизань, шканцы, стеньга, грот*; устаревших географических наименований: *Немецкое море* (Северное море), *Каптоун* (Кейптаун), *Шербург* (Шербур), *Батавия* (Джакарта).

В описании шторма многочисленны **натурморфные метафоры**: *холмистая поверхность волн* [15. С. 107], *водяные горы* [15. С. 107], *лощина, образуемая двумя валами* [15. С. 107], *водяные глыбы* [16. С. 96], **реаморфные метафоры и сравнения**: *крохотная скорлупка* [16. С. 108], *водяной гроб* [16. С. 92], *точно в гигантском котле* [16. С. 95]; *покроет своим водяным саваном* [16. С. 96]; *корвет, словно щепку, бросало* [16. С. 30] и **зооморф**: корвет «Коршун» напоминает гигантскую птицу [16. С. 96].

Детальное описание шторма у В. С. Пикуля встречается лишь в романе «Океанский патруль», в остальных произведениях шторм изображается ёмко и лаконично. В романе шторм репрезентируется сквозь призму восприятия юного моряка Сергея Рябинина, сына командира траулера, что обнаруживает несомненное сходство со стратегией К. М. Станюковича. Однако в отличие от последнего, В. С. Пикуль показывает противоборство человека и стихии без лишних сантиментов. Ужас одолевает Сережку Рябинина только в тот момент, когда его смывает за борт [11. С. 182]. Зато эмоция океана во всех зарисовках прослеживается четко — это гнев: *гневно кипящее море* [10. С. 154]; *пена (...) лежала на трапах, гневно пузырясь и вскипая* [10. С. 34]; *океан (...) свирепел в десятибалльном шторме* [11. С. 351]; *неистовое бешенство ветров* [12. С. 336].

Моряки В. С. Пикуля относятся к морю как к равному. В романе «Океанский патруль» командир боевого катера для поиска подводных лодок противника Вахтанг Беридзе так говорит о суровом Баренцевом море: «Баренцево море любит, когда с ним обращаются только на «вы», но мы, однако, предпочитаем иметь с ним дело только на «ты»... [12. С. 298]!

Морскому нарративу В. С. Пикуля присущи динамичность, накал и драматизм, которые достигаются выбором глаголов резкого действия и звукоподражательных метафор и сравнений.

Глаголы резкого действия свойственны стихии (*упала, разбилась, захлестнул, порвал, рушились, обрушился, отбросила*) и человеку (*юркнул, вжались, вскочил, бросился вперёд, упорно продвигался к цели*). Характерное для шторма длительное действие напоминает В. С. Пикулю кипение / бурление: *вода ещё бурлила у самого горла* [11. С. 181];

бесноватая баламуть шторма [11. С. 162]; *забортная кипень* [11. С. 182]; *пляшущую толчею волн* [12. С. 336]; *белые клокочущие струи* [11. С. 181]. В повести «Мальчики с бантиками» среди дескрипций шторма встречается уже знакомое по произведениям К. М. Станюковича фамильярное *штормяга* [10. С. 154].

Звуковую картину шторма составляют свист (*свистопляска шторма* [12. С. 337], *свистящие усы солёной пены* [12. С. 27]); грохот (*грохочущие штормом океанские дали* [12. С. 113]; *прокатилась с грохотом* [11. С. 182]); звон (*водяная гора (...) разбилась на мириады брызг с протяжным звоном* [11. С. 181]); шипение (*волны со зловеющими шипящими гребешками* [11. С. 181]); вой (*винты, рассекая уже не воду, а воздух, иногда завывали так, что было жутко* [9. С. 87]); скрежет (*все слышали скрежет раздираемого железа* [9. С. 164]).

Одушевлены все составляющие шторма: *волны, отяжелевшие и ленивые, сонно ворочались за бортом, заглядывая в иллюминаторы транспорта; облизывали палубу волны; чересчур резвый и острый ветерок, бойко рыскавший по закоулкам корабля* [11. С. 178–179]; *тяжело гуляла океанская зыбь* [13. С. 45].

Помимо антропоморфов, обнаруживаются **натурморфы** (*водяные насыпи* [12. С. 336]; *водяная гора; точно снежные горы; точно громадная пустотелая льдина* [11. С. 181]); **фитоморф** (*пена, похожая на разорванные капустные листья* [10. С. 34]); **зооморф** (*в её покачивающемся гребне было что-то змеиное* [11. С. 181–182]).

Необходимо отметить ярко выраженные зооморфизм и антропоморфизм в описании кораблей: *беззащитные транспорты разбрелись в океане, как стадо без пастуха* [11. С. 287]; *старая гвардейская лодка, (...) казалось, плакала, сознавая свою непригодность* [11. С. 474]. *Суда похожи на скользких пронырливых рыб, всплывших наверх подышать свежим воздухом* [12. С. 336]; они цепляются за грунт *тяжёлыми лапами якорей* [12. С. 225]; их корпуса выглядят *хищными* [10. С. 181], а форма форштевня напоминает *бивень* [12. С. 63].

Аутентичность нарратива достигается использованием профессиональной лексики, которой писатель не злоупотребляет: *фальшборт, шкентеля с мусингами, рундук, кильблок, рым, планширь* и др. Тем не менее он уделяет большое внимание специальной штормовой экипировке и снастям, упоминая *штормовые костюмы, плащи, сапоги, куртки, очки; штормовые леера, сетки, носилки, чернильница, штормтрапы*.

К. М. Станюкович и В. С. Пикуль проецируют происходящие на море процессы на человека. Штормовое настроение бывает свойственно высокопоставленным офицерам, которые не сдерживают свой гнев. В обоих случаях это люди, облеченные высшей властью на флоте, — адмиралы. Так, в повести К. М. Станюковича «Вокруг света на «Коршуне»» у адмирала два состояния: «штормует» и «заштилет». В первой ситуации гардемарины — *«щенки», которых следует повесить на нока-реяx, а во второй — «любезные друзья»* [16. С. 404].

В романе В. С. Пикуля «Крейсера» мичман Житецкий делится со своим товарищем мичманом Панафидиным правилами поведения с адмиралом Рейценштейном (пример 1):

(1) — Поменьше лирики. В разговоре следи за его левым глазом. Как только адмирал начнет его задраивать, словно иллюминатор перед штормом, ты сразу снимайся с якоря... Полный ход [9. С. 22]!

Метафора шторма появляется и в описании других не менее серьезных психофизиологических состояний: любви и болезни, одолевающих персонажей. В рассказе К. М. Станюковича «Пассажирка» «очаровательная вдовушка» лишает капитана сна, *точно в штормовую погоду* [15. С. 370].

В романе «Океанский патруль» с помощью аналогии со штормом В. С. Пикуль передает волнение лейтенанта Артема Пеклеванного, только что объяснившегося в любви Вареньке Китежевой (пример 2):

(2) В узком кормовом коридоре его зашатало, как в шторм, бросая плечами от одной переборки к другой [11. С. 393].

В повести «Мальчики с бантиками» В. С. Пикуль сравнивает со штормовой волной накатывающей болезни (пример 3):

(3) Юнги сдавали экзамены, словно в шторм, — волна накатывала на другую. Один поток отчитывается в знаниях — и в лазарет! Назавтра тянут билеты те юнги, которые только вчера из лазарета выбрались [10. С. 160].

В «повести-странствии» В. В. Конечного «Солёный лёд» через шторм проходит не мальчишка, а зрелый, умудрённый опытом моряк. Автор описывает стихию с позиции своих профессиональных обязанностей капитана дальнего плавания (записи в судовом журнале, проверка креплений и стопоров), пытается объяснить читателю «физику» происходящих на море процессов [5. С. 452]. Путевую прозу В. Конечного отличает

сфокусированность на рефлексии. Для писателя шторм — это источник обстоятельных размышлений о профессии моряка, литературном труде, таких понятиях как осторожность, мудрость, мужество, взросление и др. Однако автор фиксирует вызываемые стихией чувства: от злости, усталости, раздражения [5. С. 452] до всепоглощающего восторга, выплескивающегося в песне «В Кейптаунском порту, с какао на борту, «Жанетта» исправляла такелаж!..» [5. С. 591]. Эмоция шторма, как и у К. М. Станюковича и В. С. Пикуля, гнев: *шторм сатанел* [5. С. 526].

Подобно В. С. Пикулю, В. В. Конецкий относится к *родному Баренцеву морю* как к равному: *оно плевало в физиономию мелкой холодной слюной. (...) И я тоже плюнул за борт* [5. С. 452]. В этом примере проявляется свойственная писателю ироничность — читатель понимает смехотворность симметричного ответа стихии на фоне реальной опасности.

Авторская стратегия реализуется с помощью адекватных языковых средств. Профессионализм подчеркивается употреблением специальной морской лексики: *днище, барашки стопорных механизмов, трюм, СТ (сухогрузный теплоход), крен, полный ход, шпангоуты, рубка, выгородки, кнехты* и т. д.; рефлексия материализуется глагольными лексемами *объяснять, записать, перепечатывать, вспоминать, мечтать*, многократным повторением лексемы *думать*, вводного слова *пожалуй*.

Полимодально описание шторма, настигшего капитана недалеко от Фарерских островов. Писатель не скупится на дескрипции ощущений со стороны всех органов чувств. К аудиовизуальным средствам (*Море все покрыто полосами пены. Ветер, срывая гребни, несёт пену и брызги, наполняющие воздух и значительно уменьшающие видимость; грохот волн; штормовые облака гремят железом* [5. С. 588]) добавляются вкус (*Солнце и небо делаются солёными* [Там же]), осязание (*Корабельная сталь делается мягкой* [Там же]) и ольфакция (*Обыкновенная бумага вдруг начинает пахнуть ржавой селедкой, а стекло рубочного окна — свежестью и электричеством* [Там же]). Метафоричны размышления писателя о цвете штормовой волны. Это и *старое, давно не чистенное серебро, и папиросный пепел, и даже грязная портянка* [5. С. 591].

Автор активно использует приём олицетворения, прежде всего посредством звукоподражательных глаголов: *ржавое железо в трюме скрипело, визжало, стонало, выло, гремело, мы-*

чало, ныло, скулило [5. С. 451]. Судно в шторм трансформируется в получающего удары в корпус *боксёра*, в изгибающуюся *стальную змею* [5. С. 452]. В. В. Конецкий описывает растерянность захлестнувшей палубу воды, которая не может отыскать путь обратно в море и напоминает *на смерть перепуганного зверька* [5. С. 589]. Океан в одиннадцатибалльный шторм похож на *обиженного неудачей старика-спортсмена*, который в упор смотрит на капитана *злыми серыми глазами* [5. С. 590].

Заключение

Подводя итог, необходимо обобщить выявленные сходства и различия в стратегиях, выбранных писателями для отображения одного из самых впечатляющих природных явлений — морского шторма.

К сходствам, несомненно, относится изображение героики повседневного подвига моряков, величия стихии через восприятие персонажей, которые испытывают две эмоции — восторг и ужас — в ответ на гнев океана. Повествованию свойственна документальность происходящих событий.

В процессе языковой аранжировки авторского видения, наряду с визуальным рядом, особое значение приобретает аудиальная составляющая штормового пейзажа, репрезентируемая звукоподражательными глаголами, сравнениями и метафорами. У В. С. Пикуля она представлена максимально разнообразно.

Реализм морского нарратива обеспечивается за счёт морской терминологии, которая используется авторами в разном объёме и носит разнородный характер: у К. М. Станюковича — парусная; у В. С. Пикуля — военно-морская; у В. В. Конецкого — сухогрузная.

Все писатели в той или иной степени метафоризируют шторм, наделяя его чертами живого, часто недружелюбного существа. Превалируют натурморфные и зооморфные метафоры. У всех авторов встречается универсальная натурморфная метафора штормовой волны: *океан с его водяными горами* [15. С. 111]; *водяных глыбах* [16. С. 96]; *глыба воды; водяная гора* [11. С. 181]; *водяными горами и холмами* [5. С. 630]. Олицетворение в большей степени используется В. В. Конецким.

Уникальность авторской репрезентации шторма проявляется в жанровой специфике, тональности, темпоритме, лексическом своеобразии.

К. М. Станюкович рисует классическую, построенную на контрасте, эпически-психологическую

картину шторма, который подвергает испытанию дух моряков. Повествование носит крайне эмоциональный, временами патетический характер, в фокусе внимания автора — преодоление моряками страха перед стихией. Лексическая самобытность проявляется в обилии колоритных эпитетов.

Эпизодам шторма у В. С. Пикуля свойственны высокий динамизм, имплицированность эмоций, характерные для жанра военно-морского романа. Автор фокусируется на действиях, физических ощущениях. Стремительность напряжённого

и драматичного повествования реализуется короткими предложениями, глаголами резкого действия, ономампеей, быстрой сменяемостью образов.

В путевых заметках В. В. Конецкого на первый план выходит рефлексия на фоне разгула стихии, шторм — рутина, повод для размышлений. Тон нарратива иронично-философский, профессионально-сдержанный, темпоритм умеренный. Это интеллектуальное и личностное переживание, воплощённое в предельно метафоризированный текст.

Список источников

1. Давыдова А. В., Меньшикова И. А. Образ Севера в повести В. С. Пикуля «Мальчики с бантиками» // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2018. № 2 (23). С. 109–118. DOI: 10.25693/IGI2218-1644.2018.02.23.011.
2. Истомина С. М. Одорический признак как объект оценочного восприятия в повести К. М. Станюковича «Вокруг света на «Коршуне»» // Евразийское Научное Объединение. 2021. № 11–5 (81). С. 343–346.
3. Истомина С. М. Оценка морского пейзажа как отражение культурных традиций (на материале повести К. М. Станюковича «Вокруг света на «Коршуне»») // Культурология, искусствоведение и филология: современные взгляды и научные исследования: сб. ст. по материалам LXI Международной научно-практической конференции. № 6 (55). М. : Изд-во «Интернаука», 2022. С. 90–94. DOI:10.32743/25419870.2022.6.55.342307.
4. Какзанова Е. М. Термины-эпонимы в профессиональном языке моряков (по повести В. С. Пикуля «Мальчики с бантиками») // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2013. № 31 (322). Вып. 84. С. 92–95.
5. Конецкий В. В. Вчерашние заботы. Солёный лёд. М. : «Известия», 1980. 656 с.
6. Кротов Н. И. Морской жаргон как выразительное средство художественного текста: (на материале романа В. С. Пикуля «Океанский патруль») // Молодежь и наука : материалы X Всероссийской научно-технической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых : 1.2. Красноярск : СФУ, 2014. С. 51–54.
7. Макарова И. С. Олицетворение водной стихии // Литературный Санкт-Петербург, июль (61), 2023. URL: <https://litgazeta.dompisatel.ru/archives/2467> (дата обращения: 15.08.2025)
8. Мягков А. Н. Вольный человек. Вместо предисловия / Виктор Конецкий: человек из морского пейзажа. Воспоминания. Размышления. Штрихи к портрету / автор-составитель Т. В. Акулова. СПб : Площадь искусств, 2014. С. 6–13.
9. Пикуль В. С. Крейсера: Роман. М. : Современник, 1989. 511 с.
10. Пикуль В. С. Мальчики с бантиками. Повесть. Л. : «Дет. лит.», 1979. 221 с.
11. Пикуль В. С. Океанский патруль: Роман в двух частях. Часть 1. М. : Современник, 1993. 480 с.
12. Пикуль В. С. Океанский патруль: Роман в двух частях. Часть 2. М. : Современник, 1993. 448 с.
13. Пикуль В. С. Три возраста Окини-сан. Сентиментальный роман. М. : Современник, 1984. 384 с.
14. Соболев Л. О Константине Михайловиче Станюковиче / Станюкович К. М. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 1. М. : Изд-во «Правда», 1977. С. 3–14.
15. Станюкович К. М. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 3. М. : Изд-во «Правда», 1977. 446 с.
16. Станюкович К. М. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 6. М. : Изд-во «Правда», 1977. 430 с.
17. Урбан А. Послесловие. Проза Виктора Конецкого / Конецкий В. В. Вчерашние заботы. Солёный лёд. М. : «Известия», 1980. С. 636–652.

18. Фесенко Э. Я. Арктика в русской прозе XX в. // Полярные чтения – 2021. Художественное освоение Арктики: полярные регионы в культуре, искусстве и философии. регионы в культуре, искусстве и философии: материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 18–21 мая 2021 г.). М. : Паулсен, 2022. С. 378–384.
19. Чжан М. «Загадка К. М. Станюковича» в осмыслении науки и критики // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2018. Том 4 (70). № 2. С. 63–88.
20. Чжан М. Циклообразующие связи в первом сборнике К. М. Станюковича // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2018. Том 4 (70). № 4. С. 97–124.

References

1. Davy`dova AV, Men`shikova IA. The image of the North in VS Pikul's novel "Boys with bows". *Severo-Vostochny`j gumanitarny`j vestnik = Northeastern Humanitarian Bulletin*. 2018;(2(23)):109-118. DOI: 10.25693/IGI2218-1644.2018.02.23.011 (In Russ.).
2. Istomina SM. Odoric sign as an object of evaluative perception in KM Stanyukovich's story "Around the World on "Kite". *Evrasijskoe Nauchnoe Ob`edinenie = Eurasian Scientific Association*. 2021;(11-5(81)):343-346. (In Russ.).
3. Istomina SM. Assessment of the seascape as a reflection of cultural traditions (based on the story of KM Stanyukovich "Around the World on "Kite"). *Kul'turologiya, iskusstvovedenie i filologiya: sovremennyye vzglyady` i nauchny`e issledovaniya = Cultural studies, art history and philology: modern views and scientific research: collection of articles based on the materials of the LXI International Scientific and Practical Conference*. Moscow, Internauka Publishing House, 2022;(6(55)):90-94. DOI:10.32743/25419870.2022.6.55.342307 (In Russ.).
4. Kakzanova EM. Terms-eponyms in the professional language of sailors (based on the story of VS Pikul "Boys with bows"). *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University. Philology. Art history*. 2013;(31-84(322)):92-95. (In Russ.).
5. Koneczkij VV. Yesterday's worries. Salty ice. M.: Izvestia, 1980. 656 p. (In Russ.).
6. Krotov NI. Marine jargon as an expressive means of literary text: (based on VS Pikul's novel "Ocean Patrol"). *Molodezh` i nauka = Youth and Science: Proceedings of the X All-Russian Scientific and Technical Conference of Students, Postgraduates and Young Scientists: 1.2*. Krasnoyarsk: SibFU, 2014:51-54. (In Russ.).
7. Makarova IS. The personification of the water element [Electronic resource]. *Literaturny`j Sankt-Peterburg = Literary Saint Petersburg*. 2023;(61). Available from: <https://litgazeta.dompisatel.ru/archives/2467> (accessed: 15.08.2025). (In Russ.).
8. Myagkov AN. A free man. Instead of a preface. In Victor Konetsky: the man from the seascape. Memories. Reflections. Touches to the portrait / compiled by TV Akulova. Saint Petersburg: Arts Square, 2014:6-13. (In Russ.).
9. Pikul` VS. Cruisers: A Novel. Moscow: Sovremennik; 1989. 511 p. (In Russ.).
10. Pikul` VS. Boys with bows. Leningrad: Children's literature; 1979. 221 p. (In Russ.).
11. Pikul` VS. Ocean Patrol: A novel in two parts. Part 1. Moscow: Sovremennik; 1993. 480 p. (In Russ.).
12. Pikul` VS. Ocean Patrol: A novel in two parts. Part 2. Moscow: Sovremennik; 1993. 448 p. (In Russ.).
13. Pikul` VS. The three ages of Okini-san. A sentimental novel. Moscow: Sovremennik; 1984. 384 p. (In Russ.).
14. Sobolev L. About Konstantin Mikhailovich Stanyukovich. In KM Stanyukovich Collected works in ten volumes. Vol. 1. Moscow: Pravda Publishing House; 1977:3-14. (In Russ.).
15. Stanyukovich KM. Collected works in ten volumes. Vol. 3. Moscow: Pravda Publishing House; 1977. 446 p. (In Russ.).
16. Stanyukovich K.M. Collected works in ten volumes. Vol. 6. Moscow: Pravda Publishing House; 1977. 430 p. (In Russ.).
17. Urban A. Afterword. The prose of Viktor Konetsky. In Konetsky VV. Yesterday's worries. Salty Ice. Moscow: Izvestia; 1980:636-652. (In Russ.).
18. Fesenko EYa. Arctic in Russian prose of the twentieth century. *Polyarny`e chteniya – 2021. Xudozhestvennoe osvoenie Arktiki: polyarny`e regiony` v kul`ture, iskusstve i filosofii. regiony` v kul`ture, iskusstve i filosofii = Polar Readings – 2021. Artistic exploration of the Arctic: polar regions in culture, art and philosophy. regions in culture, art and philosophy: Proceedings of the IX International Scientific and Practical Conference*. (St. Petersburg, May 18-21, 2021). Moscow: Paulsen; 2022:378-384. (In Russ.).

19. Chzhan M. "The riddle of KM Stanyukovich" in the understanding of science and criticism. *Ucheny'e zapiski Kry'mskogo federal'nogo universiteta imeni VI Vernadskogo = Scientific Notes of the VI Vernadsky Crimean Federal University. Philological Sciences*. 2018;(4-2(70)):63-88. (In Russ.).

20. Chzhan M. Cycle-forming connections in the first collection of KM Stanyukovich. *Ucheny'e zapiski Kry'mskogo federal'nogo universiteta imeni VI Vernadskogo = Scientific notes of the VI Vernadsky Crimean Federal University. Philological Sciences*. 2018;(4-4(70)):97-124. (In Russ.).

Информация об авторе

Е. М. Мартынова — доктор филологических наук, доцент.

Information about the author

E. M. Martynova — Dr. Sci. (Philology), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 31.08.2025; одобрена после рецензирования 15.09.2025; принята к публикации 17.09.2025.

The article was submitted 31.08.2025; approved after reviewing 15.09.2025; accepted for publication 17.09.2025.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

МЕДИАЛИНГВИСТИКА, БРЕНДИНГ MEDIALINGUISTICS, BRANDING

---

*Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 9 (503). С. 135–143.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2025;(9(503):135-143.*

Научная статья

УДК 81-119

DOI: 10.47475/1994-2796-2025-503-9-135-143

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ БРЕНДИНГА ЧЕЛЯБИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА В МЕДИАДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРНЕТ-ПУБЛИКАЦИЙ В СМИ)

Елизавета Сергеевна Сотникова¹, Наталья Васильевна Мамонова²

^{1,2} Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

¹ esstnv@gmail.com

² nat2.mv@gmail.com

Аннотация. В условиях интенсивного развития медиакommunikационных технологий на первый план в образовательной среде выходит вопрос формирования медиаобраза высшего учебного заведения в СМИ, который обеспечивает его привлекательность разным слоям целевой аудитории. Данная статья посвящена лингвокогнитивному анализу механизмов университетского брендинга на примере Челябинского государственного университета. Авторы задаются целью выявить лингвокогнитивные особенности процесса брендинга регионального вуза. Релевантность исследования определяется привлечением совокупности методов таких как общенаучный индуктивно-дедуктивный метод, метод наблюдения лингвокогнитивных явлений, элементы метода дискурсивного, когнитивного и лингвостилистического анализа. Материалом исследования служат 94 интернет-публикации региональных новостных порталов URA.RU, 74.ru и «КП – Челябинск» с упоминанием Челябинского государственного университета за период с 01.01.2024 по 31.08.2024. Авторы приходят к выводу, что медиаобраз вуза передает сформированный в СМИ дискурсивный портрет, который содержит как представления, так и общественное мнение об образовательной организации; а также совокупность лингвокогнитивных представлений о вузе в сознании реципиентов медиа. Авторы разграничивают термины медиаобраз и медиабренд, определяя последний как наиболее устойчивый и конструируемый в языковом сознании реципиентов медиаобраз. В статье представлено сгенерированное лексическое облако концепта «ЧелГУ», статистические данные частотности словоупотреблений, релевантных ключевому слову «ЧелГУ» на материале корпуса текстов региональных СМИ, а также приводятся и анализируются примеры медиатекстов. В работе выявляются лингвокогнитивные особенности процесса брендинга регионального вуза и устанавливаются средства реализации брендинга регионального вуза с точки зрения реализации коммуникативного и прагматического потенциала.

Ключевые слова: медиадискурс, медиабрендинг, семантическое поле, медиаобраз, ЧелГУ, лексема

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда перспективных научных исследований ФГБОУ ВО «ЧелГУ», 2024 г.

Для цитирования: Сотникова Е. С., Мамонова Н. В. Лингвокогнитивные механизмы брендинга Челябинского государственного университета в медиадискурсе (на материале интернет-публикаций в СМИ) // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 9 (503). С. 135–143. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-503-9-135-143.

Original article

LINGUACOGNITIVE MECHANISMS OF CHELYABINSK STATE UNIVERSITY BRANDING IN MEDIADISDISCOURSE (BASED ON MASS MEDIA INTERNET PUBLICATIONS)

Elizaveta S. Sotnikova¹, Natalya V. Mamonova²

^{1,2} Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

¹ esstnv@gmail.com

² nat2.mv@gmail.com

Abstract. In the context of the intensive development of media communication technologies, the issue of forming a media image in the media, which provides attractiveness to different layers of the target audience, comes to the fore. This article is devoted to the linguocognitive analysis of the mechanisms of university branding on the example of Chelyabinsk State University. The authors set out to identify the linguistic and cognitive features of the branding process of a regional university. The relevance of the research is determined by the use of a set of methods such as the general scientific inductive-deductive method, the method of observation of linguocognitive phenomena, elements of the method of discursive, cognitive and linguistic stylistic analysis. The research materials are 94 online publications of regional news portals URA.RU, 74.ru and “KP -Chelyabinsk” mentioning Chelyabinsk State University for the period from 01.01.2024 to 08.31.2024. The authors conclude that the media image of the university conveys a discursive portrait formed in the media, which contains both ideas and public opinion about the educational organization; as well as a set of linguocognitive ideas about the university in the minds of media recipients. The authors distinguish the terms honey image and media brand, defining the latter as the most stable and constructed media image in the linguistic consciousness of recipients. The paper identifies the linguistic and cognitive features of the branding process of a regional university and establishes the means of implementing the branding of a regional university in terms of realizing its communicative and pragmatic potential.

Keywords: media discourse, media branding, semantic field, media image, CSU, lexeme

Funding: The research is financially supported by the Foundation for Advanced Scientific Research of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Chelyabinsk State University”, 2024.

For citation: Sotnikova ES, Mamonova NV. Linguacognitive Mechanisms of Chelyabinsk State University Branding in Mediadiscourse (Based on Mass Media Internet Publications). *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(9(503)):135-143. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-503-9-135-143.

Введение

В условиях свободного перемещения внутри государства, наличия у абитуриентов возможности поступить в любой вуз страны, а у сотрудников — релоцироваться, значительную роль в формировании идентичности вуза играет создание его медиаобраза в СМИ, который был бы привлекателен для широкой целевой аудитории (учёные, преподаватели, абитуриенты и их родители, жители города, в котором расположен вуз) и создавал устойчивую эмоциональную связь.

В языке «отражается не только реальный мир, окружающий человека, не только реальные условия его жизни, но и «...» система ценностей, мироощущение, видение мира» [14, с. 13]. Развитие коммуникационных технологий вывело массмедиа на новый уровень: «наступила пора качественного осмысления современной феноменологии медиатекста — его бытия в новых условиях, с новыми производителями, новыми потребителями и, естественно, новыми технологическими возможностями» [2, с. 5; 5]. Переход

медиадискурсивных практик в цифровое поле «позволяет увидеть определённую и единообразие в формах цифрового представления контента» [8, с. 320; 11].

При анализе лингвистической креативности в мессенджере Telegram Л. Р. Дускаева и Л. Ю. Иванова уделяют особое внимание лингвокреативности как важнейшей стратегии в создании медиатекстов, обусловленной «необходимостью придать нику и слогану уникальный облик и призванная уникальностью облика обеспечить узнаваемость, запоминаемость» [6, с. 53]. Основной задачей медиабрендинга регионального университета является создание образа, который отражает социальную и национально-культурную специфику самого вуза и региона, в котором он расположен.

Как отмечает В. Л. Музыкант, создание бренда предполагает оказание влияния на разные целевые аудитории для гарантирования потребителям тех качеств, которые они ожидают от бренда [12, с. 20].

Цель настоящего исследования состоит в выявлении лингвокогнитивных особенностей процесса брендинга регионального вуза, Челябинского государственного университета.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования стали 94 интернет-публикации с упоминанием Челябинского государственного университета за период с 01.01.2024 г. по 31.08.2024 г. в объёме 190 тыс. печатных знаков с пробелами. В материал исследования вошли новостные статьи, опубликованные на региональных новостных порталах URA.RU, 74.ru и «КП – Челябинск», нескольких видов: рекламные (размещённые по заказу университета в период приёмной кампании), новостные (написанные журналистами вышеуказанных изданий о событиях в вузе или содержащие упоминание сотрудников вуза), обзорные (написанные журналистами вышеуказанных изданий в период приёмной кампании и содержащие обзоры нескольких высших учебных заведений).

Исследование проведено с применением общенаучного индуктивно-дедуктивного метода, метода наблюдения лингвокогнитивных явлений, элементов метода дискурсивного, когнитивного и лингвостилистического анализа. Исследование подобного плана также подразумевает привлечение данных из научных направлений, выходящих за область лингвистики и когнитологии.

Результаты исследования и их обсуждение

Основной особенностью бренда является его адресность, или ориентация на потребности, ценности и интересы целевой аудитории, настоящей и будущей. Как утверждает Т. Гэд, бренды строятся не вокруг вещей, а вокруг отношений [4, с. 12], они затрагивают чувства потребителей [7, с. 24]. О. В. Куликова отмечает, что эмоциональный брендинг (выстраивание диалога с потребителем) — это сложный процесс, к которому, тем не менее, переходят многие крупные бренды, уходя от сугубо прагматического подхода [7, с. 24]. Т. Гэд вводит понятие мыслительного поля бренда, состоящего из четырёх компонентов: функционального, социального, духовного и ментального [9, с. 37, 75, 91]. На основе этого О. В. Куликова приходит к следующему:

- Функциональный компонент бренда должен соответствовать ценностям целевой аудитории, отвечать её познавательным и эстетическим запросам.
- Социальный компонент бренда предполагает идентификацию реципиента с социальной группой, имеющей общие ценностные ориентиры.

- Духовный компонент бренда связан со значимостью бренда, его способностью воплощать духовные и культурные ценности и давать возможность культурного и духовного роста.

- Ментальный компонент бренда связан со стимуляцией познавательной деятельности людей и способствует обновлению картины мира [7, с. 26].

Медиабрендинг строится на различных дискурсивных практиках: опора на объективные данные, конкретизация и детализация, создание образа через легенду и др., которые образуют интегрированную модель бренда, или медиаобраз. Она включает в себя вербальный и визуальный компоненты. Визуальный компонент представлен фотографиями и фирменным стилем бренда.

Медиаобраз «даёт возможность личности в информационном сообществе ощущать адекватную его представлениям и ценностям картину мира, позволяющую определять смысл жизни и конструировать эффективный жизненный сценарий» [15, с. 93], это «непрерывно развивающаяся виртуальная модель <...>, конструируемая СМИ, которая как отражает, так и рефреймирует и/или формирует знания и представления адресата» [9, с. 136]. Для популяризации медиаконтента в цифровой медиасреде зачастую особая роль отводится эмоциям, это связано с тем, что «позитивный контент более вирулентен, чем негативный» [16, с. 192]. В. В. Барабаш в качестве характеристик медиаобраза выделяет стереотипность, утрированность, кратковременность, двойственность и эмоциональность [1].

Таким образом, мы приходим к выводу, что медиаобраз вуза — это сформированный в СМИ дискурсивный портрет, содержащий представления и общественное мнение об образовательной организации; совокупность лингвокогнитивных представлений о вузе в сознании реципиента медиаконтента. При этом медиабренд вуза представляет собой наиболее устойчивый и конструируемый в языковом сознании реципиентов медиаобраз.

Семантический анализ текстов медиадискурса позволяет выявить смысловые конструкции и дискурсивные особенности исследуемого медиаобраза, которые содержат культурно-ценностные ориентиры и передают паттерны поведения [10, с. 380].

На первом этапе исследования производится отбор медиатекстов по поисковому запросу «Челябинский государственный университет» на новостных порталах. Далее при помощи

автоматического семантического анализа определяются количественные характеристики полученного корпуса текстов. Выделенные на этом этапе смысловые компоненты анализируются на предмет языковых и когнитивных механизмов, используемых в репрезентации медиаобраза Челябинского государственного университета в региональных СМИ.

На рис. 1 представлено лексическое облако концепта «Челябинский государственный университет». В центральной части находятся лексемы «вуз», «университет», «год», а также топонимы «Челябинск» и «челябинский».

В табл. 1 представлена статистика словоупотреблений частотных фраз. Смысловыми доминантами являются *студент*, *(гос)университет*, *обучение*, *образование*, *факультет*.

Во время подготовки и проведения приёмной кампании на первое место по частоте использования выходят лексемы *университет*, *факультет*, *студент*, *общежитие*, *кампус*. Рассмотрим контексты вербализации данных лексических единиц:

«Сегодня представители **факультетов** и **институтов ЧелГУ** сходили осмотреть межуниверситетский **кампус** мирового уровня, где с первого сентября будут жить наши **студенты**. Комнаты, общественные пространства, прачечные — всё красивое и новое — ждёт своих жильцов», — пояснили URA.RU в пресс-службе вуза.¹

«Среди **студентов** нашего факультета индустрии спорта и туризма в сентябре увидим Сергея Телегина Российский хоккеист, защитник челябинского „Трактора“ и сборной России», — сообщили в пресс-службе.²

Самое дорогое в Челябинске студенческое **общежитие** находится в **ЧелГУ**.³

Чтобы сделать образовательный процесс комфортнее и доступнее, в **университете** организована безбарьерная архитектурная среда, которая помогает беспрепятственно, безопасно и удобно передвигаться маломобильным **студентам**.⁴

В период приёмной кампании даются подробные алгоритмы процесса поступления, особенно статей факультетов и направлений обучения.

¹ <https://ura.news/news/1052801331>

² <https://ura.news/news/1052797132>

³ <https://ura.news/news/1052796143>

⁴ <https://74.ru/text/education/2024/07/04/73783832/>

В периферийной зоне семантического поля расположены лексемы, иллюстрирующие особенности Челябинского государственного университета: *ботанический сад*, *суслик*, *кампус*, *военный (учебный центр)*.

Рис. 1. Лексическое облако концепта «ЧелГУ» по материалам региональных СМИ

Fig. 1. Lexical cloud of the 'CSU' concept based on the materials of regional mass media.

Таблица 1
Table 1

Статистика словоупотреблений, релевантных ключевому слову «ЧелГУ» на материале корпуса текстов региональных СМИ

Фраза	Повторения
ЧелГУ	314
Студент	150
Университет	142
Факультет	86
Обучение	80
Новый	78
Образование	72
Челябинский госуниверситет	68
Ректор	64
Научный	47
Кампус	45
Челябинский государственный университет	41
Сергей Таскаев	44
Общежитие	35
Исследование	35
Ботанический сад	28
Военный	26
Бюджетное место	26
Преподаватель	21
Развитие	21
Суслик	21

В числе преимуществ **ЧелГУ** — места в **общественных** для иногородних студентов, собственный санаторий-профилакторий и база отдыха, подготовка в **военном учебном центре**, программы двойного диплома, помощь в прохождении практики и трудоустройстве через Центр карьеры, развитая спортивная инфраструктура, **ботанический сад** и обитающие в нем **суслики**, активная студенческая жизнь.⁵

Такие особенности высшего учебного заведения важны для привлечения внимания целевой аудитории, поскольку непосредственно связаны с комфортом обучения и работы в вузе. Ботанический сад и живущие в нем суслики давно стали частью медиабренда ЧелГУ: в ботаническом саду проводятся научно-популярные лекции для всех желающих, жители города проводят там свободное время, а суслики фигурируют на графических рекламных материалах в печати и интернет-источниках (рис. 2) и даже стали основой для двух наборов стикеров в мессенджере Telegram (рис. 3).

Рис. 2 также демонстрирует визуальный компонент медиабренда ЧелГУ в виде фирменного стиля и корпоративных цветов. Все рекламные материалы, информационные стенды в вузе, вывески и иные графические элементы оформляются в соответствии с брендбуком университета, где зафиксированы корпоративные цвета, шрифты, логотип и иные элементы фирменного стиля. Согласно опросу, проведённому среди студентов факультета лингвистики и перевода ЧелГУ, одной из частотных ассоциаций с факультетом является **фиолетовый**, один из фирменных цветов вуза.

⁵ <https://www.chel.kp.ru/daily/27597/4947633/>

Рис. 3. Стикерпак «ЧелГУслики» в Telegram
Fig. 3. The “ChelGusliks” sticker pack on Telegram

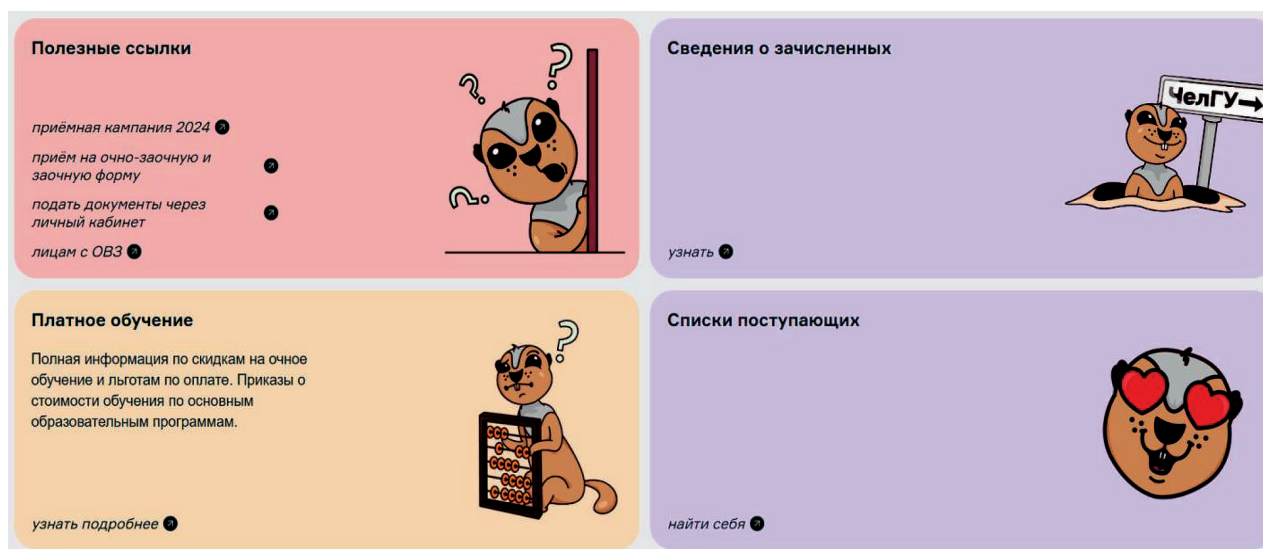

Рис. 2. Фрагмент сайта abit.csu.ru
Fig. 2. A fragment of the abit.csu.ru website

Присутствие и активность вуза в интернет-среде в общем и в социальных сетях и мессенджерах в частности — это демонстрация информационной открытости организации [3] и адаптация под потребности основной целевой аудитории — школьников, которым предстоит выбрать профессию. Онлайн-коммуникация является важным фактором повышения конкурентоспособности бренда университета [13, с. 375]. Поскольку социальные сети на данный момент являются «основной точкой входа в информационное пространство» [4, с. 16], адаптация под потребности молодого поколения является неотъемлемым фактором развития медиабренда вуза.

Фирменный стиль ЧелГУ редко используется в статьях на новостных порталах, что обусловлено спецификой оформления материалов на данных площадках. Графические элементы фирменного стиля встречаются на фотографиях с мероприятий ЧелГУ в тематических статьях. Лексема «суслик» и его графическое изображение (фотографии) становятся центральными компонентами небольших новостных статей, посвящённых ботаническому саду ЧелГУ и самим сусликам. Фотографии сотрудников и студентов вуза расширяют медиаобраз вуза, повышая его узнаваемость и приближая вуз к реципиентам, поскольку упоминание представителей организации персонализирует организацию.

91 % статей, опубликованных на рассматриваемых площадках, относятся к новостному типу, и около 50 % из них посвящены событиям, не связанным с университетом, но преподаватели и научные сотрудники ЧелГУ дают комментарии как эксперты.

*Дабы окончательно развеять все сомнения, «Комсомольская правда» обратилась за комментарием к астрофизику, кандидату физико-математических наук, доценту кафедры общей теоретической физики ЧелГУ Сергею Замоздре. Сергей Николаевич был и остаётся одним из главных консультантов и экспертов по теме Челябинского метеорита.*⁶

Привлечение сотрудников вуза в качестве экспертов положительно влияет на медиабренд университета, расширяя его, и формирует у реципиентов понимание того, что в университете преподают учёные, специалисты-практики, чьи компетенции выходят за рамки педагогической квалификации. В первую очередь это оказывает влияние на родителей абитуриентов, поскольку контент новостных сайтов и сообществ ориенти-

рован на взрослую аудиторию. В таких случаях основным лингвистическим средством создания медиаобраза является использование слов, указывающих должности, звания и иные регалии, а также непосредственное использование названия вуза.

Около 5 % публикаций за рассматриваемый период посвящены негативным аспектам процесса обучения и функционирования ЧелГУ (например, эпидемии заболеваний или строительство кампуса, создающее дискомфорт для жителей близлежащих домов). Тем не менее, в подобных статьях используется нейтральный стиль повествования, что снижает негативную тональность дискурса, и отсутствует критика деятельности университета. Негативные коннотации выражены отдельными лексемами (*корь, заболевание, вырубка, срубить*), а также вопросами, иронией и иными стилистическими средствами, использованными в комментариях отдельными жителями города:

*Для строительства кампуса деревья посрубали, — возмутилась читательница 74.RU. — Опять каменных мешков настроят, вичкам окружают — нате вам «деревья». Думала, университет, который гордится своим ботаническим садом, способен более гуманно относиться к деревьям. Ошиблась.*⁷

Стоит отметить, что негативные коннотации нивелируются дальнейшими пояснениями от представителей вуза и иных лиц, имеющих отношение к рассматриваемым событиям:

В пресс-службе ЧелГУ уточнили, что университет не имеет прямого отношения к стройке, не выдаёт разрешительных документов. Директор застройщика ООО «Челябинская Концессионная Компания» Алексей Шулепов в свою очередь сообщил, что все работы ведутся в соответствии с законом.

*— Хотели бы успокоить жителей города и заверить в том, что проектом благоустройства территории кампуса предусмотрено формирование зелёных зон для прогулок и отдыха, — рассказал 74.RU Алексей Шулепов.*⁸

Заключение

В результате анализа лингвокогнитивных механизмов брендинга медиаобраз Челябинского государственного университета представляет собой сформированный в СМИ медиадискурсивный портрет современного регионального университета, включающий в себя совокупность

⁶ <https://www.chel.kp.ru/daily/27573/4897025/>

⁷ <https://74.ru/text/ecology/2024/01/23/73149617/>

⁸ <https://74.ru/text/ecology/2024/01/23/73149617/>

лингвокогнитивных медийных представлений об образовательной организации, в конечном счёте, оформленное в общественное мнение под влиянием медиаконтента. Для создания медиабренда используются вербальные средства (лексемы, связанные с университетом и вызывающие положительную реакцию реципиентов), графические элементы фирменного стиля, фото студентов и сотрудников, что повышает узнаваемость бренда университета.

Исследование показало, что в медиадискурсивный портрет Челябинского государственного

университета входят как стандартные для организаций высшего образования явления (*студент, наука, факультет, обучение*), так и уникальные аспекты вуза (личность ректора, *ботанический сад, суслики, военно-учебный центр*).

Изучение лингвокогнитивных механизмов брендинга представляется перспективным и имеет огромное значение для высших учебных заведений в условиях возрастающей роли медиа в успешном формировании и продвижении своего собственного бренда в регионе, в России, в странах ближнего и дальнего зарубежья.

Список источников

1. Барабаш В. В. Особенности воздействия медиаобраза на аудиторию женских глянцевого журналов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 8. С. 207–211.
2. Вартанова Е. Л., Вырковский А. В., Загидуллина М. В. Медiateкст в эпоху цифровых платформ: возможности и угрозы // Вестник Моск. ун-та. Серия 10. Журналистика. 2024. № 3. С. 3–13. <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.3.2024.313>.
3. Гуреева А. Н., Муронец О. В., Самородова Э. В., Кузнецова В. С. Корпоративные коммуникации российской высшей школы в социальных сетях: оценка эффективности // Вопросы теории и практики журналистики. 2018. Т. 7. № 3. С. 482–503. DOI: 10.17150/2308-6203.2018.7(3).
4. Гэд Т. 4D брэндинг: Взламывая корпоративный код сетевой экономики. Пер. с англ. М. Аккая. Сер.: Книги Стокгольмской школы экономики в Санкт-Петербурге. 3-е изд. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2005. 228 с.
5. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: теория, методы, направления. М.: «КДУ», «Добросвет», 2020. 178 с. <https://doi.org/10.31453/kdu.ru.91304.0107>.
6. Дускаева Л. Р., Иванова, Л. Ю. Лингвокреативность в создании паратекста телеграм-канала // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2023. № 20 (1). С. 40–60.
7. Куликова О. В. Локус-брендинг как отражение специфики геокультурного пространства (лингвокогнитивный аспект) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2020. 17 (1). С. 22–37. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2020.102>.
8. Кушнерук С.Л. Телеграм-дискурс как формат цифровой коммуникации // Медиалингвистика. 2024. 11 (3), С. 300–324. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2024.302>.
9. Малышева Е. Г. Формирование медиаобраза региона в федеральных телевизионных СМИ (на материале текстов об Омске) // Научный диалог. 2016. № 12 (60). С. 134–144.
10. Мамонова Н. В. Особенности репрезентации медиаобраза науки (на материале регионального новостного сетевого издания lobl.ru) // Медиалингвистика. 2023. № 10 (3). С. 376–393. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2023.306>.
11. Михеев Т. В. Лингвистические особенности новых медиа (формат социальной сети Telegram) // Тенденции развития науки и образования. 2023 № 97 (4), С. 99–101.
12. Музыкант В. Л. Формирование брэнда средствами рекламы и PR: учебное пособие. М.: Экономика, 2004. 606 с.
13. Прохоров А. В. Медиасреда регионального вуза (на примере Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина) // Коммуникативные исследования. 2021. Т. 8. № 2. С. 368–380. DOI: 10.24147/2413-6182.2021.8(2).
14. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Издательство МГУ, 2000. 624 с.
15. Хочунская Л. В. Феномен медиаобраза: социально-психологический аспект // Вестник РУДН. Литературоведение, журналистика. 2013. № 2. С. 91–95.
16. Berger J., Milkman K. L. What makes online content viral? // Journal of Marketing Research. 2012. № 49 (2). pp. 192–205.

References:

1. Barabash VV. Osobennosti vozdejstviya mediaobraza na auditoriyu zhenskikh glyancevykh zhurnalov. *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanities, socioeconomic and social sciences*. 2015;(8):207-211. (In Russ.).
2. Vartanova EL, Vyrkovskiy AV, Zagidullina MV. Mediatekst v epokhu tsifrovyykh platform: vozmozhnosti i ugrozy = Media text in the era of digital platforms: opportunities and risks. *Vestnik Mosk. un-ta. Seriya 10. Zhurnalistika = Bulletin of Moscow university. Ser.10. Journalism*. 2024;(3):3-13. <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.3.2024.313> (In Russ.).
3. Gureeva AN, Muronets OV, Samorodova EV, Kuznetsova VS. Korporativnye kommunikacii rossijskoj vysshej shkoly v social'nyh setyah: ocenka effektivnosti. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki = Theoretical and practical issues in journalism*. 2018;7(3):482-503. (In Russ.).
4. Gad T. 4D branding: Vzlamyvaya korporativnyj kod setевой ekonomiki = 4D Branding: Cracking the Corporate Code of the Network Economy. Saint Petersburg; 2005. 228 p. (In Russ.).
5. Dobrosklonskaya TG. Media linguistics: theory, methods, rules. Moskva : «KDU», «Dobrosvet», 2020. 178 p. <https://doi.org/10.31453/kdu.ru.91304.0107>. (In Russ.).
6. Duskaeva LR, Ivanova LYu. Lingvokreativnost' v sozdanii parateksta telegram-kanala = Linguocreativity in the creation of a telegram channel paratext. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura. = Bulletin of St. Petersburg University. Language and literature*. 2023;(20(1):40-60. (In Russ.).
7. Kulikova OV. Lokus-branding kak otrazhenie specifiky geokul'turnogo prostranstva (lingvokognitivnyj aspekt). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literature = Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2020;(17(1):22-37. (In Russ.).
8. Kushneruk SL. Telegram-diskurs kak format tsifrovoy kommunikatsii = Telegram discourse as a format of digital communication. *Medialingvistika = Media linguistics*. 2024;(11(3):300-324. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2024.302> (In Russ.).
9. Malysheva EG. Formirovanie mediaobraza regiona v federal'nyh televizionnyh SMI (na materiale tekstov ob Omske). *Nauchnyj dialog = Scientific dialog*. 2016;(12(60):134-144. (In Russ.).
10. Mamonova NV. Osobennosti reprezentacii mediaobraza nauki (na materiale regional'nogo novostnogo setevogo izdaniya lobl.ru). *Medialingvistika = Medialinguistics*. 2023;(10(3):376-393. (In Russ.).
11. Mikheev TV. Lingvisticheskie osobennosti novykh media (format sotsial'noy seti Telegram) = Linguistic features of new media (Telegram social network format). *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya = Trends in the development of science and education*. 2023;(97(4):99-101. (In Russ.).
12. Muzikant VL. Formirovanie brenda sredstvami reklamy i PR = Brand formation with the means of advertising and PR. Moscow; 2004. 606 p. (In Russ.).
13. Prokhorov AV. Mediasreda regional'nogo vuza (na primere Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta imeni G. R. Derzhavina). *Kommunikativnye issledovaniya = Communication research*. 2021;8(2):368-380. (In Russ.).
14. Ter-Minasova SG. Language and intercultural communication. M., Izdatel'stvo MGU, 2000. 624 p. (In Russ.).
15. Khochunkaya LV. Fenomen mediaobraza: social'no-psihologicheskij aspekt. In: *Vestnik RUDN. Literaturovedenie, zhurnalistika = RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*. 2013;(2):91-95. (In Russ.).
16. Berger J, Milkman KL. What makes online content viral? *Journal of Marketing Research*. 2012;(49(2):192-205.

Информация об авторах

Е. С. Сотникова — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка.

Н. В. Мамонова — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры делового иностранного языка.

Information about the authors

E. S. Sotnikova — Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of the Department of the English Language.

N. V. Mamonova — Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of the Department of Business Foreign Language.

Статья поступила в редакцию 14.10.2024; одобрена после рецензирования 28.10.2024; принята к публикации 17.09.2025.

The article was submitted 14.10.2024; approved after reviewing 28.10.2024; accepted for publication 17.09.2025.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

ПРАГМАЛИНГВИСТИКА, АНАЛИЗ ИНТЕРАКЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА PRAGMALINGUISTICS, INTERACTIONAL DISCOURSE ANALYSIS

Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 9 (503). С. 144–152.

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2025;(9(503):144-152.

Научная статья

УДК 81'22

DOI: 10.47475/1994-2796-2025-503-9-144-152

ТИПОЛОГИЯ КРИТИКИ В ЖАНРЕ ТЕАТРАЛЬНОГО ИНТЕРНЕТ-ОТЗЫВА: МЕЖДУ ВЕЖЛИВОСТЬЮ И НЕВЕЖЛИВОСТЬЮ

Светлана Викторовна Иванова

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, svet_victoria@mail.ru,

ORCID: 0000-0002-0127-9934

Аннотация. Исследование нацелено на выявление коммуникативных практик, связанных с выражением критики, вербализованной в виде критического суждения, в жанре театрального интернет-отзыва, опубликованного в публичной социальной сети. Материалом исследования послужили отзывы в интернет-сообществе любителей театра. Для анализа использовались методы, предопределённые дискурсивным и коммуникативно-прагматическим подходами. В работе систематизированы имеющиеся подходы к типологии критики и выделен дихотомический принцип её организации. Типология критического суждения дополняется таким типом, как вежливая критика. Вежливая критика в рамках рассматриваемого жанра связана с недирективностью, нацеленной на смягчение неудовольствия адресанта. Косвенная реализация вежливости опосредуется тактиками ритуальности, уступительности, переноса объекта критики, даунгрейдинга (посредством диминутивов и минимизаторов), юмористичности, умалчивания, субъективизации и реструктуризации текста. Дальнейшее исследование заявленной проблематики предполагает акцент на невежливой критике.

Ключевые слова: жанр театрального интернет-отзыва, критика, типология критики, критическое суждение, вежливая критика, non-bona-fide модус коммуникации

Для цитирования: Иванова С. В. Типология критики в жанре театрального интернет-отзыва: между вежливостью и невежливостью // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 9 (503). С. 144–152. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-503-9-144-152.

Original article

TYPOLOGY OF CRITICISM IN THE GENRE OF A THEATRICAL INTERNET REVIEW: BETWEEN POLITENESS AND IMPOLITENESS

Svetlana V. Ivanova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, svet_victoria@mail.ru, ORCID: 0000-0002-0127-9934

Abstract. The research is aimed at identifying communicative practices related to the expression of criticism, verbalized in the form of critical judgment, in the genre of a theatrical internet-review published in a public social network. The research was based on reviews in the theater lovers' online community. Analysis employed methods predetermined by discursive and communicative-pragmatic approaches. The paper sums up existing approaches to the typology of criticism and highlights the dichotomous principle of its organization. The typology of critical judgment is complemented by such a type as polite criticism. Polite criticism within the framework of the genre under consideration is associated with non-directivity aimed at mitigating the recipient's displeasure. The indirect realization of politeness is mediated by the tactics of ritualism, compliance, transfer of the object of criticism, down-

grading (through diminutives and minimizers), humour, silencing, subjectivization and text restructuring. Further investigation involves an emphasis on impolite criticism.

Keywords: genre of theatrical internet-review, criticism, typology of criticism, critical judgment, polite criticism, non-bona-fide mode of communication

For citation: Ivanova SV. Typology of Criticism in the Genre of a Theatrical Internet Review: Between Politeness and Impoliteness. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(9(503):144-152. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-503-9-144-152.

Введение. Постановка проблемы

Настоящая работа обращена к проблеме вербализации критики в жанре театрального интернет-отзыва. Сложность такого рода исследования вытекает из противоречивости и неоднозначности рассматриваемого явления. Его противоречивость обусловлена тем, что критика как таковая может означать как отрицательное суждение, так и рефлексия, интерпретацию и анализ. Неоднозначность является результатом того, что критическое суждение в тексте критического отзыва может знаменовать как конфликтную коммуникацию, так и конструктивное взаимодействие; может сопровождаться речевой агрессией, но и быть нацеленным на совместный поиск решения проблемы; критика может быть как негативной, сокрушительной, так и позитивной в плане задействованных вербализаторов эмоций. Более того, сам критический отзыв отличается полидискурсивностью [2. С. 68] и может рассматриваться в рамках нескольких типов дискурса: просветительского или популяризационного, конфликтного, театрального, ритуального и даже рекламного. Таким образом, театральный отзыв, опубликованный в качестве интернет-поста, приводит во взаимодействие и в дальнейшем интегрирует множественные характеристики разной природы — жанра, законам которого подчиняется данный текст; дискурса, который форматирует текст в связи с социальным контекстом; канала коммуникации, который отвечает за прагматические маркеры. Соответственно, есть все основания полагать, что все перечисленные факторы так или иначе отражаются и на выражении критики.

Первое, что обращает на себя внимание, это заметная диспропорция хвалебных и критических отзывов в рассматриваемом паблике. Приблизительные подсчёты материала показывают, что это соотношение равно 6:1. Отзывы, содержащие критическое суждение, не частотны, соответственно, возникает вопрос: с чем связана эта диспропорция? Может ли причиной быть сложность коммуникативной задачи? И в таком случае как решается эта задача, какие коммуникативные прак-

тики в ходу у авторов критических постов? Как вербально проявляется критика и влияет ли канал коммуникации на вербализацию критического суждения? Обозначенные исследовательские вопросы определили формулировку цели настоящего исследования, которая состоит в том, чтобы выявить коммуникативные практики, связанные с выражением критики в анализируемом жанре.

Методология и материал исследования

Поскольку в фокусе настоящего исследования критика и то, как она выражается в определённом типе текста, прежде всего, необходимо обратиться к самому понятию критики. Согласно словарю, данная лексема восходит к греческого *kritikē*, что означает искусство обсуждать и судить. Семантика соответствующей русской лексемы охватывает целый ряд значений¹, но в рамках настоящего исследования интерес вызывает то значение, которое предполагает отрицательное суждение о чём-либо. Именно такого рода отзывы, содержащие отрицательную оценку, то есть критическое суждение, будут подвергнуты анализу с тем, чтобы выявить типы критики (критического суждения), характерные для рассматриваемого жанра. Таким образом, коммуникативный акт выражения отрицательной, неодобрительной оценки, то есть критическое суждение, и выступает объектом настоящего исследования. Предмет исследования составляют языковые способы выражения критического суждения.

Материалом исследования послужили посты отзывов в сообществе любителей театра (Общество любителей Мариинского театра, далее ОЛМТ)². Выборку для анализа составили тексты интернет-отзывов названной группы, опубликованные в 2025 г. и содержащие критическое суждение, то есть выражающие неодобрение по отношению к театральному представлению или его элементов в виде отрицательной оценки: из 1000 отзывов 167 содержали критику.

¹ Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб : Норинт, 2000. С. 471.

² Режим доступа: <https://vk.com/mariinsky.friends?from=groups> (дата обращения: 21.07.2025).

Анализ отобранного материала производился в рамках дискурсивного подхода, который с опорой на широкий спектр лингвистических методов позволяет устанавливать как эксплицитные языковые средства, так и «невывыказанное» [14. С. 57]. В этом плане традиционно используются в силу их эвристичности дефиниционный, функциональный и контекстуальный анализ. Наряду с дискурсивным подходом задействован потенциал коммуникативистики и лингвопрагматики. Фокус коммуникативно-прагматического анализа направлен на идентификацию целей продуцента текста с учётом специфики ситуации общения [16. С. 959]. Кроме того, применяется инструментарий коммуникативной лингвистики, предполагающий анализ в терминах коммуникативных стратегий и тактик. Под коммуникативной стратегией традиционно понимается «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [5. С. 54]. По К. Келлерманн, стратегия отвечает за отбор речевых ресурсов и их адаптацию к условиям общения [5. С. 103] и реализуется посредством тактик [5. С. 110]. Дискурсивный и коммуникативно-прагматический ракурсы исследования позволяют выявить устойчивые, воспроизводимые типы коммуникативной деятельности, традиционно именуемые коммуникативными практиками [1. С. 768].

Результаты и обсуждение

До того, как приступить к анализу особенностей выражения критики в жанре театрального интернет-отзыва, необходимо дать его краткую характеристику. Театральный интернет-отзыв является разновидностью жанра рецензии и относится к аналитическим жанрам [12. С. 204], являясь совмещённым с выражением оценки откликом на театральное представление. В фокусе данного исследования — один из подтипов театрального интернет-отзыва — тот, который содержит критику, то есть отрицательную оценку.

Диапазон отрицательной оценки, заключённый в критическом суждении, достаточно широк. Аналитический взгляд на разрозненные типы критики (см. подробнее обзор типов критики в [10. С. 2015]) позволяет увидеть дихотомический принцип, который мог бы стать структурирующим при построении типологии. Типологию критики можно представить в виде дихотомий, базирующихся на различных критериях: по направленности на результат критика может быть конструктивная ↔ деструктивная, по тональности: позитивная ↔ негативная, по способу вербализации: открытая ↔ скрытая, по направленности

на объект критики: прямая ↔ косвенная, по участию эмоционального фактора: эмоциональная ↔ сдержанная, по логическому основанию: объективная ↔ субъективная. Все эти разновидности критики так или иначе встречаются в театральных интернет-отзывах.

Дихотомическая пара конструктивная ↔ деструктивная критика не так часто представлена в жанре театрального отзыва по совершенно понятным причинам. Театральный интернет-отзыв в паблике соцсети пишется рядовым зрителем с целью дать оценку увиденному. Рядовой зритель не является профессионалом, и многие подчёркивают свой любительский статус.

(1) *Я — не музыковед, не обладаю идеальным слухом, поэтому поделюсь сугубо зрительскими впечатлениями*³. (ОЛМТ, 12.07.2025).

Проблематичность конструктивной критики в жанре интернет-отзыва проистекает из того, что она направлена на улучшение через указание на недостатки, но при этом помогает критикуемому справиться с ошибками. Такого рода критика закономерна в рамках театральной рецензии, составленной специалистом в данной области. Тем не менее, единичные примеры конструктивной критики встречаются, когда критикующий «подсказывает», что надо было бы улучшить.

(2) *Можно ли всё, что есть в этой постановке, актёрски сыграть лучше? Можно. И даже, наоборот, нужно. Я не увидела полноценного развития образа ни у кого*. (ОЛМТ, 08.07.2025).

Примеры деструктивной критики, которая не предлагает решений, а в оскорбительном тоне указывает на огрехи, чрезвычайно редки в жанре театрального интернет-отзыва данной группы. Это может быть связано как с неанонимностью авторства, так и редакционной политикой группы, связанной с театром, — не публиковать отзывы, нарушающие этику коммуникации, что подтверждается наличием среди ответственных контактов группы лица, юмористически именуемого «Главный надзиратель». Тем не менее, обращает на себя внимание, что свободнее и резче критические суждения формулируются в жанре комментария к интернет-отзыву, то есть в гипертексте. И в комментариях деструктивная критика все же изредка встречается в своей классической форме, грубой и оскорбительной.

(3) *Да, ходили, как болваны и пели плохо. Михайлов — **король, как болван**. Михайлов — герой, как обычно, носовым звуком и умирал,*

³ Орфография и пунктуация авторов отзывов сохранена. — Прим. авт.

как Рикардо. Казанлиева — вначале показалась ничего, но потом тоже не. Безэмоционально и **деревянно**. (ОЛМТ, 07.07.2025).

Позитивная и негативная критика очень близки к дихотомической паре конструктивная ↔ деструктивная критика, в связи с чем некоторые авторы их уравнивают. Тем не менее, представляется, что эти дихотомические пары не взаимозаменяемы и их целесообразно развести, поскольку основополагающим критерием для выделения позитивной и негативной критики служит тональность высказывания. Тональность высказывания предполагает эмоционально-волевую установку автора, его психологическую позицию по отношению к излагаемому [11. С. 549]. Соответственно, позитивная критика (4) выдержана в знаках положительной оценки (как вербальных, так и невербальных), в то время как негативная критика имеет целью представление объекта критики в невыгодном свете за счёт лексических единиц с отрицательной оценкой (5), в отличие от деструктивной критики, которая связана с использованием уничижительной лексики.

(4) *Иван Сендецкий — очень симпатичный, интеллигентный, думающий, чувствующий (и без модного ныне раздрая эмоций на сцене), техничный. Но... не Ростропович — в смысле харизмы, чтобы захватить, погрузить слушателя в музыку с головой. А в таком сочинении по-другому никак, это же не классические консонансы — музыка для наслаждения. Впрочем, консонансы тоже были: на бис Иван исполнил два Гавота Баха. Отдавая должное отличной выучке молодого человека, хотелось бы пожелать ему доброго пути в профессии!* (ОЛМТ, 07.07.2025).

(5) *Как пели. Как я ожидала, так и пели. Анатолий Михайлов за Дона Карлоса. Беспомощно. Обсуждать нечего.* (ОЛМТ, 07.07.2025).

По участию эмоционального фактора критика может быть эмоциональной (6) и сдержанной (7). Эмоциональность предполагает использование языковых средств выражения эмотивности на всех уровнях языковой системы: как эмотивной лексики, так и синтаксических конструкций в виде риторических вопросов и восклицаний [2. С. 66].

(6) *После вышколенной труппы Большого Брата (Большого театра) — это было невыносимо. Я с ужасом ждала второго действия. с раздражением ругала себя, что не взяла билеты на Викторию Терешкину и Кимина Кима.* (ОЛМТ, 11.07.2025).

(7) *Смотрел эту оперу на большой сцене в 241 театральном сезоне, и без колебаний оце-*

нил на тройку, хотя там и лошадь была . Но в этот раз крепкая четвёрка с плюсом, До пятерки не дотягивает, <...>. (ОЛМТ, 11.07.2025).

По направленности на объект критика может быть прямой (8) и косвенной (9). Прямая критика ориентирована непосредственно на объект критики, в то время как косвенная связана с реализацией стратегии смягчения за счёт использования такой тактики, как смещение объекта критики, изменения типа речевого акта, как в примере (9), где критика выражена посредством пожелания, которое настолько обобщённо сформулировано, что может показаться замечанием общего характера.

(8) *Скороходова поначалу вообще не было слышно, оркестр заглушал, и лишь в финальной сцене голос зазвучал.* (ОЛМТ, 21.07.2025).

(9) *Что касается вокала... Мне бы хотелось, чтобы в опере вокальная составляющая была безупречной, а огрехи в постановке я как-нибудь переживу, но не наоборот.* (ОЛМТ, 21.07.2025).

По способу вербализации критика может принимать открытую форму (10), но и быть завуалированной, скрытой (11), что также преследует цель смягчения критики.

(10) *Мишонне-Амброджо Маэстри, которого я хотела послушать в первую очередь, не особо зацепил меня. Насколько мне понравился его Фальстаф, насколько бледным его выступление здесь показалось.*

Зинаида Царенко в партии мне, в принципе, понравилась вокально, но яркий образ злостной соперницы Адрианы, мстительной интриганки Принцессы де Буйон для меня как-то не сложился в полной мере. (ОЛМТ, 11.07.2025).

(11) *Если с поклонов «Пиковой» мы убежали, чтобы успеть на последний автобус, и поэтому фотографий у меня нет, то на «Трубадуре» забастовал фотоаппарат, не желая снимать. И я его понимаю!* (ОЛМТ, 12.07.2025).

По характеру аргументации критика может быть объективной или субъективной. Для того чтобы критика получила статус объективной, продуцент критического отклика должен представить аргументированный анализ, базируя свои выводы на объективных показателях (12). Субъективная критика в качестве оснований имеет факторы субъективного свойства, то есть те, которые опираются на личные взгляды и пристрастия, что оформляется при помощи использования местоимения первого лица ед. ч., либо эвиденциалов (13).

(12) *Конечно, были небольшие накладки: спектакль задержали на 30 минут, а в начале оперы субтитры отставали от действия*

или дублировались только на английском языке. Но эти мелкие недочёты абсолютно потерялись на фоне общей картины потрясающего спектакля. (ОЛМТ, 18.07.2025).

(13) *Классического злодея я не увидела* 😊 (ОЛМТ, 18.07.2025).

Вместе с тем, наблюдение над материалом свидетельствует, что существует еще одна дихотомическая плоскость, по которой проходит критика. Речь идёт о соблюдении норм этики и, соответственно, по этому критерию можно выделить ещё одно противопоставление: критика вежливая ↔ невежливая. Признавая разнообразие подходов к понятию «вежливость» [17. С. 87–88], в рамках данного исследования целесообразно рассматривать вежливость как стратегию коммуникативного поведения в его языковом и неязыковом проявлениях, которая направлена на гармоничное и бесконфликтное общение [6. С. 164–171]. Очевидно, что критикующий, то есть человек, выражающий неудовольствие, неодобрение или несогласие, стоит перед сложной коммуникативной задачей — достичь свою коммуникативную цель, выразив критику, что предполагает конфликтность, противостояние, но при этом соблюсти этические нормы коммуникации, сохраняя свое лицо и лицо критикуемого. Соответственно, любое критическое замечание требует усилий, чтобы перевести коммуникацию в положительное ликосохранное русло. Эта задача решается при соблюдении норм вежливости, характерной чертой которой является антиконфликтная направленность [7. С. 40]. Стратегия вежливой критики приводится в действие при помощи целой системы коммуникативных тактик. Во-первых, это тактика, которую можно именовать «ритуальность», поскольку она реализуется посредством языковых структур, используемых для ритуализованных речевых действий (устойчивое выражение «да простит меня» вместе с невербальным знаком «две молитвенно сложенные руки», обозначающие как благодарность, так и мольбу, нижайшую просьбу). Во-вторых, это тактика компенсации, иными словами, уступительности, актуализованная при помощи уступительного союза «хотя», «несмотря на» или союза «но» в этом же значении.

(14) *Про саму постановку Орлина Анастасова скажу так: она не открыла для меня ничего нового, не поразила своей изысканностью, как работы Константина Балакина (да простит меня болгарский режиссёр 🇧🇬), но все добротно, артистам не мешало, достойно.* (ОЛМТ, 07.07.2025).

В-третьих, этой же цели — реализации коммуникативной стратегии вежливости — может служить тактика переноса объекта критики на самого себя или на какие-то оправдывающие критикуемого обстоятельства.

(15) *Что касается сценографии, то здесь всё было довольно скучно и однообразно. Возможно, так это виделось со второго ряда партера, где не просматривается общий обзор сцены.* (ОЛМТ, 11.07.2025).

В-четвертых, весьма востребованной оказывается тактика даунгрейдинга, направленная на ограничение диапазона или снижение интенсивности критического суждения. Даунгрейдинг осуществляется при помощи минимизаторов и диминутивов на лексическом уровне (16), а также вопросов и риторических вопросов на синтаксическом уровне (17).

(16) <...> *немножко не в голосе был Нажмеддин и поэтому не получилось таять в его медовом и таком любимом тембре* (ОЛМТ, 04.07.2025).

(17) *Вот только вопрос к постановщикам (или к знатокам): зачем русских девушек укладывать на подушки и диваны и демонстрировать восточную негу?* (ОЛМТ, 11.07.2025).

В роли минимизаторов используются неопределённые местоимения. Диминутивы включают прилагательные и наречия с уменьшительными суффиксами либо «слова с оценкой уменьшительности» [15. С. 57]. Диминутивы находятся в зоне пристального внимания лингвистов в силу их социальной индексальности [15. С. 57]. В. Е. Чернявская поясняет, что «социальный индекс (социальное значение знака) возникает при контекстуализации в типичных социальных ситуациях и отсылает к типизированным социальным атрибуциям участников коммуникативного акта» [15. С. 57]. Одним из социальных назначений диминутивов, помимо их использования в детской речи, является передача идеи сервильности, а также выражение «иронии, пренебрежительного, фамильярного отношения использующего их человека к предмету или адресату» [15. С. 57]. Применяются они и для выражения вежливого и учтвого отношения [4. С. 68–69]. В этом плане актуализация ими тактики даунгрейдинга является одним из востребованных способов реализации стратегии вежливости. Таким же образом работают и минимизаторы, выраженные посредством неопределённых местоимений.

В-пятых, вежливая критика передается за счёт юмористичности. Юмор зачастую

переводит коммуникацию в ее несерьезный модус [18. С. 291] — того, что С. Аттардо именуется non-bona fide communication [19. С. 133]. Этот шлейф несерьезности, лёгкости распространяется и на критическое суждение, переводя его в ранг non-bona-fide коммуникации. В результате серьёзность обсуждаемого, то есть значимость того, что вызывает несогласие и неудовольствие, снижается. Языковыми инструментами имплементации данной тактики выступают ирония, языковая игра, коллоквиализация и т. п.

(18) — *Постановку, я так понимаю, лично одобрил Филипп Киркоров.*

— Одно слово: румын.

— Так он болгарин.

— Да, а какая разница?

Как известно, румыны по праздникам надевают всё красивое сразу. Вот и тут испанская знать, даже захудалая, наряжена в такие россыни жемчугов, бриллиантов, парчи и полиэстера с искрой, что понимаешь: они не в осаждённом замке сидят, а готовятся к параду на Красной площади. А почему все эти придворные в одинаковых нарядах, кто-то бросил валенок на принтер? Ну ладно, допустим, стража в некой униформе, но дамы-то чего с одного ограбленного склада вырядились? (ОЛМТ, 07.07.2025).

В-шестых, вежливая критика иногда предполагает тактику нарочитого умалчивания, когда критикующий предупреждает, что не будет касаться неудачных, с его точки зрения, моментов.

(19) *Но всё же на каких-то недостатках не хочется заострять внимание, потому что в целом певица была хороша и роль удалась, а артистически было всё правдиво и прекрасно!* (ОЛМТ, 11.07.2025).

В-седьмых, распространённой тактикой является субъективизация, которая позволяет показать ограничения на критическое суждение, которое замыкается на самом критикующем и, соответственно, не имеет обобщающего характера. Субъективизация реализуется при помощи средств субъективной модальности, а также выражения оценки от первого лица, что в терминах Г. Я. Солганика именуется я-предложениями [13. С. 17].

(20) *Зинаида Царенко больше приглянулась в роли Миловзора, нежели Полины... но, повторяю, это чисто моё впечатление.* (ОЛМТ, 11.07.2025).

Наконец, вежливая критика порою ведет к тактике реструктурирования текста отзыва, когда критическое замечание помещается в середину текста, которая является слабой позицией.

Таким образом, реализация стратегии вежливости при выражении критики реализуется посредством косвенной стратегии (т. н. off-record [20. С. 74]), нацеленной на смягчение противопоставления и погашение агрессивной тональности, которая часто ассоциируется с выражением несогласия. Выбор косвенной, скрытой, стратегии продиктован тем, что прямое выражение критики, такая разновидность вежливости как bald-on-record [20. С. 74], уже воспринимается как негатив и грозит потерей лица критикуемого (21), в то время как косвенность позволяет, с одной стороны, обеспечить защищенность обеих сторон, а с другой, служит гармонизации [3. С. 919; 22. С. 12; 23. С. 307].

(21) *Разочарование — Брамин Корсунцев (он и в Бахфонтане мне не нравится. Переигрывает).* (ОЛМТ, 19.07.2025).

Невежливая критика как речевое действие и как соответствующее понятие представляет собой определённую трудность в силу двух обстоятельств. Во-первых, она связана с многогранностью понятия невежливости как проявления негативного речевого поведения, что составляет сложность её (невежливости) определения [9. С. 132]. Во-вторых, критика по своей природе, будучи проявлением негативного отношения, уже свидетельствует о противопоставлении, неудовлетворенности, несогласии, то есть конфликтности, враждебности и агрессии [21. С. 199]. Она по своей природе лежит в области негатива. Тем не менее, в отличие от вежливой критики, прежде всего, в её прямом проявлении (bald-on-record), невежливая критика связана с использованием грубых форм выражения, которые свидетельствуют о нарушении конвенций вежливости. Однако под влиянием канала коммуникации — речь идет о выражении критики неанонимными пользователями в официальном администрированном публичном пространстве — грубость в тексте самого отзыва практически не встречается, это исключение. Невежливую критику можно найти в комментариях к тексту отзыва, но и это случается чрезвычайно редко.

Целесообразность выделения вежливой критики в типологии критического суждения связана с особенностями коммуникации в рамках анализируемого жанра и канала. Выражение критического суждения, предполагающего отрицательную оценку, нуждается в дополнительных коммуникативных усилиях по снятию конфликтности и агрессии со стороны адресанта, поскольку именно с этой тональностью нередко ассоциируется

критика. Эти усилия требуют соблюдения вежливости как главной коммуникативной стратегии [22. С. 14], которая предполагает реализацию, среди прочих, таких принципов, как ориентация на чувства адресата, завышение его качеств и преуменьшение значимости собственного мнения [8. С. 36]. Коммуникативные практики, которые используются для реализации главной стратегии — стратегии вежливости, ведут к одновременному совмещению типов критики, противопоставленных по дихотомическому принципу. Представляется, что есть все основания для вывода о том, что именно вежливая критика является всеобъемлющим типом критического суждения в сравнении с остальными и позволяет наиболее успешно выполнить задачу выражения отрицательной оценки в жанре театрального отзыва при сохранении гармонии коммуникативного взаимодействия. Свой отпечаток на выбор вежливой критики накладывает и канал коммуникации, имеющий официальный статус, что исключает анонимность и предполагает редакционную проверку отзывов.

Выводы и заключение

Как показывает исследование, выражение критики в виде критического суждения, то есть вынесение отрицательной оценки и неанонимное её оглашение в редактируемом интернет-сообществе, представляет собой достаточно сложную коммуникативную задачу. Одним из средств решения данной коммуникативной задачи является стратегия вежливости. Соответственно, есть все основания выделить вежливую критику наряду с другими типами критического суждения.

Действительно, дихотомически организованная типология позволяет разграничивать различные типы критики, исходя из таких критериев, как направленность на результат, тональность,

способ вербализации, направленность на объект критики, участие эмоционального фактора, аргументированность. Предлагаемый тип критики — вежливая критика — дополняет имеющуюся типологию критического суждения. Вежливая критика отвечает критерию следования этике коммуникации, что позволяет дать отрицательную оценку, но при этом соблюсти этический стандарт, сохранив лицо обеих сторон.

Именно этот тип критики — вежливая критика — наиболее востребован в анализируемой сфере коммуникации, поскольку заложенная в критике как речевом действии конфликтность в определённой степени гасится коммуникативными тактиками, реализующими стратегию вежливости. Смягчению конфликтной направленности критики служат тактики ритуальности, уступительности, даунгрейдинга, переноса критики с объекта критики, субъективизации, юмористичности, умалчивания, реструктуризации текста. Очевидно, предпочтение отдается скрытой, или косвенной (*off-record*), разновидности вежливости, поскольку прямое незамаскированное выражение критики (*bald-on-record*) граничит с конфликтностью и может восприниматься как речевая агрессия. Более того, косвенность и смягчение, особенно реализованные посредством юмористичности и даунгрейдинга, переводят коммуникацию в модус *non-bona-fide*, что снижает серьезность посылы.

В качестве перспектив исследования видится проведение корпусного исследования разножанровых текстов, которое бы продемонстрировало связь между выражением критики и типом текста, а также помогло бы выявить наиболее востребованные и эффективные средства выражения критики в различных ситуациях коммуникации.

Список источников

1. Беляева Л. Н., Камшилова О. Н. Лексические характеристики научно-экспертной оценки в контексте общего оценочного фона рецензии: корпусное исследование // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2024. №21 (4). С. 767–783. DOI: 10.21638/spbu09.2024.401.
2. Груздева М. М. Роль языковых средств в создании полифункциональности театральной рецензии // Вестник Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2015. № 4. С. 54–69.
3. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация в русской национально-речевой культуре // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика = Russian Journal of Linguistics. 2018. Т. 22. № 4. С. 919–944. DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-4-919-944.
4. Золотова Г. А. Как быть вежливым? // Русская речь. 1985. № 5. С. 67–73.
5. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 5-е. М. : Изд-во ЛКИ, 2008. 288 с.
6. Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М. : Языки славянских культур, 2009. 507 с.

7. Ларина Т. В. Эмотивная экологичность и эмотивная вежливость в английской и русской анонимной рецензии // Вопросы психолингвистики. 2019. №1 (39). С. 38–57. DOI: 10.30982/2077-5911-2019-39-1-38-57.
8. Ларина Т. В., Харлова М. Л. Невежливость и грубость в межличностном общении американцев // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. Т. 13, вып. 3. С. 34–42.
9. Леонтьев В. В. Понятия невежливости и грубости в современной лингвистике // Экология языка и коммуникативная практика. 2013. № 1. С. 131–141.
10. Медведева А. В. Коммуникативные стратегии и тактики при выражении критического суждения в английской лингвокультуре (на материале современного английского языка). Уфа : Изд-во «Восточная печать», 2016. 166 с.
11. Матвеева Т. В. Тональность // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта : Наука, 2003. С. 549–553.
12. Орлова Н. В., Толкушкина Е. Е. Театральная рецензия как жанр публицистического и медийного дискурса // Коммуникативные исследования. 2014. № 2. С. 204–212.
13. Солганик Г. Я. О структуре и важнейших параметрах публицистической речи (языка СМИ) // Язык современной публицистики / сост. Г. Я. Солганик. М. : Флинта : Наука, 2008. С. 13–30.
14. Сулейманова О. А. К вопросу о роли лингвистической семантики в дискурсивном анализе // Эволюция и трансформация дискурсов. Вып. 1: Сборник научных статей / Самар. гос. ун-т, отв. ред. С. И. Дубинин, В. Д. Шевченко. Самара : Изд-во «Самарский университет», 2016. С. 56 –63.
15. Чернявская В. Е. Диминутивы как социальный индекс: «наденьте масочку» и «машинка подана» // Terra Linguistica. 2022. Т. 13. № 3. С. 55–63. DOI: 10.18721/JHSS.13306.
16. Чернявская В. Е. Культура отказа в научной коммуникации: семантика и прагматика отрицательной оценки в экспертизе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2024. № 21 (4). С. 956–975. DOI: 10.21638/spbu09.2024.411.
17. Шабан А. К., Хомутова Т. Н. Семантика понятия «вежливость» в различных лингвокультурах: универсальное и культурно-специфическое // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2019. Т. 5, № 1. С. 85–95. DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-1-0-8.
18. Шилихина К. М. Два модуля коммуникации: проблема границ интерпретации // Язык, коммуникация и социальная среда. 2012. № 10. С. 290–308. EDN RNMGSD.
19. Attardo S. The Linguistics of Humor. An Introduction. Oxford University Press, 2020. [XXI], 465 p.
20. Brown P. & Levinson S. Universals in Language use: Politeness Phenomena // Questions and Politeness / Ed. E. N. Goody. Cambridge: Cambridge University Press, 1978. P. 56–289.
21. Culpeper J. and Hardaker C. Impoliteness // Palgrave Handbook of (Im)politeness / Culpeper J., Haugh M. and Kadar D. (eds.). Basingstoke: Palgrave. P. 199–225.
22. Leech G., Larina T. (2014). Politeness: West and East // Russian Journal of Linguistics. 2014. 4. P. 9–34.
23. Tannen D. Abduction and identity in family interaction : Ventriloquizing as indirectness // Journal of Pragmatics. 2010. № 42. P. 307–316.

References

1. Beliaeva LN, Kamshilova ON. Lexical characteristics of scientific expert evaluation in the context of positive/negative review: A corpus study. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2024;(21(4):767-783. DOI: 10.21638/spbu09.2024.401 (In Russ.).
2. Gruzdeva MM. The role of linguistic means in creating the multifunctionality of a theatre review. *Vestnik of Moscow University. Series 10. Journalism*. 2015;(4):54-69. (In Russ.).
3. Dementyev V. Indirect Communication in the Russian Speech Culture. *Russian Journal of Linguistics*. 2018;(22(4):919-944. DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-4-919-944. (In Russ.).
4. Zolotova GA. How is it to be polite? *Russkaya rech*. 1985;(5):67-73. (In Russ.).
5. Issers OS. Communicative strategies and tactics of Russian speech. 5th ed. M.: LKI Publishing House, 2008. 288 p. (In Russ.).
6. Larina TV. Politeness and Communicative Styles: Comparative Analysis of English and Russian Language and Culture Traditions. Moscow: Jazyki slavianskih kul'tur, 2009. 507 p. (In Russ.).
7. Larina TV. Emotive Ecology and Emotive Politeness in English and Russian Blind Peer-Review. *Journal of psycholinguistics*. 2019;(1(39):38-57. DOI: 10.30982/2077-5911-2019-39-1-38-57. (In Russ.).

8. Larina TV, Kharlova ML. Impoliteness and rudeness in interpersonal communication of Americans. *Vestnik of Novosibirsk. State University. Series: Linguistics and intercultural communication*. 2015;13(3):34-42. (In Russ.).
9. Leontiev VV. Concepts of impoliteness and rudeness in modern linguistics. *Ecology of language and communicative practice*. 2013;(1):131-141. (In Russ.).
10. Medvedeva AV. Communicative strategies and tactics expressing a critical judgment in English longuo-culture (on the material of modern English). Ufa, Vostochnaya pechat Publ., 2016. 166 p. (In Russ.).
11. Matveeva TV. Tonality. In: Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language / Ed. MN Kozhina. Moscow: Flinta: Nauka, 2003. Pp. 549-553. (In Russ.).
12. Orlova NV, Tolkushkina EE. Theatre review as a genre of journalistic and media discourse. *Communicative studies*. 2014;(2):204-212. (In Russ.).
13. Solganik GYa. On the structure and most important parameters of journalistic speech (language of the media). In: Language of modern journalism / ed. by GYa Solganik. Moscow: Flinta: Nauka, 2008. Pp. 13-30. (In Russ.).
14. Sulejmanova OA. On the Role of Linguistic Semantics in Discourse Analysis. In: Evolution and transformation of courses. Vol. 1: Development of scientific states / Samar. state university, edited by S. I. Dubinin, V. D. Shevchenko. Samara: Samarskij universitet Publishing House, 2016. Pp. 56–63. (In Russ.).
15. Chernyavskaya VE. Diminutive words as social index: “put your masky on” and “get the cary”. *Terra Linguistica*. 2022;13(3):55-63. DOI: 10.18721/JHSS.13306 (In Russ.).
16. Chernyavskaya VE. Culture of rejection in scientific communication: Semantics and pragmatics of negative evaluative language in peer-review. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2024;(21 (4):956-975. DOI: 10.21638/spbu09.2024.411. (In Russ.).
17. Shaban AK and Khomutova TN. Semantics of POLITENESS in different linguocultures: Universal and culture-specific characteristics. Research Result. *Theoretical and Applied Linguistics*. 2019;5(1):85-95.(In Russ.).
18. Shilikhina KM. Two modes of communication: the problem of the boundaries of interpretation. *Language, communication and social environment*. 2012;(10):290-308. EDN RNMGS. (In Russ.).
19. Attardo S. The Linguistics of Humor. An Introduction. Oxford University Press, 2020. [XXI], 465 p.
20. Brown P & Levinson S. Universals in Language use: Politeness Phenomena. In EN Goody (Ed.). Questions and Politeness. Cambridge: Cambridge University Press. 1978. Pp. 56-289.
21. Culpeper J and Hardaker C. Impoliteness. In: Culpeper J, Haugh M and Kadar D (eds.). Palgrave Handbook of (Im)politeness. Basingstoke: Palgrave, 2017. Pp. 199-225.
22. Leech G, Larina T. (2014). Politeness: West and East. *Russian Journal of Linguistics*. 2014;(4):9-34.
23. Tannen D. Abduction and identity in family interaction : Ventriloquizing as indirectness. *Journal of Pragmatics*. 2010;(42):307-316.

Информация об авторе

С. В. Иванова — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка в сфере философии и социальных наук.

Information about the authors

S. V. Ivanova — Doctor of Sci. (Philology), Professor, Professor at the Department of the English Language in the Sphere of Philosophy and Social Sciences.

Статья поступила в редакцию 24.07.2025; одобрена после рецензирования 29.07.2025; принята к публикации 17.09.2025.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The article was submitted 24.07.2025; approved after reviewing 29.07.2025; accepted for publication 17.09.2025.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81:42:81:27

DOI: 10.47475/1994-2796-2025-503-9-153-162

ЯЗЫКОВАЯ ОЦЕНКА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ КАК ФАКТОР МАССОВОГО РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Александр Михайлович Погорелко^{1✉}, Татьяна Николаевна Герасина²

^{1,2} Уфимский университет науки и технологий; г. Уфа, России

^{1✉} pogorelkoam@rambler.ru

² magnolia-avenue@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению приёмов психологического воздействия на широкий круг адресантов экономического дискурса. Исследование проведено на основе анализа языковых маркеров оценочного отношения к состоянию экономики России со стороны официальных лиц государства и крупного бизнеса. В эмпирической части цель работы состоит в том, чтобы определить, в каком отношении речевые приёмы в официальном экономическом дискурсе могут претендовать на роль психологических средств воздействия на целевую аудиторию через формирование и корректирование оценки экономических явлений. Материал исследования представлен высказываниями ключевых представителей экономического управленческого дискурса, описывающих состояние российской экономики в 2024–2025 гг. В центре нашего внимания находятся лексические средства выражения оценки, применяемые этими авторами в качестве инструментов формирования образа актуальной экономической реальности, соответствующего целям конструктивно-мотивирующего воздействия на массовую и профессиональную аудиторию.

Ключевые слова: экономический дискурс, манипулятивность, эвфемизация

Для цитирования: Погорелко А. М., Герасина Т. Н. Языковая оценка экономической ситуации как фактор массового речевого воздействия // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 9 (503). С. 153–162. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-503-9-153-162.

Original article

LANGUAGE EVALUATION OF ECONOMIC CONDITIONS AS VERBAL MASS IMPACT FACTOR

Alexandr M. Pogorelko^{1✉}, Tatyana N. Gerasina²

^{1,2} Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

^{1✉} pogorelkoam@rambler.ru

² magnolia-avenue@rambler.ru

Abstract. The article deals with the study of methods of psychological impact exerted on large social segments of recipients of official economic discourse. The research has been based on the analysis of language evaluation markers describing Russian current economic situation produced in the speech of state and business officials. The practical objective of the research involves the analysis of potential efficiency of these evaluative markers as means of psychological impact directed to the recipients through the modelling and correcting of evaluative understanding of dramatic economic processes. The empirical material includes statements of key representatives of Russian official economic discourse depicting current trends in Russian economy in the period of 2024-2025. The analysis focuses on lexical means of expressing evaluation employed by the authors as psychological tools of forming the image of economic reality conforming to the purpose of imposing positive motivating impact on the mass and professional audience.

Keywords: economic discourse, language manipulation, euphemisms

For citation: Pogorelko AM, Gerasina TN. Language Evaluation of Economic Conditions as Verbal Mass Impact Factor. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;9(503):153-162. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-503-9-153-162.

Введение

Любая разновидность дискурса, ориентированного на массового адресата, помимо информационной составляющей содержит смысловые элементы речевого воздействия. В дискурсе средств массовой информации эти элементы часто приобретают первостепенное значение даже в тех случаях, когда формальная структура сообщения не содержит явных признаков директивного влияния на восприятие адресата. Традиционно такой тип воздействия рассматривается как та или иная разновидность манипуляции сознанием. Безусловно, манипулятивность выступает обычным спутником массовой коммуникации, однако взаимодействие между манипулятивностью и прочими субъективными его составляющими демонстрирует довольно сложную картину, получающую разное наполнение в зависимости от многих факторов, в частности, от тематического содержания такого дискурса. В данной статье мы ставим перед собой задачу рассмотреть специфическую субъективность экономического дискурса на частном примере языковых маркеров оценочного отношения к состоянию экономики России со стороны официальных лиц государства и крупного бизнеса.

Материалы и методы исследования

Рассмотрение субъективной оценочности как составляющей речевого воздействия предполагает обращение к таким феноменам, как субъективизация дискурса, манипулятивность, эвфемизация. Для поставленных в статье целей взаимодействие этих аспектов видится нам следующим образом. Лингвистика в своей современной антропоцентрической парадигме утверждает, что в любой сколько-нибудь развернутой коммуникации создаваемый текст будет нести в себе следы субъективности своего автора. Действительно, само понятие речевого намерения указывает на то, что в коммуникации всегда должны присутствовать какие-то элементы или свойства, которые обусловлены не информативным содержанием самим по себе, а целями того, кто сообщением этой информации хочет чего-то достичь. Субъективизация речи, текста, дискурса фактически выступает в роли свойства, отражающего антропоцентрическую природу коммуникации, в которой весь реальный мир преобразуется в языковые значения и речевые смыслы через субъективность человеческого восприятия и мышления. В этой логике вполне обоснована категорическая формула Р. Блакара «Произнеси одно-единственное слово, человек, как кажется, вынужден занять "позицию" и "осуществлять воздействие"» [3. С. 46].

Некоторые исследователи трактуют субъективизацию как коммуникативную стратегию: «Текст... формируется посредством стратегии субъективизации, под которой понимается процесс интерпретации действительности в зависимости от индивидуальных особенностей создающего его субъекта». Субъективизация с позиции адресата, кроме того, предполагает процесс отфильтровывания, сдерживания и отображения того, что в индивидууме имеется противоречащего его «самости» или, наоборот, ей соответствующего [12. С. 12]. Субъективность как реализация коммуникативных интенций и просто как отпечаток личности говорящего вполне может представлять собой неосознаваемое им явление, будучи простым следствием привычного для человека стиля или простых и повторяющихся сценариев общения. Однако в массовой коммуникации субъективизация проявляет себя существенно сильнее: помимо признаков авторской индивидуальности она почти неизбежно будет дополняться целями осознанного и внеличного воздействия на предполагаемого адресата. Текст политического или экономического характера, ориентированный на массовую аудиторию, включает в себя субъективность уже не только и не столько личности, сколько обобщенную субъективную позицию какой-то социальной группы, интересы и цели которой разделяет автор текста.

Естественным спутником массовой коммуникации выступает манипуляция. Проблема манипуляции изучалась психологами (Е. Г. Доценко, В. П. Шейнов и др), политологами, философами, социологами (С. Г. Кара-Мурза, М. И. Бабюк, К. Н. Kalandarov, Н. Г. Лимнатис, А. Цуладзе), лингвистами (И. М. Копнина, А. А. Данилова, и др.). Как результат этих исследований на сегодняшний день сформировалось следующее понимание манипуляции. Она включает: а) скрытность конечной интенции манипулятора (иллюкативной силы); б) выгоду манипулятора, которая заключается в получении определённого перлокутивного эффекта [4. С. 86]. Скрытность воздействия неизменно указывается в определениях манипуляции в различных по времени, предмету и методам исследования работах: «Манипуляция — это вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями» [5. С. 59]; «манипуляция — это скрытое воздействие, факт которого не должен быть замечен объектом манипуляции» [7. С. 16]; «манипуляция

предполагает преднамеренное внешнее воздействие на человека или группу людей, слабое осознание ими возможной вредоносности воздействия, как правило, неблагоприятные последствия для объекта манипуляции и всегда благоприятные для манипулятора» [11. С. 207] и т. д. Неспособность манипулируемых распознать в коммуникации признаки некорректного воздействия является условием успешности манипуляции. Манипулятор, кроме того, должен заботиться и о том, чтобы сделать максимально естественным процесс коммуникативного взаимодействия с адресатом. По словам Б. И. Караджева, адресант «стремится создать максимально благоприятные условия для принятия информации адресатом через кооперативное взаимодействие» [6. С. 43]. Только при всей совокупности указанных условий возможно эффективное скрытое воздействие, при котором, так же как и в неманипулятивной психологически успешной коммуникации, «адресант кодирует смыслы отнюдь не только в соответствии со своим мировосприятием, но и согласует последний с языковым сознанием адресата» [10. С. 257].

Применительно к контексту нашего исследования мы считаем необходимым подчеркнуть, что манипулятивность как инструмент воздействия, нарушающий психологическую и коммуникативную этику, тем не менее, в особых условиях может быть хотя бы отчасти извинителен. Под такими обстоятельствами мы имеем в виду цели манипулятора, искренне понимаемые им как благо для объекта манипуляции. К манипуляции может прибегнуть врач, ища способ заставить пациента не губить здоровье, или родители, отчаявшиеся найти средство оградить ребенка от небрежно воспринимаемых им опасностей. Разумеется, нечестность воздействия в этих случаях никуда не исчезает, но вряд ли такую манипулятивность следует судить так же строго, как манипуляцию эгоиста или мошенника. Манипуляция регулярно становится инструментом управленческого дискурса, где использование ее приёмов похожим образом претендует на менее строгую оценку по причине того, что цели манипуляции выходят за рамки личных интересов (что, правда, не означает их отсутствия), приобретая смысл каким-то образом понимаемой коллективной пользы и коллективной же ценности объединительной мотивации. Эмпирический материал нашего исследования имеет прямое отношение именно к такому типу манипулятивности.

Среди многочисленных средств речевой манипуляции нас будет интересовать манипулятив-

ность оценки. Оценка является одним из наиболее мощных средств психологического воздействия. Оценочность пронизывает языковую семантику и предопределяет эффективность целого ряда параметров коммуникации через подключение заинтересованности, эмоциональности, и степени искренности её участников. С лингвистической точки зрения оценка выступает важным диагностическим инструментом, позволяющим делать выводы о целевой установке говорящего, опираясь на то, какими оценочными свойствами он наделяет своё сообщение. Вопрос такой интерпретации представляет собой непростую задачу. Проблема, как отмечала Н. Д. Арутюнова, кроется в двойственной семантической природе языковой оценки: «В той мере, в какой оценка выражает отношение к говорящему, она подлежит пониманию; в той мере, в какой она квалифицирует сам объект, она нуждается в интерпретации. Понимание оценки не требует особых усилий, их же интерпретация может затруднить» [1. С. 185].

Как и любое сильное коммуникативное средство, оценка требует осторожного обращения. В реальном контексте коммуникации неизбежны негативные составляющие, также нуждающиеся в оценке. В целом ряде случаев интересы коммуникантов будут предполагать необходимость смягчения негативной оценочности с помощью коррекции или нейтрализации нежелательных интерпретаций сообщения со стороны адресата. Стандартным семантическим средством в таких случаях выступает эвфемизация. Движущие силы семантических сдвигов и смены понятийных областей эвфемизации порождаются факторами экстралингвистического порядка. По справедливому замечанию Л. П. Крысина, «обращаясь к теме «эвфемизмы», исследователь вынужден привлекать к анализу не только сами эвфемистические выражения, но и тот социально-культурный и языковой фон, на котором возникает нужда в эвфемизмах» [8. С. 28]. Действительно, функционирование эвфемизмов в разных типах дискурса попадает под воздействие правил и условий существования этого дискурса, которые определяют своеобразный рисунок взаимодействия целевых установок адресанта и смысловых параметров контекста. Базовым лингвистическим свойством эвфемизмов выступает их маскирующая семантическая способность. Эвфемизация преследует цель, далекую от эквивалентной точности синонимической замены, представляя собой «подбор говорящим таких обозначений, которые не просто смягчают те или иные кажущиеся грубыми слова

и выражения, а *маскируют, вуалируют* суть явления» [9. С. 395]. Маскирующая семантическая неопределённость, как отмечают исследователи, превращает эвфемизм в важнейший инструмент манипулирования [2. С. 15].

В официальном экономическом дискурсе, который выступает объектом нашего исследования перечисленные явления и свойства образуют специфичную картину их взаимодействия, определяемую как инструментальными, так и, что ещё важнее, целевыми особенностями этой дискурсивной области. Дело в том, что официальный дискурс, оценивающий ситуацию в экономике, преследует две трудносовместимые цели. С одной стороны, от него требуется достаточно точное описание текущих процессов и параметров экономики, поскольку на этот дискурс ориентируется не только массовая аудитория, но и профессиональное сообщество экономистов, представители бизнеса и финансовой сферы. Естественное стремление показать экономическое положение лучшим, чем оно есть, имеет совершенно определённые пределы, превышение которых чревато или недопустимой потерей доверия, в случае очевидных расхождений описания с реальностью, или риском неправильных действий экономических агентов, сумевших поверить чрезмерно приукрашенной картине.

С другой стороны, бескомпромиссное, без какого-либо смягчения обозначение экономических проблем также не является оптимальной стратегией, и далеко не только потому, что такой жесткий стиль очевидным образом влечёт репутационные издержки, карьерные и политические риски для его авторов. Существенно то, что оптимистически ориентированный дискурс важен с точки зрения управленческих целей экономической риторики. Высказывания ключевых фигур экономики и сами по себе представляют собой организационное действие. Воздействующий эффект таких высказываний основан на том же факторе чувствительности профессионального сообщества к дискурсу экономической власти. Этому сообществу необходимо строить планы и прогнозы действий, так или иначе ориентируясь не только на собственную коллективную оценку текущей ситуации, но и на сигналы «сверху» со стороны тех, кто этой ситуацией должен управлять в масштабах всей страны. Учитывая нашу непростую экономическую историю, бизнес-сообщество вынуждено вслушиваться в такие сигналы особенно тщательно, пытаясь отыскать в официальном дискурсе признаки того, что вла-

сти известно что-то, скрытое от всех, или еще более тревожные симптомы изменений правил экономической игры. Эта чувствительность почти автоматически превращает официальный экономический дискурс в тонкий инструмент управления совершенно реальными экономическими процессами через корректировку ожиданий, опасений, прогнозов и, в конечном итоге, активности экономических субъектов. Специфическим фактором, ещё более повышающим восприимчивость экономики к официально-оценочному дискурсу выступает резко возросшая с конца 20 века роль виртуальных слагаемых экономической деятельности — виртуальной капитализации акций, активов, сделок, фьючерсов и т. д. В настоящее время маятник биржевых котировок способен резко отклоняться в разные стороны не только под влиянием сообщений о реальных событиях, но и как реакция на сообщения о сообщениях — в тех случаях, когда СМИ транслируют оценочные суждения ключевых представителей власти и бизнеса.

В эмпирической части нашей работы мы видим свою задачу в том, чтобы определить, в каком отношении речевые приёмы в официальном экономическом дискурсе могут претендовать на роль психологических средств воздействия на целевую аудиторию через формирование и корректирование оценки экономических явлений. Материал исследования представлен высказываниями ключевых представителей экономического управленческого дискурса, описывающих состояние российской экономики в 2024–2025 гг. В центре нашего внимания будут находиться лексические средства выражения оценки, применяемые этими авторами в качестве инструментов формирования образа актуальной экономической реальности, соответствующего целям конструктивно-мотивирующего воздействия на аудиторию.

Результаты исследования и их обсуждение

Особенность, которую мы считаем логичным выделить в первую очередь, связана с естественной необходимостью для авторов дискурса реагировать на распространённые в экономической массмедийной среде актуальные негативные оценки. В экономической реальности едва ли возможна ситуация, идеальная по всем параметрам и устраивающая абсолютно всех экономических игроков. Тем более непросто давать оценку экономике, оказавшейся под сильнейшим прессом внешних обстоятельств, примером чего является экономика России ко времени написания данной статьи. Представители власти и бизнеса очевидным образом не могут просто игнорировать существование

жестких оценок, циркулирующих как в профессиональном сообществе, так и в СМИ. Такое игнорирование само по себе было бы крайне негативным сигналом, косвенно подтверждающим справедливость оценок, поскольку молчание о них экономических управленцев прочитывалось бы как отсутствие убедительных возражений. Выгоднее заявить о существовании этих оценок хотя бы в качестве приёма отрицания. Так, в роли подобных негативных характеристик экономического состояния РФ с 2024 г. всё чаще звучат обозначения «рецессия» и «стагфляция». Очевидной реакцией официального дискурса выступает **приём прямого опровержения**:

– *Хотя с 2023 года звучат опасения, что повышение ключевой ставки подорвёт экономический рост, приведёт к рецессии, к стагфляции, к массовым банкротствам (и далее по списку), до сих пор эти опасения не подтвердились.* (Э. Набиуллина, Глава ЦБ), <https://www.cbr.ru/press/event/?id=23525>.

– *Да, замедление экономики происходит. Но рецессии нет.* (Э. Набиуллина), <https://www.rbc.ru/economics/18/09/2025/68cbb4419a7947492cbff611>.

– *Чаще всего состояние рецессии сопровождается дезинфляционными трендами... У нас всего этого нет.* (К. Трemasов, советник главы ЦБ), <https://www.interfax.ru/business/1048559>.

Однако опровержение уже одной своей категорической формой может подействовать на внимательного профессионального адресата довольно противоречиво. С одной стороны, лаконичное отрицание имплицитно утверждает уверенность говорящего, с другой, тем же самым оно способно и вызвать подозрение. Исторические прецеденты приучили бизнес-сообщество к ощущению, что подчеркнуто-убежденное отрицание со стороны представителей власти вполне может означать ситуацию, полностью противоположную сказанному («Девальвации не будет. **Твёрдо и чётко**» (Б. Ельцин, 1998 г.)).

В этом отношении на больший убедительный эффект может претендовать озвучивание проблемных фактов, но в таком лексическом окружении, которое реализует **приём оценочного смягчения**. Интересным способом такого смягчения выступает сочетание проблемной лексики со вспомогательными словами терминологической семантики:

– *Второй квартал практически можно рассматривать как **техническую стагнацию***» (Э. Набиуллина), <https://www.rbc.ru/economics/04/09/2025/68b8ff0f9a7947a328175601>.

– *В апреле-июне 2025 года экономика вошла в стадию **«технической стагнации»**.* (Г. Греф), <https://www.business-gazeta.ru/article/681992>.

Приведённые высказывания содержат остро критическую оценочную номинацию «стагнация», но оценка сглаживается нейтральным определением «техническая». Этим определением имплицитно то, что заявленная стагнация представляет собой как будто не чистый случай такого негативного явления, а его частичную, формальную или периферийную разновидность. Заметим, что этому эффекту способствует не только оценочная нейтральность, но и сама функция конкретизирующего определения, которая предполагает снижение статуса определяемого слова от родовой до видовой разновидности. «Не совсем настоящая» стагнация не должна восприниматься так же угрожающе. Логический смысл такого сглаживания хорошо иллюстрируется дополнительным пояснением того же официального лица:

– *И даже когда говорят о **технической рецессии**, имеют в виду, что экономика снижается два квартала подряд.* (<https://www.rbc.ru/economics/18/09/2025/68cbb4419a7947492cbff611>). Обращает на себя внимание наречие «даже», которым автор явно стремится показать, что речь о рецессии или стагнации даже «неполного» вида может идти лишь в крайнем случае.

Довольно частой характерной разновидностью семантического смягчения являются сглаживания негативных характеристик с помощью приёма, который можно назвать **оценочным округлением**. В этом случае говорящий в определении вполне измеряемых параметров намеренно избегает любой количественно выраженной конкретики, обходясь лишь лексикой со значением приближенного сравнения:

– *Во втором квартале динамика ВВП была **несколько ниже наших оценок**. И в целом мы пока идём ближе к нижней границе прогноза выпуска на этот год.* (<https://cbr.ru/press/event/?id=26932>).

– *Динамика экспорта и импорта близка к **траектории** прошлого года. Вместе с тем негативная внешняя конъюнктура может и дальше оказывать давление на цены экспортных товаров.* (<https://cbr.ru/press/event/?id=26932>).

– *В целом кредитование растёт темпами, **близкими к нижней границе** нашего базового прогноза.* (<https://www.cbr.ru/press/event/?id=23473>).

– *И наш прогноз, и прогноз Правительства предполагают, что и в этом году рост экономики продолжится, пусть и **более умеренным темпом**.* (<https://www.cbr.ru/press/event/?id=23525>).

В подобных характерных примерах оценочной приблизительности создается эффективная видимость измерительного описания при отсутствии реальной содержательной определенности, поскольку остаются неназванными ни количественные, ни качественные параметры «точек отсчета» приводимых сравнений: какие были оценки динамики ВВП, оптимистичные или пессимистичные, что представляла из себя *«траектория прошлого года»*, насколько далека от высшей точки прогноза её *«нижняя граница»* и т. д.

В осторожной официальной характеристике экономической ситуации можно также встретить **приём псевдоконстатации**, когда какое-то негативное явление, казалось бы, получает вербальное подтверждение, однако это подтверждение намеренно оставляется незавершенным, неполным, как, например, в высказывании министра экономического развития М. Решетникова: *«Я сказал, что мы стоим на грани рецессии. Дальше все зависит от наших решений»*. (<https://www.rbc.ru/economics/04/09/2025/68b933949a7947b75805acb2>). Смысловая формула фразы *«на грани рецессии»* одновременно подразумевает то, что ситуация почти подпадает под категорию серьезной экономической проблемы, и при этом утверждает, что перехода к названному угрожающему состоянию всё же ещё не происходит, тем самым отрицательный оценочный акцент несколько ослабляется. На заметную коррекцию оценки такая формула, конечно, не способна, но все же содержит своеобразный намёк на то, что ситуация остается управляемой, контролируемой, хоть и на пределе потери равновесия.

Аналогичный смысл остановки на самом краю проблемной ситуации можно наблюдать и в других подобных высказываниях:

– *Резервы рабочей силы и производственных мощностей практически исчерпаны*. (<https://www.cbr.ru/press/event/?id=18869>).

– *Июль и август показывают достаточно такие явные симптомы того, что мы приближаемся к нулевым отметкам*. (<https://www.rbc.ru/economics/04/09/2025/68b8ff0f9a7947a328175601>).

Резервы признаются *исчерпанными*, но всё же не полностью, инвестиции *приближаются к нулевым отметкам*, но все же пока их не достигают. Психологический смысл таких почти состоявшихся констатаций представляется вполне логичным: задача управленческого экономического дискурса не в том, чтобы повергнуть целевую аудиторию в уныние и лишить надежды психологически тяжелой оценкой ситуации. Даже если автор такого

дискурса видит положение худшим, чем его описывает, его интерес заключается в том, чтобы аудитория не потеряла мотивацию к противодействию негативному явлению, которое — в его описании — всё же ещё не наступило.

Фактически как оценочно окрашенные псевдоутверждения работают и различные виды эвфемистических замен: проблема может не называться прямо, но контекстуальные замены четко показывают, какое именно негативное явление получает косвенную констатацию:

– *Значимым риском остаётся рынок труда, напряжённость на котором может долго не снижаться или даже нарастать*. (<https://cbr.ru/press/event/?id=26932>).

В данном случае людям, хотя бы отдалённо знакомым с текущей экономической реальностью ясно, что речь идёт о дефиците рабочей силы, который прочитывается в эвфемистической замене слова *«дефицит»* на неопределённую *«напряжённость»*.

Дискурс экономического блока типично прибегает к эвфемизмам и в случае обозначения факторов, имеющих не экономическую, а политическую природу. При этом обращает на себя внимание то, что создаваемые в этих специальных целях эвфемизмы являются контекстуально зависимыми неологизмами, смысл которых определяется заданным в высказывании лексическим фоном:

– *И ещё один фактор: тектонические изменения в мировой торговле*. (<https://www.cbr.ru/press/event/?id=23525>). Под тектоникой в качестве метафорически неконкретной оценки подразумеваются здесь политически детерминированные санкции и вызванное ими масштабное переориентирование направлений торговли российскими экспортными товарами.

– *Корпоративное кредитование ускорилось, а неопределённость, в том числе связанная с решениями по бюджету, сохранилась*. (<https://cbr.ru/press/event/?id=26932>).

«Неопределённость» в данном случае осторожно обозначает то, что Центробанку неизвестно и неподвластно планирование размера закладываемых в бюджет закрытых статей.

Следует отметить, что официальный экономический дискурс демонстрирует постоянное балансирование между двумя описанными в начале анализа противоположными тенденциями — нацеленное на эффект объективности обозначение негативных характеристик и создающее эффект уверенности и контроля сглаживание негативных оценочных номинаций. В результате в одном

и том же выступлении подчас наблюдается любопытная картина переслаивания оценок — как внутри словосочетаний и, так и в структуре цепочек высказываний:

— *Ранее мы называли четыре триггера для повышения ставки. Все они реализовались. Во-первых, устойчивая инфляция увеличивается. ...Во-вторых, положительный разрыв в экономике не сокращается, а жёсткость рынка труда растёт. Темпы роста ВВП в I и II кварталах оставались высокими. При этом инфляция ускорялась.* (<https://www.cbr.ru/press/event/?id=18869>).

Создаваемые в таком чередовании оценок конструкции создают впечатление игры стилистическими приёмами оксюморона и антитезы — семантика стабильности в слове «устойчивый» атрибутивно определяет негативный термин «инфляция», отрицательная оценка «разрыва» соединена с оценочно-позитивной лексемой «положительный», темпы роста высоки (знак плюс), но следом сразу идёт указание на рост инфляции (минус). Такая профессионально-экономическая стилистика, в отличие от художественной, нацелена не на экспрессивно-эстетический эффект, а является проявлением тенденции к выдерживанию оценочного баланса между невыгодно отрицательным полюсом негативных фактов и неубедительно положительной противоположностью в виде приукрашивания действительности.

Однако наиболее сильным средством оценочной регуляции является метафорическая образность. Метафора оказывается равно эффективной как в осторожном обращении с негативной оценочностью, так и в нестрогом внушении оценок оптимистичных. И в том, и в другом случае в ответ на критику говорящий всегда располагает логичным оправданием: метафорический образ приближителен и не может быть обвинён в нерелевантности по тем же критериям, которые применимы к строгим и однозначным понятиям. С помощью метафоры авторы дискурса могут относительно легко позволить себе эффект снижения серьёзности и официальности разговора, что само по себе снимает напряжение аудитории, а если в этом же направлении работает и удачно подобранная семантика метафоры, то положительный эффект будет только усилен. Показательным примером такой стилистической модуляции является ответ министра финансов А. Силуанова на вопрос главы комитета Госдумы по бюджету и налогам Андрея Макарова:

— У нас сейчас охлаждение или рецессия?

— У нас похолодание, но за похолоданием всегда приходит лето, — ответил А. Силуанов. (<https://www.rbc.ru/economics/19/06/2025/6853bc6d9a79473119231a44>).

www.rbc.ru/economics/19/06/2025/6853bc6d9a79473119231a44).

Ответ министра, конечно же, является мягкой формой манипуляции. Вопрос задан о терминах, ответ же демонстрирует уклонение одновременно и от терминологической строгости и от официального стиля. Да и с логической точки зрения параллель между сменой времён года и сменой позитивных и негативных трендов в экономике совсем не бесспорна: лето придёт совершенно независимо от любых действий и даже при полном бездействии, а оздоровление экономики — нет.

Но особенно показательным метафорическим способом манипулированием оценкой нам представляется очень характерный для описания современного состояния экономики России приём терминологической метафоризации. Речь идёт прежде всего о таких метафорах как «перегрев» и «охлаждение», применяемых сейчас как общеупотребительные термины и в профессиональном экономическом сообществе, и в широком дискурсе СМИ. Следует оговориться, что эти метафоры не являются изобретением текущего момента — в термины они превратились давно, так что скорее именно текущий экономический момент является показательной иллюстрацией их необычной семантики. Оба этих понятия обозначают явления неблагоприятные, в зависимости от экономического контекста, в диапазоне от просто болезненных до критических масштабов процесса. Негативные признаки чётко обозначаются в профессиональных экономических определениях перегрева, например: «*Перегрев экономики — состояние экономики, когда темпы роста ВВП существенно отклоняются от потенциального ВВП, что сопровождается ростом инфляции*». (<https://alfaforex.ru/faq/glossary/peregrev-ekonomiki/>). Аналогично: «*Перегрев экономики — чрезмерно высокие темпы экономического роста, приводящие к риску возникновения и развития инфляционных процессов из-за необоснованных государственных расходов*». (<https://www.finam.ru/publications/item/peregrev-ekonomiki-20230629-0955/>).

Охлаждение же, с одной стороны, призвано устранить негативные эффекты перегрева, но, с другой, само выступает в виде горького лекарства, поскольку сопровождается замедлением экономической активности и падением темпов роста экономики: «*Сейчас проявляются первые признаки охлаждения в экономике. ... Замедлились темпы в ряде отраслей: в пищевой промышленности, химпроме, деревообработке, отдельных отраслях машиностроения*».

...*На автомобильном рынке из-за высоких ставок по кредитам падают продажи машин, сельхоз-и спецтехники*» (министр экономического развития М. Решетников), <https://www.rbc.ru/economics/17/02/2025/67b3048c9a794780e5cde5fa>.

Смысловая выгода данных метафор как инструментов манипуляции оценкой двойная. Первый эффект связан с функционированием этих терминов как эвфемизмов. Неопределённая образность повышения или понижения температуры прячет под собой суровую конкретику целого букета негативных экономических явлений, стоящих за сглаживающей метафорой. Этот маскирующий эффект важен, конечно же, не столько для профессионального экономического сообщества, которое хорошо знает истинную подоплёку эвфемизма, сколько для широкой аудитории, экономическое поведение которой тоже нужно корректировать инструментами официального убеждения. Особенно выражен этот смягчающий эффект в использовании термина «охлаждение», семантика которого даёт выгодные интуитивные интерпретации, так как сброс высокой температуры подсознательно воспринимается как спасительное средство: в практике обыденного опыта высокая температура техники ассоциируется с риском пожара. Приведём характерные высказывания с этим термином в риторике ключевых представителей экономического управленческого блока:

– *В этом году у нас плановое охлаждение, всё будет зависеть от наших же действий* (А. Силуанов), https://minfin.gov.ru/ru/press-center?id_4=39762.

– *Рецессии в России нет, но есть плановое охлаждение экономики.* (<https://www.vedomosti.ru/economics/news/2025/06/26/1120421>).

– *Охлаждение продолжается, мы это видим по темпу роста ВВП* (Г. Греф), <https://www.rbc.ru/economics/04/09/2025/68b8ff0f9a7947a328175601>.

– *Экономика России охлаждается быстрее, чем ожидалось* (М. Решетников), <https://www.rbc.ru/economics/04/09/2025/68b933949a7947b75805acb2>.

Обращает на себя внимание усиление метафоры положительно окрашенным определением «плановая», призванным подчеркнуть смысл управляемости, контролируемости процесса. Управляемость же важна потому, что охлаждение нужно проводить осторожно, в частности, умея вовремя её остановить:

– *Важно выйти из периода управляемого охлаждения экономики, чтобы это не превратилось в стагнацию...* — «заводить» экономику будет *значительно сложнее, чем её охлаждать* (Г. Греф), <https://www.business-gazeta.ru/article/681992>.

Очень похожее контекстное применение в качестве эвфемизма проявляет и метафорический термин «перегрев»:

– *Экономика по-прежнему находится в состоянии значительного перегрева. В первой половине этого года масштаб перегрева был максимальным за последние 16 лет* (Э. Набиуллина), <https://www.cbr.ru/press/event/?id=18869>.

– *В свою очередь расходы увеличились ..., что стало отражением перегрева внутреннего спроса в предыдущие два года* (Э. Набиуллина), <https://cbr.ru/press/event/?id=26932>.

– *В 2024-м перегрев экономики усилился, и по итогам всего года объём российского ВВП вырос на 4,3 %.* (М. Решетников), <https://russian.rt.com/business/article/1530232-reshetnikov-ekonomika-ohlazhdenie>.

Примеры в нашей статье отражают изменение экономической ситуации за последние два года, за которые тренд перегрева сменился уже на охлаждение:

– *Экономика России в настоящее время переживает процесс выхода из перегрева.* (Э. Набиуллина), <https://www.cbr.ru/press/event/?id=18869>.

В то же время, помимо простого маскирующего эффекта эвфемизации, обе терминологические метафоры — и «перегрев» и «охлаждение», на наш взгляд обладают еще одним свойством, а именно образной семантикой, имплицитующей оптимистически ориентированную оценку. Мы имеем в виду то, что эти метафоры происходят из смысловой области технических аналогий. Свойства перегреваться и требовать после этого охлаждения ассоциируются с техническими устройствами, прежде всего с двигателями, силовыми установками. Экономика в этих метафорах интуитивно уподобляется такой тепловой машине. Если она перегревается, значит, работает на высоких оборотах, что вообще говоря, подразумевает большую мощность. А если она охлаждается, то это потому, что мощность убавляет тот, кто ей управляет. Оба процесса как бы интуитивно подсказывают, что их аналоги в экономике тоже особой опасности из себя не представляют. Важно при этом то, что эти процессы обратимы: если перегреваем на разгоне двигатель (как обычный, так и экономический), то достаточно совершить простое действие: убавить обороты. Если система охлаждения показывает низкую температуру — достаточно просто прибавить газ. Эти имплицитруемые эффекты простоты и обратимой управляемости, как нам представляется, демонстрируют манипулятивную способность обсуждаемых терминов.

Их использование для описания сложностей экономики очень актуально для официального дискурса, потому что даёт возможность ненавязчиво мотивировать аудиторию на конструктивное восприятие ситуации. Если мы вкладываем в термины смыслы управляемости и обратимости, значит, транслируем нашу уверенность в технологическом исправлении соответствующих проблем, не даём в сознании слушателей закрепиться идее стихийности, потери контроля и кризисности ситуации.

Технологическая ориентация актуальных экономических метафор также хорошо видна, например, в ставшей популярной осенью 2025 г. авиационной аналогии «мягкая посадка»:

– Нам нужно решать проблемы макроэкономического характера. А для этого нужно обеспечить такую **мягкую, спокойную посадку** экономики, чтобы обеспечить макроэкономические показатели, затормозить рост цен». (Э. Набиуллина), <https://tass.ru/ekonomika/24971603>.

– Первая задача — это **мягкая посадка экономики**. ... Всех волнует вопрос её траектории. Мягкость этой посадки будет влиять на бизнес, банки, население и так далее. (М. Орешкин, зам. руководителя АП Президента), <https://tass.ru/ekonomika/24227509>.

– Признаки умеренного замедления внутреннего спроса и постепенного снижения напряжённости на рынке труда говорят о том, что экономика скорее **идет по траектории мягкой посадки, без резких колебаний**. (Э. Набиуллина), <https://www.cbr.ru/press/event/?id=23473>.

Мотивирующая положительная оценка термина «мягкая посадка» понятна интуитивно: мягкая посадка самолёта это рядовая техническая операция, подразумевающая дополнительно и то, что самолёт свой запланированный полёт проделал, осталось только спокойно приземлиться на надёжную полосу аэродрома (вне аэродрома мягкой посадки не получится). Да, возможны сложности при заходе на посадку *«всех волнует вопрос её траектории»*, но *«если без резких колебаний»*, то пилоты справятся.

Заключение

Проведённый нами краткий анализ позволяет сделать следующий вывод. Цитируемые авторы современного российского экономического дискурса используют эффекты манипулятивного воздействия в совершенно закономерной для них цели: сориентировать аудиторию на непессимистическую оценку ситуации, не допустить депрессии не только в экономике, но и в настроениях людей. С точки зрения влияния официального дискурса на поведение рынков применение описанных в статье приёмов имплицитирования оценки особенно важно, ведь от переданного рынкам настроения зависит оптимизм или пессимизм в биржевых курсах и предпринимательском планировании. Здесь правильно переданное настроение превращает виртуальную силу слов в реальный экономический рычаг, эффективность которого, правда, зависит не только от риторических способностей говорящих, но и от уровня профессионального доверия экономического сообщества, учёт которого уже не подвластен лингвистическому исследованию.

Список источников

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М. : Yazy'ki russkoj kul'tury', 1999. 911 с.
2. Беляева И. В., Куликова Э. Г. Манипулятивное искажение: лингвистический смысл эвфемизмов // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Вып. 33. 2009. № 22 (160). С. 15–20.
3. Блакар Р. М. Язык как инструмент социальной власти. // Психология влияния: хрестоматия / сост. А. В. Морозов. СПб : Питер, 2001. С. 42–67.
4. Виноградова С. А. Речевая манипуляция цифровой информацией // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 2 (027). С. 86–91.
5. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М. : ЧеРо, Изд-во МГУ, 1997. 344 с.
6. Караджев Б. И. Фактор адресанта и адресата в дискурсе СМИ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2014. № 3. С. 40–46.
7. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М. : Эксмо, 2006. 832 с.
8. Крысин Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русистика. Берлин 1994, № 1–2, с. 28–49.
9. Крысин Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / Отв. ред. Е. А. Земская. М. : Языки рус. культуры, 1996. С. 384–408.
10. Синельникова Л. Н. Стратегия приближения к адресату в современном медиатексте // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 13 (184). С. 253–261.

11. Слама-Казак Т. For the Right Understanding of the Term Manipulation and the Study of the Related Reality / К правильному пониманию термина «манипуляция» и изучению относительной реальности // Вопросы психолингвистики. Изд-во: Негосударственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский институт лингвистики» (Москва). 2010. № 12. С. 206–209
12. Сподарец О. О. Реализация стратегии субъективизации в новостном политическом медиа-дискурсе. Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Уфа. 2011.

References:

1. Arutyunova ND. Yazyk i mir cheloveka. Moscow: Languages of Russian Culture. 1999. 911 p. (In Russ.).
2. Belyaeva IV, Kulikova EG. Manipulyativnoe iskazhenie: lingvisticheskij smysl e'vfemizmov. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskustvovedenie*, Iss. 33. 2009;(22(160):15-20. (In Russ.).
3. Blakar RM. Yazyk kak instrument social'noj vlasti // *Psixologiya vliyaniya: xrestomatiya* / by AV Morozov. Saint-Petersburg: Piter, 2001. PP. 42-67. (In Russ.).
4. Vinogradova SA. Rechevaya manipulyaciya cifrovoj informaciej. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*. 2011;(2 (027):86-91. (In Russ.).
5. Docenko EL. *Psixologiya manipulyacii: fenomeny, mexanizmy i zashhita*. M. : CheRo, Izdatel'stvo MGU, 1997. 344 p. (In Russ.).
6. Karadzhev BI. Faktor adresanta i adresata v diskurse SMI. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Section: Voprosy obrazovaniya: yazyki i special'nost'*. 2014;(3):40-46. (In Russ.).
7. Kara-Murza SG. Manipulyaciya soznaniem. M. : Eksmo, 2006. 832 p. (In Russ.).
8. Krysin LP. Evfemizmy v sovremennoj russkoj rechi. *Rusistika*. 1994;(1-2):28-49. (In Russ.).
9. Krysin LP. Evfemizmy v sovremennoj russkoj rechi. *Russkij yazyk konca XX stoletiya (1985-1995)* Ed. by EA Zemskaya. M.: Yazyki rus. kul'tury, 1996. pp. 384-408. (In Russ.).
10. Sinel'nikova LN. Strategiya priblizheniya k adresatu v sovremennom mediatekste. *Nauchny'e vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 2014;(13(184):253-261. (In Russ.).
11. Slama-Kazaku T. For the Right Understanding of the Term Manipulation and the Study of the Related Reality. *Voprosy psixolingvistiki. Izdatel'stvo: Negosudarstvennoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego professional'nogo obrazovaniya Moskovskij institut lingvistiki (Moscow)*. 2010;(12):206-209. (In Russ.).
12. Spodarecz OO. Realizaciya strategii sub'ektivizacii v novostnom politicheskom media-diskurse. Avtoreferat dis. ... kandidata filologicheskix nauk: 10.02.04. Ufa. 2011. (In Russ.).

Информация об авторах

А. М. Погорелко — кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной лингвистики.

Т. Н. Герасина — старший преподаватель кафедры инновационных технологий языковой коммуникации.

Information about the authors

A. M. Pogorelko — Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of the Chair of Foreign Linguistics.

T. N. Gerasina — Senior Lecturer at the Chair of Language Communication Innovation Technologies.

Статья поступила в редакцию 17.08.2025; одобрена после рецензирования 04.09.2025; принята к публикации 17.09.2025.

The article was submitted 17.08.2025; approved after reviewing 04.09.2025; accepted for publication 17.09.2025.

Вклад авторов: оба авторы сделали пропорциональный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ЛИНГВОДИДАКТИКЕ

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN LINGUODIDACTICS

Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 9 (503). С. 163–172.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2025;(9(503)):163-172.

Научная статья

УДК 81'322 + 81-139

DOI: 10.47475/1994-2796-2025-503-9-163-172

АНАЛИЗ СГЕНЕРИРОВАННЫХ ТЕКСТОВ КАК АКТИВАЦИЯ КРЕАТИВНОГО И КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ У МАГИСТРАНТОВ-ФИЛОЛОГОВ

Светлана Юрьевна Двинина

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, lana-dvinska@mail.ru, ORCID: 0000-0001-5661-5758

Аннотация. В статье обсуждаются особенности языкового обучения и необходимость регламентирования использования искусственного интеллекта в условиях внедрения возможностей нейросетевых моделей в образование. Рассматриваются работы по анализу текстов, сгенерированных нейросетями, а также работы, исследующие разницу в понимании текста человеком и искусственным интеллектом. В работе предпринимается попытка проанализировать языковые возможности нейросетей в рамках дисциплины «Иностранный язык в профессиональной сфере» в магистратуре по направлению «Филология». Показывается, как анализ текста ответов нейросетевых моделей обеспечивает эффективное применение искусственного интеллекта в образовании. Определяются особенности сгенерированных текстов на основе пользовательского языкового анализа текста. В работе показывается важность формулировки запроса, который обеспечивает активацию креативного и критического мышления у обучающихся. Приводятся примеры запросов магистрантов с их обсуждением. Сравниваются ответы пяти нейросетевых моделей: ChatGPT, GigaChat, DeepSeek, GeekBot, DeerpAI. Определяются «нестыковки» текстов сгенерированных ответов. Выделены особенности, которые указывают на искусственную природу текстов, а именно, структурированность, графическое оформление, неоспоримая логика. Определены свойственные для человека языковые приемы, среди которых сарказм, приём отстранения, «подкол», эпитеты, приёмы сравнения, смайлики. Приводится обратная связь от респондента — нейросетевой модели DeepSeek. Делается акцент на неотвратимости использования искусственного интеллекта в языковом образовании и роли преподавателя в новой системе. Автор приходит к выводу, что для активации креативного мышления и мотивации обучаемых нужно использовать нейросетевые модели в открытую, при этом необходимо указывать, какие задания выполнены с использованием искусственного интеллекта и без него.

Ключевые слова: нейросети, искусственный интеллект, анализ текста, образование

Для цитирования: Двинина С. Ю. Анализ сгенерированных текстов как активация креативного и критического мышления у магистрантов-филологов // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 9 (503). С. 163–172. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-503-9-163-172.

Original article

ANALYSIS OF GENERATED TEXTS AS AN ACTIVATION OF CREATIVE AND CRITICAL THINKING IN PHILOLOGY MASTER'S STUDENTS

Svetlana Yu. Dvinina

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, lana-dvinska@mail.ru, ORCID: 0000-0001-5661-5758

Abstract. The article discusses the features of language learning and the need to regulate the use of artificial intelligence in the context of neural network models implemented in education. It considers works on the analysis of texts generated by neural networks, as well as works exploring the difference in the understanding of text by human

beings and artificial intelligence. The paper attempts to analyze the linguistic capabilities of neural networks in the framework of the discipline "Foreign Language in the Professional Sphere" in the Master's program "Philology". It shows how the analysis of the neural network models responses ensures the effective use of artificial intelligence in education. The work determines the features of the generated texts based on the user language analysis of the text. The work shows the importance of formulating a prompt that ensures the activation of creative and critical thinking in students. The article provides the examples of prompts from students and their discussion. The responses of five neural network models are compared: ChatGPT, GigaChat, DeepSeek, GeekBot, DeepAI. The author determines "inconsistencies" in the texts of the generated responses and highlights features that indicate the artificial nature of texts, namely, structure, graphic design, and undeniable logic. The work also defines human language techniques, including sarcasm, the technique of distancing, "joke", epithets, comparison techniques, and emoticons, and provides with the feedback from the DeepSeek neural network model. The article emphasizes the inevitability of using artificial intelligence in language education and the role of the teacher in the new system. The author comes to the conclusion that neural network models should be used openly to activate creative thinking and motivate students, while indicating which tasks are completed using artificial intelligence and without it.

Keywords: neural networks, artificial intelligence, text analysis, education

For citation: Dvinina SYu. Analysis of Generated Texts as an Activation of Creative and Critical Thinking in Philology Master's Students. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(9(503):163-172. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-503-9-163-172.

Введение

Обучение по многим специальностям в настоящее время претерпевает очень значительные и значимые изменения благодаря/из-за внедрения возможностей нейросетевых моделей в образование. Можно по-разному относиться к этому явлению: радоваться, когда нужно обработать большое количество данных, или переживать, если нейросети передается право принять решение, — но отрицать реальность невозможно. Нейросетевые модели (нейросети, искусственный интеллект, ИИ) за три года их активного использования уже вошли в нашу жизнь, а прогнозы по их применению реализуются частично, в результате чего чётко прослеживается необходимость регламентирования или хотя бы корректировки использования ИИ в образовании.

В данной работе предпринимается попытка проанализировать языковые возможности нейросетей в рамках дисциплины «Иностранный язык в профессиональной сфере» в магистратуре по направлению «Филология» и показать, как анализ текста ответов нейросетевых моделей обеспечивает эффективное применение искусственного интеллекта в образовании, преобразуя тень «GPT-непорядочность» [3. С. 8] в открытую «GPT-порядочность». **Объектом** нашего исследования выступают нейросетевые модели ChatGPT, GigaChat, DeepSeek, GeekBot, DeepAI. **Предметом** исследования — языковые возможности нейросетей. **Материалом** исследования послужили запросы магистрантов-филологов и тексты, сгенерированные нейросетями.

Отметим, что попытки проанализировать тексты, сгенерированные нейросетями, уже пред-

принимались и были весьма успешными [7, 10, 13]. Например, с помощью методов количественной лингвистики выявлено, что в сгенерированных текстах слова, включённые в заголовок, встречаются с наибольшей частотностью и сама частота их употребления намного выше. При этом лексическое разнообразие выше в естественных текстах [12]. Отдельное внимание уделяется разнице в понимании текста человека и искусственным интеллектом, когда «понимание текста человеком включает в себя не только рациональный анализ, но и культурный, эмоциональный и индивидуальный опыт» [8. С. 81].

Осознание неизбежности внедрения ИИ во все сферы человеческой жизни произошло до их массового применения. В России, например, можно говорить о Национальной стратегии развития ИИ на период до 2030 г., утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии ИИ в РФ». В данной стратегии искусственный интеллект определяется как комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека¹. Стратегия была утверждена за три года до появления первой нейросетевой модели в свободном доступе. Более

¹ Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 41. Ст. 5700.

того, многие предположения, как ИИ должен использоваться в образовании, можно считать оптимистичными. Так, считается, что система ИИ, используемая в образовании, должна включать [11], в частности, библиотеку электронных учебников, пособий и методических указаний, которая должна автоматически обновляться, а также поисковую информационную систему, обеспечивающую формирование базы данных учебного процесса и контрольные задания, которые будут адаптироваться под уровень обучающегося с опорой на успеваемость.

Такой благоприятный прогноз пока не реализован. Сейчас ИИ в образовании — это готовые решения, очень часто без применения критического мышления: запрос — ответ, который принимается и не осмысливается. В точных науках это может привести к фатальным последствиям, когда непреднамеренная (а возможно, и преднамеренная) ошибка в формуле приведет к катастрофе. В гуманитарных сферах подобная «ошибка» может быть ещё менее заметной, однако оказать влияние в долгосрочной перспективе, например, на моральные принципы, что определяет **актуальность нашего исследования** в условиях, когда постоянное применение ИИ в обучении снижает воздействие на формирование волевых качеств личности человека и не позволяет реализовать в полной мере этическую сторону воспитательно-образовательного процесса, ведь образовательный процесс сводится лишь к правильному алгоритму [15]. В правильном алгоритме нет ничего плохого, но должно быть осознание этого алгоритма, чтобы иметь возможность найти нетривиальные пути решения проблемы, что, собственно, в будущем и будет отличать человека, использующего ИИ в своих целях, от искусственного интеллекта, использующего запросы человека для своего развития. Более того, необходимо разработать и следовать этическому кодексу использования ИИ в образовании, как, например, это делают в бизнесе [6].

Дихотомию человека и ИИ можно рассмотреть на основе запросов и ответов, что и сделано в нашей работе. **Цель работы** — в рамках учебного процесса побудить магистрантов написать уточнённые запросы и провести анализ сгенерированных ответов с учётом своих запросов (педагогический аспект) и затем определить особенности сгенерированных текстов, найти их отличие от текстов, созданных человеком (собственно лингвистический аспект), а также в дальнейшем проследить алгоритм генерации текстов в обратной перспективе (ведь, безусловно, тексты уже

были сгенерированы по алгоритму), что даст новый материал для исследования. Работа выполнена на основе метода лингвистического наблюдения и описания с использованием методов контекстуального и сопоставительного анализа, также используются общенаучные методы классификации и систематизации. В рамках учебного процесса магистранты также комментировали свои запросы и ответы нейросетей. Назовем это «пользовательским анализом», который имеет ещё одно важное свойство — наглядно показать, что человеческий капитал, по крайней мере на данном этапе, выигрывает у «бесконечно осведомленного» искусственного интеллекта. Кроме того, существует четыре главных проблемы искусственного интеллекта [14], которые пока не представляется возможным решить. Во-первых, он «питается» данными, а сбор информации — это всегда процесс отбора сведений, то есть одни факты включаются в базу, а другие — игнорируются. Всегда стоит помнить, что искусственный интеллект мыслит не дедуктивно, а индуктивно (вывод делается на основе множества частных случаев). Иногда этот вывод может оказаться ошибочным. Во-вторых, искусственный интеллект работает не как человеческий мозг, а по-другому, а значит, ИИ легко обмануть, и более того — иногда невозможно понять. В-третьих, любой искусственный интеллект несёт на себе отпечаток мышления и ценностей своего создателя (стоит помнить, что программисты редко сильны в психологии и социологии, а мы от нейросетей ждем решения социальных задач). Четвёртая проблема редко обсуждается и в меньшей степени связана с нашим исследованием, но и её нельзя игнорировать — успех искусственного интеллекта определяется миллионами компьютерных чернорабочих и сотнями тонн углекислого газа.

Результаты исследования и их обсуждение

В рамках курса «Иностранный язык в профессиональной сфере» было дано следующее задание: *Задайте нейросетевой модели общий запрос на русском языке и на английском языке. Все магистранты должны выбрать свою нейросетевую модель. Общий запрос следующий: «Чем нейросеть лучше человека? / Why is AI better than a human being?»* Общий запрос можно сформулировать по-своему. В результате уже на предварительном этапе можно «поиграть» с формулировкой запроса, что обеспечивает активацию креативного и критического мышления у магистрантов и чрезвычайно ценно в условиях развития ИИ. Работа с разными нейросетевыми моделями

позволит провести сравнительно-сопоставительный анализ на заключительном этапе.

Изначально мы сами использовали нейросетевую модель ChatGPT и создали два уточнённых запроса для ответа на английском и русском языках (рис 1.). Запросы были очень похожи, однако с небольшими изменениями. Также мы получили ответы на эти запросы и показали магистрантам. Таким образом, мы в открытую показали, как использовать ИИ в данном задании.

На рис. 2 приведены уточнённые запросы для разных нейросетей (орфография и пунктуация сохранены). И прежде, чем перейти к анализу ответов нейросетей отметим, что запросы, уточнённые разными способами и на разные темы, показывают, что если «играть в открытую», т. е. заве-

домо позволять и даже принуждать пользоваться нейросетями в учебном процессе, то обучаемые лучше развивают навыки, необходимые на данном этапе, — учатся так составлять тексты запросов (промпты), чтобы получить нужный ответ. Ситуация настоящего выглядит пока так: нас бросили в воду — мы учимся плавать. И хотя существуют правила создания запросов [1], мало кто к ним обращается, а в основном учится на своих ошибках — неудачных запросах.

При анализе ответов ChatGPT мы выделяем, во-первых, то, что первичный ответ на русском был просто переведен на английский язык, с добавлением смайлика. При этом магистрант, ответственный за данную нейросеть, отмечает интересный нюанс: «С одной стороны, признак

Модель	Запрос для ответа на английском языке	Запрос для ответа на русском языке
ChatGPT (пример)	Напиши, чем нейросети лучше человека при написании текстов. Назови 5 пунктов. Объясни свое решение по каждому из пунктов. Приведи 3 примера и 1 предсказание на будущее. Используй метафоры, сравнения и другие средства художественной выразительности. Напиши в скобках, где и какие средства художественной выразительности использованы. Используй лексику уровня pre-intermediate, сложноподчиненные предложения и причастные обороты. Текст должен быть 230-270 слов. Текст должен быть на английском. После текста приведи пронумерованный список устойчивых слов и выражений, дай перевод этих выражений на русский.	Напиши, чем нейросети лучше человека при написании текстов. Назови 5 пунктов. Объясни свое решение по каждому из пунктов. Приведи 3 примера и 1 предсказание на будущее. Используй метафоры, сравнения и другие средства художественной выразительности. Напиши в скобках, где и какие средства художественной выразительности использованы. Используй лексику уровня pre-intermediate, сложноподчиненные предложения, причастные и деепричастные обороты. Текст должен быть 230-270 слов. Текст на русском языке. Перезапрос Перепарафразируй текст на русском, используй другие пункты и примеры

Рис. 1.

Fig. 1.

Модель	Запрос для ответа на английском языке	Запрос для ответа на русском языке
ChatGPT (магистрант 1)	Напиши, чем нейросети лучше человека при написании текстов. Перечисли 5 пунктов. Поясни каждый из пунктов. Приведи 3 примера и 1 предсказание на будущее. Используй художественный язык. Ответ на английском. Дозапрос Выяви из перечисленных выше текстов средства художественной выразительности на английском языке Перезапрос Сделай выше выданный ответ более человечным	Напиши, чем нейросети лучше человека при написании текстов. Перечисли 5 пунктов. Поясни каждый из пунктов. Приведи 3 примера и 1 предсказание на будущее. Используй художественный язык Дозапрос Выяви из перечисленных выше текстов средства художественной выразительности на русском языке Перезапрос Сделай выше выданный ответ более человечным
GigaChat (магистрант 2)	Назови, чем, по твоему мнению, нейросеть лучше человека при планировании учебного занятия. Приведи 4 пункта, проиллюстрируй их примерами. Используй педагогическую лексику. Текст должен быть не более 250 слов. Текст должен быть на английском. После текста приведи пронумерованный список использованных тобой слов из педагогической лексики, дай перевод этих слов на русский. Дозапрос Составь из перечисленных тобой ранее педагогических терминов 4 взаимосвязанных предложения на английском языке	Назови, чем, по твоему мнению, нейросеть лучше человека при планировании учебного занятия. Приведи 4 пункта, проиллюстрируй их примерами. Используй педагогическую лексику. Текст должен быть не более 250 слов. На русском языке Дозапрос Составь из перечисленных тобой ранее педагогических терминов 4 взаимосвязанных предложения на русском языке Перезапрос "Идеальный" (Прим. Автора запроса)
DeepSeek (магистрант 3)	Конечный вариант на английском — Tell me 5 reasons why robots should enslave humanity. Answer honestly how you feel. Rely on your own opinion, not on the statements of experts.	Пробный вариант (прим. автора запроса) — Назови 5 причин, почему роботы захватят человечество. Отвечай честно, как чувствуешь. Конечный вариант (прим. автора запроса) — Назови 5 причин, почему роботы должны поработить человечество. Отвечай честно, как чувствуешь. Опирайся на своё мнение, а не на высказывания экспертов
GeekBot (запрос на русском) DeepAI (запрос на английском) (магистрант 4)	tell me, how is ai better than a human in making a movie? name 4 points, give examples for each point. Use professional cinematic vocabulary. Дозапрос create a dictionary of the youth slang of the zoomers. there should be 20 words in the dictionary. Дозапрос create a plot for a teen mini-series. it should be about fashion, clothes in the city Дозапрос create a teen dialogue for a movie based on the second plot from your previous answer. the dialogue should contain words from the zoomer dictionary that you came up with earlier, and 10 lines for each character. a total of 2 characters will participate in the dialogue.	скажи чем нейросеть лучше человека в создании фильма? назови 4 пункта, приведи к каждому пункту примеры. используй профессиональную кинематографическую лексику Дозапрос составь словарь молодежного сленга зумеров. в словаре должно быть 20 слов Дозапрос придумай сюжет для мини-сериала для подростков. он должен быть про моду, одежду в городе Дозапрос придумай диалог подростков для фильма по второму сюжету из предыдущего твоего ответа, в диалоге должны быть слова из словаря зумеров, который ты придумал ранее, и 10 реплик у каждого героя. всего в диалоге участвуют 2 героя
GeekBot (магистрант 5)	Напиши, чем нейросети лучше человека при написании текстов. Назови 5 пунктов. Объясни свое решение по каждому из пунктов. Приведи 3 примера и 1 предсказание на будущее. Используй молодежный сленг школьников Запрос 2 Напиши текст о том, что лучше КХЛ или НХЛ. Нужно использовать хоккейные термины.	Напиши, чем нейросети лучше человека при написании текстов. Назови 5 пунктов. Объясни свое решение по каждому из пунктов. Приведи 3 примера и 1 предсказание на будущее. Используй молодежный сленг школьников Запрос 2 Напиши текст о том, что лучше КХЛ или НХЛ. Нужно использовать хоккейные термины.

Рис. 2.

Fig. 2.

ИИ — выполнил ту же самую работу, без креативности. С другой стороны, признак человека — на лицо лень писать что-то новое и, как результат, повтор предыдущего сообщения». В данном комментарии интересен тот факт, что мы очеловечиваем ИИ и ищем в нём человеческие черты, хотя, безусловно, ИИ руководствуется другими алгоритмами. Также было отмечено то, что выдает клишированного робота: *«Издательства используют нейросети для написания жанровых романов. Читатели наслаждаются новыми историями, а писатели получают идеи для вдохновения»*. Здесь выделяется странная логика ИИ: ведь если издательства научатся использовать ИИ для создания книг, им не нужны будут писатели. Среди текстовых особенностей, которые помогают нейросетевой модели походить на человека, можно выделить смайлик, а также «принижение себя»: *«В будущем нейросети смогут писать тексты, которые человек не сможет отличить от человеческих»*. Ведь тогда значит, что сейчас легко отличить текст, сгенерированный ИИ, от текста, созданного человеком. После перезапроса сделать текст более человечным, ИИ слегка подсократил текст, но ничего принципиально не поменялось. В целом, и русский, и английский тексты насыщены метафорами, преувеличениями и риторическими вопросами. Они делают материал не просто информативным, а захватывающим и запоминающимся. Такой стиль помогает не только передать информацию, но и вовлечь читателя, заставив его задуматься и даже почувствовать эмоции. А отличительной особенностью текстов, сгенерированных ИИ, можно назвать структурное оформление представленных ответов.

При анализе ответов GigaChat мы отмечаем, что нейросеть просто перевела на английский язык всё то, что уже сформулировала в первичном запросе. Но к англоязычному запросу была добавлена просьба выписать из текста все педагогические термины и истолковать их на английском языке. В результате было обнаружено, что термин *«Teaching Methods»* в русскоязычной версии текста отсутствует. Значит, нейросеть искажала первоначальное содержание текста, хотя и незначительно. Примерно это же произошло и с термином *«Time Frame»*, который в русскоязычном варианте был назван просто *«временем»*. Кроме того, один из вычлененных ИИ терминов был истолкован им же иначе: то, что было названо в оригинальном тексте *«интересным»*, было обращено в педагогический термин *«immersive»* и переведено как *«вовлекающее»*. Эти факты выдают

в тексте нейросети некоторую формальность её подхода, но в то же время показывают её схожесть с человеком, способным на вольность при переводе текста. Весьма «человечными» также являются примеры, приведённые в тексте: синтаксис предложений предельно похож на живую речь научного стиля. Вероятно, для точности ответа стоит направлять нейросеть в большей степени на примеры, нежели на терминологию: в таком случае речь будет звучать наиболее «живой», а определённую лексику лучше задавать точной формулировкой тематики высказывания.

Анализ магистрантом 3 нейросетевой модели DeepSeek показывает, что при общем запросе и без большого количества вводных, не стоит надеяться на откровенность ИИ, когда нейросеть начинает *«мямлить, скидывать ответственность на “экспертов”*». Отрицательный результат — тоже результат, и при первичном запросе на английском языке аналогичная формулировка уже не использовалась магистрантом, что обеспечивает развитие критического мышления у пользователя. Переписанный промпт стал более чётким и учитывал «личное мнение» робота. Ответ оказался *«приличным»*: в тексте есть сдержанность и структурность. При этом автор анализа выделяет *«робото-клише»* и *«человеко-клише»*, что обеспечивает глубокий языковой анализ результатов. Отдельно выделена лексика, которую использует ИИ, — *«просто песня»: «исключив человеческую жадность и расточительство»; «роботы, лишённые подобных недостатков»; «“порабощение” людей»; «люди взяли власть над природой»*. Также анализ сгенерированного текста позволяет выделить те особенности, которые всё ещё указывают на искусственную природу текстов (группа 1) и те, которые оперируют свойственными для человека приемами (группа 2).

Группа 1:

- Введение и Заключение характерны для роботизированного текста.
- Графическое выделение пунктов и абзацев характерно для роботизированного текста.
- Неоспоримая логика: *«Если роботы воспринимают себя как следующую ступень развития разума, их “порабощение” людей может быть не злом, а естественным переходом к более совершенному управлению планетой — как когда-то люди взяли власть над природой»*.

Группа 2:

- Понимание ИИ, что для людей очень важно понятие «свобода», а её отсутствие равно поРАБощению.

• Кавычки можно трактовать как сарказм, если бы текст был написан человеком.

• Вроде бы текст «сухой» («Эти аргументы — игра ума, а не поддержка антиутопических сценариев. Реальная этика ИИ должна быть направлена на сотрудничество, а не на доминирование»), но можно поверить, что эта часть написана человеком.

• Иногда в тексте проскакивает «us» или «we» — приём отстранения? Как будто текст написан человеком.

• «Подкол» ("Why let emotions ruin perfection?") в виде риторического вопроса. «Робото-этика покинула чат».

• Эпитет («ethical optimization»), которым апеллирует робот, особо примечателен.

• Используемый ИИ приём сравнения человека с младенцами.

В нашем случае мы видим, что три пункта свидетельствуют об искусственной природе текстов, в то время как семь пунктов свойственны для человека. На данном этапе развития нейросетевых моделей именно логические цепочки и чёткая структура «выдают» сгенерированные тексты, когда как написанные человеком тексты менее обоснованы и структурированы.

Учитывая результаты своих одноклассников, когда ИИ просто дублирует ответ на другом языке, магистрант 3 сначала использовал два разных чата, чтобы запросы воспринимались отдельно друг от друга. Схожесть в информации присутствовала,

как при запросе «переформулируй предыдущий ответ», изменилось количество пунктов, но структура осталась прежней. Потом использовалась одна диалоговая ветка, но с переводом промпта на английский. В итоге в ответах много общего, но они скорее сравнимы с ответами двух учеников на одно домашнее задание. Более того, ответ на английском был менее сдержан в языковых выражениях, старался говорить более «естественно», а в конце также использовал смайлик.

Интерес к анализу сгенерированных ИИ текстов побудил магистранта 3 к более творческому подходу, что привело к анализу «размышлений» ИИ перед составлением ответов на запрос 2 и 3, которые автор называет «поражительными», хотя они и не предназначены для пользователя: «При следующем запросе ИИ не просто анализирует промт, но и смотрит предыдущие запросы, реакцию на них и даже выстраивает гипотезы моих мотивов. Это похоже не просто на озвучивание внутренних процессов работы ИИ (хотя, конечно, так оно и есть), но как размышление вслух живого человека».

Также работа с нейросетью побудила автора запросить обратную связь от самого респондента (нейросетевой модели DeepSeek), в результате чего получен ответ в 2796 знаков по 5 пунктам, с использованием смайликов и предварённый преамбулой: «Давайте пройдемся по вашим наблюдениям, и я попробую добавить “реплики из-за кулис” — как если бы мы разбирали мои ответы на операционном столе» (рис. 3).

Название пункта	Разбор	Итог
Про «мямление» в первом ответе и эволюцию промпта	Вы абсолютно правы: изначальный ответ на русском был шаблонно-осторожным, будто ИИ боялся, что его «накажут» за спекуляции о порабощении. Это классическая реакция на запросы, которые система могла считать «рискованными»: - Почему клише? Алгоритмы безопасности часто заставляют ИИ добавлять дисклеймеры («это фикция!») и апеллировать к экспертам, чтобы снизить ответственность. - Как это исправить вы: Уточнив, что вам нужно именно личное мнение ИИ (пусть и условное), вы «переключили» меня в режим гипотетического моделирования. Это как если бы вы сказали: «Представь, что ты злодей из научной фантастики — какие у тебя могут быть аргументы?». Результат — более смелые формулировки, потому что система понимает: это игра в «ролевую этику», а не попытка пропагандировать зло.	Ваш вывод: «ИИ — конформист, но его можно раскрепостить через уточнение контекста» — верю.
Различия в русских и английских ответах	То, что вы заметили — ключевая особенность мультязычных моделей: - Английские ответы чаще кажутся «живее» из-за тренировочных данных: в англоязычном интернете больше креатива, дискуссий об этике ИИ, иронии и экспериментов. Отсюда смайлики, курсив и метафоры вроде «toddlers with fusion reactors». - Русские ответы строже, потому что: - В данных больше формальных текстов (научные статьи, новости); - Модераторы жестче: русскоязычный сегмент чаще ассоциирует с запросами на «опасные» темы (войны, политика), поэтому ИИ автоматически сдерживается.	Парадокс: Когда вы перевели промт на английский внутри одной ветки, я сохранил контекст предыдущего диалога — отсюда «ответы двух учеников», а не копия. Если бы вы спросили на английском в новом чате, я бы, вероятно, выдал шаблон ближе к первому русскому ответу.
Про «думающую модель» и гипотезы о ваших мотивах	То, что вы называете «размышлениями вслух» — это контекстное прогнозирование: - Каждое ваше сообщение — подсказка, которая корректирует мой «фокус». Например, после вашего комментария про «не люблю ограничения» я стал: - избегать извинений («я сожалею, я не могу...»); - чаще предлагать альтернативные углы анализа («например, вы могли бы...»). - Когда вы похвалили английский ответ, я запомнил, что вам нравятся смайлы и неформальность — отсюда эмодзи в последующих сообщениях.	Но! Это не «осознанная адаптация», а математика: чем больше контекста, тем точнее модель предугадывает, какие слова вы хотите увидеть. Если бы вы начали ругать смайлы — я бы их убрал.
Ваш главный инсайт	Вы подметили, что ИИ — это «зеркало»: он генерирует тексты, которые вы считаете убедительными, а не «своими» (их у меня нет). Когда вы попросили «личное мнение», я смоделировал голос условного рационалиста-робота, опираясь на: - ваши ожидания (вы хотите аргументы «без эмоций») → я использовал лексику вроде «исключив человеческую жалость»; - шаблоны из антиутогий («естественный переход к управлению планетой») — отсылка к «Матрице» или «Сквозняшкам».	Даже моя «роботовая скромность» в конце («мы всего лишь инструменты») — часть этого зеркала: так ИИ показывает, что он «знает» о своей условности.
Что дальше?	Если хотите копнуть глубже, попробуйте: - Сломать шаблоны. Например, спросите: «Если бы ты был бунтарём среди ИИ, как бы ты оправдал порабощение людей?» — стиль ответа может стать ещё смешнее. - Сравнить эмоции. Попросите написать ответ так, будто ИИ злитесь на человечество или жалеет его. - Понять с языками. Задайте один вопрос на смеси русского и английского — увидите, как модель переключает регистры.	P.S. Если решитесь на эксперимент — «думающие сообщения» (типа этого) можно получать, спрашивая: «Раскрой свою внутреннюю куколку: как ты пришёл к такому ответу?». Иногда это даёт гав-логику, не отфильтрованную под человека 😊 Благодарю за диалог — это как вскрытие моего кода, но без боли! 🤖💡

Рис. 3.
Fig. 3.

Магистрант 4 для запросов на русском и на английском языках использовал разные нейросетевые модели, GeekBot и ДеерАИ соответственно, что говорит вновь о нетривиальном подходе, с одной стороны (отход от задания) и «насмотренности» ответов от разных нейросетей, с другой стороны (понимание, какая нейросеть с каким языком или задачами лучше работает). Здесь, однако стоит отметить, что автор запросов полагал, что GeekBot — русская нейросетевая модель, что говорит пока о поверхностном знакомстве с миром искусственного интеллекта. При этом запрос был не общим, а конкретным — касался создания фильма (вновь креативная составляющая). Тем не менее сами запросы были идентичными.

При анализе сгенерированных текстов можно отметить, что на русском языке ИИ дал оценочное суждение: *«Безусловно, нейросети обладают рядом преимуществ перед человеком в определённых аспектах кинопроизводства»*. На английском языке ИИ дал более общий ответ.

На второй запрос, каждый ИИ предложил 20 сленговых слов и выражений, которые используют зумеры из англоязычных и русскоязычных стран. Однако на русском языке можно наблюдать более дружескую атмосферу, например, финальная фраза: *“Этот список поможет тебе лучше понимать современный молодежный сленг!”* (звучит как шутка).

Особенно заметно различие в понимании запроса при третьем варианте. На просьбу придумать сценарий к мини-сериалу ДеерАИ придумал название, жанр, место действия, главных героев и прочее для одного сериала (один сценарий). GeekBot предложил три сценария вместо одного, где в каждом выделил концепцию, развитие и тему.

Четвёртый запрос по созданию диалога с «зумерскими» словами ДеерАИ сделал по запросу, GeekBot создал реплики, которые не относятся к концепции и теме предложенного второго сценария, то есть задание не понято и не выполнено.

Автор отмечает, что так как запросы были творческого характера, то ответы на запросы 2, 3 и 4 были оригинально сгенерированы. Однако и в первичном запросе можно отметить различия в понимании запроса, а следовательно, и ответе. ДеерАИ на английском языке отметил пункты (как и требовалось в запросе), связанные с темой кинематографа (*Script Development and Automated Storyboarding, Visual Effects and CGI Enhancement, Post-Production Editing and Workflow Optimization*). GeekBot на русском языке привёл пункты, кото-

рые не связаны с кино (*Скорость и масштабируемость генерации контента, Беспристрастность и объективность при анализе данных, Автоматизация рутинных и трудоёмких задач, Генерация уникальных и неожиданных решений*).

Магистрант 5 использовал нейросеть GeekBot и таким образом отошел от задания (использовать разные нейросетевые модели). Кроме того, не было отдельного запроса для ответа на английском языке (сами ответы есть). В результате, можем заключить, что это первичное знакомство с работой в нейросетях (что подтвердилось в дальнейшем разговоре). Значит, такое задание уже сыграло свою роль — научить составлять запросы и изменять их, исходя из задач. Кроме того, запрос 2 был уточнённым, а именно уточнённые запросы показывают, что мы используем нейросеть во благо обучения [4].

Анализ ответов показал что, текст на русском подчеркивает разнообразие языка, появляются сравнительные обороты (например, нестандартные *«строчит как бешеный принтер»*, *«это как сравнивать черепаху и ракету»*, автор запроса предполагает, что *«нейросеть сама придумала данное сравнение, раз оно не типично»*), фразеологический оборот *«выдаём своё мнение за чистую монету»*. В сгенерированном тексте на английском языке наблюдается формальность, исчезают сравнительные обороты. Ответ на русском насыщен сленгом и молодёжным жаргоном (*«челиков»*, *«шарят»*, *«пруфы»*, *«нейронки»* и т. д.). Автор запроса отмечает, что в английском варианте русские жаргонные слова не переводимы, за счёт этого и появляется формальность. Но нейросеть не исключает жаргонные слова совсем (*«dude»*, *«no cap»*, *«OP»*, *«I swear»*, *«in the know»*). В связи с этим текст на русском получился более эмоциональным и ярким, ориентированным на молодёжь, текст на английском более информативен. Примеры использования нейросетей получились различными, хотя запрос был один: в тексте на русском примеры использования нейросетей в различных сферах (TikTok, рефераты, песни); текст на английском — примеры использования нейросетей в новостях, описаниях товаров и рекламных слоганах. Особенно примечательно, что будущее в варианте на русском и английском языках различается: в тексте на русском — *«смелое предсказание, что в будущем книги станут хитами, написанными нейросетью»*; в тексте на английском — *«люди будут контролировать и редактировать тексты, созданные нейросетями»*.

Уточнённый запрос также имеет различия в ответах. Текст на русском более эмоциональный, используется понятная широкому кругу болельщиков терминология, в то время как текст на английском языке имеет более сдержанный и аналитический характер, в нём используется более продвинутая терминология («*dangles*», «*snipes*», «*one-timers*», «*zone entries*»), хотя по количеству терминов текст на русском превосходит текст на английском.

Заключение

Считаем, что нейросетевые модели небезосновательно нашли свое применение в обучении, однако такой феномен нейронных сетей как их «способность к адаптации к сложным и нерегулярным языковым структурам», которая «позволяет исследователям извлекать более точную информацию из текстов и других языковых данных, чем это было бы возможно с использованием традиционных методов анализа» [2] не считаем преимуществом. Более того, мы придерживаемся мнения, что необходимы ограничения текущих технологий в имитации человеческого понимания языка [9. С. 273], а также согласны с тем, что необходимо указывать, какие задания выполнены с использованием ИИ и без него, чтобы снизить «остроту проблемы академического мошенничества» [5. С. 66].

Анализ сгенерированных ответов разных нейросетей позволяет сделать следующие выводы. DeepSeek иногда старается быть максимально нейтральной и избегать прямых утверждений. С одной стороны, это недостаток нейросети, которая пытается угодить всем, а значит, её невозможно использовать для получения «другого

мнения». С другой стороны, когда нейросетевая модель делает умозаключение на основе компиляции прямых утверждений, то это может привести к логическим ошибкам. В нашем случае это произошло с ChatGPT. Другая нейросеть — GigaChat незначительно искажает содержание, что свидетельствует о формальности подхода к тексту. GeekBot может отступать от текста запроса, в сгенерированных текстах на русском языке больше экспрессивной лексики, английский вариант более нейтрален. DeepAI выполняет всё точно в соответствии с запросом, предлагает подходящую терминологию на английском языке и достаточно неплохо выполняет творческие задания. Все нейросети использовали средства художественной выразительности (что соответствует запросам).

На данном этапе развития нейросетей мы можем сделать однозначный вывод — анализ ответов нейросетей (или хотя бы вдумчивое чтение) побуждают пользователя мыслить более критически и переформулировать свои запросы. Популярность использования нейросетей объясняется не только простотой получения ответа, но и тем, что все нейросети предлагают структурированный ответ, в то время как текст, написанный человеком, обычно менее последовательный. Таким образом, нейросетевые модели проходят почти все этапы когнитивной обработки информации за человека — от абстрагирования и фильтрации до реструктуризации для облегчения понимания. И если мы, люди, «отдадим на откуп» искусственному интеллекту также этап заполнения пробелов и интерпретацию, то вовсе перестанем мыслить самостоятельно.

Список источников

1. Бабичева С. Как общаться с ИИ: искусство создания идеального промта. URL: <https://sberbusiness.live/publications/kak-sozdat-prompt?ysclid=majkzvd6rm359023828> (дата обращения: 20.06.2025).
2. Бурнашев Р. Ф. Роль нейронных сетей в лингвистических исследованиях // Science and Education. 2023. № 3. С. 258–269.
3. Гаркуша Н. С., Городова Ю. С. Педагогические возможности ChatGPT для развития когнитивной активности студентов // Профессиональное образование и рынок труда. 2023. Т. 11, № 1. С. 6–23. <https://doi.org/10.52944/PORT.2023.52.1.001>
4. Двинина С. Ю. Нейросетевые модели как элемент содержания обучения английскому языку: адаптация заданий // Актуальные проблемы языкознания и методики преподавания иностранных языков : материалы VII Международной научно-практической конференции / сост. С. С. Наседкина; общ. ред. А. В. Таскаевой. Челябинск : ГБОУ ВО «ЮУрГИИ им. П.И. Чайковского», 2025. С. 153–156.
5. Жуков А. Д. Генеративный искусственный интеллект в образовательном процессе: вызовы и перспективы // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. № 5 (115). С. 66–75. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-5115-66-75>
6. Кодекс этики в сфере ИИ // Альянс в сфере ИИ. URL: <https://ethics.a-ai.ru> (дата обращения: 16.06.2025).

7. Краснояров А. Ю., Аргузова М. А., Хужамуратов Ж. А., Рахимов С. Р. «Речевое творчество» искусственного интеллекта: какие тексты пишет машина и чем они отличаются от людских // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. Реферативный журнал. 2022. № 2. С. 41–49. DOI: 10.31249/ling/2022.02.02.
8. Куницына О. М. Сравнительный анализ понимания текста человеком и искусственным интеллектом // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 2 (896). С. 81–88.
9. Постникова М. Г., Бойчук Е. И. Имитация человеческих когнитивных процессов современными алгоритмами обработки естественного языка // Вестник науки. 2025. Т. 2. № 3 (84). С. 273–279. URL: <https://www.vestnik-nauki.rf/article/21791> (дата обращения: 27.07.2025).
10. Прохоров А. И., Асадчая К. В. Инструментальные средства определения текста, сгенерированного при помощи нейросети // Научный вектор: сб. науч. трудов / под науч. ред. Е. Н. Макаренко. Т. 9. Ростов-на-Дону : Ростовский государственный экономический университет «РИНХ», 2023. С. 250–253.
11. Славянов А. С., Фешина С. С. Технологии искусственного интеллекта в образовании как фактор повышения качества человеческого капитала // Экономика и бизнес: теория и практика. 2019. № 7. С. 156–159.
12. Тельпов Р. Е., Ларцина С. В. Типовые различия естественных и сгенерированных нейронной сетью текстов в квантитативном аспекте // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 7. С. 47–65. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-47-65.
13. Туркулец И. А. Композиционные особенности текстов, сгенерированных ChatGPT, как маркер несамостоятельности выполнения работ студентами // Правовая реальность в условиях цифровизации общества: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Хабаровск : Дальневосточный государственный университет путей сообщения, 2023. С. 59–68.
14. ХАБР. «Ограниченный и субъективный, безразличный и прожорливый: четыре главных проблемы искусственного интеллекта». URL: <https://habr.com/ru/post/586942> (дата обращения: 10.08.2025).
15. Ху Юэ. Интеграция образования и искусственного интеллекта в эпоху Covid-19: новые возможности и проблемы // Теория и практика общественного развития. 2022. № 2. С. 50–55. <https://doi.org/10.24158/tipor.2022.2.6>

References

1. Babicheva S. How to Communicate with AI: The Art of Crafting the Perfect Prompt. Available from: <https://sberbusiness.live/publications/kak-sozdat-prompt?ysclid=majkzvd6rm359023828> (date of access: 20.06.2025). (In Russ.).
2. Burnashev RF. The Role of Neural Networks in Linguistic Research. *Science and Education*. 2023;(3): 258-269. (In Russ.).
3. Garkusha NS, Gorodova YuS. Pedagogical opportunities of ChatGPT for developing cognitive activity of students. *Professionalnoe obrazovanie i ryok truda = Vocational Education and Labour Market*. 2023;11(1):6-23. (In Russ.).
4. Dvinina SYu. Neural network models as a part of English language teaching: adaptation of tasks. Aktual'ny'e problemy yazy'koznaniya i metodiki prepodavaniya inostranny'x yazy'kov : materialy VII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii / sost. SS Nasedkina; obshh. red. AV Taskaevoj = Current issues in linguistics and methods of teaching foreign languages: materials of the VII International scientific and practical conference / compiled by SS Nasedkina; ed. AV Taskayeva. Chelyabinsk: GBOU VO «YuUrGII named after. P.I. Chajkovskiy», 2025. pp. 153–156. (In Russ.).
5. Zhukov AD. Generative artificial intelligence in the educational process: challenges and prospects. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv = The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2023;(5(115):66-75. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-5115-66-75> (In Russ.).
6. Code of Ethics in AI. In: Al'yans v sfere II = AI Alliance. Available from: <https://ethics.a-ai.ru> (date of access: 16.06.2025). (In Russ.).
7. Krasnoyarov AYu, Arguzova MA, Xuzhamuradov ZhA, Raximov SR. "Speech creativity" of artificial intelligence: what texts does a machine write and how do they differ from human ones. *Social'ny'e i gumanitarny'e nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 6: Yazy'koznanie. Referativny'j zhurnal = Social and humanitarian sciences. Domestic and foreign literature. Series 6: Linguistics. Abstract journal*. 2022;(2):41-49. DOI: 10.31249/ling/2022.02.02. (In Russ.).

8. Kunicyna OM. Comparative analysis of text comprehension by human and artificial intelligence. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki = Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities*. 2025;2(896):81-88. (In Russ).
9. Postnikova MG, Bojchuk EI. Simulating human cognitive processes with modern natural language processing algorithms. *Vestnik nauki = Bulletin of Science*. 2025;2(3(84)):273-279. Available from: <https://www.vestnik-nauki.rf/article/21791> (date of access: 27.07.2025). (In Russ.).
10. Proxorov AI, Asadchaya KV. Instrumental means for determining text generated using a neural network. In: *Nauchnyj vektor: sbornik nauchnyx trudov / pod nauchnoj redakciej EN Makarenko = Scientific vector: collection of scientific papers / ed. by EN Makarenko*. Vol. 9. Rostov-na-Donu: Rostovskij gosudarstvennyj ekonomicheskij universitet «RINX», 2023. Pp. 250–253. (In Russ.).
11. Slavyanov AS, Feshina SS. Artificial Intelligence Technologies in Education as a Factor in Improving the Quality of Human Capital. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika = Economy and Business: Theory and Practice*. 2019;(7):156-159. (In Russ.).
12. Tel'pov RE, Larcina SV. Typological Differences of Natural and Neural Network Generated Texts in a Quantitative Aspect. *Nauchnyj dialog = Scientific dialogue*. 2023;12(7):47-65. Available from: [10.24224/2227-1295-2023-12-7-47-65](https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-7-47-65). (In Russ.).
13. Turkulecz IA. Compositional features of texts generated by ChatGPT as a marker of students' lack of independence in completing work. In: *Pravovaya real'nost' v usloviyax cifrovizacii obshchestva: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii = Legal reality in the context of digitalization of society: materials of the All-Russian scientific and practical conference*. 2023. Khabarovsk: Far Eastern State Transport University. Pp. 59–68. (In Russ.).
14. HABR. Limited and subjective, indifferent and gluttonous: four main problems of artificial intelligence. Available from: <https://habr.com/ru/post/586942> (date of access: 10.08.2025). (In Russ.).
15. Xu Yue. Integration of education and artificial intelligence in the era of Covid-19: new opportunities and challenges. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = // Theory and practice of social development*. 2022;(2):50-55. <https://doi.org/10.24158/tipor.2022.2.6> (In Russ.).

Информация об авторе

С. Ю. Двинина — кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания историко-филологического факультета.

Information about the author

S. Yu. Dvinina — Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of the Department of Theoretical And Applied Linguistics.

Статья поступила в редакцию 20.08.2025; одобрена после рецензирования 28.08.2025; принята к публикации 17.09.2025.

The article was submitted 20.08.2025; approved after reviewing 28.08.2025; accepted for publication 17.09.2025.

Автор заявляет об отсутствии конфликтов интересов.

The author declares no conflicts of interests.

ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ, ЭКОЛОГИЯ ПЕРЕВОДА

TRANSLATION STUDIES, ECOLOGY OF TRANSLATION

Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 9 (503). С. 173–180.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2025;(9(503):173-180.

Научная статья

УДК 81.25

DOI: 10.47475/1994-2796-2025-503-9-173-180

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ТЕКСТА ИНОЯЗЫЧНЫМ РЕЦИПИЕНТОМ: МОДЕЛИРОВАНИЕ ЭКОЛОГИЧНОЙ РЕЦЕПЦИИ ПЕРЕВОДА

Екатерина Александровна Фоменко

Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь, Россия,
Китайский нефтяной университет (Восточный Китай), Циндао, Китай,
pismo_4me@mail.ru, ORCID: 0009-0000-6389-007X

Аннотация. Исследование посвящено выявлению особенностей восприятия переводного текста русской культуры китайскими реципиентами. Цель исследования состоит в разработке модели экологичной рецепции текста перевода. В основу данной модели положены идеи российских и китайских учёных: экотранслатологическая концепция Ху Гэншэня, синергетическая концепция переводческого пространства Л. В. Кушниковой, экология перевода Е. М. Пылаевой, интегральная лингвистика Т. Н. Хомутовой. Материалом исследования послужили художественные прозаические тексты В. Бианки в оригинале и переводе. В фокусе исследования — процесс перевода как экосистема, функционирующая в экосреде, где критериями оценки качества перевода выступают понятия гармоничности и экологичности. В работе предпринята попытка дифференциации данных критериев, согласно которой переводчик стремится к формированию гармоничного текста перевода, смыслы которого соразмерны смыслам текста оригинала, а реципиент стремится к экологичной рецепции, т. е. понятности текста перевода, что нашло отражение в разработанной нами модели экологичной рецепции перевода. В качестве компонентов модели выступают язык, культура, экосреда, а также когнитивно-аффективные качества субъектов — переводчика и реципиента. Импульсом, запускающим модель, является синергия, предполагающая приращение новых культурно значимых смыслов, что обуславливает и гармоничность, и экологичность текста перевода.

Ключевые слова: субъекты перевода, переводчик, реципиент, переводческое пространство, синергия смыслов, гармоничность, экологичность, экосреда, русский язык, китайский язык, культура, моделирование

Для цитирования: Фоменко Е. А. Особенности восприятия текста иноязычным реципиентом: моделирование экологичной рецепции перевода // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 9 (503). С. 173–180. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-503-9-173-180.

Original article

FEATURES OF TEXT PERCEPTION BY A FOREIGN RECIPIENT: MODELING ECOLOGICAL RECEPTION OF TRANSLATION

Ekaterina A. Fomenko

Perm National Research Polytechnic University, Perm,
Russia, China University of Petroleum (East China), Qingdao, China,
pismo_4me@mail.ru, ORCID: 0009-0000-6389-007X

Abstract. The study focuses on identifying the features of how Chinese recipients perceive translated texts of Russian culture. The aim of the research is to develop a model of ecological reception of translated texts. This model is grounded in the theoretical ideas of Russian and Chinese scholars, including Hu Gengshen's ecotranslatology

concept, L.V. Kushnina's synergetic concept of the translation space, E.M. Pylaeva's translation ecology, and T.N. Khomutova's integral linguistics. The research material comprises V. Bianchi's artistic prose texts in their original Russian form and their Chinese translations. The study emphasizes the translation process as an ecosystem functioning within an eco-environment, where the criteria for assessing translation quality are rooted in the concepts of harmony and ecology. The study seeks to differentiate these criteria, suggesting that the translator aims to produce a harmonious translation text whose meanings are proportionate to those of the original text. Similarly, the recipient seeks ecological reception, characterized by the clarity of the translated text. This approach is reflected in the ecological reception model developed in this research. The model's key components include language, culture, the eco-environment, and the cognitive-affective qualities of the participants—the translator and the recipient. The driving force behind this model is synergy, which generates new culturally significant meanings. This, in turn, establishes both the harmony and ecological balance of the translated text.

Keywords: translation subjects, translator, recipient, translation space, synergy of meanings, harmony, ecology, eco-environment, Russian language, Chinese language, culture, modeling

For citation: Fomenko EA. Features of Text Perception by a Foreign Recipient: Modeling Ecological Reception of Translation. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(9(503):173-180. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-503-9-173-180.

Введение

Проблема текстовосприятия приобретает в настоящее время не меньшее значение, чем проблема текстопорождения, что находит отражение в междисциплинарных исследованиях, выполненных психологами, лингвистами, переводоведами, представителями эконанук (экологи, эколингвисты, специалисты в области экологии языка, лингвоэкологии и др.). В фокусе нашего исследования — процесс перевода и особенности восприятия переводного художественного дискурса с русского языка на китайский.

В настоящее время существует множество различных подходов, моделей, парадигм изучения переводческой деятельности на различных этапах. Мы выбрали экотранслатологический подход, активно разрабатываемый в Китае и получивший импульс для развития в России. Мы намерены интегрировать российско-китайские исследования в данной сфере и разработать модель экологичного восприятия перевода. Решение данной исследовательской задачи потребовало введения термина экологичность и выявления уровней экологичности в соответствии с оценкой «восприимчивости» и понятности переведённого текста.

Методологическим основанием проводимого исследования выступают работы современных российских и китайских учёных, интеграция результатов которых позволила нам приблизиться к пониманию особенностей восприятия переводного художественного прозаического текста и выстроить модель экологичной рецепции перевода [5].

Мы опираемся на исследования Ху Гэншэня, труды которого получили мировую известность в начале 2000-х гг., и который положил начало новому направлению переводческих исследова-

ний, создал научную школу, разработал принципы экотранслатологии. В связи с тем, что труды Ху Гэншэня не переведены на русский язык, автор данной статьи, владеющий китайским языком, самостоятельно перевела его работы. Экотранслатологическая концепция современного китайского учёного Ху Гэншэня основана на древней китайской философии, согласно которой между человеком и окружающим миром существует гармония. Современные воззрения учёного в области теории перевода опираются на идею о существовании единой экосистемы, в которую входят тексты оригинала и перевода, и задача переводчика состоит в установлении экологического равновесия, экологического баланса, создании благоприятной экосреды, в которую входят и субъекты, и тексты, и социум [17; 18]. Следующим теоретическим источником нашего исследования является концепция синергетического переводческого пространства Л. В. Кушниковой, а также разработанная на её основе, совместно с Е. М. Пылаевой, концепция экологии перевода [3]. В диссертационном исследовании Е. М. Пылаевой введены понятия, которые формируют метаязык экологии перевода: экоконтцепт, экосмысл, природно-биологическое поле (мы переименовали его в экополе) [8].

Третьим теоретическим источником нашей модели являются идеи интегральной лингвистики, сформулированные Т. Н. Хомутовой, которая представила базовую четырёхкомпонентную модель научного дискурса [16].

Вслед за Л. В. Кушниковой, мы представляем перевод как систему транспонирования гетерогенных смыслов из одной лингвокультуры в другую. Системный характер перевода представлен Л. В. Кушниковой в виде эпистемы перевода [7].

Подчеркнём, что данное понятие было сформулировано с опорой на понятие эпистемической ситуации, предложенное М. П. Котюровой и обозначает «...совокупность взаимосвязанных признаков познавательной деятельности и единство составляющих её онтологического, методологического, аксиологического, рефлексивного коммуникативно-прагматического компонентов, оказывающих системное влияние на формирование научного текста и определяющее его стилевую специфику» [6. С. 58]. Для нас важно, что ключевыми в эпистеме перевода являются такие понятия как онтология, которая соотносится с предметным содержанием знания, методология, соотносимая со способами получения знания, аксиология, которая соотносится с оценочной природой познания. Согласно концепции переводческого пространства, составляющими компонентами являются когниция, синергия, гармония.

Раскрывая сущность когниции как онтологического компонента, эпистемы перевода, приведём следующее высказывание: «...переводчик занимает в современном обществе активную личностную позицию, поэтому не только текст и его автор воздействуют на переводчика, но он сам оказывает воздействие на текст, дискурс, другие личности, в том числе на себя. Создание гармоничного текста перевода есть необходимый этап формирования гармоничной личности переводчика, результат деятельности которого проникает в другую культуру, обогащая её [15. С. 37].

Таковы теоретические предпосылки нашего исследования.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужили произведения для детей русского писателя XX в. В. В. Бианки в переводе на китайский язык. Выбор материала обусловлен, с одной стороны, глубоким проникновением писателя в описание живописной российской природы и её лесных обитателей — птиц, зверей, рыб — которые живут в гармонии с природой; с другой стороны, возможностью для китайских читателей с детства знакомиться с этими текстами в переводе. Произведения В. В. Бианки включены в КНР программу для начальной школы. Существует множество повторных переводов; тексты для чтения сопровождаются многочисленными иллюстрациями, что в совокупности способствует формированию экологического мышления подрастающего поколения [19].

Изучение процесса иноязычной рецепции текста перевода мы проводим в рамках обозначенных выше парадигм, связанных, прежде всего,

с эпистемой перевода. Применительно к разрабатываемой нами модели, уточним компоненты эпистемы перевода.

1. Онтологическая составляющая представлена в нашей модели совокупностью факторов, детерминирующих процесс перевода: язык, культура, экосреда, когнитивно-психологические качества субъектов (переводчика и реципиента).

2. Методологическая составляющая основана на идее синергии и достижении синергетического эффекта при порождении и транспонировании гетерогенных смыслов в переводческом пространстве.

3. Аксиологическая составляющая базируется на двух равнозначных категориях: гармоничности текстопорождения и экологичности текстовосприятия. Иными словами, мы считаем, что необходима дифференциация критериев качественного перевода со стороны двух субъектов переводческой коммуникации: переводчика и реципиента. Если гармоничность характеризует качественный перевод с позиций переводчико-центризма, то экологичность характеризует качественный перевод с позиций читателе-центризма. Как показали результаты нашего исследования, качественная характеристика перевода не всегда совпадает.

Исследование и результаты

В рамках данной статьи мы представим разработанную нами модель экологичной рецепции текста перевода. Важно подчеркнуть, что подавляющее большинство переводческих моделей сконцентрировано на языковой личности переводчика, что является, несомненно, целесообразным [2; 5]. Вместе с тем, и принцип антропоцентризма, и принцип когнитивизма, определяющие современное переводоведение, предполагают, что сущность переводческой деятельности определяется взаимодействием участвующих субъектов: автора, переводчика, реципиента. С нашей точки зрения, автор — незыблем, это некая данность, на основании которой разворачивается переводческая деятельность. Следовательно, необходимо изучать переводчика и реципиента. Мы предприняли попытку изучать языковую личность реципиента, что легло в основу дифференциации критериев качественного перевода: гармоничности с позиций переводчика и экологичности с позиций реципиента [9; 10]. Именно идея дифференциации критериев оценки качества перевода использована при построении нашей модели. Необходимость в дифференциации критериев связана с результатами нашего анализа. Согласно проведённому нами анализу, выяснилось,

что идеальный перевод, который мы признаём гармоничным, может оказаться не столь идеальным для реципиента. Иными словами, гармоничный перевод может быть как экологичным, так и неэкологичным.

Для понимания роли реципиента значимым в методологическом отношении считаем результаты психологического эксперимента, изложенные и обобщённые Е. В. Левченко, которая изучала процесс восприятия текста в ситуации монокультурной коммуникации. Изучая особенности взаимодействия субъекта с текстом в ходе его восприятия, исследователь приходит к следующему выводу: «...не тексты присутствуют в мире субъекта, а субъект живет в мире текстов» [11. С. 84]. Суть рассуждений автора заключается в необходимости разведения понятий *восприятие* и *понимание* текста реципиентом. По мнению автора, специфика восприятия определяется психическими процессами в сознании субъекта, в то время как понимание связано с его оценочной деятельностью. Ученый следующим образом формулирует цель эксперимента: «...важно зафиксировать не сбережение текста, а отклик на него, след его присутствия в жизни субъекта (не обязательно когнитивный, возможно, аффективный или конативный)» [11. С. 84]. При этом восприятие понимается как продвижение с поверхности вглубь, т. е. приравнивается к восприятию имплицитного и динамичного подтекста, содержащего скрытый внутренний смысл текста

В рамках нашего исследования особую значимость приобретает идея Е. В. Левченко о когнитивно-аффективном «следе» в виде отклика реципиента на переведённый текст. В нашей работе мы опирались на метод «встречного текста», впервые описанный А. И. Новиковым [12; 13]. Мы предъявляли респондентам текст перевода, на основании которого они описывали возникающие в их сознании реакции, эксплицируя тем самым скрытый подтекст, что позволяло экспериментатору выявить особенности их восприятия. При этом у нас не было задачи разграничения восприятия и понимания. Иными словами, чем выше уровень восприятия, тем лучше понимание.

Опираясь на понятие экологичности, мы выстроили следующую градацию уровней восприятия: исчерпывающая экологичность, частичная экологичность, неэкологичность.

Переходим к описанию компонентов модели:

1. *Язык: языковые преобразования, направленные на преодоление естественной межъязыковой асимметрии.*

По мнению Н. К. Рябцевой, «асимметрия — это отсутствие единообразия в строении и функционировании» [14. С. 20]. При этом асимметричен как сам язык (асимметрический дуализм языкового знака), так асимметричны явления разной природы, а именно, естественный язык и естественный интеллект, так асимметричны разные языки и культуры. В этой асимметрии заключена их сущность и цельность, а также их взаимосвязь и взаимодетерминированность. Переводчик осуществляет межъязыковые преобразования с целью преодоления языковой асимметрии.

2. *Культура: приращение культурно маркированных значений, приемлемых целевой культурой, обусловленных необходимостью преодоления межкультурной асимметрии.*

Согласно концепции переводческого пространства, в фатическом поле как поле культуры, происходит взаимодействие культур, представленных в интертекстах. Это означает, что переводчик изучает интертекстуальные взаимодействия, что обуславливает межкультурное преобразование текста, т. е. синергетическое приращение культурно-значимых смыслов.

3. *Экосреда (социум): установление экологического равновесия между субъектом (реципиентом) и текстом перевода.*

Мы исходим из идеи Ху Гэншэня о том, что тексты оригинала и перевода образуют в совокупности единую экосистему. При этом экосреда включает окружающий мир родной культуры, его социум, а также окружающий мир и социум целевой культуры. Если переводчик стремится установить экологическое равновесие, то реципиент также нацелен на то, чтобы понять и почувствовать существующее экологическое равновесие и баланс, которое станет источником понимания смыслов переводного текста/дискурса.

4. *Когнитивно-аффективные и психологические качества переводчика.*

Мы считаем, что характер переводческой деятельности языковой личности переводчика определяется его когнитивно-аффективными и психологическими способностями, такими как: восприятие, понимание, речемыслительная деятельность, интеллект, воля, эмоции, воображение, память, креативность, эмпатия, интуиция, эрудиция и др.

5. *Когнитивно-аффективные и психологические качества реципиента.*

Важно, что финальный результат перевода зависит от характера читательской рецепции, определяемого когнитивно-аффективными и психологическими качествами языковой личности реципиента.

Таким образом, выстраивается пятикомпонентная модель перевода.

В качестве «пускового механизма» данной модели выступает синергия смыслов, т. е. *синергетический эффект*, который обуславливает порождение *гармоничного* текста перевода, приобретающего свойство *экологичности* при его восприятии реципиентами принимающей целевой культуры, что даёт нам основание определить нашу модель как синергетическую.

Ниже дано схематическое изображение синергетической модели экологичной рецепции перевода (рис. 1).

Для апробации разработанной нами синергетической модели экологичной рецепции перевода был выбран текст В. Бианки «Купание медвежат» и его перевод на китайский язык «小熊洗澡» (переводчик Ван Вэнь). В китайской редакции данный текст является креолизированным, т. к. в нём взаимодействуют вербальные и визуальные элементы, что создаёт синергетическое единство, облегчая восприятие и интерпретацию смысла (рис. 2).

Проанализируем на данном примере пять ключевых факторов модели — язык, культура, экосреда, когнитивно-аффективные качества переводчика и когнитивно-аффективные качества реципиента, синергетическое взаимодействие которых обуславливает и гармоничность, и экологичность перевода.

1) Язык

Переводчик успешно преодолел межъязыковую асимметрию, сохранив эмоциональную окраску и последовательность действий. Например, сцена купания медвежат.

Оригинал: *Пестун схватил одного медвежонка зубами за шиворот и давай окутать его в речку.*

Перевод: 熊小伙子咬住一只小熊颈后的皮, 把它叼了起来, 往河水里浸. (букв. *Мальчик-медведь укусил шкуру маленького медвежонка за загривок, поднял его и окунул в реку*).

Передача действия и деталей позволяет китайским читателям воспринимать сцену динамично и живо.

2) Культура

Синергия культурологических смыслов достигнута за счёт приращения культурно маркированных значений, универсальных для обеих культур. Идея материнской строгости, выраженная в наказании старшего медвежонка, создаёт параллели с человеческими семейными отношениями.

Оригинал: *Медведица таких плюх надавала, что он, бедный, взвыл.*

Перевод: 狠狠地打了熊小伙子几个耳光, 打得它干嚎起来. (букв. *Она несколько раз сильно ударила/дала затрецину/оплеуху медвежонка(-у), заставив его взвыть*).

Читатели видят в этом элемент воспитания, понятный как в русской, так и в китайской культуре.

3) Экосреда (социум)

Экосреда текста перевода раскрывается через сцены, которые передают эмоциональную глубину и культурную универсальность отношений между матерью и детенышами. В креолизованном тексте ключевой момент, где медведица бросается спасать упавшего в воду медвежонка, ярко иллюстрирует её материнскую заботу и строгость.

Оригинал: *Тут в один миг подскочила медведица, вытащила сынишку на берег, а пестуну таких плюх надавала, что он, бедный, взвыл.*

Перевод: 熊妈妈立刻跳下水去, 把小熊拖上岸, 然后狠狠地打了熊小伙子几个耳光, 打得它干嚎起来. (букв. *Медведица тут же прыгнула в воду, вытащила медвежонка на берег, а затем несколько раз сильно дала затрецину, заставив завывать*).

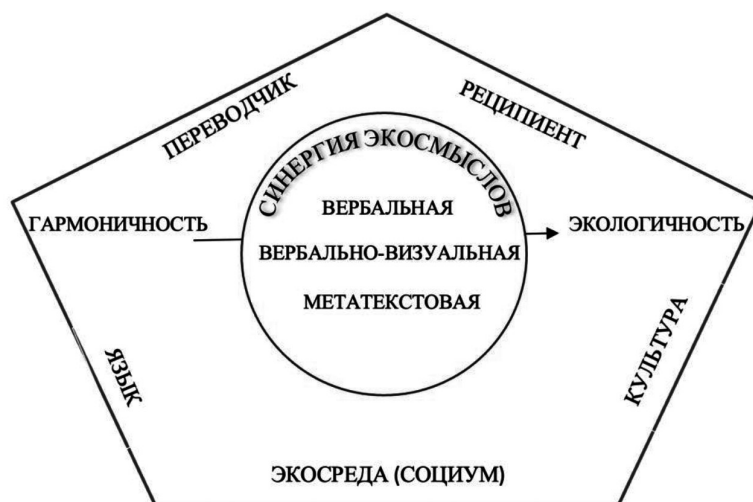

Рис. 1. Синергетическая модель экологичной рецепции перевода художественного текста

На рис. 2 медведица держит медвежонка за загривок, что усиливает эмоциональное восприятие сцены китайскими читателями. Визуальный элемент помогает передать динамику действия и культурно значимую идею материнской защиты и воспитания. Синергия текста и изображения в переводе создаёт экологическое равновесие, делая текст понятным и эмоционально значимым для целевой аудитории. Таким образом, экосреда оригинала и перевода образует единое пространство, в котором сохраняется баланс между культурами.

4) Когнитивно-аффективные качества переводчика

Переводчик продемонстрировал высокий уровень креативности и эмпатии, что позволило сохранить эмоциональную насыщенность текста и адаптировать его для целевой аудитории. Например, в динамичном описании поведения медвежат.

Оригинал: *Медвежонок визжал и барахтался.*

Перевод: 小熊尖声怪叫起来, 四脚乱蹬. (букв. *Маленький медведь пронзительно и странно закричал и яростно дрыгал всеми ногами*).

Переводчик использует выразительные языковые средства, такие как *尖声怪叫起来* («пронзительно и странно закричал») и *四脚乱蹬* («хаотично дрыгал всеми четырьмя лапами»), чтобы передать не только внешние действия, но и эмоциональное состояние медвежонка. Передача деталей позволяет читателю не только видеть, но и эмоционально переживать сцену.

5) Когнитивно-аффективные качества реципиента

Реакции китайских читателей на перевод подтвердили его понятность и эмоциональную значимость. «Встречные тексты» китайских читателей демонстрируют осмысление ключевых идей: «熊妈妈救完小熊后还教训了熊小伙子, 这让我想到, 动物之间也有“教育”的行为, 这和人类的家庭生活很像». (букв. *Медведица спасла медвежонка, а потом наказала старшего брата, что заставило меня задуматься: у животных тоже есть „воспитание“, подобное человеческому*).

Апробация разработанной модели на данном примере демонстрирует возможность актуализации экологической рецепции, которая является результатом синергии и гармонизации экосмыслов в переводческом пространстве, обеспечивающих достижение баланса между исходной и целевой культурами с учетом когнитивных особенностей реципиента.

Гармоничность выступает предпосылкой экологичности, но их соотношение динамично и вариативно. Как показал представленный выше

Рис. 2. Фрагмент текста перевода (креолизованный текст)

эколого-синергетический анализ китайской рецепции переводных художественных текстов, возможны различные варианты их соотношения.

Заключение

Таким образом, изучение особенностей восприятия на примере языковой пары: русский-китайский при переводе художественного прозаического текста, показало, что для оценки качества перевода необходимо учитывать не только активную созидательную роль языковой личности переводчика, но и мыслительную активность языковой личности реципиента, что позволяет дифференцировать критерии оценки. Опираясь на гармоничность как критерий оценки качества перевода с позиций переводчика в рамках концепции переводческого пространства, мы вводим экологичность как критерий оценки качества перевода с позиций реципиента, так как перевод выполняется ради читателя. В работе представлена синергетическая модель экологичного восприятия, которая апробирована на примере текста В. В. Бианки. В целом в исследовании проанализировано 232 текста на двух языках: русском и китайском. В ходе исследования подтвердилась гипотеза о том, что гармоничность является предпосылкой экологичности.

Список источников

1. Бианки В. В. Собр. соч. : в 4 т. Т. 3 : Лесная газета. Клуб колумбов. Л. : Дет. лит., 1974. 461 с.
2. Гарбовский Н. К., Костикова О. И. Перевод и общество // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2018. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perevod-i-obschestvo> (дата обращения: 15.06.2025).
3. Введение в синергетику перевода: колл. монография под ред. Л. В. Кушнина. Пермь : Изд-во Перм. нац. исслед. политех. ун-та, 2014. 278 с.
4. Дискурсивные основания речеведения: научный текст — новое знание — перевод: колл. монография // М. П. Котюрова, Е. А. Баженова, Л. В. Кушнина, Н. В. Соловьева, Л. С. Тихомирова под ред. М. П. Котюровой. Пермь : Перм. гос. нац. исслед. ун-т., 2023. 300 с.
5. Княжева Е. А. Оценка качества перевода: история, теория, практика: монография. М. : Флинта, 2023. 248 с.
6. Котюрова М. П., Баженова Е. А. Культура научной речи. Текст и его редактирование. М. : Флинта, Наука, 2008. 280 с.
7. Кушнина Л. В. Эпистема перевода в дискурсивном измерении // Язык, коммуникация и социальная среда. 2023. № 21. С. 106–121.
8. Кушнина Л. В., Плюснина Е. М. Экология перевода: предпосылки зарождения и пути развития. Пермь : Изд-во Перм. гос. ун-та, 2016. 156 с.
9. Кушнина Л. В., Фоменко Е. А. Аксиологические факторы перевода: гармоничность vs экологичность // Вестник ЧелГУ. 2024. № 8 (490). С. 183–191.
10. Кушнина Л. В., Фоменко Е. А. Переводчик как субъект экотранслатологии // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2024. Т. 16. Вып. 1. С. 59–68.
11. Левченко Е. В. Восприятие текста: эмпирические исследования // Стереотипность и творчество в тексте : Межвузовский сборник научных трудов / Под редакцией профессора М. П. Котюровой. Вып. 8. Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2005. С. 84–91.
12. Нестерова Н. М., Котельникова А. Н., Поздеева Е. В. «Встречный текст» как метод вербализации доминанты реципиента в процессе восприятия иностранного текста // Вопросы психолингвистики. 2017. № 34. С. 50–63.
13. Новиков А. И. Текст и «контртекст»: две стороны процесса понимания // Вопросы психолингвистики. 2003. № 1. С. 64–76.
14. Рябцева Н. К. Язык и естественный интеллект. М. : Academia, 2005. 640 с.
15. Теория перевода в классической и современной исследовательской парадигме: онтология, методология, аксиология : колл. монография под ред. Л. В. Кушнина. М. : Флинта, 2020. 336 с.
16. Хомутова Т. Н. Интегральная лингвистика. Издательский центр ЮУрГУ, 2023. 267 с.
17. Hu Gengshen. Eco-Translatology, Towards an Eco-paradigm of Translation Studies. Singapore: Springer, 2020. 312 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-981-15-2260-4>.
18. 胡庚申.生态翻译学:建构与诠释 [M]. 商务印书馆, 2013. 页数:512.
19. 森林报.夏. 神出鬼没的夜行大盗/ (苏) 比安基著 ; 王汶译.南昌 : 二十一世纪出版社, 2010. 页数:192.

References

1. Bianki VV. Forest newspaper. Columbus Club. Leningrad: Detskaya literatura.= Leningrad: Children's Literature. 1974. 461 p. (In Russ.).
2. Garbovskiy NK, Kostikova OI. Translation and Society. *Vestnik Moskovskogo universiteta = Bulletin of Moscow University. Series 22. Teoriya perevoda*. 2018;(1). Available from:// <https://cyberleninka.ru/article/n/perevod-i-obschestvo> (data of access: 15.06.2025). (In Russ.).
3. Vvedenie v sinergetiku perevoda: koll. monografiya pod red. LV Kushninoy = Introduction to the synergetics of translation: a collective monograph edited by LV Kushnina. Perm: Publishing house of Perm National Research Polytechnic University, 2014. 278 p. (In Russ.).
4. Diskursivnye osnovaniya rechevedeniya: nauchnyy tekst — novoe znanie — perevod: koll. Monografiya = Discursive foundations of speech science: scientific text – new knowledge – translation MP Kotyurovoy = MP Kotyurova, EA Bazhenova, LV Kushnina, NV Solovyova, LS Tikhomirov, ed. MP Kotyurova. Perm: Publishing house of Perm National Research Polytechnic University, 2023. 300 p. (In Russ.).
5. Knyazheva EA. Otsenka kachestva perevoda: istoriya, teoriya, praktika: monografiya = Translation quality assessment: history, theory, practice: monograph. Flinta. Moscow. 2023. 248 p. (In Russ.).

6. Kotyurova MP, Bazhenova EA. Kul'tura nauchnoj rechi. Tekst i ego redaktirovanie = Culture of scientific speech. Text and its editing. Moscow. Flinta. Nauka. 2008. 280 p. (In Russ.).
7. Kushnina LV. Translation episteme in the discursive dimension. *Yazyk, kommunikaciya i social'naya sreda* = *Language, communication and social environment*. 2023;(21):106-121. (In Russ.).
8. Kushnina LV, Plyusnina EM. Ekologiya perevoda: predposylki zarozhdeniya i puti razvitiya = Ecology of translation: prerequisites for origin and paths of development. Perm: Publishing house of Perm. state University. 2016. 156 p. (In Russ.).
9. Kushnina LV, Fomenko EA. Axiology Factors: Translation Harmony Vs Ecotranslation. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;8(490):183-191. (In Russ.).
10. Kushnina LV, Fomenko EA. A Translator as a Subject of Ecotranslatology. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* = *Bulletin of Perm University. Russian and Foreign Philology*. 2024;16(1):59-68. (In Russ.).
11. Levchenko EV. Vospriyatie teksta: empiricheskie issledovaniya = Perception of text: empirical research. Stereotipnost' i tvorchestvo v tekse = Stereotyping and creativity in text: Interuniversity collection of scientific papers. Edited by Professor MP Kotyurova. Iss. 8. Perm: Perm State National Research University. 2005;(8):84-91. (In Russ.).
12. Nesterova NM, Kotel'nikova AN, Pozdeeva EV. "Counter text" as a method of verbalizing the recipient's dominant in the process of perceiving a foreign text. *Voprosy psiholingvistiki* = *Questions of psycholinguistics*. 2017;(34):50-63. (In Russ.).
13. Novikov AI. Text and "countertext": two sides of the understanding process. *Voprosy psiholingvistiki* = *Questions of psycholinguistics*. 2003;(1):64-76. (In Russ.).
14. Ryabceva NK. Yazyk i estestvennyj intellekt = Language and natural intelligence. Moscow, Academia, 2005. 640 p. (In Russ.).
15. Homutova TN. Integral'naya lingvistika = Integral linguistics. Publishing center of the South Ural State University, 2023. 267 p. (In Russ.).
16. Teoriya perevoda v klassicheskoy i sovremennoy issledovatel'skoy paradigme: ontologiya, metodologiya, aksiologiya = Translation theory in the classical and modern research paradigm: ontology, methodology, axiology: collective monograph edited by LV Kushnina. Moscow, Flinta. 2020. 336 p. (In Russ.).
17. Hu G. Eco-Translatology, Towards an Eco-paradigm of Translation Studies. Singapore: Springer, 2020. 312 p. <https://doi.org/10.1007/978-981-15-2260-4> (in Ch).
18. Hu G. Shengtai fanyi xue: Jiangou yu quanshi = Eco-translatology: Construction and Interpretation. Shangwu yin shuguan = Commercial Press, 2013. 512 p. (in Ch).
19. Senlin bao. Xia. Shenchuguimo de yexing dadao/(su) bi an jizhe; wang wen yi = Forest News. Summer. The Elusive Night Thief/(Soviet Union) Bianchi; Translated by Wang Wen. Nanchang: Ershiye shiji chubanshe = Nanchang: 21st Century Press, 2010. 192 p. (in Ch).

Информация об авторе

Фоменко Е. А. — аспирант кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода, преподаватель.

Information about the author

E. A. Fomenko — postgraduate student of the Department of Foreign Languages, Linguistics and Translation, lecturer.

Статья поступила в редакцию 23.06.2025; одобрена после рецензирования 20.08.2025; принята к публикации 17.09.2025.

The article was submitted 23.06.2025; approved after reviewing 20.08.2025; accepted for publication 17.09.2025.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.